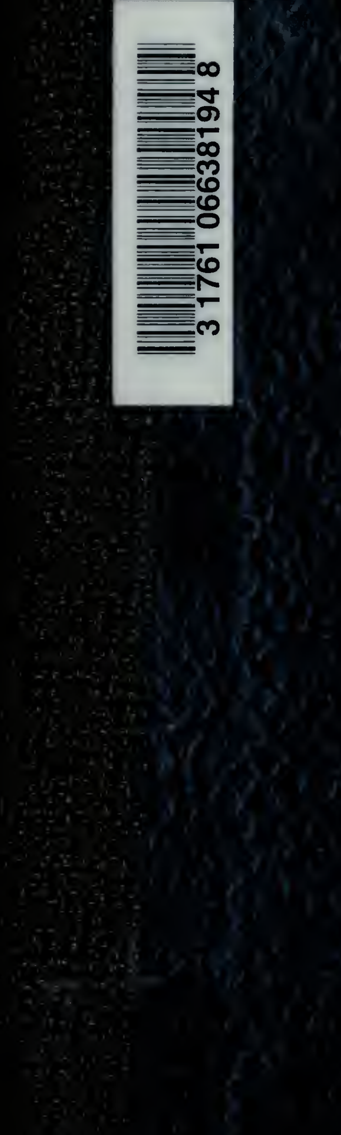

3 1761 06638194 8

Bashkirtseva, Mariia Konstantinovna

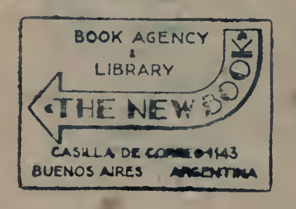
кн 2.ая

Dnevnik

М. Башкирцева

Кн. 2

BOOK AGENCY
&
LIBRARY
THE NEW BOOK
CASILLA DE CORREO 1143
BUENOS AIRES ARGENTINA

Суббота, 6 октября. Я никого не видала, потому что была въ мастерской.

— Будьте спокойны, — сказалъ мнѣ Жуліанъ, — вы не долго будете въ дорогѣ.

А когда въ пять часовъ мама пріѣхала за мной, онъ сказалъ ей приблизительно слѣдующее:

— Я думалъ, что это капризъ балованнаго ребенка, но я долженъ сознаться, что она дѣйствительно работаетъ, что у нея есть воля, и что она хорошо одарена. Если это будетъ такъ продолжаться, то черезъ три мѣсяца ея рисунки могутъ быть приняты въ салонъ.

Каждый разъ, подходя поправлять мой рисунокъ, онъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ спрашиваетъ, сама ли я его сдѣлала.

Еще бы! Я ни разу не спрашивала совѣта ни одной изъ ученицъ, за исключеніемъ одного раза въ самомъ началѣ.

Я немного усваиваю ихъ артистическія манеры...

Въ мастерской все исчезаетъ; тутъ не имѣешь ни имени, ни фамиліи; тутъ перестаешь быть дочерью своей матери, тутъ всякій самъ по себѣ, каждая личность имѣетъ передъ собой искусство и ничего болѣе. Чувствуешь себя такой довольной, такой свободной, такой гордой!

Наконецъ я такая, какою уже давно хотѣла быть. Я такъ давно хотѣла этого, что теперь даже не вѣрится.

Кстати, знаете, кого я встрѣтила на Champs Elysées?

Просто-на-просто герцога Г..., занимавшаго цѣлый фіакръ. Красивый, нѣсколько ~~полный~~ молодой человѣкъ, съ красноватыми волосами и красивыми усами, обратился въ толстаго англичанина, очень рыжаго съ рыжими бакенбардами.

Однако четыре года... мѣняютъ человѣка. Черезъ полчаса я ужъ не думала о немъ.

Sic transit gloria Ducis.

Какая я была экзальтированная!

Понедѣльникъ, 8-го октября. Новая модель головы, — это утромъ. Нѣчто въ родѣ пѣвицы изъ кафе-шантана, которая пѣла во время отдыховъ. Послѣ полудня нашей натурой была молодая дѣвушка.

Говорятъ, что ей только семнадцать лѣтъ, но увѣряю васъ, что ея талія успѣла уже сильно пострадать. Говорятъ, что эти нищія ведутъ невозможную жизнь.

Поза трудная, мнѣ приходится работать съ усиліемъ.

Люди потому стыдятся своей наготы, что не считаютъ себя совершенными. Если бы они были увѣрены, что на тѣлѣ нѣтъ ни одного пятна, ни одного дурно сложеннаго мускула, ни обезображенныхъ ногъ, то стали бы гулять безъ одежды и не стыдились бы. Только не даютъ себѣ отчета, но стыдятся именно по той причинѣ, а не отъ чего другого. Развѣ можно устоять и не показать что-нибудь дѣйствительно прекрасное и чѣмъ можно гордиться? Кто, начиная съ царя Кандавла, хранилъ про себя свое сокровище или красоту? Но насколько каждый легко удовлетворяется своимъ лицомъ, настолько всякій совѣстливъ относительно своего тѣла.

Стыдливость исчезаетъ только передъ совершенствомъ, ибо красота всемогуща. Съ той минуты, какъ могутъ сказать что-нибудь другое, чѣмъ «это прекрасно»!, значитъ это не **совершенство.** И тогда есть мѣсто осужденію и всему прочему.

Я только что сказала, что совершенная красота освобождаетъ отъ всякихъ стѣсненій и заставляетъ васъ забыть все. Музыка, позволяющая вамъ видѣть недостатки постановки, несовершенна. Геройскій поступокъ, который въ минуту его совершенія оставляетъ въ вашихъ чувствахъ мѣсто чему-нибудь кромѣ удивленія, не есть поступокъ безусловно героическій. **Нужно, чтобы то, что вы видите или слышите, было достаточно возвышено, чтобы наполнить всю вашу голову; тогда оно будетъ безконечно могущественно.**

Разъ вы видите нагую женщину и говорите, что это дурно, то эта женщина не есть воплощеніе красоты, потому что у васъ явилась другая мысль, чѣмъ та, которая перешла въ мозгъ черезъ глаза. Вы забываете, что это прекрасно, говоря, что она обнажена. Слѣдовательно, красоты ея не было достаточно, чтобы вполнѣ поглотить васъ. Поэтому-то тѣ, которыя показываются, стыдятся, а тѣ, которыя смотрятъ, шокируются.

Стыдятся, зная, что другіе находятъ это дурнымъ; но если бы не находили этого дурнымъ, то-есть, если бы это было всѣми принято, тогда и не стыдились бы.

Итакъ: абсолютныя совершенство и красота уничтожаютъ, даже предупреждаютъ осужденіе, слѣдовательно уничтожаютъ стыдливость.

Вторникъ, 9-го октября. Я рисовала свою пѣвицу на очень близкомъ разстояніи и въ раккурсѣ. На всю эту недѣ-

лю у меня самое дурное мѣсто въ мастерской, потому что я поздно пришла въ понедѣльникъ.

— Но это совсѣмъ недурно, — сказалъ Жуліанъ, — я даже удивленъ, что вы сдѣлали ее такъ. Это самая трудная поза, и какъ можете вы работать на такомъ близкомъ разстояніи? Ну, я вижу, что дѣло пойдетъ, какъ по маслу.

Вотъ мой міръ. Мои выѣзжаютъ, ѣздятъ въ театръ, я же рисую, въ ожиданіи масленицы въ Неаполѣ, если мои мысли не измѣнятся и не произойдетъ ничего новаго.

Среда, 10-го октября. Не думайте, пожалуйста, что я дѣлаю чудеса потому, что Жуліанъ удивляется. Онъ удивляется потому, что приготовлялся къ фантазіямъ богатой дѣвушки и при томъ начинающей. Мнѣ недостаетъ опытности, но то, что я дѣлаю, вѣрно, и я схватываю сходство. Что же касается исполненія, оно таково, каково можетъ быть послѣ восьмидневной работы.

Всѣ мои сотоварищи рисуютъ лучше меня, но ни одна не рисуетъ такъ вѣрно и такъ похоже. Что заставляетъ меня думать, что я буду рисовать лучше ихъ, это то, что, чувствуя ихъ достоинства, я не удовольствуюсь, если достигну того же, между тѣмъ какъ большинство начинающихъ всегда говоритъ: если бы только я могла рисовать, какъ та или другая!

У нихъ есть практика, знаніе, опытность, но эти сорокалѣтнія дѣвушки не сдѣлаютъ ничего лучше, чѣмъ дѣлаютъ теперь. Тѣ, которыя молоды, рисуютъ хорошо, у нихъ есть время, но нѣтъ будущаго.

Быть можетъ, я ничего не достигну, но это будетъ только изъ-за нетерпѣнія. Я готова убить себя за то, что не начала четыре года тому назадъ, и мнѣ кажется, что теперь слишкомъ поздно.

Посмотримъ.

Четвергъ, 11-го октября. Лино говоритъ, что сожалѣнія о прошломъ безплодны; я же каждую минуту говорю себѣ: какъ бы все было хорошо, если бы я училась уже три года! Теперь я уже была бы великой артисткой и могла бы и т. д. и т. д.

Жуліанъ сказалъ служанкѣ при мастерской, что я и Шепи подаемъ наибольшія надежды. Вы не знаете кто такая Шепи? Шепи это швейцарка. Какое произношеніе! Словомъ, Жуліанъ сказалъ, что я могу сдѣлаться великой артисткой.

Я узнала это черезъ Розалію. Такъ холодно, что у меня насморкъ, но я прощаю все ради того, что рисую.

А ради чего я рисую? Ради всего того, что я оплакиваю съ сотворенія міра! Ради всего того, чего мнѣ недоставало и недостаетъ! Чтобы добиться, благодаря моему таланту, благодаря... всему, чему угодно, но добиться! Если бы у меня было все это, быть можетъ, я не сдѣлала бы ничего.

Пятница, 12-го октября. Знаете что, — сказала я Жуліану, — я совсѣмъ потеряла бодрость. Еще вчера одна дама сказала мнѣ, что я не должна работать, не имѣя никакого таланта.

— Она это сказала, эта дама?

— Ну да, и очень серьезно.

— Отлично, вы можете сказать ей, что черезъ три мѣсяца, — три мѣсяца не слишкомъ много, — черезъ три мѣсяца вы сдѣлаете ея портретъ en face, en trois quarts или въ профиль, однимъ словомъ, какъ ей будетъ угодно, и не дурной портретъ, понимаете? похожій и недурно написанный. Ну, вотъ она увидитъ. Черезъ три мѣсяца, — и если я говорю это здѣсь и такъ, что всѣ здѣсь присутствующіе могутъ меня слышать, это значитъ, что я говорю не нѣчто необыкновенное, но нѣчто вѣрное.

Это собственныя его слова, сказанныя съ южнымъ акцентомъ, который даже двадцать лѣтъ жизни въ Парижѣ не могли совершенно изгладить, — и тѣмъ лучше. Я очень люблю южный акцентъ.

Суббота, 13-го октября. По субботамъ въ мастерскую пріѣзжаетъ художникъ Тони Роберъ-Флери, написавшій картину **Послѣдній день Коринѳа**, которая куплена государствомъ и помѣщена въ Люксембургѣ. Кромѣ того первые художники Парижа время отъ времени пріѣзжаютъ давать **намъ** совѣты.

Я начала въ прошлую среду, а въ субботу на той недѣлѣ онъ не былъ, такъ что для меня это было въ первый разъ. Когда онъ подошелъ къ моему мольберту и хотѣлъ высказать свои замѣчанія, я прервала его:

— Извините, но я начала только десять дней тому назадъ...

— Гдѣ вы рисовали прежде? — спросилъ онъ, смотря на мой рисунокъ.

— Да нигдѣ.

— Какъ нигдѣ?

— Такъ, я взяла тридцать два урока рисованія, для развлеченія...

— Это не значитъ учиться.

— Я знаю, а потому...

— Вы никогда не рисовали съ натуры, прежде чѣмъ попали сюда?

— Никогда.

— Это невозможно.

— Но увѣряю васъ.

— Вамъ никогда не давали совѣтовъ?

— Да... Четыре года тому назадъ я брала уроки, какъ маленькая дѣвочка: меня заставляли срисовывать гравюры.

— Это ничего не значитъ, я не объ этомъ говорю.

И, такъ какъ онъ все еще, казалось, не вѣрилъ, я должна была прибавить:

— Я могу дать вамъ въ этомъ честное слово, если хотите.

— Въ такомъ случаѣ это значитъ, что у васъ необыкновенныя способности, что вы особенно даровиты, и я совѣтую вамъ работать.

— Я только это и дѣлаю уже десять дней... Хотите посмотрѣть, что я рисовала до этой головы?

— Да, я кончу съ этими барышнями, и вернусь.

— Ну, — сказалъ онъ, — осмотрѣвъ три или четыре мольберта, покажите вашу работу.

— Вотъ, — отвѣчала я, начиная съ головы архангела, и, такъ какъ я хотѣла показать ему только два рисунка, онъ мнѣ сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, покажите мнѣ все, что вы сдѣлали.

Такимъ образомъ я показала ему обнаженную фигуру, неоконченную, такъ какъ я начала только въ прошлый четвергъ; затѣмъ голову пѣвицы, въ которой онъ нашелъ много характерности; ногу, руку и фигуру Августины.

— Вы рисовали эту фигуру самостоятельно?

— Да, и я никогда не видала такихъ фигуръ, а не только что не знала, какъ ихъ дѣлаютъ.

Онъ улыбался и ничему не вѣрилъ, такъ что я снова должна была дать честное слово, и онъ опять сказалъ:

— Удивительно, и это способности необычайныя. Эта фигура очень недурна, очень, а вотъ эта часть даже хороша. Работайте... и т. д. и т. д.

Слѣдуютъ совѣты. Остальныя все это слышали, и я

возбудила къ себѣ зависть, такъ какъ ни одна изъ нихъ не слышала ничего подобнаго; а онѣ учатся годъ, два, три, дѣлаютъ академіи съ прекрасныхъ моделей, рисуютъ въ Луврѣ! Конечно съ нихъ спрашиваютъ больше, чѣмъ съ меня, но имъ можно бы было сказать что-нибудь равнозначущее, хотя и въ другомъ родѣ.

Значитъ правда, и я не... я не хочу говорить, потому что этимъ я только принесу себѣ несчастіе... но я полагаюсь на Бога. Я такъ боюсь!..

За это мнѣ пришлось послѣ полудня выслушать грубость въ третьемъ лицѣ. Испанка — до сихъ поръ добрая, крайне услужливая дѣвушка, со страстью къ рисованію, но безъ вѣрнаго глаза — такъ вотъ эта испанка, говоря о какой-то голландкѣ, сказала, что, поступая въ мастерскую, всегда всѣ поражаютъ своими быстрыми успѣхами, но что эти пустяки кажутся значительными для тѣхъ, кто ничего не знаетъ, что они даются безъ труда, но что чѣмъ больше учатся, тѣмъ больше видятъ, какъ много надо еще учиться.

Но со всѣмъ тѣмъ вѣдь есть двѣ или три начинающія! Развѣ онѣ дѣлаютъ такіе же быстрые успѣхи?

Суббота, 13 октября. Изложимъ вкратцѣ и запомнимъ повѣствованіе о нашихъ успѣхахъ.

— Ну что же? — воскликнулъ Жуліанъ, скрещивая передо мною руки.

Я даже испугалась, и, краснѣя, спросила, что съ нимъ.

— Но вѣдь это чудесно: вы и въ субботу работаете до вечера, когда всѣ даютъ себѣ небольшой отдыхъ!

— Ну такъ что же! мнѣ больше нечего дѣлать, а вѣдь надо же чѣмъ-нибудь заняться.

— Это прекрасно. Знаете, что Робертъ-Флери совсѣмъ не недоволенъ вами?

— Да, онъ мнѣ сказалъ это.

— Онъ бѣдный все еще немного боленъ.

И нашъ учитель, помѣстившись среди насъ, началъ болтать... что онъ дѣлаетъ рѣдко, и что очень цѣнится.

Роберъ-Флери, послѣ того, какъ посѣтилъ насъ, разговаривалъ съ Жуліаномъ. Понятно, что мнѣ хотѣлось узнать еще что-нибудь, такъ какъ я ожидала услышать только лестныя для себя вещи.

Поэтому я пошла за нимъ и нашла его въ дополнительномъ классѣ, гдѣ онъ поправлялъ рисунокъ одной прелестной блондинки.

— Monsieur Жуліанъ... скажите мнѣ, что сказалъ вамъ обо мнѣ Роберъ-Флери... я знаю, я знаю, что я еще плохо работаю, но онъ, онъ могъ судить... немного, по началу и, если...

— Если бы вы узнали, что онъ говорилъ о васъ, то немного покраснѣли бы...

— Ну ничего, я постараюсь выслушать и не слишкомъ...

— Онъ сказалъ мнѣ, что это сдѣлано съ большимъ пониманіемъ и что...

— Онъ не хотѣлъ вѣрить, что я никогда не рисовала.

— Боже мой! конечно нѣтъ. Разговаривая со мной, онъ все еще не вѣрилъ этому, такъ что я долженъ былъ разсказать ему, какъ вы нарисовали голову архангела, которую я заставилъ васъ начать сызнова... Вы помните, какъ все было.. однимъ словомъ, какъ у человѣка ничего незнающаго.

— Да.

Мы оба засмѣялись. О! это все такъ весело!

Теперь, когда кончились всѣ эти сюпризы, удивленія, ободренія, недовѣрія, всѣ эти восхитительныя для меня вещи, теперь начнется работа. У насъ обѣдала m-me Д. Я была спокойна, сдержанна, молчалива, едва любезна. Я ни о чемъ больше не думала, исключая, рисованія.

Я писала все это и останавливалась, думая о предстоящей работѣ, о времени, о терпѣніи, о трудностяхъ...

Сдѣлаться художникомъ не такъ легко, какъ сказать это; кромѣ таланта и генія существуетъ еще эта неумолимая механическая работа... И какой-то голосъ говоритъ мнѣ: ты не почувствуешь ни времени, ни трудностей и ты навѣрно достигнешь!

И знайте, я вѣрю этому голосу! Онъ меня никогда не обманывалъ, и онъ не разъ предсказывалъ мнѣ несчастія, такъ что и на этотъ разъ не лжетъ. Я вѣрю и чувствую, что имѣю право вѣрить.

Понедѣльникъ, 15 октября. Сегодня начались вечернія занятія отъ восьми до десяти часовъ.

Жуліанъ былъ изумленъ при видѣ меня. Вечеромъ онъ работалъ съ нами, и мнѣ было очень весело.

Однако сколько же насъ было сегодня? Я, полька, Фаргаммеръ, одна француженка, Амалія (испанка), одна американка и учитель.

Дина тоже присутствовала. Это такъ интересно. Свѣтъ такъ хорошо падаетъ на модель, тѣни такъ просты!

Вторникъ, 16 октября. Послѣ полудня былъ Роберъ-Флери и отнесся ко мнѣ съ особеннымъ вниманіемъ.

Я, по обыкновенію, весь день провела въ мастерской, отъ девяти часовъ до половины перваго. Я еще не могу достигнуть того, чтобы приходить ровно въ восемь.

Въ полдень я уѣзжаю, завтракаю и возвращаюсь къ двадцати минутамъ второго и остаюсь до пяти, а вечеромъ отъ восьми до девяти. Такимъ образомъ у меня уходитъ на это девять часовъ въ сутки.

Это меня нисколько не утомляетъ; если бы физически было возможно работать больше, я стала бы работать больше. Есть люди, которые называютъ это работой. Увѣряю васъ, что для меня это игра, а говорю это безъ всякаго фанфаронства.

Девять часовъ это такъ мало, а я не могу работать даже столько каждый день, потому что отъ Champs Elysées до улицы Вивьенъ очень далеко, потому что часто никто не хочетъ ѣхать со мной вечеромъ, потому что изъ-за этого я возвращаюсь въ половинѣ одиннадцатаго, пока я засну — уже полночь и на другой день я теряю часъ. Впрочемъ, если ѣздить правильно отъ восьми до двѣнадцати, и отъ часа до пяти, то у меня будетъ восемь часовъ.

Зимою въ четыре часа будетъ уже темно; ну что же, тогда я непремѣннно буду пріѣзжать по вечерамъ.

У насъ всегда по утрамъ бываетъ карета, а на остальной день ландо.

Видите ли, дѣло въ томъ, что въ одинъ годъ надо сдѣлать работу трехъ лѣтъ. И такъ какъ я подвигаюсь очень быстро, эти три года, заключенные въ одинъ, составятъ собою по меньшей мѣрѣ шесть лѣтъ для обыкновенныхъ способностей.

Я разсуждаю, какъ дураки, которые говорятъ: что другая сдѣлала бы въ два года, то я сдѣлаю въ шесть мѣсяцевъ. Нѣтъ ничего болѣе несправедливаго.

Дѣло не въ скорости. Тогда только пришлось бы употребить побольше времени. Конечно, терпѣніемъ можно добиться извѣстныхъ результатовъ. Но того, что я смогу сдѣлать черезъ два года, датчанка никогда не сдѣлаетъ. Когда я начинаю исправлять людскія заблужденія, я путаюсь и раздражаюсь, потому что никогда не успѣваю кончить начатую фразу.

Словомъ, если бы я начала три года тому назадъ, то теперь могла бы удовольствоваться шестью часами въ день; но теперь мнѣ надо девять, десять, двѣнадцать, ну однимъ словомъ, сколько только возможно. Разумѣется, даже начавъ три года тому назадъ, надо было бы работать насколько возможно больше, но въ концѣ концовъ, что прошло... довольно!..

Гордиджани говорилъ мнѣ, что онъ работалъ по двѣнадцати часовъ въ сутки.

Возьмемъ отъ двадцати четырехъ часовъ семь часовъ на сонъ, два часа на то, чтобы раздѣться, помолиться, нѣсколько разъ вымыть руки, одѣться, причесаться, однимъ словомъ все это; два часа на то, чтобы ѣсть и отдыхать немного—это составитъ одиннадцать часовъ.

Итакъ, значитъ это правда, ибо остается тринадцать часовъ.

Да, но у меня проѣзды отнимаютъ часъ съ четвртью.

Ну да, я теряю около трехъ часовъ. Когда я буду работать дома, я уже не буду ихъ терять. При томъ... при томъ, если видѣться съ людьми, бывать на прогулкахъ, въ театрѣ...

Мы постараемся избѣжать всего этого, такъ какъ въ той степени, въ какой я могу всѣмъ этимъ пользоваться, это только скучно.

Четвергъ, 18 октября. Моя академія показалась Жуліану такъ хороша, что онъ сказалъ, что это совершенно **необычайно и чудесно** для начинающей. Но право же, развѣ это не удивительно: есть и планъ, и торсъ не дуренъ, и дѣйствительно все очень пропорціонально — для начинающей...

Пока я краснѣла, всѣ ученицы встали и подошли посмотрѣть мой рисунокъ.

Боже, какъ я довольна!

Вечерняя академія была такъ плоха, что Жуліанъ посовѣтовалъ мнѣ ее передѣлать. Желая сдѣлать особенно хорошо, я ее испортила.

Третьяго дня она была недурна.

Суббота, 20 октября. Бреслау получила много похвалъ Робера-Флери, я же нѣтъ. Академія довольно хороша, но за исключеніемъ головы. Я съ ужасомъ спрашиваю себя, когда же я буду хорошо рисовать?

Равно пятнадцать дней, что я работаю, понятно кромѣ двухъ воскресеній. Пятнадцать дней!

Бреслау работаетъ уже два года въ мастерской, и ей

двадцать лѣтъ, а мнѣ семнадцать; но Бреслау много рисовала еще до поступленія.

А я! несчастная!

Я рисую только пятнадцать дней... Какъ хорошо рисуетъ эта Бреслау!

Понедѣльникъ, 22 октября. Модель была уродлива, и вся мастерская отказалась рисовать ее. Я предложила отправиться посмотрѣть картины на римскую премію, выставленныя въ Beaux-Arts.

Половина пошла пѣшкомъ, а мы, — Бреслау, m-me Симонидъ, Зильтардъ и я — въ каретѣ.

Выставка кончилась вчера. Погуляли пѣшкомъ по набережной, посмотрѣли старыя книги и гравюры, болтали объ искусствѣ. Потомъ въ **открытомъ экипажѣ** отправились въ Булонскій лѣсъ. Представляете вы себѣ меня? Я не хотѣла противорѣчить, такъ какъ это значило бы испортить имъ удовольствіе. Онѣ были такія миленькія, такія приличныя, и мы только что начали переставать стѣсняться другъ друга.

Однимъ словомъ, все было бы не слишкомъ дурно, если бы мы не встрѣтали ландо съ моей семьей, которая принялась слѣдить за нами.

Я дѣлала знаки кучеру не опережать насъ, меня видѣли, я это знала, но и не думала говорить съ ними при моихъ художницахъ. На мнѣ была моя шапочка, и у меня былъ безпорядочный и сконфуженный видъ.

Понятно, что моя семья была страшно разсержена и особенно раздосадована. Я была внѣ себя. Словомъ... тоска.

Суббота, 27 октября. Я получила много комплиментовъ, какъ говорятъ у насъ въ мастерской. Роберъ-Флери выразилъ пріятное удивленіе и сказалъ мнѣ, что я дѣлаю поразительные успѣхи и что по всей вѣроятности у меня необыкновенныя способности. «Этотъ рисунокъ очень хорошъ, очень хорошъ для васъ. Я совѣтую вамъ работать и увѣряю васъ, что, если вы будете работать, то достигнете чего-нибудь совсѣмъ недурного».

Совсѣмъ недурно — обычное его выраженіе.

Кажется онъ сказалъ: очень многія, уже много рисовавшія, не сдѣлаютъ такъ, но я не настолько увѣрена въ этомъ, чтобы записать такую лестную фразу, какъ фактъ.

Я потеряла Пинчіо и бѣдное животное, не зная, что дѣлать, вернулось въ мастерскую, куда оно обыкновенно меня

сопровождаетъ. Пинчіо маленькая римская собачка, бѣлая какъ снѣгъ, съ прямыми ушами и съ черными, какъ чернила, глазами и носикомъ.

Я ненавижу кудрявыхъ бѣлыхъ собаченокъ.

Пинчіо совсѣмъ не кудрявый и у него иногда бываютъ такія удивительно красивыя позы, какъ у козочки на скалѣ, я еще никого не встрѣчала, кто бы не любовался ею.

Онъ почти такъ же уменъ, какъ Розалія глупа. Розалія была на свадьбѣ своей сестры, она отправилась туда утромъ, проводивъ меня.

— Какъ, Розалія, — сказала ей мама,—вы оставили барышню одну въ мастерской?

— О! нѣтъ, барышня осталась съ Пинчіо.

И увѣряю васъ, что она сказала это серіозно.

Но, такъ какъ я немного сумасшедшая, я или позабыла или потеряла гдѣ-нибудь моего сторожа.

Воскресенье, 28 октября. Шепи начала мой портретъ. Я даже не думала, что существуютъ подобныя созданья. Ей никогда не придетъ въ голову, что особа, ей симпатичная, пудрится или носитъ фальшивые волосы.

Человѣкъ, который не всегда говоритъ голую правду, лицемѣръ, лжецъ, отвратителенъ. Она такихъ презираетъ.

Вчера она и Бреслау, желая меня успокоить (я завтракала), хотѣли тотчасъ же отнести мнѣ Пинчіо, но испанка и другія принялись кричать, что онѣ прислуживаются мнѣ, потому что я богата. Я много спрашивала ее о томъ, какъ относятся ко мнѣ въ мастерской.

— Васъ очень бы любили, если бы вы были менѣе талантливы, и потомъ, когда васъ тутъ нѣтъ, только и дѣлаютъ, что разбираютъ васъ.

Значитъ, это всегда будетъ такъ; я никогда не пройду незамѣченной, какъ другіе! Это лестно и печально.

Суббота, 3 ноября. Когда я пріѣхала, Роберъ-Флери уже поправилъ всѣмъ рисунки. Я подала ему свои и, по обыкновенію, спряталась за его табуретъ, но должна была выйти оттуда, — столько пріятныхъ вещей наговорилъ онъ мнѣ!

— Въ контурахъ видна неопытность — это и понятно, но удивительно правдиво и гибко. Это движеніе дѣйствительно хорошо. Конечно, теперь вамъ недостаетъ опытности, но у васъ есть все то, чему нельзя научиться. Понимаете? **Все, чему нельзя научиться.** Тому, чего у васъ нѣтъ, выучиваются, и

вы выучитесь. Да... это удивительно и, если вы только захотите работать, вы будете дѣлать прекрасныя вещи, за это я вамъ ручаюсь.

— И я также.

Два часа, — я пользуюсь своимъ воскресеньемъ. Время отъ времени я отрываюсь отъ этой исторической хроники, чтобы заглянуть въ анатомію или въ рисунки, купленные сегодня.

Среда, 7 ноября. Пасмурно и сыро, я живу только въ дурномъ воздухѣ мастерской. Городъ, Булонскій лѣсъ — это смертъ.

Я недостаточно работаю. Я молода, да, очень молода, я знаю, но для того, чего я хочу, нѣтъ... Я хотѣла быть знаменитой уже въ мои года, чтобы не нуждаться ни въ чьей рекомендаціи. Я плохо и глупо желала, ибо ограничивалась одними желаніями.

Я достигну, когда пройдетъ лучшая изъ трехъ молодостей — та, для которой я мечтала обо всемъ. По моему, существуетъ три молодости: отъ шестнадцати до двадцати, отъ двадцати до двадцати пяти и отъ двадцати пяти до... какъ пожелаютъ. Другія молодости, которыя придумываютъ, ни что иное, какъ утѣшеніе и глупости.

Въ тридцать лѣтъ начинаются зрѣлые года. Послѣ тридцати лѣтъ можно быть красивой, молодой, даже **болѣе молодой,** но уже это совсѣмъ не тотъ табакъ.

Четвергъ, 8 ноября. Только одно можетъ оторвать меня отъ мастерской раньше срока и на все до-обѣденное время— это Версаль. Какъ только были получены билеты, ко мнѣ отправили Шоколада, и я заѣхала домой перемѣнить платье.

На лѣстницѣ встрѣчаю Жуліана, который пораженъ, что я уѣзжаю такъ рано; я объясняю ему, что ничто кромѣ Версаля не могло бы заставить меня покинуть мастерскую. Онъ говоритъ, что это тѣмъ болѣе удивительно, что я легко могла бы веселиться.

— Мнѣ весело только здѣсь.

— И какъ вы правы! Вы увидите, сколько удовольствія доставитъ вамъ это черезъ два мѣсяца.

— Вы знаете, что я хочу сдѣлаться очень сильной въ живописи, и что я рисую не ради... шутки...

— Надо надѣяться! Это значило бы поступать съ золотымъ слиткомъ какъ съ мѣднымъ, это было бы грѣшно.

Увѣряю васъ, что, съ вашими способностями, — я вижу это по тѣмъ удивительнымъ вещамъ, которыя вы дѣлаете,—вамъ не надо болѣе полутора года, чтобы пріобрѣсти талантъ.

— О!

— Я повторяю, талантъ!

— Берегитесь, я уѣду въ восторгѣ.

— Я говорю правду, вы сами это увидите. Къ концу этой зимы вы будете рисовать совсѣмъ хорошо, потомъ вы еще порисуете и въ шесть мѣсяцевъ освоитесь съ красками, чтобы пріобрѣсти талантъ наконецъ!

Милосердное небо! По дорогѣ домой я смѣялась и плакала отъ радости и мечтала, что мнѣ будутъ платить по пяти тысячъ франковъ за портретъ.

Не надо ѣздить часто въ палату — это могло бы отвлечь меня отъ мастерской; заинтересовываешься, ѣздишь, ѣздишь, каждый день новая страница одной и той же книги. Я могла бы пристраститься къ политикѣ до потери сна..., но моя политика тамъ, въ улицѣ Виввьенъ, тамъ достигну я возможности иначе ѣздить въ палату, чѣмъ теперь. Полтора года; но это пустяки!

Столько счастья пугаетъ меня.

Полтора года для портретовъ, а для картинъ?.. положимъ два или три года... тамъ посмотримъ.

Я была красива, но часамъ къ восьми очень утомлена, что не помѣшало мнѣ отправиться рисовать по крайней мѣрѣ на цѣлый часъ.

Суббота, 10 ноября. Насколько непріятныя впечатлѣнія сильнѣе пріятныхъ!

Цѣлый мѣсяцъ я слышу одни поощренія, за исключеніемъ одного только раза, двѣ недѣли тому назадъ: въ это утро меня побранили, и я вспоминаю только это утро, но это всегда и во всемъ бываетъ такъ. Тысяча аплодируетъ, одинъ шикаетъ или свиститъ, и его слышнѣе болѣе другихъ.

Академіи (!) (утреннія и вечернія не были исправлены). А! но мнѣ это извинительно! Вы помните, что модели мнѣ не нравились и что начали мы только во вторникъ; въ понедѣльникъ былъ безпорядокъ изъ-за моделей и потомъ особенно потому, что я сидѣла совсѣмъ en face, очень близко и смотрѣла снизу. Поза самая трудная. Не бѣда; это дурной знакъ, когда ищутъ оправданій.

Среда, 14 ноября. Была въ кварталѣ *Ecole de Médecine*, искала различныя книги и гипсовые слѣпки у Вассера,, — вы, конечно, знаете Вассера, — который продаетъ всевозможныя человѣческія формы, скелеты и т. п. Ну, вотъ тамъ у меня есть протекція, обо мнѣ говорили профессору Beau-arts Матіасу Дюваль и другимъ, и кто-нибудь будетъ давать мнѣ уроки.

Я въ восторгѣ; улицы были полны студентами, выходившими изъ разныхъ школъ; эти узкія улицы, эти инструментальныя лавки, однимъ словомъ все... А! чортъ возьми, я поняла обаяніе Латинскаго квартала.

У меня женскаго только и есть, что оболочка и оболочка чертовски женственная; что же касается остального, то оно чертовски другое. Это не я говорю, потому что я представляю себѣ, что всѣ женщины такія же, какъ я.

Разсказывайте мнѣ больше о Латинскомъ кварталѣ, на немъ я примиряюсь съ Парижемъ; чувствуешь себя далеко... почти въ Италіи; разумѣется, въ другомъ родѣ.

Люди свѣтскіе, иначе говоря люди **буржуазные** никогда не поймутъ. Я обращаюсь только **къ нашимъ.**

Несчастное юношество, прочти это!.. — Такъ мама пришла въ ужасъ при видѣ меня въ лавкѣ, гдѣ есть такія вещи... о! такія вещи!

«Голые мужики». Вотъ буржуазность! когда я нарисую прекрасную картину, видна будетъ только поэзія, цвѣты, фрукты. Никто не думаетъ о навозѣ.

Я вижу только цѣль, конецъ. И я иду къ этой цѣли.

Я обожаю бывать у книгопродавцевъ и у людей, которые принимаютъ меня, благодаря моему скромному костюму, за какую-нибудь Бреслау; они смотрятъ на васъ съ какой-то особенной благосклонностью, словно ободряютъ васъ—совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде.

Разъ утромъ я съ Розаліей отправились въ мастерскую въ фіакрѣ. За проѣздъ я подала ему двадцать франковъ.

— О! мое бѣдное дитя, у меня нѣтъ вамъ на сдачу.

Это такъ забавно!

Четвергъ, 15 ноября. Устроили конкурсъ мѣстъ; положено сдѣлать — эскизъ головы **въ часъ.**

Въ субботу судьба рѣшится; впрочемъ, я не безпокоюсь о томъ, что можетъ быть буду послѣдней, это будетъ справедливо. Я учусь тридцать дней, остальные же по крайней мѣрѣ,

для круглаго счета, по году, не говоря уже о томъ, что они учились еще до этой мастерской; они учились серьезно, какъ художники по профессіи.

Меня тревожитъ эта негодяйка Бреслау. Она удивительно одарена и увѣряю васъ, что она добьется чего-нибудь совсѣмъ недурного. Я не могу вбить себѣ въ голову, что она рисуетъ у Жуліана уже около пятисотъ дней, я же только тридцать дней, т. е. что у одного Жуліана она училась почти въ пятнадцать разъ больше, чѣмъ я училась вообще. Если я дѣйствительно хорошо одарена, то черезъ шесть мѣсяцевъ я буду дѣлать то же, что она. Есть вещи удивительныя въ этомъ отношеніи, но нѣтъ чудесъ, а мнѣ ихъ-то и хотѣлось бы.

Я чувствую себя не по себѣ потому, что по прошествіи мѣсяца я не сильнѣе всѣхъ другихъ.

Пятница, 16 ноября. Я пошла навѣстить бѣдную Шепи, живущую въ пансіонѣ на avenue de la Grande-Armée.

Совершенно артистическая мансарда, но такой чистоты, что кажется почти богатой.

Бреслау живетъ тамъ же, а также многіе другіе молодые художники.

Наброски, этюды, масса интересныхъ вещей. Уже одна эта артистическая сфера, одинъ этотъ воздухъ дѣйствуютъ хорошо...

Я не прощу себѣ, что не знаю такъ многихъ вещей изъ того, что знаетъ Бреслау... Это потому, что... я ни во что не углублялась, я всего знаю понемногу и боюсь, что и теперь будетъ то же; нѣтъ, по тому, какъ я веду это дѣло, это должно быть серьезно. Изъ того, что раньше чего-нибудь не сдѣлалъ, еще не слѣдуетъ, что и потомъ этого не сдѣлаешь. При каждомъ опытѣ я чувствую нѣдовѣріе.

Суббота, 17 ноября. Судили конкурсы, восемнадцать конкурентокъ. Я тринадцатая; слѣдовательно, пять послѣ меня, это недурно. Полька **первая**; это несправедливо! За свои академіи я получила похвалы.

Купила атласы, руководства анатоміи, склеты, и всю ночь мнѣ снилось, что приносятъ трупы для анатомированія.

Что же дѣлать? я огрубѣла, мои руки умѣютъ только рисовать и щипать струны арфы...

Но все-таки это... нелѣпо, что Бреслау рисуетъ лучше меня.

Мой эскизъ былъ законченнѣе всѣхъ.

— Это все въ часъ? — воскликнулъ Роберъ-Флери, — да, она какая-то неистовая!

И потомъ я должна вамъ сообщить, что Жуліанъ и другіе говорили въ мужской мастерской, что у меня рука, манера и способность совсѣмъ не женскія, что они хотѣли знать, могла ли я въ моей семьѣ унаслѣдовать отъ кого-нибудь столько талантливости и силы въ рисункѣ и мужества въ трудѣ.

Тѣмъ не менѣе, не глупо ли, что я не могу еще составлять композиціи?

Я не умѣю смѣло группировать человѣческія фигуры. Я попробовала нарисовать одну сцену въ мастерской. Ну, и не вышло, никуда не годится. Правда, что я дѣлаю — изъ головы, и что я никогда не обращала вниманія на то, какъ ходятъ эти милые люди. Нѣтъ... это ужасно!

Воскресенье, 18 ноября. Вечеромъ я сдѣлала набросокъ моего умывальника или, вѣрнѣе, Розаліи передъ умывальникомъ. Вышло ничего себѣ и довольно правдоподобно; мнѣ нравится расположеніе; когда я буду рисовать получше, я сдѣлаю изъ этого что-нибудь, быть можетъ даже красками. Никогда никто не изображалъ горничной около умывальника безъ любви, цвѣтовъ, безъ сломанной вазы, безъ метелочки и т. п.

Пятница, 23 ноября. Эта негодная Бреслау сдѣлала композицію. **Въ понедѣльникъ утромъ** или **Выборъ модели.** Вся мастерская тутъ, Жуліанъ около меня и Амеліи, и т. д. и т. д.

Сдѣлано вѣрно, перспектива хороша, сходство, словомъ все.

Кто можетъ сдѣлать такую вещь, будетъ великимъ художникомъ.

Вы, догадываетесь, неправда ли? я завидую. Это хорошо, такъ какъ это будетъ толкать меня впередъ.

Это ужасно — стремиться рисовать, какъ мастеръ, по прошествіи шести недѣль ученія.

Дѣдушка боленъ, и Дина на своемъ посту преданности и заботъ.

Она очень похорошѣла и такая добрая!.. Если небеса не пошлютъ ей немножечко счастья... чортъ возьми! Я начну говорить дерзости самому Господу Богу.

Понедѣльникъ, 26 ноября. Наконецъ я взяла первый урокъ анатоміи отъ четырехъ до четырехъ съ половиной часовъ, тотчасъ послѣ рисованія.

Учитъ меня г-нъ Кюйе; онъ мнѣ присланъ Матіасомъ Дюваленъ, который обѣщалъ доставить мнѣ возможность посѣтить академію художествъ. Я, конечно, начала съ костей, и одинъ изъ ящиковъ моего письменнаго стола полонъ позвонками... настоящими...

Это кажется тѣмъ болѣе отвратительно, когда подумаешь, что въ двухъ надушенная бумага, визитныя карточки и т. п.

Вторникъ, 27 ноября. Жуліанъ пришелъ немного разстроенный послѣ выраженія мнѣній Роберомъ-Флери, Буланже и Лефевромъ, и обратился къ намъ приблизительно съ слѣдующей рѣчью:

— Mesdames, эти господа указали шесть головъ послѣ медали, которую получила, какъ вы уже заете, m-lle Дельсартъ (француженка). Остальныя просто допускаются къ участію на слѣдующемъ конкурсѣ, а три послѣднія кинутъ жребій, чтобы пощадить самолюбіе этихъ дамъ...

Какой-то голосъ говорилъ мнѣ, что мнѣ придется бросать жребій; это было бы вполнѣ натурально, но мнѣ сдѣлалось досадно.

Послѣ этой небольшой рѣчи, которая произвела на всѣхъ должное впечатлѣніе, онъ прибавилъ:

— Я не знаю, кому принадлежатъ головы. Пусть кто-нибудь запишетъ имена по порядку. Первая кто?

— M-lle Викъ.

— Вторая?

— M-lle Вангъ.

— Третья?

— M-lle Бреслау.

— Четвертая?

— M-lle Нотлендеръ.

— Пятая?

— M-lle Форгамеръ.

— Шестая?

— Это m-lle Мари! — воскликнула полька.

— Я?

— Да.

— Но это странно.

Я между шестью первыми. Амелія, Зильгардъ и полька послѣ меня.

Я послѣдняя пришла въ мастерскую, ибо нахожусь въ ней только съ третьяго октября. Ловко!

Всѣ стали поздравлять меня. M-lle Дельсартъ сказала мнѣ много любезностей, а сестра ея Мари назвала насъ двухъ героинями конкурса.

— То, чего вы добились въ такое короткое время, лучше чѣмъ медаль черезъ четыре года ученія.

Успѣхъ и какой чудесный успѣхъ!

Пятница, 30 ноября. Я наконецъ принесла въ мастерскую свою мандолину и этотъ прелестный инструментъ очаровалъ всѣхъ, тѣмъ болѣе, что для тѣхъ, кто не слыхалъ его прежде, я играю хорошо. И вечеромъ, когда я играла во время отдыха, а Амелія аккомпанировала мнѣ на роялѣ, вошелъ Жуліанъ и сталъ слушать. Если бы вы посмотрѣли на него, то увидѣли бы восхищеннаго человѣка.

— А я думалъ, что мандолина нѣчто въ родѣ гитары, я не зналъ, что она поетъ, а не скрипитъ, я и представить себѣ не могъ, что изъ нея можно извлекать такіе звуки. Какъ это мило! Чортъ возьми, никогда больше не буду бранить ее. Я тутъ провелъ, право, прекрасныя минуты! А! это хорошо! Пусть смѣются, если хотятъ, но увѣряю васъ, что оно... скребетъ по сердцу. Это смѣшно!

Ага, несчастный почувствовалъ!

Та же самая мандолина не имѣла никакого успѣха, когда разъ вечеромъ я играла у насъ передъ обществомъ дамъ и кавалеровъ, которые во что бы то ни стало должны были говорить комплименты. Сильный свѣтъ, открытые жилеты и рисовая пудра разрушали очарованіе. Между тѣмъ какъ обстановка мастерской, тишина, вечеръ, темная лѣстница, усталость располагаютъ ко мнѣ, что есть на свѣтѣ пріятнаго... смѣшного, милаго, очаровательнаго.

Мое ремесло поистинѣ ужасно. Восемь часовъ ежедневной работы переѣзда, и особенно этотъ добросовѣстный усидчивый трудъ. Ей Богу! Нѣтъ ничего глупѣе, какъ рисовать, не думая о томъ, что дѣлаешь, не сравнивая, не припоминая, не учась, но и это все не утомляло бы.

Если бы дни были длиннѣе, я стала бы больше работать, для того, чтобы вернуться въ Италію.

Я хочу добиться.

Суббота, 8 декабря. Была въ театрѣ; было очень смѣшно, смѣялись все время, — время потерянное, и я жалѣю о немъ.

Я плохо работала эту недѣлю.

Можно бы поразсказать много всякой всячины о мастерской, но я отношусь серьезно къ своей мастерской и не занимаюсь ничѣмъ другимъ, что ниже меня.

Я жалѣю объ этомъ вечерѣ, я не была на виду и не занималась. Я смѣялась, это правда, но это ни къ чему не служитъ, разъ оно мнѣ непріятно, разъ оно не доставляетъ мнѣ удовольствія.

Воскресенье, 9 декабря. Докторъ Шарко только что уѣхалъ отсюда. Я присутствовала на консультаціи и при томъ, что говорили доктора, такъ какъ я одна спокойна и такъ какъ ко мнѣ относятся, какъ къ третьему доктору. Во всякомъ случаѣ сейчасъ нельзя ожидать катастрофы.

Бѣдный дѣдушка, я была бы въ отчаяніи, если бы онъ умеръ теперь, потому что мы часто ссорились; но такъ какъ его болѣзнь еще продолжится нѣкоторое время, то у меня есть возможность искупить мою вспыльчивость. Я была въ его комнатѣ, когда ему было хуже всего... Впрочемъ мое появленіе около больныхъ есть признакъ опасности, такъ какъ я ненавижу излишнюю суетливость и бываю взволнована только настолько, насколько себѣ позволяю.

Замѣчаете, какъ при всякомъ удобномъ случаѣ я себя восхваляю?

Я увидѣла новую луну съ лѣвой стороны, и мнѣ это непріятно.

Сдѣлайте милость не подумайте, что я была жестка съ дѣдушкой, я только обращалась съ нимъ, какъ съ равнымъ; но такъ какъ онъ боленъ, то я жалѣю, что не переносила отъ него всего.

Мы его не оставляемъ одного, и онъ зоветъ всегда того, кого нѣтъ. Жоржъ около него. Дина всегда—около постели, что само собой разумѣется; мама больна отъ безпокойства, Валицкій, милый Валицкій, бѣгаетъ и хлопочетъ, и ворчитъ, и утѣшаетъ.

Я сказала, что хотѣла бы все переносить молча; я принимаю видъ несчастной, съ которой дурно обращаются; совсѣмъ нечего было и переносить, но я раздражалась и раздражала, а такъ какъ дѣдушка былъ тоже раздражителенъ, то я выходила изъ себя, отвѣчала рѣзко и иногда бывала не права. Я не хочу прикидываться ангеломъ, который прячется подъ маской злобы.

Вторникъ, 11 декабря. Дѣдушка не можетъ больше говорить... Ужасно видѣть человѣка, который еще такъ недавно былъ крѣпкій, энергичный, молодой, видѣть его такимъ... почти трупомъ.

Я продолжаю рисовать кости. Я больше, чѣмъ когда-нибудь съ Бреслау, съ Шепи и другими, даже съ швейцаркой.

Среда, 12 декрабря. Въ часъ были священникъ и дьяконъ; дѣдушку исповѣдывали. Мама громко плакала и молилась; потомъ... я пошла завтракать. Дѣло въ томъ, что животное неизбѣжно во всякомъ человѣкѣ.

Суббота, 22 декабря. Роберъ-Флери сказалъ мнѣ слѣдующее: — никогда не слѣдуетъ быть довольнымъ собою. Жуліанъ говоритъ то же самое. Но такъ какъ я никогда не была довольна собой, то принялась размышлять надъ этими словами. И когда Роберъ-Флери сказалъ мнѣ много пріятныхъ вещей, я отвѣчала ему, что онъ хорошо сдѣлалъ, сказавъ мнѣ ихъ, потому что я совсѣмъ собой недовольна, обезкуражена, въ отчаяніи, что заставило его широко раскрыть глаза отъ удивленія.

И дѣйствительно я была обезкуражена. Съ той минуты, какъ я никого не изумляю, я обезкуражена; это несчастіе!

Въ концѣ концовъ я сдѣлала успѣхи неслыханные; у меня, — мнѣ это повторяютъ — «необыкновенныя способности». У меня выходитъ «похоже», «цѣльно», «вѣрно». — «Чего же вы еще хотите? Будьте благоразумны», — закончилъ онъ.

Онъ очень долго оставался около моего мольберта.

— Когда рисуютъ такъ, — сказалъ онъ, указывая на голову, потомъ на плечи, — то не имѣютъ права дѣлать такихъ плечъ.

Швейцарки и я ходили потихоньку къ Бонна, чтобы онъ принялъ насъ въ свою мужскую мастерскую. Понятно, онъ объяснилъ намъ, что эти пятьдесятъ молодыхъ людей находятся безъ призора, что это абсолютно невозможно. Потомъ мы отправились къ Мункаччи, венгерскому художнику, у котораго роскошный отель и большой талантъ.

Онъ знаетъ швейцарокъ: у нихъ было къ нему, годъ тому назадъ, рекомендательное письмо.

Суббота, 29 декабря. Роберъ-Флери былъ очень доволенъ мною. Онъ около получаса пробылъ передъ парой ногъ, въ натуральную величину, которыя я рисую и снова спраши-

валъ, рисовала ли я прежде, серьезно ли рѣшилась заняться живописью? Сколько времени могу оставаться въ Парижѣ? Выразилъ желаніе видѣть мои первые опыты красками, спрашивалъ, какъ я ихъ писала? Я отвѣчала, что писала для забавы. Такъ разговоръ продолжался, подошли остальныя, стали сзади него и, среди (я могу это сказать) всеобщаго изумленія, онъ объявилъ, что если мнѣ очень хочется, то я могу писать красками.

Но это я отвѣчала, что не умираю отъ желанія писать красками и что предпочитаю усовершенствоваться въ рисованіи.

Воскресенье, 30 и понедѣльникъ, 31 декабря. Я грустна; праздники у насъ не празднуются, и это меня огорчаетъ. Я была на елкѣ у швейцарокъ; было весело и мило, но мнѣ страшно хотѣлось спать послѣ работы до десяти часовъ вечера. Мы гадали. Бреслау получитъ вѣнки, — я римскую премію, а другія — подарки.

Все-таки все это странно.

1878.

Пятница, 4 января. Какъ странно, что прежнее сознаніе такъ славно уснуло! Ничего почти отъ него не осталось, только воспоминаніе, мелькающее время отъ времени и пробуждающее прошедшія горести; но черезъ минуту я уже думаю о... о чемъ? Объ искусствѣ?.. Просто смѣхъ!

Такъ это окончательно? Я такъ долго и такъ страшно искала этого выхода, этой возможности существовать, не проклиная цѣлыми днями себя и все мірозданіе, что едва вѣрю тому, что нашла эту возможность.

Благодаря моей черной блузѣ, во мнѣ есть нѣчто, напоминающее **Марію Антуанету въ Темплѣ.**

Я становлюсь мало-по-малу такой, какой желала быть. Увѣренная въ себѣ, спокойная по внѣшности, я избѣгаю всякихъ сплетенъ и пересудовъ, и дѣлаю мало безполезнаго.

Словомъ, — мало-по-малу я совершенствуюсь. Только условимтесь хорошенько въ словѣ «усовершенствованіе»: я говорю о личномъ усовершенствованіи.

О, время!.. На все-то оно нужно!

Когда нѣтъ другихъ препятствій, время чувствуется силь-

нѣе, чѣмъ когда-либо, кажется ужаснымъ, раздражающимъ, подавляющимъ...

Впрочемъ, что бы ни случилось, я чувствую себя болѣе подготовленной, чѣмъ прежде, когда меня приводила въ бѣшенство необходимость сознаться, что я не вполнѣ счастлива...

Воскресенье, 6 января. Прекрасно! Я раздѣляю ваше мнѣніе; время идетъ, и было бы въ сто разъ пріятнѣе проводить его, какъ я предполагала раньше; но такъ какъ это невозможно, подождемъ результатовъ отъ моего таланта; всегда успѣю...

Мы перемѣнили помѣщеніе; теперь мы на avenue d'Alma, 67. Изъ моихъ оконъ видны экипажи, проѣзжающіе съ Champs Elysées. У меня отдѣльная гостиная — мастерская.

Дѣдушку пришлось перенести; это было такъ грустно!.. Когда его принесли въ его комнату, мы съ Диной окружили его и прислуживали ему, и бѣдный дѣдушка цѣловалъ намъ руки.

Моя спальня напоминаетъ мнѣ Неаполь. Время путешествія приближается, и я чувствую, что благоуханіе прежней праздности охватываетъ меня... Напрасно!..

Понедѣльникъ, 7 января. Вѣрить или не вѣрить въ будущность художницы? Два года — еще не смерть, а черезъ два года опять начать праздное существованіе, театры, путешествія. Хочу быть знаменитой!..

И буду.

Суббота,12 января. Валицкій умеръ сегодня въ два часа ночи.

Вчера вечеромъ, когда я зашла повидать его, онъ сказалъ мнѣ, полушутливо, полугрустно: «Addio, signorina», чтобы напомнить мнѣ Италію.

Быть можетъ, это въ первый разъ въ жизни, что я проливала слезы, свободныя отъ эгоизма и досады.

Есть что-то особенно раздирательное въ смерти существа, совершенно безобиднаго и добраго; точно добрая собака, никогда никому не дѣлавшая зла.

Къ часу онъ почувствовалъ облегченіе, и всѣ разошлись по своимъ комнатамъ; одна тетя оставалась тамъ, когда онъ вдругъ сталъ задыхаться до такой степени, что должны были брызнуть ему водой въ лицо.

Нѣсколько очнувшись, онъ приподнялся, потому что хотѣлъ непремѣнно пойти проститься съ дѣдушкой, но, едва

выйдя въ коридоръ, онъ успѣлъ только три раза перекреститься и закричать по-русски: «Прощайте»! — такъ громко, что мама и Дина проснулись и прибѣжали въ то время, когда онъ уже упалъ на руки тети и Трифона.

Я не могу отдать себѣ отчета; мнѣ кажется это невѣроятнымъ; это такъ ужасно!

Валицкій умеръ! Это незамѣнимая утрата; трудно представить себѣ, чтобы подобный характеръ могъ существовать въ реальной жизни.

Онъ былъ преданъ нашей семьѣ, какъ собака, и при томъ совершенно платонически. О, Боже мой!

Въ книгахъ иногда встрѣчаешь такихъ людей... Да услышитъ онъ мои мысли; я надѣюсь, что Богъ позволяетъ ему чувствовать все, что о немъ говорятъ и думаютъ. Пусть же услышитъ онъ меня оттуда, гдѣ теперь находится, и если ему было когда-нибудь за что на меня пожаловаться, пусть проститъ меня ради глубокаго уваженія, моей искренней дружбы и огорченія, идущаго изъ самой глубины души!

Вторникъ, 29 января. Я такъ боялась конкурса, что бѣдной Розаліи стоило неимовѣрныхъ усилій поднять меня съ постели.

Я ожидала — или получить медаль, или остаться между самыми послѣдними. Ни того, ни другого! Я осталась на томъ же мѣстѣ, какъ два мѣсяца тому назадъ.

Была у Бреслау, которая все еще больна.

Вторникъ, 12 февраля. Сегодня вечеромъ у итальянцевъ давали «Травіату»: Альбани, Капуль и Пандольфини. Крупные артисты, но мнѣ не понравились. Однако въ послѣднемъ актѣ я уже не чувствовала желанія умереть, но я говорила себѣ, что мнѣ престоятъ страданія и смерть именно тогда, когда все могло бы уладиться.

Это предсказаніе, которое я сама себѣ дѣлаю. Я была одѣта à la bébé, что очень красиво на тонкихъ и стройныхъ фигурахъ: бѣлые банты на плечахъ, шеѣ и открытыхъ рукахъ дѣлали меня похожей на инфанту Веласкеза...

Умереть?.. Это было бы дико, и однако мнѣ кажется, что я должна умереть. Я не могу жить: я ненормально создана; во мнѣ — бездна лишняго и слишкомъ многаго недостаетъ; такой характеръ не можетъ быть долговѣчнымъ. Если бы я была богиней, и вся вселенная была бы къ моимъ услугамъ, я находила бы, что мои владѣнія дурно устроены... Нельзя

быть болѣе причудливымъ, болѣе требовательнымъ, болѣе нетерпѣливымъ; а иногда, или можетъ быть даже всегда, во мнѣ есть извѣстная доза благоразумія, спокойствія; но я сама не вполнѣ понимаю себя, я только говорю вамъ, что жизнь моя не можетъ быть продолжительна.

Среда, 13 февраля. Мой рисунокъ не удается, и мнѣ кажется, что со мной случится какое-то несчастіе; точно я сдѣлала что-нибудь дурное и боюсь послѣдствій или какого-нибудь оскорбленія. Я жалка самой себѣ, но все-таки не могу отдѣлаться отъ безотчетнаго страха.

Мама сама виновата въ своихъ несчастіяхъ: есть вещь, которую я ее прошу и умоляю не дѣлать, а именно — не разбирать моихъ вещей, не приводить въ порядокъ моихъ комнатъ. И вотъ, что я ей ни говорю, она продолжаетъ дѣлать это съ упрямствомъ, переходящимъ въ какую-то болѣзнь. И если бы вы только знали, какъ это раздражаетъ и увеличиваетъ мою нетерпѣливость и рѣзкую манеру говорить, которая и безъ того вовсе не нуждается въ увеличеніи!

Я думаю, что она очень любитъ меня, я тоже очень люблю ее, а между тѣмъ мы двухъ минутъ не можемъ пробыть вмѣстѣ, чтобы не раздражить другъ друга до слезъ. Словомъ, «вмѣстѣ тѣсно, а врозь — скучно».

Я хочу отъ всего отказаться ради живописи. Надо твердо помнить это и въ этомъ будетъ вся жизнь.

Такимъ образомъ я создамъ себѣ независимость, а тогда придетъ все, что только можетъ придти.

Пятница, 15 февраля. Я не ѣду въ оперу завтра.

Я рисую по обыкновенію, что, однако, не мѣшаетъ мнѣ быть крайне недовольной собой. Я сказала это Роберу-Флери нѣсколько времени тому назадъ; въ субботу, исправляя наши рисунки, онъ спросилъ:

— Это вы сдѣлали?

— Да.

— Вы не рисовали цѣлыхъ фигуръ до поступленія сюда?

— Нѣтъ.

— И вы еще жаловались, кажется?

— Да.

— На то, что медленно подвигаетесь?

— О, да!

— Ну, а я такъ былъ бы очень доволенъ на вашемъ мѣстѣ.

Это было сказано съ благосклонной веселостью и стоило многихъ похвалъ.

Да когда же я смогу... писать портреты? Черезъ годъ... — я надѣюсь, по крайней мѣрѣ.

Воскресенье, 24 февраля. Съ субботы моя собачка пропала. Я все надѣялась, что она возвратится.

Бѣдная моя собака; если бы я была способна на чувство, я была бы въ отчаяніи!

Моя собачка пропала!..

Что бы это было, если бы я стала отчаиваться изъ-за всего, чего мнѣ не хватаетъ, чего у меня нѣтъ.

Въ настоящую минуту я склонна думать, что я существо **непонятное.** Это самое ужасное изъ всего, что только можно о самомъ себѣ подумать.

Сто тысячъ притязаній, изъ которыхъ ни одно еще не имѣетъ оправданія! Это то же, что биться головой объ стѣну... въ результатѣ одни синяки.

Вторникъ, 12 марта., Когда я думаю о Пинчіо, который теперь окончательно пропалъ, у меня сердце сжимается.

Я очень любила его, и эта потеря для меня почти то же, что смерть Валицкаго.

Особенно, когда я подумаю, что это маленькое животное теперь въ чужихъ рукахъ, что оно скучаетъ обо мнѣ и что я больше не увижу его маленькой мордочки и его необыкновенныхъ черныхъ глазъ и носика... Ну, вотъ, я ужъ и плачу...

О, шутъ возьми! Я думаю, право, что предпочла бы видѣть С. или не знаю кого еще раненымъ, на томъ свѣтѣ, чѣмъ лишиться моей собачки, которая такъ любила меня. Я чувствую искреннюю печаль, и мнѣ дѣла нѣтъ до всего остального.

Суббота, 16 марта. Я, право, люблю свое занятіе и счастлива сознаніемъ, что съ каждымъ днемъ убѣждаюсь въ этомъ все болѣе и болѣе.

— Съ нѣкотораго времени, — сказалъ мнѣ сегодня утромъ Роберъ-Флери, — образовалась какая-то граница, которой вы не можете перешагнуть; это нехорошо! Съ такими дѣйствительно серьезными способностями, какъ ваши, вы не должны затрудняться такими пустяками; тѣмъ болѣе, что вы обладаете всѣмъ, что дается дѣйствительно трудно.

Я и сама отлично знаю это! Надо бы поработать надъ портретомъ дома, а тутъ эта вѣчная домашняя суета!.. Но это

болѣе не должно смущать меня, я не хочу. С. ничего не дастъ мнѣ, тогда какъ живопись дастъ мнѣ нѣчто существенное.

Но понедѣльникъ! Я перейду границу, о которой говоритъ Роберъ-Флери! Главное — это быть убѣжденнымъ въ томъ, что нужно достигнуть и что дѣйствительно достигнешь.

Суббота, 23 марта. Я обѣщала вамъ перейти границу, о которой говорилъ Роберъ-Флери.

Я сдержала свое слово. Мной были необыкновенно довольны, мнѣ повторяли, что съ такими серьезными способностями, какъ мои, дѣйствительно стоитъ работать, что я сдѣлала удивительные успѣхи и что черезъ мѣсяцъ или два... — Вы будете считаться между самыми сильными; и замѣтьте,— прбавилъ Роберъ-Флери, взглянувъ на холстъ отсутствующей Бреслау, — замѣтьте, что я говорю и объ отсутствующихъ.

— Приготовьтесь, — сказалъ мнѣ шопотомъ Жуліанъ,— приготовьтесь къ ненависти со стороны всѣхъ здѣшнихъ, потому что мнѣ еще не приходилось видѣть никого, кто добился бы такихъ результатовъ въ какіе-нибудь пять мѣсяцевъ.

— Жуліанъ, — сказалъ Роберъ-Флери при всѣхъ, — я только что долженъ былъ наговорить кучу комплиментовъ m-lle Башкирцевой, которая просто на-диво одарена.

Жуліанъ, несмотря на свою толщину, чуть не подпрыгнулъ. Такъ какъ Роберъ-Флери даетъ намъ свои указанія не за деньги, а просто изъ дружбы къ Жуліану, то весьма понятно, что онъ счастливъ, когда ученицы интересуютъ учителя.

Всѣ другія переходятъ къ краскамъ, когда кто хочетъ; но такъ какъ я нахожусь подъ особымъ руководствомъ Робера-Флери, который самъ пожелалъ этого, то я не дѣлаю ничего безъ его приказанія. Сегодня онъ велѣлъ мнѣ дѣлать время отъ времени какія-нибудь natures mortes, пока самыя простенькія, чтобы привыкнуть распоряжаться красками. Вотъ уже второй разъ, что онъ говоритъ мнѣ о живописи.

Я ему напишу на будущей или послѣбудущей недѣлѣ голову моего скелета съ книгою, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Понедѣльникъ, 25 марта. У насъ идетъ конкурсъ. У меня довольно хорошее мѣсто, и дѣло кажется подвигается. Подумываю о томъ, чтобы не такъ утомлять себя поздними сидѣніями по ночамъ.

Роберъ-Фелри пришелъ сегодня вечеромъ и остался мной очень доволенъ; онъ спрашивалъ меня по анатоміи, и я, разумѣется, отвѣчала безъ запинки.

Это ужасно быть такой, какъ я. Но, благодаря Бога, я благоразумна и ни въ кого не влюблена. А то я просто убила бы себя отъ бѣшенства.

Четвергъ, 4 апрѣля. Я пошла въ мастерскую очень рано, чтобы узнать приговоръ, который оказался совершенно безсмысленнымъ и взбудоражилъ всѣ умы.

Викъ получила медаль (это еще естественно); потомъ идетъ Магдалина(которая почти всегда получаетъ медаль), а потомъ я. Я до такой степени изумлена, что даже не чувствую удовольствія.

Это настолько странно, что Жуліанъ пошелъ спросить у Лефевра (который былъ избранъ первымъ членомъ въ комиссіи, судящей картины въ салонѣ) — спросить его, почему онъ размѣстилъ насъ такимъ образомъ. И Лефевръ, и ученики нижняго этажа сказали, я помѣщена третьей потому, что въ моемъ рисункѣ бросается въ глаза чувство правды. Что-же касается Бреслау, то имъ показалось, что въ ея рисункѣ проглядываетъ склонность бить на эффектъ. Она просто была далеко отъ натурщика и поэтому-то въ ея рисункѣ замѣтна нѣкоторая расплывчатость, а такъ какъ профессора предубѣждены противъ женщинъ, то они приняли это за битье на эффектъ.

На мое счастье Роберъ-Флери не участвовалъ въ судѣ; Лефевръ и Буланже судили одни; иначе навѣрное сказали бы, что я помѣщена третьей по протекціи Робера-Флери.

Я какъ-то не умѣю пользоваться своими вечерами съ тѣхъ поръ, какъ закрыты вечернія занятія; и это утомляетъ меня.

Суббота, 6 апрѣля. Роберъ-Флери право уже даже слишкомъ обнадеживаетъ меня: онъ находитъ, что я заслуживала бы даже второе мѣсто, и что приговоръ нисколько не удивилъ его. Противно было видѣть бѣшенство всѣхъ остальныхъ.

Подумать только, что М., по уходѣ отъ насъ, будетъ предаваться мечтаніямъ обо мнѣ, да еще пожалуй вообразитъ, что и я о немъ думаю... А между тѣмъ — о, молодость! — какіе-нибудь два года тому назадъ я вообразила бы, что это любовь. Теперь я поумнѣла и понимаю, что это просто пріятно, когда вы чувствуете, что заставляете любить себя, или вѣрнѣе, когда вамъ кажется, что въ васъ влюбляются. **Любовь,**

которую внушаешь другимъ, это совсѣмъ особенное чувство, которое самъ живо ощущаешь и которое я прежде смѣшивала съ другимъ чувствомъ.

Боже мой, Боже мой, и я воображала, что люблю А... съ его толстоватымъ носомъ, напоминающимъ носъ М... Фи, какая гадость. И какъ я довольна, что теперь могу оправдать себя! Такъ довольна! Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не любила... и если бы вы только могли представить себѣ, до чего я чувствую себя счастливой, свободной, гордой и достойной... того, кто долженъ придти!

Вторникъ, 9 апрѣля. Сегодня я удачно работала все утро; но потомъ должна была лечь, потому что нездоровилось, я чувствовала себя больною. Это продолжалась два часа, послѣ чего я встала почти довольная испытаннымъ страданіемъ: послѣ этого всегда такъ славно чувствуешь себя, такъ пріятно, какъ бы насмѣхаешься надъ болью; хорошая вещь молодость!! А черезъ двадцать лѣтъ на это будетъ уходить цѣлый день.

Я кончила „Le Lys dans la Vallée"; эта книга очень утомительна, несмотря на всѣ свои красоты. Письмо Натальи Минервиль, которымъ оканчивается книга, очень мило и правдиво. Читать Бальзака невыгодно: употреби я это время на работу, я приблизилась бы къ тому, чтобы самой стать... Бальзакомъ въ живописи!

Пятница, 12 апрѣля. Вчера Жуліанъ встрѣтилъ въ Кафе Робера-Флера, и Роберъ-Флеръ сказалъ ему, что я ученица поистинѣ интересная и удивительная, и что онъ возлагаетъ на меня большія надежды. Вотъ за это я и должна держаться, особенно въ тѣ минуты, когда умъ мой подавленъ какимъ-то необъяснимымъ, но ужаснымъ страхомъ и когда мнѣ кажется, что я срываюсь въ какую-то бездну всякихъ сомнѣній и мученій безъ всякихъ реальныхъ причинъ.

Съ нѣкотораго времени у меня очень часто горятъ три свѣчи; это примѣта смерти. Ужъ не я ли это должна отправиться на тотъ свѣтъ? Мнѣ кажется, что да. А моя будущность, а моя слава? Ну, ужъ разумѣется тогда всему этому конецъ!

Если бы на моемъ горизонтѣ былъ какой-нибудь человѣкъ, я должна была бы думать, что я влюблена — до такой степени я полна тревоги; но помимо того, что такого человѣка нѣтъ, мнѣ всѣ они опротивѣли...

Бываютъ дни, когда мнѣ кажется, что вовсе не унизительно поддаваться своимъ капризамъ, что напротивъ, этимъ выказываешь только свою гордость, свое презрѣніе къ другимъ, не желая стѣснять себя. О! Но всѣ они такъ низки, такъ недостойны, что я не способна задуматься о нихъ ни на одну минуту. Начать съ того, что у всѣхъ мозоли на ногахъ, а я не простила бы этого самому королю. Вообразите только себѣ меня, мечтающей о человѣкѣ съ мозолями на ногахъ.

Я начинаю замѣчать въ себѣ серьезную страсть къ своему дѣлу, что успокаиваетъ и утѣшаетъ меня. Я не хочу ничего другого, да и все остальное слишкомъ надоѣло мнѣ, чтобы еще могла быть рѣчь о чемъ-нибудь другомъ.

Если бы не это безпокойство и страхъ, я была бы счастлива!

Погода такая чудесная, — настоящая весна; а это чувствуется такъ сильно, какъ только возможно въ Парижѣ, гдѣ даже въ самыхъ прелестныхъ уголкахъ парка, подъ деревьями, полными таинственной поэзіи, всегда можно встрѣтить какого-нибудь приказчика съ обязательнымъ засученнымъ бѣлымъ передникомъ.

Я встаю съ солнцемъ и прихожу въ мастерскую раньше натурщика.. Только бы не этотъ страхъ; это проклятое суевѣріе!

Я помню, какъ, бывало, въ дѣтствѣ я томилась какими-то предчувствіями и страхомъ почти того же характера; мнѣ все казалось, что я никогда не смогу одолѣть языковъ, — кромѣ французскаго, и что этимъ языкамъ никакъ нельзя выучиться. И вотъ вѣдь, — вы отлично видите, что все это сущій вздоръ. И однако это былъ совершенно тотъ же суевѣрный страхъ, — какъ теперь... Надѣюсь, что этотъ доводъ разубѣдитъ меня.

Я совершенно иначе представляла себѣ **«Исканіе абсолютнаго»**: я вѣдь и сама ищу абсолютнаго. Это-то и заставляетъ меня думать и записывать свои блужданія въ сорока тысячахъ направленій...

Суббота, 13 апрѣля. Въ двадцать два года я буду знаменитостью или умру.

Вы, можетъ быть, воображаете, что намъ приходится работать только глазами и пальцами? О, вы, мирные граждане! — вы и не воображаете, сколько требуется самаго бдительна-

го вниманія, непрестанныхъ сравненій, расчета, чувства и размышленія, чтобы добиться чего бы то ни было.

Да, да, что бы вы тамъ ни говорили.. впрочемъ вы вѣдь ничего не говорите, но я клянусь вамъ головой Пинчіо (вамъ это кажется глупымъ, мнѣ — нѣтъ), что я буду знаменитостью; клянусь вамъ, серьезно клянусь вамъ, клянусь вамъ Евангеліемъ, страстями Христовыми, что черезъ четыре года я буду знаменитостью...

Воскресенье, 14 апрѣля. Бѣдный дѣдушка; онъ такъ всѣмъ интересуется и ему такъ тяжело, что онъ не можетъ говорить. Я лучше всѣхъ другихъ угадываю его мысли, и онъ былъ такъ счастливъ сегодня вечеромъ; я читала ему журналы, а потомъ всѣ мы сидѣли и болтали въ его комнатѣ. Сердце мое было полно и боли, и радости, и умиленья.

А теперь — нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ, чтобы выразить мою досаду, мое бѣшенство, мое отчаяніе!! Если бы я взялась за рисованіе въ пятнадцать лѣтъ, я была бы уже извѣстна!!. Понимаете ли вы меня?..

Пятница, 19 апрѣля. Я увѣрена, что я способна къ самой идеальной любви, потому что ни въ жизни, ни въ литературѣ я не встрѣчала такой **тонкости** во всѣхъ чувствахъ.

Я часто профанирую эту чистоту и тонкость своихъ чувствъ, употребляя въ разговорѣ объ этомъ рѣзкія слова и банальныя шутки. Это потому, что мнѣ еще некуда было приложить своихъ чувствъ, пережить ихъ самой... «Бѣдная дѣвочка!» — скажете вы, — «такъ ты воображаешь, что найдутся люди, хотя бы изъ наиболѣе любящихъ тебя, которые способны будутъ понять и отвѣтить на всѣ эти дивные, тонкіе оттѣнки чувства, которые ты такъ живо себѣ рисуешь?..» Конечно долженъ найтись кто-нибудь. Я даже думаю, что N. N. къ этому способенъ, потому что онъ во всемъ такъ похожъ на меня, какъ только возможно. А не онъ, такъ найдется кто-нибудь другой, въ которомъ я найду все, чего ищу. Но только за этимъ послѣдуетъ неизбѣжное разочарованіе, и всѣ мои божественныя надежды разлетятся прахомъ; или опять начнется исканіе, пока, наконецъ, душа не устанетъ окончательно и не смирится.

М. заставляетъ меня быть грубой въ разговорѣ; а тотъ могъ бы сдѣлать изъ меня ангела; онъ возбуждалъ и могъ возбуждать во мнѣ только самыя возвышенныя мысли...

Суббота, 20 апрѣля. Вчера вечеромъ, захлопнувъ эту

тетрадь, я раскрыла тетрадь шестьдесятъ вторую, прочла нѣсколько страницъ и напала, наконецъ, на письмо А...

Это заставило меня долго мечтать, улыбаться, потомъ снова отдаваться мечтамъ. Я легла поздно, но нельзя назвать это время потеряннымъ; такого рода «трата времени» не находится всегда въ рукахъ человѣка: эти минуты возможны только въ молодости; и надо ими пользоваться, цѣнить ихъ и наслаждаться ими, какъ и всѣмъ, что дано намъ Богомъ. Люди обыкновенно не цѣнятъ своей молодости, но я знаю цѣну всему, какъ старикъ, и не хочу упустить ни одной радости.

Я не могла сегодня исповѣдаться передъ обѣдней изъ-за Робера-Флери, такъ что причастіе пришлось отложить на завтра. Исповѣдь была преоригинальная — вотъ она:

— Вы не безъ грѣховъ,—сказалъ мнѣ священникъ послѣ обычной молитвы, — не согрѣшили ли вы въ лѣности?

— Никогда.

— Въ гордости?

— Всегда.

— Вы не поститесь?

— Никогда.

— Не оскорбили ли кого-нибудь?

— Не думаю, но возможно; вообще — много всякихъ мелочей, батюшка, особеннаго — ничего.

Да проститъ васъ Богъ, дочь моя, и т. д. и т. д.

Умъ мой въ настоящее время совершенно въ порядкѣ; я имѣла возможность провѣрить это сегодня вечеромъ во время разговора, я совершенно спокойна и рѣшительно ничего не боюсь — ни въ нравственномъ, ни въ физическомъ отношеніи... Очень часто мнѣ случается сказать: я страшно боялась пойти туда-то или сдѣлать то-то. Это просто утрировка языка, которая свойственна рѣшительно всѣмъ и ровно ничего не означаетъ.

Что мнѣ пріятно, такъ это, что я привыкаю поддерживать общій разговоръ: это необходимо, если желаешь завести себѣ порядочный салонъ. Прежде я брала себѣ кого-нибудь одного, а всѣхъ остальныхъ оставляла на произволъ судьбы.

Воскресенье, 21 апрѣля. Въ два часа пришелъ М.; мы нѣсколько разъ оставались одни, и онъ объяснялся мнѣ въ любви, кажется серьезно; что ни говори, а это всегда волнуетъ, и когда онъ сказалъ мнѣ:

— Да развѣ вы не знаете, что я люблю васъ, что я всей

душой люблю васъ, — я почувствовала то смущенiе, которое когда-то принимала за отвѣтную любовь.

— Ну! — отвѣчала я. — Я думаю, что вы не единственный, если это даже правда.

— Если это правда! вы это отлично знаете, какъ можете вы не вѣрить этому.

Онъ схватилъ мою руку и страстно поцѣловалъ ее.

— Полноте, — сказала я, вспыхнувъ и отдергивая руку, — какъ вамъ не стыдно заставлять меня краснѣть! Право, вы ведете себя слишкомъ неблаговоспитанно для бонапартиста, потому что я думаю, что такое обращенiе съ дѣвушкой вовсе не принято во Францiи.

Но онъ еще въ теченiе десяти минутъ продолжалъ умолять меня дать ему руку, но я не дала ему, сохраняя серьезный видъ, скрывавшiй непритворное волненiе.

— Вы украли этотъ поцѣлуй.

— Дайте же мнѣ ваше разрѣшенiе...

— Ни за что.

— Но вѣдь вы знаете, что этотъ поцѣлуй будетъ моей отрадой въ теченiе двадцати-пяти дней, которые я пробуду вдали отъ васъ, что...

Но тутъ кто-то вошелъ. Онъ хорошо игралъ свою роль...

Послѣ четырехъ часовъ онъ ушелъ; я нѣсколько минутъ прогулялась съ Диной, потомъ пришло нѣсколько человѣкъ гостей. Между прочимъ заговорили и объ NN., и я сказала, что я не хочу слышать о немъ ничего дурного, что я его люблю и уважаю, и что если бы мы съ нимъ и разошлись, это ровно ничего не измѣнило бы.

Неужели М. дѣйствительно любитъ меня?..

Я противопоставила его излiянiю стѣну равнодушiя и насмѣшекъ, что подало поводъ къ нѣкоторымъ изреченiямъ того рода, которыя вызываютъ всеобщее удивленiе.

Я открыла свои старыя тетради химiи...

Когда я достигну окончательныхъ результатовъ въ живописи, я буду учиться декламацiи: у меня голосъ и жесты драматической актрисы.

Если только Богъ дастъ мнѣ здоровья и времени, я буду заниматься **всѣмъ**; я и такъ уже много дѣлаю, но это только начало.

Я создала себѣ существованiе, достойное зависти.

Вторникъ, 23 апрѣля. М. въ сущности очень не глупъ, особенно для такого свѣтскаго молодого человѣка. Но въ сравненіе съ NN... это то же, что сравнивать какую-нибудь салонную пѣвицу съ Патти... Я надѣюсь, друзья мои, что вы отдаете должную справедливость человѣку, собирающемуся теперь окунуться въ прелести семейной жизни: вы вѣдь знаете, какъ высоко я его ставлю, а въ моей геніальности вы, конечно, не сомнѣваетесь!!

Политическій дѣятель, трибунъ, выразитель извѣстнаго принципа, извѣстной идеи, глава государственной партіи, все еще могущественной, что бы тамъ ни говорили! Насколько это болѣе блестяще, хотя, можетъ быть, и суетнѣе, чѣмъ какой-нибудь спеціальный талантъ, который работаетъ только надъ какой-нибудь одной вещью, который весь ушелъ въ одинъ предметъ, въ сущности, можетъ быть, и болѣе великій, но доступный только извѣстному кругу интеллигентныхъ людей: тогда какъ дѣятельность перваго понятна всякому, начиная съ желѣзнодорожнаго носильщика и кончая великими міра сего...

Я ужасно дурно выражаю свои мысли, и мнѣ просто обидно за тѣ мысли, которыя я хотѣла выразить; но я думаю, что все это высказано гдѣ-нибудь до меня, только лучше и точнѣе.

Если бы только мнѣ можно было теперь читать!.. Но это слишкомъ утомляетъ мнѣ зрѣніе для рисованія. Одиннадцать часовъ, и я иду спать, спокойная, гордая, нечувствительная ни къ чему печальному.

Среда, 24 апрѣля. Вмѣсто того, чтобы читать, я играла на гитарѣ. Я разучиваю наизусть пѣсню:

Говорятъ, что ты хочешь жениться,
Я не въ силахъ тотъ день пережить.

Я пою это съ достодолжнымъ чувствомъ, съ тихимъ отчаяніемъ и выраженіемъ непритворной грусти въ глазахъ. Но это только отъ пѣсни, потому что въ дѣйствительности, если я чувствую что-нибудь, то только по вечерамъ.

По просьбѣ дѣдушки я цѣлый вечеръ играла у него въ комнатѣ, но потомъ мама начала изливать разныя жалобы по поводу брака NN.

— Теперь ужъ все равно ничего не подѣлаешь, — сказала она, такъ можно все высказать. Не могло быть въ мірѣ людей, болѣе подходящихъ другъ къ другу, чѣмъ Мари и NN.

А теперь эта черноволосая лицемѣрка будетъ наслаждаться счастіемъ! и такъ далѣе. Какъ это скучно, что мама говоритъ все это; ну, положимъ, если бы даже это было чѣмъ-нибудь для меня, нужно было бы во всякомъ случаѣ оставить меня въ покоѣ. Вы знаете, когда дѣти ушибутся, они плачутъ вдвое сильнѣе, если ихъ начинаютъ утѣшать!

Я отдамся живописи. Но я чувствую себя такъ, какъ будто бы съ меня сдирали кожу и все, все, что меня наполняетъ, разлетается въ пухъ и прахъ, вотъ какъ бываетъ съ куклами, когда съ нихъ сдираютъ ихъ коленкоровую кожу, и волосъ, которымъ онѣ набиты, такъ и лѣзетъ во всѣ стороны.

Я запретила себѣ все, кромѣ живописи, а мнѣ всячески стараются смутить и умъ, и сердце, и все... Ну, полно, дитя мое! если ты плохо чувствуешь себя, думай объ одномъ: все это только вопросъ времени; время заставитъ тебя забыть его, время успокаиваетъ всѣ скорби: будемъ же терпѣливы и предадимъ себя въ руки Божіи. Но завтра NN. долженъ придти обѣдать. Если онъ дѣйствительно женится, лучше бы уже мнѣ его не видѣть; я буду бояться и... я буду бояться...

Онъ женится! Я встрѣчаю это извѣстіе невольнымъ ропотомъ, это совершенно естественно. Но кажется я могла бы остаться совершенно спокойна, если бы мама не была такъ взволнована этимъ. Я не проявляю никакой досады, но и не стѣсняюсь сказать, что это событіе не изъ пріятныхъ... Такое поведеніе подобаетъ женщинѣ, которую грязная вода вселенной принудила взобраться на вершину горы.

Уже половина одиннадцатаго, и я ложусь спать, чтобы завтра по своему обыкновенію быть въ мастерской безъ пяти восемь.

Суббота, 27 — воскресенье, 28 апрѣля. Сегодня, послѣ пасхальной заутрени въ русской церкви, наше посольство устроило ужинъ у священника, домъ котораго былъ избранъ на этотъ разъ вслѣдствіе близости къ церкви. Но разсылаетъ приглашенія и принимаетъ самъ посланникъ. Намъ пришлось сѣсть за тотъ же столъ, гдѣ былъ великій князь Лейхтенбергскій съ женой, посланникъ и самая избранная часть русской колоніи въ Парижѣ.

Почему бы князю О., который, какъ извѣстно, вдовецъ, не влюбиться въ меня и не жениться на мнѣ!.. Я была бы посланницей въ Парижѣ, чуть-чуть не императрицей! Вѣдь женился же А., бывшій посланникъ въ Тегеранѣ, на молоденькой

женщинѣ — по любви, будучи уже пятидесятилѣтнимъ человѣкомъ.

Я вовсе не произвела желаннаго эффекта; Лаферрьеръ опоздала, и я должна была надѣть платье, которое ко мнѣ не шло. Отъ платья зависѣло мое настроеніе, отъ настроенія — выраженіе лица, и все остальное.

Понедѣльникъ, 29 апрѣля. Работаю съ восьми часовъ утра до шести вечера, исключая только полтора часа, уходящихъ на то, чтобы сходить позавтракать. Что можетъ быть лучше правильной работы?

Но чтобы перейти къ чему-нибудь другому, скажу вамъ, что — кажется — я никогда не смогу серьезно влюбиться. Я всегда, всегда открываю въ человѣкѣ что-нибудь смѣшное и ужъ тогда конецъ. Или если и не смѣшное, то неловкое, или глупое, или скучное; словомъ — вѣчно есть что-нибудь...

Но правда и то, что прежде, чѣмъ я найду человѣка, который сумѣлъ бы завладѣть моей душой, я не поддамся никакому очарованію. Благодаря этой склонности — докапываться въ каждомъ человѣкѣ до его недостатковъ, я смогу уберечься отъ всѣхъ Адонисовъ въ мірѣ...

До какой степени глупы люди, прогуливающіеся въ паркахъ, и какъ мнѣ непонятна эта пустая, тупая жизнь!

Пятница, 2 мая. Бываютъ минуты, когда я готова послать къ чорту это горнило умственной работы, славу и живопись, чтобы ѣхать въ Италію — жить солнцемъ, музыкой и любовью.

Суббота, 3 мая. Я обожаю все, что **просто** — въ живописи, въ чувствахъ, во всемъ. У меня никогда, никогда не было и не будетъ простыхъ чувствъ, потому что они невозможны тамъ, гдѣ царятъ всякія сомнѣнія и опасенія, основанныя на пережитыхъ фактахъ. Простыя чувства могутъ возникнуть только при счастьѣ или гдѣ-нибудь въ деревнѣ въ невѣдѣніи всего того, что...

Я представляю изъ себя характеръ въ высшей степени **сложный,** столько же изъ-за избытка разныхъ тонкихъ ощущеній, сколько изъ-за самолюбія, потребности въ анализѣ всего, постояннаго исканія истины, страха пойти по невѣрному пути, различныхъ неудачъ.

А когда сердце и умъ въ вѣчной тревогѣ, въ результатѣ получается нѣчто истомленное; это конечно не мѣшаетъ быть сильнымъ, но въ то же время легко поддаешься всякимъ при-

чудамъ, экзальтацiи, легко обрываешься въ своихъ начинанiяхъ, словомъ — вѣчная мучительная неровность настроенiя. Въ общемъ, это, конечно, лучше, чѣмъ безусловное однообразiе, которое, какъ говорятъ, тоже утомляетъ. Такое однообразiе и полная ровность характера исключаетъ возможность различать во всемъ тѣ тонкiе оттѣнки, которые доставляютъ высшую радость тонкимъ, **сложнымъ** характерамъ; а эти характеры ищутъ тонкихъ ощущенiй во всемъ — даже въ созерцанiи великаго и прекраснаго; да безъ этихъ тонкостей и дѣйствительно врядъ ли можно достигнуть такихъ сильныхъ и художественныхъ эффектовъ...

Можно подумать, что я что-нибудь смыслю во всемъ этомъ. А между тѣмъ — я знаю только, что пишу все, что мнѣ взбредетъ въ голову, и ни у кого ничего не краду.

Суббота, 11 мая. Я, Шепи и тетя Мари отправляемся на выставку смотрѣть картины и любоваться Донъ-Карлосомъ, который представляетъ изъ себя самаго величественаго и царственнаго человѣка, какого я только видѣла. Его можно одѣть во что угодно, гдѣ угодно поставить, всякiй задается вопросомъ: кто такое этотъ человѣкъ?

Невозможно отрицать значенiе выдающихся родовъ, породы, и если люди избранной породы оказываются безобразными и не представительными, тутъ ужъ повѣрьте мнѣ — дѣло не спроста.

Воскресенье, 12 мая. Я сдѣлала свою первую nature morte: ваза изъ голубого фарфора съ букетомъ фiалокъ, а подлѣ маленькая красная, уже нѣсколько потрепанная книга. Такимъ образомъ я не перестану рисовать и прiучусь къ краскамъ, посвящая имъ всего два-три часа по воскресеньямъ. Каждое воскресенье я буду дѣлать что-нибудь новое.

Вчера я наговорила глупостей моей матери. Потомъ, вернувшись въ свою маленькую гостиную, гдѣ было совершенно темно, и упавъ на колѣни, я поклялась передъ Богомъ никогда больше не отвѣчать моей матери, когда она выведетъ меня изъ себя, а просто молчать или уйти. Она больна, долго ли до бѣды, и я никогда не утѣшилась бы въ сознанiи своихъ проступковъ противъ нея.

Четвергъ, 16 мая. Пока я собиралась взяться за голову скелета, успѣвъ уже по своему обыкновенiю предварительно разболтать о своемъ проектѣ, Бреслау за эту недѣлю уже написала ее. Этотъ случай научаетъ меня не быть такой бол-

туньей. Все это дало мнѣ поводъ сказать въ разговорѣ съ другими, что должно быть и правда — мои идеи чего-нибудь да стоятъ, если находятся глупцы, подбирающіе наиболѣе плохія и невыгодныя изъ нихъ.

Пятница, 17 мая. Я была бы, кажется, готова взорвать на воздухъ всѣ дома — всѣ эти семейныя гнѣзда!.. Нужно бы, казалось, любить свое гнѣздо; ничего не можетъ быть слаще, какъ отдыхъ въ немъ, мечтать о своихъ дѣлахъ, о видѣнныхъ людяхъ, но вѣчно отдыхать!!..

День — отъ восьми утра до шести вечера — проходитъ еще туда-сюда — за работой, но вечеръ!!.. Я собираюсь заниматься по вечерамъ скульптурой, чтобы только не останавливаться мыслью на томъ, что — вотъ я молода, а время все уходитъ, и что я скучаю и возмущаюсь, и что все это такъ ужасно!

Странная это вещь — люди, которымъ не везетъ ни въ любви, ни въ дѣлахъ. Въ любви-то, положимъ, это была еще моя вина: я настраивала свое воображеніе по отношенію къ однимъ, не обращала вниманія на другихъ. Но въ дѣлѣ!..

Я пойду теперь плакать и просить Бога, чтобы онъ устроилъ мнѣ мои дѣла. Это, собственно, престранно — вести разговоръ съ Господомъ Богомъ, только это нисколько не дѣлаетъ Его добрѣе по отношенію ко мнѣ.

Но другіе не умѣютъ молиться. А вѣдь я вѣрю, и какъ я умоляю Его...

Очевидно, что я просто недостойна этого. Мнѣ кажется, что я скоро умру.

Суббота, 25 мая. — Дѣло идетъ что-то недостаточно хорошо для васъ, — сказалъ мнѣ Роберъ-Флери. — Я и сама чувствовала это, и если бы онъ не ободрилъ меня за мои natures mortes, я бы опять свалилась съ высоты своихъ надеждъ.

Мы были во французскомъ театрѣ, видѣли «Les Fourchambault». Всѣ въ восторгѣ отъ пьесы, чего не могу сказать о себѣ.

На мнѣ была шляпа... но это больше совсѣмъ не занимаетъ меня... Я забочусь только о томъ, чтобы быть одѣтой вполнѣ прилично... Послѣднее время я какъ-то нѣсколько упускала это изъ виду.

Несомнѣнно, что я буду великой художницей!!.. Какъ же иначе, если каждый разъ, что я немного выйду изъ комнаты

моихъ занятій, судьба снова загоняетъ меня въ нее ударомъ самыхъ разныхъ сортовъ. Не мечтала ли я о политическихъ салонахъ, о выѣздахъ въ свѣтъ, потомъ о богатомъ бракѣ, потомъ снова о политикѣ?.. Но когда я мечтала обо всемъ этомъ, я думала, что есть возможность найти какой-нибудь женскій человѣческій обычный выходъ изъ всего этого. Нѣтъ, ничего подобнаго нѣтъ!..

Но зато благодаря этому я пріобрѣла большое хладнокровіе, громадное презрѣніе ко всему и всѣмъ, разсудительность, благоразуміе — словомъ бездну вещей, которыя дѣлаютъ мой характеръ холоднымъ, нѣсколько высокомѣрнымъ, нечувствительнымъ, и въ то же время задѣвающимъ другихъ, рѣзкимъ, энергичнымъ. Что же касается святого огня, онъ точно спрятался, такъ что обычные зрители, профаны — и не подозрѣваютъ о немъ. Въ ихъ глазахъ — я ни на что не обращаю вниманія, отъ всего отстраняюсь, не имѣю сердца; я критикую, я презираю, я насмѣхаюсь!

А все мои нѣжныя чувства, загнанныя въ самую глубину моей души, что говорятъ они при видѣ этой высокомѣрной вывѣски, прикрывающей ходъ въ мою душу? Они ничего не говорятъ... они ропщутъ и еще глубже прячутся, оскорбленныя и огорченныя.

Я провожу свою жизнь въ томъ, что говорю разную дичь, которая мнѣ нравится, а другихъ удивляетъ... Все это было бы прекрасно, если бы въ этомъ не было оттѣнка горечи, если бы это не было плодомъ невообразимой неудачи во всемъ. Въ послѣдній разъ, что я причащалась, священникъ далъ мнѣ вино и хлѣбъ, потомъ отдѣльно еще по обыкновенію кусочекъ хлѣба безъ вина; и этотъ хлѣбъ два раза выпадалъ у меня изъ рукъ. Мнѣ стало непріятно на сердцѣ, но я ничего не сказала, надѣясь, что это не означало того, что я недостойна... Это былъ именно отказъ, повидимому.

Все это доказываетъ только, что я должна окончательно посвятить себя моему искусству... Конечно, я еще буду выскакивать изъ этой колеи подъ вліяніемъ различныхъ толчковъ, но это только на какой-нибудь часъ, послѣ чего я снова возвращусь, наказанная и благоразумная.

Понедѣльникъ, 27 мая. Къ семи часамъ я уже въ мастерской, а завтракаю за три су въ сливочной, куда иду вмѣстѣ со шведками. Я встрѣчаю тамъ рабочихъ въ блузахъ, ко-

торые приходятъ туда угоститься тѣмъ же простымъ шоколадомъ, какой пью и я.

— Начать живопись съ natures mortes— да это для васъ то же, какъ если бы здоровенному человѣку приказали упражнять свои силы, вертя эту штучку (и говоря мнѣ это, Жуліанъ сталъ опускать и поднимать ручку для пера); приступать къ цѣлымъ фигурамъ, пожалуй, дѣйствительно еще не слѣдуетъ, но пишите отдѣльныя части — ноги, другія части тѣла, словомъ, разныя модели; ничего лучше быть не можетъ.

Онъ совершенно правъ, и я теперь же примусь за какую-нибудь ногу.

Я завтракала въ мастерской; мнѣ принесли завтракъ изъ дома, потому что я разсчитала, что, отправляясь для этого домой, я каждый день теряла по цѣлому часу; а это составляетъ 6 часовъ, т. е. цѣлый день работы, въ недѣлю = четыре дня въ мѣсяцъ = сорокъ восемь дней въ годъ.

Что же касается вечеровъ... я собираюсь приняться за лѣпку; я говорила объ этомъ съ Жуліаномъ, который поговоритъ или попроситъ поговорить объ этомъ съ Дюбуа, такъ чтобы заинтересовать его.

Я дала себѣ четыре года сроку; семь мѣсяцевъ уже прошло. Я думаю, что трехъ лѣтъ будетъ довольно: такъ что мнѣ остается еще два года пять мѣсяцевъ.

Мнѣ будетъ тогда двадцать первый годъ.

Жуліанъ говоритъ, что я буду хорошо писать черезъ годъ — можетъ быть, но не достаточно хорошо.

Такая работа просто неестественна, — говоритъ онъ, смѣясь. — Вы забываете свѣтъ, прогулки, все! Въ этомъ долженъ скрываться какой-нибудь тайный замыселъ, какая-нибудь особенная цѣль...

Четвергъ, 30 мая. Обыкновенно родные и всѣ окружающіе не признаютъ генія великихъ людей... У насъ, напротивъ, слишкомъ высоко цѣнятъ меня, такъ что пожалуй не удивились бы, если бы я написала картину величиной съ плотъ Медузы и если бы мнѣ дали орденъ Почетнаго Легіона. Ужъ не есть ли это дурной знакъ... Надѣюсь, что нѣтъ.

Пятница, 31 мая. Я опять была у ясновидящаго сомнамбула Алексиса. Я дала ему три запечатанныхъ письма, объ авторахъ которыхъ онъ сталъ говорить мнѣ, не раскрывая конвертовъ. Первый — сказалъ онъ, — фальшивый человѣкъ, надоѣдающій мнѣ неинтересными разсужденіями о разныхъ

проявленіемъ моего характера. Второй — бѣлокурый, довольно полный, съ голубыми глазами, съ кроткимъ лицомъ и нѣсколько страннымъ взглядомъ; онъ чувствуетъ ко мнѣ возрастающее расположеніе, я его смущаю, и онъ не знаетъ, какъ ему быть... Но оба первые имѣютъ ко мнѣ гораздо меньшее отношеніе, чѣмъ третій, съ которымъ у меня большое сходство въ складѣ ума, сердца, который сильно любитъ меня, но собирается вступить въ бракъ съ какой-то высокой брюнеткой!..

Потомъ я спросила его, могу ли я быть замагнетизирована и магнетизировать другихъ.

— Замагнетизировать васъ трудно, но вы можете легко магнетизировать другихъ.

Я отправляюсь въ милый старый Парижъ, чтобы купить книгъ, трактующихъ о магнетизмѣ, и такъ какъ нѣкоторыхъ тамъ нельзя достать, меня посылаютъ къ самому барону Дюпортъ. Я иду, нахожу тамъ большую, широкую, почернѣвшую лѣстницу, какъ въ Италіи, библіотеку и стараго маніака, объявляющаго себя царемъ магнетизма.

Я хочу серьезно заняться этимъ. Въ этой могущественной силѣ мнѣ видится какой-то особенный отблескъ Божества.

Наши отправляются смотрѣть феерію въ Шателѣ; я ѣду съ ними. Видѣть одну феерію значитъ видѣть всѣ. Я скучала и, машинально разглядывая рекламы на занавѣсѣ, думала о томъ, что жизнь моя поблекла, отцвѣла, и... пропала. Такъ тяжело чувствовать вокругъ себя эту пустоту, эту тоску. Я считала себя созданной для полнаго счастья, а теперь вижу, что мнѣ суждено быть во всемъ несчастной. Это какъ разъ то же самое, только наоборотъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я знала, чего держаться, все это вполнѣ сносно и больше не огорчаетъ меня, потому что я все знаю заранѣе. Увѣряю васъ, что я говорю то, что думаю. Что было ужасно, такъ это постоянное разочарованіе: встрѣчать змѣй тамъ, гдѣ надѣялся увидѣть цвѣты, — вотъ что ужасно... Но всѣ эти удары закалили меня до равнодушія. Все идетъ попрежнему вокругъ меня, но, отправляясь въ мастерскую, я ужъ ни на что не обращаю вниманія. Въ остальное время читаю газету или просто закрываю глаза на все, что дѣлается.

Вы, можетъ быть, думаете, что это покорность отчаянія?.. Причина ея, пожалуй, отчаяніе, но она спокойна и тиха, хотя и

не безъ грустнаго оттѣнка. Вмѣсто розоваго — видишь все въ сѣромъ цвѣтѣ, вотъ и все.

Я просто не узнаю себя... Это — не ощущеніе минуты, я дѣйствительно стала такой. Мнѣ кажется это смѣшнымъ, но тѣмъ не менѣе это чистая правда; я даже не чувствую больше нужды въ богатствѣ; мнѣ было-бы довольно двухъ черныхъ блузъ въ годъ, бѣлья, которое я сама стирала бы по воскресеньямъ на всю недѣлю, самой простой пищи, — только безъ луку и свѣжей, — и... возможности работать.

Каретъ не надо; можно отлично обойтись омнибусомъ, а то и пѣшкомъ.

Но въ такомъ случаѣ для чего жить? Для чего? О, вотъ тема! А надежда на лучшіе дни! Эта надежда вѣдь никогда не покидаетъ насъ.

Все относительно. Такъ, по сравненію съ моими прежними мученіями, настоящее — чистое благополучіе; я наслаждаюсь имъ, точно какимъ-нибудь пріятнымъ событіемъ. Въ ноябрѣ мнѣ будетъ девятнадцать лѣтъ! — Дико, невозможно. Это ужасно.

Моментами на меня находитъ желаніе изящно одѣться, отправиться на прогулку, показаться въ оперѣ, въ паркѣ, въ салонѣ — на выставкѣ. Но черезъ минуту я говорю себѣ: къ чему все это? И все разлетается...

Между каждымъ словомъ, которое я пишу, у меня проносится милліонъ мыслей; я успѣваю записывать только какіе-то обрывки.

Подумаешь, какое несчастье для потомства! — Это не несчастье для потомства, но дѣло въ томъ, что это не даетъ возможности понять меня.

Я завидую Бреслау; она рисуетъ совсѣмъ не какъ женщина. На будущей недѣлѣ я примусь за работу такъ, что вы увидите!.. Послѣполуденные часы будутъ посвящены выставкѣ... Но слѣдующую недѣлю... Я **хочу** хорошо рисовать и добьюсь.

Понедѣльникъ, 3 іюня. Безсонная ночь, работа съ восьми часовъ утра и бѣготня съ двухъ до семи вечера то по выставкѣ, то для отысканія новаго помѣщенія... И это проклятое здоровье никуда не годится! Эта энергія треплется безъ всякой пользы! Я работаю... О, прелестное положеніе дѣлъ! отъ семи до восьми часовъ въ день, отъ которыхъ не больше толку, чѣмъ отъ семи-восьми минутъ труда.

Завтра я выскажу вамъ мое настоящее мнѣніе, мое истинное мнѣніе, созданное во мнѣ не событіями, не чьимъ-нибудь вліяніемъ, я выскажу его даже сегодня вечеромъ...

Сохраненіе титуловъ, равенство передъ закономъ; всякое иное равенство невозможно. Уваженіе къ стариннымъ фамиліямъ; оказаніе чести иностраннымъ государямъ. Покровительство искусствамъ, роскошь и изящество.

Республикѣ ставятъ въ вину кровь, грязь и проч. Скажите пожалуйста! Да вглядитесь въ начало всякаго другого образа правленія, особенно если принять во вниманіе, что добрая половина все только портитъ, всему мѣшаетъ, борется... Сколько было неудачныхъ попытокъ: наполеоновскія традиціи, св. Елена...

Ну, а теперь? Остается ничтожный Шамборъ, потомъ принцы Орлеанскіе... Но Орлеанскіе — ничего изъ себя не представляютъ въ моихъ глазахъ; такія измельчавшія побочныя линіи не пользуются популярностью. Что же касается до Наполеона III, то его родъ навсегда утратилъ значеніе. Республика настоящаго времени — это истинное такъ долго ожидаемое, сошедшее на Францію благословеніе неба.

Нельзя обращать вниманіе на нѣсколькихъ вольнодумцевъ, которые встрѣчаются при какомъ угодно образѣ правленія, нельзя ссылаться на нѣкоторыя преувеличенія. Государство не салонъ.

Люди партій могутъ избирать своихъ представителей, но въ общемъ республика не есть какая-нибудь партія, это цѣлая страна, и чѣмъ большее число людей признаетъ ее, тѣмъ шире она раскроетъ свои объятія, и когда наконецъ всѣ придутъ къ этому, не будетъ ни изгнанниковъ, ни отверженныхъ, ни избранныхъ, не будетъ болѣе партіи. Будетъ единая Францiя.

Республиканцамъ ставятъ въ вину то обстоятельство, что между ними встрѣчаются разные негодяи, а укажите-ка мнѣ націю, гдѣ бы ихъ не встрѣчалось? Если бы вся Франція стала легитимисткой или имперіалисткой, неужели всѣ граждане такъ-таки и были бы члены безъ пятенъ...

Однако, доброй ночи. Я заболталась... тороплюсь на всѣхъ парахъ...

Среда, 12 іюня. Съ завтрашняго дня я снова принимаюсь за работу, почти заброшенную съ субботы; я чувствую угры-

зенія совѣсти и завтра все войдетъ въ свою колею. Для моихъ дѣлъ мнѣ будетъ достаточно вечеровъ...

Руэ очень удивилъ меня во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ — своей молодостью, бодростью; я воображала его важнымъ, медлительнымъ, чуть ли не дряхлымъ; а онъ выскочилъ изъ кареты, подалъ руку, расплатился съ извозчикомъ, живо взбѣжалъ на подъѣздъ; и потомъ занялся своимъ образомъ мыслей. Полуобразованіе, — сказалъ онъ, — ведетъ только къ отрицанію всякихъ авторитетовъ. Онъ проповѣдуетъ благодѣяніе невѣжества (утверждая въ то же время, что этотъ вопросъ очень трудно рѣшить) и настаиваетъ на томъ, что журналистика — настоящій ядъ, бросаемый въ среду народа...

Представьте же себѣ, съ какимъ любопытствомъ я его разсматривала и слушала — вице-короля! Но я не собираюсь выкладывать вамъ здѣсь свои заключенія во-первыхъ потому, что я его недостаточно видѣла для этого, а во-вторыхъ — потому, что я просто не расположена къ этому сегодня вечеромъ. Онъ разсказалъ намъ много интереснаго — о покушеніи на нашего государя въ 1867 г., потомъ еще много говорилъ о нашей царской фамиліи; спрашивалъ меня, знаемъ ли мы великаго князя. Я, конечно, держала себя съ главой бонапартистовъ, какъ истая православная...

Я даже сама не могу надивиться на свои тонкія любезности и свой тактъ. Гавини и баронъ, казалось, вполнѣ одобряли мое поведеніе, и самъ Руэ былъ доволенъ, но... все это какой-то подмоченный фейерверкъ!!!

Разговоръ шелъ о голосованіи, о законахъ, о брошюрахъ, о приверженцахъ и измѣнникахъ — и все это въ моемъ присутствіи. Слушала ли я? О, еще бы. Передо мной точно двери въ рай открывались. Я выразила однако мнѣніе, что женщины не должны были бы ни во что вмѣшиваться, потому что кромѣ зла ничего не могутъ причинить, благодаря своему неумѣнью отдѣлаться отъ пристрастія.

Я сожалѣю о томъ, что я женщина, а Руэ о томъ, что онъ мужчина. У женщинъ, — сказалъ онъ, — нѣтъ такихъ тревогъ и непріятностей, какъ у насъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, что и у тѣхъ, и у другихъ ихъ одинаково. Только хлопоты мужчинъ доставляютъ имъ почесть, славу, популярность, а хлопоты женщинъ ничего не приносятъ.

— Такъ вы думаете, сударыня, что наши непріятности всегда вознаграждаются такимъ образомъ?

— Я думаю, что это зависитъ отъ самихъ мужчинъ.

Но не надо думать, что я такъ сразу и ввязалась въ разговоръ; я сидѣла сначала минутъ десять нѣсколько смущенная, потому что эта старая лиса, казалось, вовсе не была въ восторгѣ отъ этого представленія.

Хотите знать одну вещь?.. Я въ восторгѣ.

Теперь мнѣ хотѣлось бы разсказать вамъ всѣ милыя вещи, которыя я сказала... Ну, нѣтъ, не надо. Скажу только, что я сдѣлала все отъ меня зависящее, чтобы не говорить банальностей и казаться преисполненной здраваго смысла; такъ вы лучше представите себѣ сами все, что произошло.

Суббота, 15 іюня. Подумайте! Роберъ-Флери ничего не хотѣлъ сказать мнѣ — такъ плохъ мой рисунокъ. Тогда я показала ему то, что сдѣлала на прошлой недѣлѣ, и удостоилась похвалъ. Бываютъ дни, когда все утомляетъ.

Среда, 3 іюля. М. пришелъ проститься и, такъ какъ шелъ дождь, предложилъ проводить насъ на выставку.

Предложеніе было принято, но еще до этого, оставшись наединѣ со мной, онъ сталъ умолять меня быть менѣе жестокой и т. д. и т. д.

— Вы знаете, что я безумно люблю васъ, что я страдаю... Если бъ вы знали, какъ это ужасно видѣть однѣ только насмѣшливыя улыбки, слышать только насмѣшки, — когда серьезно любишь.

— Вы забрали себѣ это въ голову...

— О, нѣтъ, клянусь вамъ, я готовъ представить вамъ всѣ доказательства... самую безусловную преданность, вѣрность, терпѣніе собаки, что хотите!.. Скажите хоть одно слово, скажите, что хоть немножко... вѣрите мнѣ... За что вы обращаетесь со мной, какъ съ какимъ-то шутомъ, какъ съ существомъ какой-то низшей расы...

— Я обращаюсь съ вами такъ же, какъ со всѣми.

— За что? Вѣдь вы же знаете, что я люблю васъ не такъ, какъ всѣ, что я вамъ такъ преданъ...

— Я привыкла къ тому, что вызываю это чувство.

— Но не такое, какъ мое... Позвольте мнѣ думать, что вы не питаете ко мнѣ ужасныхъ чувствъ...

— О, ужасныхъ! — увѣряю васъ, что нѣтъ.

— Для меня всего ужаснѣе равнодушіе.

— А! но что-же тутъ...

— Обѣщайте мнѣ не забывать меня въ теченіе этихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ моего отсутствія.

— Это не въ моей власти.

— Позвольте мнѣ время отъ времени напомнить вамъ о своемъ существованіи. Можетъ быть я буду забавлять васъ, вызову у васъ улыбку?.. Позвольте мнѣ... надѣяться, что иногда изрѣдка вы пришлете мнѣ одно слово, одно единственное.

— Какъ вы сказали?

— О, ну, безъ подписи, просто только «я здорова»... И все тутъ!.. Я буду такъ счастливъ!

— Я подписываю все, что я пишу...

— Вы даете мнѣ позволенье?

— Я вѣдь какъ **Фигаро**, я принимаю всякія письма....

— Господи! Если бы вы знали, какъ это ужасно — никогда не добиться серьезнаго слова, подвергаться вѣчнымъ насмѣшкамъ... Нѣтъ, скажите, будемъ говорить серьезно, чтобы потомъ вамъ нельзя было упрекнуть себя въ томъ, что вы не сжалились надо мной даже въ минуту, когда я разстаюсь съ вами! Могу я надѣяться, что моя безграничная преданность, моя привязанность, моя любовь... Ставьте мнѣ какія хотите условія, какія угодно испытанья, но могу я надѣяться, что когда-нибудь вы будете мягче? Что вы не вѣчно будете насмѣхаться?

— Что касается испытаній, — говорю я довольно серьезно, — то только одно и есть.

— Какое? Я на все готовъ.

— Время.

— Ну, хорошо, пусть время. Вы увидите...

— Мнѣ будетъ это очень пріятно.

— Но скажите, вы довѣряете мнѣ хоть сколько-нибудь?

— Какъ? Я довѣряю вамъ до такой степени, что поручаю вамъ письмо, съ увѣренностью, что вы его не распечатаете.

— Какой ужасъ! Нѣтъ, но безусловное довѣріе...

— Какія сильныя выраженія!

— Да если чувство сильно? — сказалъ онъ тихо.

— Да мнѣ и самой хотѣлось бы вѣрить, — вѣдь это льститъ нашему самолюбію. И право, мнѣ и самой хочется имѣть къ вамъ нѣкоторое довѣріе.

— Правда?

— Право. Этого вамъ достаточно, неправда ли?

Мы отправляемся на выставку. Я все время чувствовала досаду: М... былъ вполнѣ счастливъ и такъ ухаживалъ за мной, какъ будто я приняла его любовь.

Сегодня вечеромъ я чувствую истинное удовлетвореніе: любовь М... производитъ на меня совершенно то же впечатлѣніе, какъ любовь А... Итакъ, вы видите, — я вовсе не любила Пьетро! Я даже не была влюблена. Потомъ я была совсѣмъ близка къ тому, чтобы полюбить... Но вы знаете, какимъ ужаснымъ разочарованіемъ это кончилось.

Вы отлично понимаете, что я не чувствую ни малѣйшаго желанія выйти замужъ за М...

— Истинная любовь всегда почтительна, — сказала я ему; вамъ нечего стыдиться ея, только не забирайте себѣ въ голову лишняго.

— Вашу дружбу!

— Пустое слово.

— Ну, такъ ваше...

— Вы неумѣренны.

— Но что сказать, если вы не позволяете мнѣ начать съ малаго, съ дружбы...

— Химеры!

— Занчитъ, любовь...

— Вы говорите нелѣпости.

— Почему?

— Потому что я чувствую къ вамъ полное пренебреженіе.

Пятница, 5 іюля. Возвращаюсь изъ концерта русскихъ цыганъ. Я не хочу уѣхать и оставить дурного впечатлѣнія. Мы были вшестеромъ: тетя, Дина, Степанъ, Филиппини, М... и я. По окончаніи концерта мы отправляемся ѣсть мороженое и подзываемъ къ себѣ двухъ наиболѣе хорошенькихъ цыганокъ и двухъ цыганятъ, которыхъ угощаемъ виномъ и мороженымъ. Было презанятно говорить съ этими молоденькими добродѣтельными дѣвушками.

Потомъ тетя даетъ руку Степану, Дина идетъ съ Филиппины, а я — съ М... Мы идемъ пѣшкомъ до самаго дома; погода такая чудная. М., успокоенный, говоритъ мнѣ о своей любви... Это опять прежняя исторія: я не люблю его, но его огонь согрѣваетъ меня; это-то я и принимала за любовь два года тому назадъ...

Онъ говоритъ такъ хорошо... Онъ даже плакалъ. Приближаясь къ дому, я смѣялась меньше, я была размягчена этой прекрасной ночью и этой пѣснью любви. Ахъ, какъ это хорошо — быть любимой!.. Нѣтъ ничего въ мірѣ, что моглобы сравниться съ этимъ... Теперь я знаю, что М. любитъ меня. **Такъ** не играютъ комедію. И потомъ—если бы онъ добивался моихъ денегъ, мое пренебреженіе ужъ давно оттолкнуло бы его, и потомъ — есть Дина, которую считаютъ такой же богатой, да и мало ли еще дѣвушекъ... М. не какой-нибудь хлыщъ, это настоящій джентльменъ. Онъ бы могъ найти, и онъ еще **найдетъ** кого-нибудь другого вмѣсто меня.

М... право очень милый; я, можетъ быть, сдѣлала ошибку, оставивъ свою руку въ его рукѣ въ минуту разставанья. Онъ поцѣловалъ мою руку. Я должна была позволить ему это. И потомъ онъ такъ любитъ и уважаетъ меня, бѣдный человѣкъ! Я разспрашивала его, какъ ребенокъ, мнѣ хотѣлось знать, какъ это съ нимъ случилось, съ какихъ поръ? Кажется, онъ меня тотчасъ же полюбилъ. «Но это странная любовь,— сказалъ онъ, — другія — просто женщины, но вы стоите выше всего человѣческаго; и это — странное чувство; я знаю, что вы обращаетесь со мной, какъ съ горбатымъ шутомъ, что у васъ нѣтъ доброты, что вы безсердечны — и все-таки я люблю васъ; обыкновенно люди восхищаются сердцемъ любимой женщины. А я... у меня, такъ сказать, нѣтъ даже симпатіи къ вамъ, и въ то же время я обожаю васъ».

Я все слушала, потому что, право, увѣряю васъ, слова любви стоятъ всѣхъ зрѣлищъ въ мірѣ, исключая развѣ тѣхъ, куда идешь, чтобы показать себя. Но въ такомъ случаѣ — это тоже родъ пѣсни любви: на васъ смотрятъ, вами восхищаются, и вы расцвѣтаете, какъ цвѣтокъ подъ лучами солнца.

Соденъ. Воскресенье, 7 іюля. Въ семь часовъ мы ѣдемъ. Дѣдушкѣ хотѣлось, чтобы я осталась; но я простилась съ нимъ: тогда онъ обнялъ меня и вдругъ заплакалъ, сморщивъ носъ, раскрывъ ротъ, закрывъ глаза — точно ребенокъ! До его болѣзни — это было бы ничего, но теперь... я обожаю его. Если бы вы знали, какъ онъ интересуется малѣйшими пустяками, какъ онъ любитъ всѣхъ насъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ находится въ этомъ ужасномъ состояніи. Еще одна минута, и я бы осталась... Такое безуміе быть вѣчно такой чувствительной!

Представьте себѣ существо, перенесенное изъ Парижа въ Соденъ. **Мертвая тишина**— это недостаточно передаетъ тишину, царящую въ Соденѣ. У меня отъ этого голова идетъ кругомъ такъ же, какъ отъ слишкомъ сильнаго шума.

Здѣсь будетъ время предаться размышленіямъ и писать.

Что за раздражающая тишина!.. Ну, долго ли еще вамъ придется читать мои диссертаціи на эту тему!

Докторъ Тиленіусъ только что вышелъ отъ насъ; онъ разспрашивалъ меня о моей болѣзни и не сказалъ, какъ французы:

«Это ничего, въ восемь дней мы васъ вылѣчимъ».

Завтра я начинаю курсъ лѣченія.

Деревья здѣсь такъ хороши; воздухъ чистый. Деревня идетъ къ моему лицу. Въ Парижѣ я только хорошенькая — если только я такова; здѣсь я кажусь нѣжной и поэтичной; глаза увеличиваются, щеки кажутся худѣе.

Вторникъ, 9 іюля. Какъ они всѣ мнѣ надоѣдаютъ, эти доктора! Мнѣ осматривали горло: фарингитъ, ларингитъ и катарръ. Больше ничего!..

Я занимаюсь чтеніемъ Тита Ливія. Разсчитываю дѣлать это каждый вечеръ; мнѣ необходимо познакомиться съ исторіей Рима.

Вторникъ, 16 іюля. Я хочу добиться своего — живописью или чѣмъ-либо инымъ... Не думайте, однако, что я занимаюсь искусствомъ только изъ тщеславія. Найдется, быть можетъ, не много людей, которые такъ проявляли бы свои художественныя наклонности рѣшительно во всемъ. Впрочемъ, вы, конечно, сами это замѣтили, вы, т. е. интеллигентная часть моихъ читателей; до остальныхъ мнѣ дѣла нѣтъ. Остальнымъ я покажусь только экстравагантной, потому что я дѣйствительно странный человѣкъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, не стараясь быть таковой.

Четвергъ, 1 августа. Я нарядилась старой нѣмкой съ смѣшными ужимками и маленькими странностями, и такъ какъ появленіе каждой новой личности производитъ крайнее возбужденіе среди завсегдатаевъ Курхауза, я произвела цѣлую сенсацію. Только я сдѣлала оплошность, ничего не спросивъ у кельнера; это возбудило подозрѣніе, за мной стали слѣдить, преслѣдовать по пятамъ, и тутъ ужъ тайнѣ конецъ. Увѣряю васъ, что это весьма печально: заставить умереть отъ хохота двадцать пять человѣкъ и не забавиться этимъ самой.

Пятница, 2 августа. Я думаю о Ниццѣ послѣдніе дни... Мнѣ было пятнадцать лѣтъ и какъ я была хороша. Талія, руки, ноги были, можетъ быть, еще не сформированы, но лицо было очаровательно... Съ тѣхъ поръ оно ужъ никогда такимъ не было... По возвращеніи моемъ изъ Рима, графъ К. сдѣлалъ мнѣ цѣлую сцену...

— У васъ лицо совсѣмъ измѣнилось, — говорилъ онъ, — черты, краски тѣ же; но что-то не то... Вы ужъ никогда не будете такой, какъ на этомъ портретѣ.

Онъ говорилъ о портретѣ, гдѣ я сижу, положивъ локти на столъ и опершись щекой на руки.

— Вы имѣете здѣсь такой видъ, какъ будто бы только-что откуда-то пріѣхали, облокотились и, устремивъ глаза куда-то въ будущее, спрашиваете полуиспуганно: такъ вотъ какова она, жизнь?..

Въ пятнадцать лѣтъ въ моемъ лицѣ было что-то дѣтское, чего не было ни до, ни послѣ этого. А вѣдь это выраженіе самое прелестное, что только можетъ быть въ мірѣ.

Какія мѣста для прогулокъ я открыла въ Соденѣ!.. Я не не говорю объ обыкновенныхъ, опошленныхъ мѣстностяхъ для прогулокъ, куда каждый иностранецъ считаетъ своимъ долгомъ вскарабкаться, но аллеи и рощи, гдѣ нѣтъ ни души...

Я обожаю эту тишину. Или Парижъ, или пустыня. О Римѣ я не говорю — это заставило бы меня тотчасъ расплакаться.

Старикъ Титъ Ливій такъ хорошо разсказываетъ, и когда въ какомъ-нибудь пассажѣ чувствуется, что онъ прикрываетъ какую-нибудь неудачу или старается извинить какое-нибудь униженіе — это почти трогательно... Можно сказать, что до сихъ поръ я любила только Римъ.

Представьте себѣ удовольствіе, которое я испытываю, слушая разговоры дамъ объ ихъ нервахъ, объ ихъ знакомыхъ, объ ихъ докторахъ, объ ихъ платьяхъ, объ ихъ дѣтяхъ! Но я уединяюсь, ухожу въ лѣсъ, закрываю глаза и уношусь — куда мнѣ только вздумается.

Вторникъ, 6 августа. Моя шляпа занимаетъ меня и весь Соденъ... Я купила у женщины, раздающей стаканъ воды при источникѣ, чулокъ изъ синей шерсти, который она только-что начала; въ то же время она показала мнѣ, какъ это дѣлается. Я тотчасъ же схватила теорію и чулокъ и усѣлась противъ

оконъ гостиницы, принявшись вязать чулокъ, пока тетя и другія куда-то отправились.

Я тотчасъ же перехожу въ другое настроеніе: я дѣлаюсь безмятежна, очень спокойна, кротка, — становлюсь настоящей нѣмкой; вяжу чулокъ, — чулокъ, которому конца не будетъ, потому что я не умѣю вязать пятку; я никогда не сдѣлаю ее, и чулокъ будетъ длинный, длинный, длинный...

Онъ даже не будетъ длиненъ... На дворѣ сильнѣйшій дождь. У меня бездна ума! о, тихая Германія!..

Прогулки мои не пропадаютъ даромъ; я читаю и не теряю времени. Похвалите же меня, добрые люди!

Среда, 7 августа. Господи, сдѣлай такъ, чтобы я поѣхала въ Римъ. Если бы Ты зналъ, Господи, какъ мнѣ этого хочется! Господи, будь милостивъ къ Твоей недостойной рабѣ. Господи! Сдѣлай такъ, чтобы я поѣхала въ Римъ... Это невозможно, конечно... потому что это было бы слишкомъ большое счастье!..

Это не Титъ Ливій вскружилъ мнѣ голову, потому что мой старый другъ вотъ ужъ нѣсколько дней заброшенъ. Нѣтъ, просто воспоминаніе о поляхъ вокругъ Рима, о площади del Popolo, о Пинчіо, о куполѣ, освѣщенномъ заходящимъ солнцемъ...

И эта дивная чудная полутьма разсвѣта, когда солнце только встаетъ и мало-по-малу начинаешь различать предметы... Какая тогда пустота повсюду... И какое святое волненіе при одномъ воспоминаніи о чудесномъ, волшебномъ городѣ!.. Я думаю, что не только мнѣ, но каждому онъ внушаетъ эти необъяснимыя чувства, вызываемыя какимъ-то таинственнымъ вліяніемъ... какой-то комбинаціей... легендарнаго прошлаго и религіознаго настоящаго, или... не умѣю выразить... Если бы я полюбила человѣка, то привела бы его въ Римъ, чтобы сказать ему это передъ солнцемъ, заходящимъ позади священнаго купола...

Если бы меня поразило какое-нибудь огромное несчастье, я пошла бы молиться и плакать, устремивъ глаза на этотъ куполъ... Если бы я стала счастливѣйшей изъ всѣхъ женщинъ, изъ всѣхъ людей, я пошла бы туда же...

И какъ подумаешь послѣ этого, что живешь въ Парижѣ...

который однако можно назвать единственнымъ сноснымъ городомъ въ мірѣ послѣ Рима.

Парижъ, **Суббота, 17 августа.** Еще этимъ утромъ мы были въ Соденѣ.

Я дала обѣтъ положить пятьсотъ земныхъ поклоновъ, если застану дѣдушку въ живыхъ. Я исполнила этотъ обѣтъ. Онъ не умеръ, но тѣмъ не менѣе ему вовсе не лучше. А между тѣмъ мой курсъ лѣченія въ Эмсѣ пропалъ. Я ненавижу Парижъ! Въ немъ можно быть счастливымъ и довольнымъ, и удовлетвореннымъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; въ Парижѣ жизнь, можетъ быть, полна, интеллигентна, украшена славой — я далека отъ того, чтобы отрицать это. Но для моего образа жизни нужно любить самый городъ. Города бываютъ мнѣ симпатичны и антипичны, какъ люди, и я не могу сказать, чтобы Парижъ мнѣ нравился.

Понедѣльникъ, 19 августа. M-lle E., бывшая гувернанткой у N., поступила къ намъ; она будетъ чѣмъ-то въ родѣ компаньонки.

Я буду выказывать ей полное уваженіе въ магазинахъ, чтобы внушить почтеніе къ ней другимъ: она сама такъ не импозантна; маленькая, рыженькая, молодая, печальная. Лицо круглое, напоминающее луну, когда луна выглядитъ печальной. Это выраженіе лица просто смѣшитъ. Въ глазахъ какая-то комическая мечтательность... Но въ шляпѣ, сдѣланной, по моей идеѣ, все это сойдетъ; я буду ходить съ ней въ мастерскую.

Я утѣшаюсь, что не поѣхала въ Эмсъ, видя какъ счастливъ дѣдушка свиданіемъ со мной, несмотря на свое состояніе.

У меня ужасная болѣзнь. **Я противна самой себѣ.** Это ужъ не въ первый разъ, что я ненавижу себя, но отъ этого нисколько не легче.

Ненавидѣть кого-нибудь другого, кого можно избѣгать — да, но ненавидѣть самого себя! — вотъ пытка.

Суббота, 24 августа. Я употребила часъ времени на то, чтобы сдѣлать эскизъ дѣдушки въ лежачемъ положеніи. Говорятъ, что очень удачно. Только, знаете, всѣ эти бѣлыя подушки, бѣлая рубашка, бѣлыя волосы и полу-закрытые глаза — все это очень трудно передать. Сдѣланы, разумѣется,

только голова и плечи. Я очень довольна, что могу сохранить это на память о немъ.

Послѣзавтра отправлюсь въ мастерскую. Чтобы сократить время, я высчитала отъ нетерпѣнія мои ящики, разобрала краски, очинила карандаши. За эту недѣлю я справила всѣ мои дѣла.

Четвергъ, 29 августа. Не знаю, какой благой силѣ я обязана тѣмъ, что запоздала и въ девять часовъ была еще не одѣта, когда мнѣ пришли сказать, что дѣдушкѣ хуже; я одѣлась и нѣсколько разъ входила къ нему. Мама, тетя, Дина плачутъ, М. Г... преспокойно прогуливался. Я ничего не сказала ему; не читать же было ему наставленіе въ эти ужасныя минуты. Въ десять часовъ пришелъ священникъ, и черезъ нѣсколько минутъ все было кончено...

Я оставалась тамъ до конца, стоя на колѣняхъ, то проводя рукой по его лбу, то щупая пульсъ. Я видѣла, какъ онъ бѣдный, милый дѣдушка, умиралъ послѣ столькихъ страданій... Я не люблю говорить банальностей... Во время службы, происходившей у самой постели, мама упала мнѣ на руки, ее должны были уложить и унести въ постель. Всѣ плакали навзрыдъ, даже Николай; я тоже плакала, но тихо. Его положили на постель, нескладно прибранную; эти слуги — ужасны, они дѣлаютъ все это съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ, при видѣ котораго дѣлается тяжело. Я сама уложила подушки, покрывъ ихъ батистомъ, окаймленнымъ кружевомъ, и задрапировала шалью кровать, которую **онъ** любилъ — желѣзную — и которая показалась бы бѣдной другимъ. Я убрала все кругомъ бѣлой кисеей; эта бѣлизна идетъ къ честности души, только что отлетѣвшей, къ чистотѣ сердца, которое перестало биться. Я дотронулась до **его** лба, когда онъ уже похолодѣлъ, и не чувствовала при этомъ ни страха, ни отвращенія.

Всѣ ожидали этого удара, но тѣмъ не менѣе онъ какъ-то придавилъ насъ.

Я распорядилась отправить депеши и дѣловыя письма. Нужно было также позаботиться о мамѣ, у которой былъ сильнѣйшій нервный припадокъ.

Я думаю, что я была совершенно прилична, и что на томъ основаніи, что я не кричала, нельзя сказать, что я безсердечна.

Я совсѣмъ не могу различить, грезы это или реальныя ощущенія...

Атмосфера представляетъ ужасную смѣсь цвѣтовъ, ладана и трупа. На улицѣ жара, и пришлось закрыть ставни.

Въ два часа я принялась писать портретъ съ покойнаго, но въ четыре часа солнце перешло на сторону оконъ; нужно было прекратить работу; это будетъ только эскизъ...

Каждую минуту я открываю этотъ томъ, чтобы занести туда какія-нибудь происшествія.

Пятница, 30 августа. Реальная жизнь есть гадкій и скучный сонъ... и однако, какъ я могла бы быть счастлива, если бы мнѣ дано было хоть капельку счастья; я обладаю въ величайшей степени способностью создавать много изъ ничего; а то, что волнуетъ другихъ, нисколько не задѣваетъ меня...

Воскресенье, 1 сентября. Я не вижу впереди ничего... ничего кромѣ живописи. Если бы я стала великой художницей, это замѣнило бы для меня все; тогда я имѣла бы право (передъ самой собой) имѣть чувства, убѣжденія; я не чувствовала бы презрѣнія къ себѣ, записывая сюда всѣ свои треволненія! Я представляла бы изъ себя нѣчто... Я могла бы быть ничѣмъ и все-таки чувствовать себя счастливой только въ томъ случаѣ, если бы сознавала себя любимой человѣкомъ, который составилъ бы мою славу... Но теперь надо добиться чего-нибудь **самой.**

Среда, 4 сентября. Контъ утверждаетъ, что всѣ вещи существуютъ только въ нашемъ воображеніи. Это значитъ заходить уже слишкомъ далеко, но я признаю его теорію въ области чувства. Въ самомъ дѣлѣ, чувства слагаются изъ впечатлѣній, производимыхъ на насъ предметами или существами; и такъ какъ онъ говоритъ, что предметы въ дѣйствительности не таковы, словомъ, что они не имѣютъ никакого **объективнаго** значенія и представляютъ изъ себя нѣчто реальное только въ нашемъ умѣ... Чтобы разобраться во всемъ этомъ, нужно было бы не быть вынужденной немедленно ложиться спать и думать о часѣ, когда нужно приняться за рисунокъ, чтобы кончить его къ субботѣ!

На обычномъ языкѣ «воображеніемъ» называютъ не то, о чемъ я теперь говорю; подъ воображеніемъ подразумѣваютъ просто какую-нибудь безсмысленнную выдумку, глупость. Но не въ этомъ, въ другомъ смыслѣ — можетъ ли существовать любовь иначе, какъ въ воображеніи? То же можно сказать и обо всѣхъ другихъ чувствахъ. Какъ видите, всѣ эти философ-

скія построенія поистинѣ удивительны, а между тѣмъ простая женщина, какъ я, можетъ показать вамъ ихъ ложную сторону.

Вещи представляютъ изъ себя нѣчто реальное только въ нашемъ представленіи. Прекрасно, а я вамъ говорю, что предметъ поражаетъ наше зрѣніе, звукъ — слухъ, и что... Иначе могло бы ничего не существовать, все было бы нашимъ измышленіемъ. Если же въ этомъ мірѣ ничто не существуетъ, гдѣ же существуетъ что бы то ни было? Ибо для того, чтобы утверждать, что ничто не существуетъ, все-таки нужно имѣть понятіе о реальномъ существованіи чего бы то ни было, хотя бы для того только, чтобы отдать себѣ отчетъ въ различіи между объективнымъ и субъективнымъ значеніемъ вещи. Конечно... обитатели другой планеты видятъ все совершенно иначе, чѣмъ мы, и въ этомъ отношеніи они совершенно правы. Но мы вѣдь живемъ на землѣ, останемся же на ней, будемъ изучать все, что видимъ «горѣ» и «низу», и этого совершенно достаточно.

Я невольно прихожу въ восторгъ отъ всѣхъ этихъ искусныхъ, терпѣливыхъ, удивительныхъ, чудесныхъ построеній; эти разсужденія, эти дедукціи, такія сжатыя, такія умныя...

Одно только приводитъ меня въ отчаяніе: я чувствую, что это невѣрно, и не имѣю ни времени ни силы разобрать, въ чемъ именно.

Мнѣ бы такъ хотѣлесь поговорить объ этомъ съ кѣмъ-нибудь, я такъ одинока. Но клянусь вамъ, что я вовсе не выставляю своихъ разсужденій для виду, на показъ людямъ: я просто высказываю свои мысли и съ такой охотой подчинилась бы всѣмъ убѣдительнымъ доказательствамъ, какія мнѣ привели бы...

Мнѣ было бы такъ нужно, мнѣ бы такъ хотѣлось, безъ всякихъ особенныхъ смѣшныхъ претензій, хотѣлось бы послушать ученыхъ; мнѣ бы такъ хотѣлось проникнуть въ міръ ученыхъ, смотрѣть, слушать, учиться... Но я не знаю никого, ни какъ просить объ этомъ, и остаюсь въ какомъ-то оцѣпенѣніи, не зная, куда броситься и видя со всѣхъ сторонъ сокровища знанія: исторію, языки, естественныя науки, словомъ всю землю... я хотѣла бы видѣть все вмѣстѣ, и все знать, все изучить.

Пятница, 13 сентября. Я чувствую себя совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ; я расходую по мелочамъ силы, которыхъ было бы достаточно для мужчины; я произношу рѣчи, въ отвѣтъ на

разныя домашнія дрязги, заводимыя отъ праздности. Я ничего изъ себя не представляю, и свойства, которыя могли бы считаться моими достоинствами, являются въ большинствѣ случаевъ или безполезными, или неумѣстными.

Есть большія статуи, которыя поражаютъ всѣхъ, будучи поставленными на пьедесталъ среди широкой площади; а помѣстите такую статую въ свою комнату и посмотрите, до какой степени это будетъ выглядѣть нелѣпо и громоздко! Вы будете стукаться объ нее лбомъ и локтями до десяти разъ въ день и кончити тѣмъ, что проклянете и найдете невыносимымъ то, что вызвало бы всебщій восторгъ на подобающемъ мѣстѣ.

Если вы находите, что «статуя» слишкомъ лестно для меня, я очень охотно соглашусь, что будетъ лучше сравнить меня... съ чѣмъ вамъ угодно.

Суббота, 21 сентября. Я получила одобренія и одобренія. Бреслау, возвратившаяся съ моря, привезла этюды женщинъ, головы рыбаковъ. Все это очень хорошихъ тоновъ, и бѣдняжка А., утѣшавшаяся тѣмъ, что Бреслау не хватаетъ именно этого, состроила грустную физіономію. Изъ Бреслау выйдетъ крупная художница, настоящая крупная художница, и если бы вы еще знали, какъ я взыскательна въ своихъ сужденіяхъ и какъ я презираю всякія бабьи протекціи и всѣ ихъ обожанія къ Р. потому только, что онъ, пожалуй и дѣйствительно красивъ, вы поняли бы, что я не прихожу въ восторгъ по пустякамъ; впрочемъ тогда, когда вы будете читать меня, мое предсказаніе уже исполнится.

Нужно будетъ принуждать себя рисовать наизусть, иначе я никогда не смогу какъ слѣдуетъ компонировать. Бреслау всегда дѣлаетъ разные наброски, эскизы, бездну всякихъ вещей. Она дѣлала это еще за два года до поступленія въ мастерскую, гдѣ она уже работаетъ два года слишкомъ. Она поступила сюда въ іюнѣ 1876 г., какъ разъ тогда, когда я прожигала время въ Россіи... Эдакое безуміе!!

Понедѣльникъ, 23 сентября. Жуліанъ пришелъ сообщить мнѣ, что Роберъ-Флери очень доволенъ мной, и что, подводя итоги, онъ долженъ признать, что я дѣлаю вещи удивительныя для такого короткаго времени, что вообще онъ возлагаетъ на меня большія надежды и что я, конечно, сдѣлаю ему честь, какъ ученица.

Глупо писать каждый день, когда и сказать-то нечего...

Я купила въ русскомъ отдѣлѣ волка на коверъ, который ужасно пугаетъ Пинчо II.

Неужели я дѣйствительно буду художницей? Несомнѣнно одно — я выхожу изъ мастерской только для того, чтобы браться за римскую исторію съ гравюрами, примѣчаніями, географическими картами, текстами и переводами.

И это опять-таки глупо: никто этимъ не занимается, и моя бесѣда была бы гораздо болѣе блестящей, если бы я читала вещи болѣе современныя. Кому какое дѣло до первоначальныхъ учрежденій, до числа гражданъ въ правленіе Тулла Гостилія, до священныхъ обрядовъ во времена Нумы, до борьбы трибуновъ и консуловъ?

Огромное изданіе Дюрюи, выходящее отдѣльными выпусками, настоящее сокровище.

Когда я кончу Тита Ливія, я примусь за исторію Франціи Мишле, а потомъ буду читать грековъ, съ которыми знакома только по слухамъ изъ цитатъ другихъ авторовъ, и потомъ еще... Мои книги сложены въ ящики и надо будетъ найти болѣе опредѣленную квартиру, чтобы разобрать ихъ.

Я знаю Аристофана, Плутарха, Геротода, отчасти Ксенофонта, кажется и все тутъ. Еще Эпиктета, но право все это далеко не достаточно. И потомъ Гомера — его я знаю отлично; немножко также — Платона.

Пятница, 27 сентября. Часто и повсюду приходится слышать споры о провинностяхъ мужчинъ и женщинъ; люди просто изъ себя выходятъ, доказывая, что тотъ или другой есть наиболѣе виновный. Не нужно ли вмѣшаться мнѣ, чтобы просвѣтить несчастныхъ гражданъ земли?

Мужчина, обладая извѣстнаго рода иниціативой, почти во всемъ, долженъ быть признанъ наиболѣе виновнымъ; хотя на основаніи этого онъ вовсе не можетъ считаться болѣе злымъ, чѣмъ женщина, которая, являясь существомъ въ нѣкоторомъ родѣ пассивнымъ, въ извѣстной степени избѣгаетъ отвѣтственности, не будучи однако на основаніи этого лучше, чѣмъ мужчина.

Понедѣльникъ, 30 сентября. Я въ первый разъ оффиціально перехожу къ краскамъ.

Я должна была сдѣлать нѣсколько natures mortes; я написала, какъ вамъ извѣстно, голубую вазу, два апельсина и мужскую ногу. Вотъ и все.

Я обошлась совсѣмъ безъ рисовки съ гипсовъ; быть можетъ, избѣгну и этихъ natures mortes.

Я пишу К..., что хотѣла бы быть мужчиной. Я знаю, что я могла бы сдѣлаться чѣмъ-нибудь; но куда прикажете дѣваться съ своими юбками? Замужество — единственная дорога для женщины; для мужчины есть тридцать шесть выходовъ, у женщины только одинъ. Какъ же тутъ не подходить къ людямъ какъ можно ближе, когда приходится выбирать супруга!.. Никогда еще я не была въ такомъ возмущеніи противъ состоянія женщины. Я не настолько безумна, чтобы проповѣдывать это нелѣпое равенство, которое есть чистая утопія (и потомъ это mauvais genre!), потому что какое можетъ быть равенство между такими различными существами, какъ мужчина и женщина! Я ничего не прошу, потому что женщина уже обладаетъ всѣмъ, чѣмъ должна обладать, но я ропщу на то, что я женщина, потому что во мнѣ женскаго развѣ только одна кожа.

Онѣ кончили тѣмъ, что пришли къ заключенію, будто конкурсы — чистый вздоръ, тѣмъ болѣе, что Лефевра вовсе нѣтъ вкуса, и онъ любитъ только рисунки, описанные съ натуры, и что Роберъ-Флери плохой колористъ! Словомъ, профессоръ ни на что не годенъ, несмотря на свою извѣстность, потому что испанка, Бреслау и Ногренъ взяли на себя судить ихъ такимъ образомъ! Я вполнѣ раздѣляю ихъ мнѣніе, когда онѣ говорятъ, что звѣзды нашей мастерской ничего не стоятъ, потому что на каждые три человѣка найдется по крайней мѣрѣ по двѣ, которыя останутся жалкими посредственностями, считаясь первостепенными художницами мастерской сравнительно съ другими.

И это просто забавно слышать, какъ эти барышни говорятъ совершенно противоположное тому, что говорилось ими какихъ-нибудь десять мѣсяцевъ тому назадъ, когда каждая была въ полной увѣренности, что получитъ первую медаль. Это забавно, потому что это одна изъ тѣхъ вѣчныхъ комедій, которыя разыгрываются въ этомъ мірѣ, но это бьетъ меня по нервамъ. Можетъ быть это оттого, что у меня въ концѣ концовъ честная натура?

Эти ученическія треволненія мнѣ надоѣдаютъ, раздражаютъ меня, несмотря на всѣ мои разсужденія. Я дѣйствительно съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда обгоню всѣхъ ихъ!

Воскресенье, 20 октября. Я заказала себѣ коляску къ

девяти часамъ и въ сопровожденіи моей demoiselle d'honneur отправилась осматривать соборъ св. Филиппа, св. Ѳомы Аквинскаго, Парижской Богоматери. Я взобралась на самый верхъ, ходила на колокольню, точно какая-нибудь англичанка. Что дѣйствительно очаровательно въ Парижѣ, такъ это «старый Парижъ»; и живя здѣсь, можно чувствовать себя счастливымъ только подъ условіемъ не видѣть всѣхъ этихъ бульваровъ, Елисейскихъ полей, всѣхъ этихъ новыхъ **прекрасныхъ** кварталовъ, которые я проклинаю, которые мнѣ невыносимы. Но тамъ — въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстіи — чувствуешь себя совсѣмъ иначе.

Осматривали академію художествъ. И право, просто хоть плачь! Почему я не могу учиться тамъ? Гдѣ еще можно найти такое преподаваніе, какъ тутъ? Если я когда-нибудь буду богатой, то осную школу для женщинъ.

Суббота, 26 октября. Моя живопись идетъ лучше, а рисунокъ съ натуры очень хорошъ. М. Т. судилъ конкурсъ: первая Бреслау, вторая я.

Словомъ, я должна быть довольна.

Сегодня утромъ, разговаривая въ углу съ Роберомъ-Флери о картонахъ для моей скульптуры, я слушала его, какъ ребенокъ, съ видомъ наивной дѣвочки, мѣняясь въ лицѣ, не зная, куда дѣвать руки; продолжая разговоръ, онъ не могъ удержаться отъ улыбки, и я тоже, — подумавъ о томъ, что отъ меня пахнетъ свѣжей фіалкой, что мои волосы, отъ природы волнистые, сухіе и мягкіе, были очаровательно освѣщены и что руки мои, въ которыхъ я что-то держала, лежали въ красивой позѣ... Бреслау говоритъ, что моя манера браться за вещи удивительно красива, хотя мои руки и не могутъ быть названы классически-красивыми. Но нужно быть художникомъ, чтобы оцѣнить эту красоту. Буржуа или какіе-нибудь свѣтскіе люди не обращаютъ вниманія на манеру браться за вещи и предпочтутъ руки пухлыя и даже толстыя моимъ рукамъ.

Отъ десяти до одиннадцати часовъ я успѣла прочесть пять газетъ и два выпуска Дюрюи.

Среда, 6 ноября. Есть въ мірѣ нѣчто истинно-прекрасное, антично-прекрасное: преклоненіе жещины передъ превосходствомъ любимаго человѣка должно быть лучшимъ удовлетвореніемъ для самолюбія возвышенной женщины.

Среда, 13 ноября. Роберъ-Флери былъ у насъ сегодня

вечеромъ. Совершенно напрасно было бы повторять вамъ всѣ тѣ одобренія, которыми онъ меня осыпалъ послѣ долгаго урока: если все, что гооврятъ обо мнѣ эти господа, правда, вы уже знаете (въ то время, когда будете читать меня), какого мнѣнія обо мнѣ слѣдуетъ придерживаться.

Но какъ бы то ни было, положительно пріятно видѣть, что васъ принимаютъ до такой степени въ серьезъ. Я глупа... Я преисполнена величайшихъ надеждъ, а когда мнѣ говорятъ это, я точно и не подозрѣвала этого и не знаю, куда дѣваться отъ радости! Я удивляюсь и ликую, какъ какой-нибудь невѣроятный уродъ, узнавшій о любви прекраснѣйшей изъ женщинъ.

Роберъ-Флери — чудный профессоръ. Онъ ведетъ васъ шагъ за шагомъ, такъ что вы сами ощущаете прогрессъ въ своихъ работахъ. Сегодня вечеромъ онъ говорилъ со мной, какъ съ ученицей, которая хорошо разучила гаммы и которой поэтому можно разрѣшить перейти къ какой-нибудь пьескѣ. Онъ какъ бы приподнялъ уголокъ занавѣса и показалъ болѣе широкій горизонтъ. Этотъ вечеръ будетъ памятнымъ въ исторіи моего ученія.

Среда, 20 ноября. Сегодня вечеромъ послѣ ванны я сдѣлалась вдругъ такой хорошенькой, что провела двадцать минутъ, глядя на себя въ зеркало. Я увѣрена, что если бы меня сегодня видѣли, я бы имѣла большой успѣхъ: цвѣтъ лица совершенно ослѣпительный и при томъ такой тонкій, нѣжный; чуть-чуть розоватыя щеки; яркими и рѣзкими оставались только губы, да глаза съ бровями... Не воображайте, пожалуйста, что я бываю слѣпа въ тѣхъ случаяхъ, когда я нехороша въ дѣйствительности, я это прекрасно вижу; и это въ первый разъ послѣ долгаго времени, что я такъ хороша. Живопись поглощаетъ все.

Четвергъ, 3 октября. Сегодня мы около четырехъ часовъ провели на драматическомъ-музыкальномъ-международномъ matinée. Давали отрывки изъ Аристофана въ ужаснѣйшихъ костюмахъ и съ такими сокращеніями и передѣлками, что было просто гадко смотрѣть.

Что было чудесно, такъ это драматическій разсказъ **Христофоръ Колумбъ** въ итальянскомъ чтеніи Росси. Какой голосъ, какая интонація, какая выразительность, какая естественность! Это было лучше всякой музыки. Я думаю, что

показалось бы прекраснымъ даже для человѣка, непонимающаго по-итальянски.

Слушая, я почти обожала его.

О, какое могущество заключаетъ въ себѣ слово, даже когда оно заучено, даже когда оно есть краснорѣчіе!

Потомъ прекрасный Муне Сюлли продекламировалъ... но о немъ не буду говорить. Росси даетъ образецъ возвышеннаго искусства; это дѣйствительно великій артистъ. Я видѣла его при выходѣ разговаривающимъ съ двумя другими людьми; онъ — какъ и всѣ люди. Онъ актеръ, но, будучи въ такой мѣрѣ художникомъ, нельзя не имѣть извѣстнаго величія въ самомъ характерѣ, даже въ мелочахъ повседневной жизни. Я посмотрѣла ему въ глаза; онъ положительно не можетъ быть обыкновеннымъ человѣкомъ, а между тѣмъ его обаяніе длится только до тѣхъ поръ, пока онъ говоритъ... О! Да вѣдь это просто чудо!.. А нигилисты еще могутъ насмѣхаться надъ искусствомъ!

Если бы я была умна... Но вѣдь я умна только на словахъ, да и при томъ только до тѣхъ поръ, пока говорю сама съ собой. Гдѣ я на самомъ дѣлѣ проявила, доказала свой умъ?

Суббота, 5 октября. Сегодня Роберъ-Флери приходитъ въ мастерскую для поправокъ. Ну, и мнѣ ужасно страшно. Онъ произноситъ на разные лады; о! о! а! а! о! о! и потомъ говоритъ:

— Вы взялись за живопись?

— Не совсѣмъ, профессоръ, я буду заниматься живописью только разъ въ мѣсяцъ.

— Нѣтъ, вы хорошо сдѣлали, что начали, вы вполнѣ можете перейти къ краскамъ. Недурно, недурно...

— Я боялась, что еще не настолько сильна, чтобы взяться за краски.

— Совершенно напрасно, вы достаточно сильны; продолжайте, это недурно и т. д. и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ длинный урокъ, который показываетъ, что дѣло **не безнадежно,** какъ говорятъ въ мастерской. Меня не любятъ въ мастерской и при каждомъ ничтожномъ успѣхѣ Б. мечетъ такіе яростные взгляды, что просто смѣшно.

Но Роберъ-Флери не хочетъ вѣрить, что я никогда не училась живописи.

Онъ оставался долго, исправляя, болтая и куря. Я получила нѣсколько совѣтовъ *extra*, и потомъ онъ спросилъ меня, какъ

я была помѣщена на послѣднемъ конкурсѣ прошлаго года. И когда я сказала, что второй...

— А въ этомъ году, — сказалъ онъ, — нужно будетъ...

— Гм?

Это такъ глупо, онъ уже сказалъ Жуліану, что, по его мнѣнію, я получу медаль. Итакъ, я уполномочена перейти къ живописи съ натуры, не останавливаясь на natures mortes! Я пропускаю ихъ, какъ пропустила гипсы.

Понедѣльникъ, 7 октября. Я пишу красками по утрамъ, а послѣобѣденное время уходитъ на рисованье.

Если я взялась теперь за перо, то потому, что, читая Бальзака, наткнулась на портретъ нѣкоего Артеца. Достигнувъ солиднаго возраста, 38 лѣтъ, онъ сохранялъ въ себѣ свѣжесть юности, подобающую человѣку, ведущему кабинетную жизнь; какъ всѣ государственные люди, онъ пріобрѣлъ нѣкоторую полноту; глаза черные, волосы густые, темные. Итакъ, она встрѣтила, наконецъ, этого возвышеннаго человѣка, о которомъ мечтаетъ каждая женщина, хотя бы для того, чтобы подпасть подъ его господство, она встрѣтила, наконецъ, это соединеніе величія разума и простоты сердца и т. д. и т. д. Благодаря какому-то неслыханному счастью, она встрѣтила всѣ эти богатства заключенными въ форму, которая сама по себѣ ей нравилась... Къ этой благородной простотѣ, которая украшала его царственную голову, Артецъ просоединялъ выраженіе наивности, чего-то, свойственнаго **дѣтямъ и какого-то трогательнаго доброжелательства...**

Какъ желала бы я знать, что сказалъ бы Бальзакъ о **томъ человѣкѣ...** Благодаря отсутствію краснорѣчія, остроумія, ловкости, употребляя самыя обыденныя слова, я только опошляю и разрушаю цѣльность представленія о людяхъ, которыхъ описываю... А вѣдь, ей-Богу, нѣтъ ничего легче какъ найти скверную или по крайней мѣрѣ обыденную сторону въ человѣкѣ, которую къ тому же еще болѣе опошляешь. Обыкновенно прислушиваются ко всякимъ толкамъ и по этимъ толкамъ, сплетнямъ, часто едва уловимымъ, и составляютъ себѣ совершенно ложное понятіе о человѣкѣ... А вѣдь это то же, что писать портретъ съ маленькой фотографической карточки!

Все, что я могу сказать, не выходитъ изъ области предположеній, такъ что въ сущности все это крайне жалко... Не знаете ли почему я такъ дурно выражаюсь? Это потому, что я боюсь писать тѣми словами, которыя мнѣ прежде всего по-

падаютъ на перо: они кажутся мнѣ то слишкомъ нѣжными, то слишкомъ серьезными; словомъ — все это изъ-за какого-то глупаго ложнаго стыда. Я стараюсь говорить въ шутливомъ тонѣ какого-нибудь «Фигаро».

Глупцы скажутъ, что я хотѣла бы изображать изъ себя Бальзака; нѣтъ. Но знаете ли, что **позволяетъ** ему быть столь удивительнымъ писателемъ? Это то, что онъ выливаетъ на бумагу все, что только проходитъ у него въ головѣ, все, совершенно просто, безъ страха и безъ аффектаціи. Почти всѣ интеллигентные люди передумали то, о чемъ онъ писалъ, но кто могъ выразить все это, какъ онъ? Тѣ же способности при иного рода умѣ не произвели бы ничего подобнаго.

Нѣтъ, нельзя сказать, что «это передумали почти всѣ интеллигентные люди»; но дѣло въ томъ, что, читая Бальзака, они были до такой степени поражены вѣрностью, правдивостью его замѣчаній, что имъ казалось, что они сами думали объ этомъ. Но мнѣ сто разъ случалось, говоря или думая о чемъ-нибудь, нестерпимо страдать отъ мыслей, которыя я чувствовала въ себѣ, тамъ гдѣ-то, и которыя я не имѣла силъ распутать и извлечь изъ невозможнаго хаоса моей головы.

Въ то же время у меня есть одна претензія: а именно — когда я дѣлаю какое-нибудь хорошее замѣчаніе, какое-нибудь очень тонкое наблюденіе, мнѣ кажется, что меня не поймутъ. Да, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ мои слова будутъ поняты совершенно иначе.

Ну, прощайте, добрые люди!

Роберъ-Флери и Жуліанъ строятъ на моей головѣ цѣлое зданіе; они заботятся обо мнѣ, какъ о лошади, которая можетъ доставить имъ крупный призъ. Жуліанъ говоритъ, что **все это** избалуетъ, испортитъ меня, но я увѣряю его, что все это только очень ободряетъ меня, и это совершенная правда.

Среда, 9 октября. Успѣхъ учениковъ Жуліана на конкурсѣ въ академіи искусствъ поставилъ его мастерскую на хорошую ногу. Она переполнена учениками. И каждый-то мечтаетъ получить въ концѣ-концовъ какой-нибудь pris de Rome или по крайней мѣрѣ попасть на конкурсъ въ академію.

Женская половина мастерской раздѣляетъ этотъ успѣхъ, а Роберъ-Флери соперничаетъ съ Лефевромъ и Буланже. При каждомъ удобномъ случаѣ Жуліанъ говоритъ: «Интересно знать, что скажутъ объ этомъ внизу? Да, я хотѣлъ бы показать это нашимъ господамъ внизу».

Я очень вздыхаю, удостоившись чести видѣть одинъ изъ своихъ рисунковъ отправляющимся внизъ. Потому что имъ показываютъ наши рисунки, только чтобы похвастаться и позлить ихъ, потому что онѣ вѣдь говорятъ, что у женщинъ — все это не серьезно. Вотъ уже нѣсколько времени я думала объ этой почести отправиться внизъ.

Ну, и вотъ сегодня Жуліанъ входитъ и, вглядѣвшись въ мою работу, говоритъ слѣдующее: «Закончите-ка мнѣ это хорошенько, я отправлю это **внизъ»**.

Суббота, 13 октября. Про мою работу было сказано, что «это очень хорошо, очень хорошо, очень хорошо».

— О, вы прекрасно одарены, и если только вы будете работать, вы добьетесь всего, чего захотите.

Я избалована похвалами (я говорю — избалована — только для формы), а доказательство того, что Р. не лжетъ, это то, что мнѣ со всѣхъ сторонъ завидуютъ. И какъ это ни глупо, но мнѣ это больно. Нужно же, чтобы дѣйствительно что-нибудь было, если мнѣ каждый разъ говорятъ такія вещи, особенно въ виду того, что все это говоритъ человѣкъ такой серьезный и добросовѣстный, какъ Р.

Что до Жуліана, то онъ говорилъ, что если бы я знала все, что про меня говорятъ, это вскружило бы мнѣ голову.

— У васъ голова бы пошла кругомъ, m-lle Marie, говорила также женщина, убирающая мастерскую.

Я постоянно боюсь, что мои читатели воображаютъ, что меня хвалятъ изъ-за моего богатства. Но вѣдь это право ничего не значитъ: я плачу не больше, чѣмъ другія, а у другихъ еще есть протекціи, знакомство, родство съ профессорами. Впрочемъ, когда вы будете читать меня, насчетъ того, чего я дѣйствительно заслуживаю, уже не будетъ сомнѣній.

Это такъ пріятно видѣть, что вызываешь въ другихъ уваженіе своимъ личнымъ достоинствомъ.

Р... опять начинаетъ изображать Карлоса; онъ приходитъ, начинаетъ расхаживать (онъ получилъ большую медаль на всемірной выставкѣ): поправивъ рисунки, онъ болтаетъ съ нами, закуриваетъ папироску, разваливается въ креслѣ... Мнѣ до всего этого нѣтъ дѣла. Я прекрасно знаю, что онъ обожаетъ меня, какъ ученицу, такъ же, какъ и Жуліанъ.

Какъ-то разъ шведка стала давать мнѣ совѣты; тогда Жуліанъ позвалъ меня въ свой кабинетъ и сталъ мнѣ говорить, что я должна слушаться только своего чутья; живопись

сначала можетъ быть не пойдетъ, но я во всякомъ случаѣ должна оставаться **собой,** «тогда какъ если вы будете слушаться другихъ, я ни за что больше не отвѣчаю».

Онъ хочетъ, чтобы я попробовала взяться за скульптуру и собирается попросить Дюбуа давать мнѣ указанія.

Среда, 16 октября. Это глупо, но мнѣ тяжело отъ зависти этихъ дѣвушекъ. Это такъ мелко, такъ гадко, такъ низко! Я никогда не умѣла завидовать: я просто сожалѣю, что не могу быть на мѣстѣ другого.

Я всегда преклоняюсь передъ всѣмъ, что выше меня; мнѣ это досадно, но я преклоняюсь, тогда какъ эти твари... эти заранѣе приготовленные разговоры, эти улыбочки, когда заговорятъ о комъ-нибудь, кѣмъ доволенъ профессоръ, эти словца по моему адресу въ разговорѣ о комъ-нибудь другомъ, которыми хотятъ показать, что спѣхъ въ мастерской еще ровно ничего не означаетъ.

Что безобразно въ жизни, такъ это то, что все это должно современемъ поблекнуть, ссохнуться и умереть!

Четвергъ, 21 ноября. Бреслау написала женскую щечку такъ хорошо и правдиво, что я женщина, художница-соперница, хотѣла бы поцѣловать эту щечку...

Но... и въ жизни часто случается такимъ образомъ: есть вещи, къ которымъ не надо подходить слишкомъ близко, потому что только испачкаешь себѣ губы и испортишь самый предметъ.

Пятница, 22 ноября. Меня начинаетъ пугать будущность Бреслау; мнѣ какъ-то тяжело, грустно.

Она уже компонируетъ и во всемъ, что она дѣлаетъ, нѣтъ ничего женскаго, банальнаго, нескладнаго. Она обратила на себя вниманіе въ салонѣ, потому что, не говоря уже о выразительности ея вещи, она не возьметъ какого-нибудь избитаго сюжета.

Право, я безумно завидую ей: я еще ребенокъ въ искусствѣ, а она уже женщина.

Сегодня дурной день; все представляется мнѣ въ мрачномъ свѣтѣ.

Суббота, 23 ноября. Сегодн вечеромъ я иду еще разъ послушать «les Amants de Verone» вмѣстѣ съ Полемъ и Надиной.

Капуль и Гейльброннъ пѣли и играли удивительно. Партитура раскрывается передъ вами, какъ цвѣтокъ, по мѣрѣ то-

го, какъ вслушиваешься въ нее вторично. Нужно будетъ пойти еще разъ. Цвѣтокъ развернется еще пышнѣе и распространитъ чудное благоуханіе. Въ этой вещи есть фразы безподобныя, но чтобы оцѣнить ихъ, нужно и терпѣніе, и чутье. Эта музыка не поражаетъ съ перваго раза, нужно вслушаться, чтобы найти ея тонкую прелесть.

Воскресенье, 24 ноября. Мы были съ Надиной въ музеѣ древностей. Какая простота и какъ это прекрасно! О, Грецiя никогда больше не повторится.

Суббота, 21 декабря. Сегодня — ничего хорошаго. Живопись не идетъ. Я думаю, что мнѣ нужно будетъ больше шести мѣсяцевъ, чтобы догнать Бреслау. Она, конечно, будетъ замѣчательной женщиной... Живопись не идетъ.

Ну, полно же, дитя мое! Развѣ ты думаешь, что Бреслау писала лучше, чѣмъ ты по прошествіи двухъ съ половиной мѣсяцевъ? А она къ тому же работала надъ разными natures mortes и гипсами! Шесть мѣсяцевъ тому назадъ Роберъ-Флери говорилъ ей то же, что сказалъ сегодня мнѣ:

— Страно, но тонъ у васъ рѣзокъ и холоденъ. Надо отдѣлаться отъ этого. Сдѣлайте-ка одну-двѣ копіи.

Не погибла же она послѣ десяти мѣсяцевъ живописи, не погибать же мнѣ послѣ двухъ съ половиной.

Пятница, 27 декабря. Вся эта недѣля пропала для мастерской. Вотъ уже три дня, — мнѣ все хочется взяться за перо, а я и сама хорошенько не знаю,какія такія размышленія я буду записывать. Но настроенная особеннымъ образомъ пѣніемъ, доносившимся изъ второго этажа, я принялась перелистывать мой эпизодъ въ Италіи; а потомъ меня оторвали, и я потеряла нить мыслей и то особенное меланхолическое настроеніе, которое въ сущности довольно пріятно.

Что меня поражаетъ въ томъ періодѣ, такъ это легкость, съ которой я употребляла самыя многозначительныя слова, для обрисовки самыхъ простыхъ приключеній.

Но я дѣйствительно искала разныхъ великихъ чувствъ: мнѣ было просто досадно, что не было никакихъ удивительныхъ, потрясающихъ, романтическихъ чувствъ, о которыхъ я могла бы разсказать, и я **интерпретировала** свои чувства: художники поймутъ меня. Все это прекрасно; но какимъ образомъ могло случиться, что дѣвушка, считающая себя умной, могла до такой степени плохо оцѣнивать истинное значеніе людей и событій. Я говорю объ этомъ потому, что чуть было не ска-

зала вмѣсто того, что мои родители должны были бы мнѣ объяснить, сказать, что А... вовсе не былъ серьезнымъ человѣкомъ, ни вообще человѣкомъ, достойнымъ какихъ бы то ни было страданій. Надо сказать правду: мнѣ толковали обо всемъ этомъ совершенно наоборотъ, потому что моя мать еще моложе меня... Но обо всемъ этомъ ужъ нечего и говорить, потому что я сама, будучи столь высокаго о себѣ мнѣнія, должна была бы проникнуть въ его сущность и отнестись къ нему совершенно такъ же, какъ ко всѣмъ другимъ, вмѣсто того, чтобы удѣлять ему такое большое мѣсто въ этомъ журналѣ и во всемъ.

Но я горѣла желаніемъ описывать романы, а между тѣмъ... до чего я была глупа! все это могло бы быть еще гораздо болѣе романтично... Словомъ, я была молода и неопытна, сколько бы я тамъ ни разглагольствовала и чи мудрила; вотъ, въ чемъ нужно наконецъ сознаться, какъ бы это ни было непріятно.

А между тѣмъ мнѣ уже слышатся слова: такая сильная женщина, какъ ты, не должна была бы давать повода къ подобному самоосужденію...

Воскресенье, 29 декабря. На этихъ словахъ я заснула, положивъ голову на спинку дивана, и проснулась только сегодня въ восемь часовъ утра. Это славно, проспать эдакъ ночь не на своей постели!..

Я совсѣмъ отбилась отъ своего искусства и ни къ чему не могу прицѣпиться. Книги мои упакованы, я разлучена съ моей латынью и моими классиками и чувствую себя совсѣмъ глупой... Одинъ видъ какого-нибудь храма, колонны итальянскаго пейзажа заставляютъ меня чувствовать приливъ отвращенія къ этому Парижу — такому сухому, всевѣдующему, все пережившему, утонченному. Люди здѣсь такъ безобразны. Этотъ «рай» можетъ быть раемъ для какихъ-нибудь высшихъ организацій, но не для меня.

О! теперь я наконецъ образумилась! Я вовсе не счастлива, и вовсе не умѣю ловко устраивать свои дѣла... Мнѣ хочется ѣхать въ Италію путешествовать, любоваться горами, озерами, деревьями, моремъ... Вмѣстѣ со всей нашей семьей, съ этими вѣчными узелками, дрязгами, разными домашними напастями, ежедневными мелкими стачками?.. О, нѣтъ, сто разъ нѣтъ. Чтобы наслаждаться всѣми благами путешествія, нужно подождать... а время уходитъ. Ну, что же, тѣмъ ху-

же!.. Я всегда смогу выйти замужъ за какого-нибудь итальянскаго князя, какъ только захочу: подождемъ же... Дѣло-то видите ли въ томъ, что, выйдя за итальянскаго князя, я могла бы предаться работѣ, потому что въ денежномъ отношенiи я была бы независима. А пока останемся здѣсь и будемъ работать надъ живописью.

Въ субботу мой рисунокъ, сдѣланный въ два дня, былъ найденъ удовлетворительнымъ. Вы вѣдь понимаете, что только съ какимъ-нибудь итальянцемъ я могла бы жить по собственному усмотрѣнiю и во Францiи, и въ Италiи, — какая прекрасная жизнь! Я раздѣлю свое время между Францiей и Италiей.

1879.

Четвергъ, 2 января. Чего мнѣ страстно хочется, такъ это возможности свободно гулять одной, уходить, приходить, садиться на скамейки въ Тюльери и особенно въ Люксембургскомъ саду, останавливаться у художественныхъ витринъ, входить въ церкви, музеи, по вечерамъ гулять по стариннымъ улицамъ; вотъ чего мнѣ страстно хочется, вотъ свобода, безъ которой нельзя сдѣлаться художницей. Думаете вы, что всѣмъ этимъ можно наслаждаться, когда васъ сопровождаютъ или, когда, отправляясь въ Луврь, надо ждать карету, компаньонку или всю семью?

А! клянусь вамъ, въ это время я бѣшусь, что я женщина. Я хочу устроить себѣ парикъ и самый простой костюмъ, я сдѣлаюсь такимъ уродомъ, что буду свободна, какъ мужчина. Вотъ та свобода, которой мнѣ недостаетъ и безъ которой нельзя достигнуть чего-нибудь серьезнаго.

Мысль скована вслѣдствiе этого глупаго, раздражающаго стѣсненiя; даже переодѣтая и обезображенная я свободна только на половину: ходить одной женщинѣ всегда опасно. А въ Италiи, въ Римѣ? Неугодно ли отправляться осматривать развалины въ ландо!

— Куда ты, Мари?

— Посмотрѣть Колизей.

— Но вѣдь ты его уже видѣла! Поѣдемъ лучше въ театръ или на гулянье, тамъ будетъ много народу.

И этого достаточно, чтобы крылья упали.

Это одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему между жен-

щинами нѣтъ артистокъ. О низменное невѣжество! о дикая рутина! Не стоитъ даже говорить объ этомъ!

Если даже сказать, что чувствуешь, тотчасъ посыплются обычныя и старыя насмѣшки, которыми преслѣдуютъ женщинъ-апостоловъ. Впрочемъ, мнѣ думается, что смѣхъ ихъ справедливъ. Женщины никогда не будутъ ничѣмъ инымъ, какъ женщинами! Но все-таки... если бы ихъ воспитывали по-мужски, то неравенство, о которомъ я сожалѣю, не существовало бы, осталось бы только то, которое присуще самой природѣ. Но все-таки, что бы я ни говорила, надо кричать, не бояться быть смѣшной (я предоставляю это другимъ), чтобы черезъ сто лѣтъ добиться этого равенства.

Я же постараюсь доказать это обществу, показывая собою примѣръ женщины, которая сдѣлалась чѣмъ-нибудь, несмотря на всѣ ограниченія, которыми окружаетъ ее общество.

Пятница, 10 января. Вечеромъ въ мастерской былъ Роберъ-Флери.

Если живопись не принесетъ мнѣ довольно скоро славы, я убью себя и все тутъ. Это рѣшено уже нѣсколько мѣсяцевъ... Еще въ Россіи я хотѣла убить себя, но побоялась ада. Я убью себя въ тридцать лѣтъ, потому что до тридцати человѣкъ еще молодъ и можетъ еще надѣяться на успѣхъ, или на счастье, или на славу, или на что угодно. Итакъ, это приведено въ порядокъ и, если я буду благоразумна, я не буду больше мучиться, не только сегодня вечеромъ, но никогда.

Я говорю очень серьезно и право я довольна, придя къ окончательному рѣшенію.

Суббота, 11 января. Въ мастерской думаютъ, что я много выѣзжаю; это, вмѣстѣ съ моимъ богатствомъ, отдѣляетъ меня отъ другихъ и не позволяетъ просить у нихъ о чемъ бы то ни было, какъ онѣ это дѣлаютъ между собою, напр., идти къ какому-нибудь художнику, или посѣтить мастерскую.

Я добросовѣстно работала всю недѣлю до десяти часовъ вечера субботы, потомъ вернулась и принялась плакать. До сихъ поръ я всегда обращалась къ Богу, но такъ какъ Онъ меня совсѣмъ не слышитъ, я не вѣрю... почти.

Только тотъ, кто испыталъ это чувство, пойметъ весь ужасъ его. Изъ этого не слѣдуетъ, что я хочу проповѣдывать вѣру изъ добродѣтели, но когда больше обратиться не къ кому, когда нѣтъ больше средствъ, остается Богъ. Это ни

къ чему не обязываетъ и никого не безпокоитъ, а получаетъ высшее утѣшеніе.

Существуетъ Онъ или нѣтъ, **надо вѣрить этому абсолютно,** или же быть очень счастливымъ, тогда можно обойтись и безъ этого. Но въ горѣ, въ несчастіи, наконецъ, во всѣхъ непріятностяхъ, лучше умереть, чѣмъ не вѣрить.

Богъ спасаетъ насъ отъ безконечнаго отчаянія.

Подумайте же, каково, когда къ Нему обращаешься, какъ къ своему единственному прибѣжищу, и не вѣришь!

Понедѣльникъ, январь (Новый годъ въ Россіи). Ну-съ, по обыкновенію, веселюсь до сумасшествія... Все воскресенье въ театрѣ. Утро въ Gaité, довольно скучное, а вечеръ въ Opéra Comique. Ночь провела въ мытьѣ, писаніи, чтеніи, лежала на полу, пила чай.

Четверть шестого; такимъ образомъ я рано поѣду въ мастерскую, вечеромъ захочется спать, на другой день встану рано, и потомъ это пойдетъ само собой. Не думайте, что я люблю эти жантильничанья, у меня къ нимъ глубокое отвращеніе, глубокій ужасъ. Все равно, я встрѣтила новый годъ оригинально, на полу со своими собачками... Весь день я работала.

Вторникъ, январь. Послѣ этого бодрствованія я не могла проснуться раньше половины двѣнадцатаго. Конкурсъ судили сегодня всѣ три учителя въ полномъ составѣ: Лефевръ, Буланже и Роберъ-Флери. Я пріѣхала въ мастерскую только къ часу, чтобы узнать прекрасный результатъ. На этотъ разъ конкурировали **старшія** и первое, что мнѣ сказали при моемъ входѣ:

— Ну, m-lle Мари, идите же получать вашу медаль!

Дѣйствительно, мой рисунокъ былъ приколотъ къ стѣнѣ и на немъ стояло: «Награда». На этотъ разъ я скорѣе ожидала, что гора свалится мнѣ на голову. На этотъ разъ это было для меня совсѣмъ неожиданно. Надо вамъ получше объяснить важность и значеніе конкурсовъ.

Какъ всѣ конкурсы, и эти полезны; но награды не всегда зависятъ отъ дарованія, способностей лица, получающаго ихъ. Безспорно, что Бреслау, напримѣръ, рисунокъ которой стоитъ пятымъ, во всемъ выше Бане, первой послѣ медали. Бане идетъ *piano e sano*; ея работа хорошее и добросовѣстное ремесло; но она всегда на хорошемъ счету, потому что вообще работы женщинъ непріятно поражаютъ слабостью и фанта-

стичностью, когда онѣ не представляютъ чего-нибудь совсѣмъ элементарнаго.

Моделью служилъ мальчикъ восемнадцати лѣтъ, который походитъ, если забыть форму и цвѣтъ, на кошачью голову, сдѣланную изъ кастрюли, или на кастрюлю, въ видѣ кошачьей головы. Бреслау дѣлала много рисунковъ, за которые легко могла бы получить медаль; на этотъ разъ ей не удалось. И еще внизу не цѣнятъ ни отдѣлку, ни изящество (потому что изящество не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ: оно врожденно, а отдѣлка только дополненіе къ другимъ болѣе серьезнымъ качествамъ), а **чистоту, энергію** и **чувства** правды.

Трудности не принимаются въ расчетъ, и они правы; такъ что посредственное письмо ставится ниже хорошаго рисунка.

Въ концѣ концовъ, что мы здѣсь дѣлаемъ? Мы учимся, и только съ этой точки зрѣнія и оцѣниваются наши рисунки. Эти господа насъ презираютъ и довольны только, когда работа сильная, даже грубая, потому что этотъ порокъ положительно рѣдко встрѣчается у женщинъ.

Эта работа мальчика, — сказали обо мнѣ. — Тутъ есть нервы; это натура.

— Я тебѣ говорилъ, что у насъ наверху есть одинъ мальчишка, — сказалъ Роберъ-Флери Лефевру.

— Вы получили медаль, — сказалъ мнѣ Жуліанъ, — и при томъ съ успѣхомъ, — эти господа не колебались.

Я послала за пуншемъ, какъ это принято внизу, и мы позвали Жуліана. Меня поздравляли, такъ какъ многія воображаютъ, что мое самолюбіе удовлетворено, и что онѣ избавятся отъ меня.

Викъ, которая на предпослѣднемъ конкурсѣ получила медаль, восьмая; я утѣшаю ее, повторяя ей столь вѣрную и такъ точно выражающую все это фразу Александра Дюма: — «Одна дурная пьеса не служитъ доказательствомъ того, что таланта нѣтъ, между тѣмъ, какъ одна хорошая показываетъ, что онъ есть».

Геній можетъ сдѣлать дурную вещь, но дуракъ никогда не сдѣлаетъ хорошей.

Четвергъ, январь.

Моя медаль представляетъ собою награду за двѣнадцать мѣсяцевъ работы. Послѣ страха, испытаннаго при встрѣчѣ

съ королемъ въ Неаполѣ, наиболѣе сильное впечатлѣніе я испытала сегодня при чтеніи *l'Homme Femme*.

Удивленіе, которое я почувствовала къ Дюма, заставило меня думать нѣсколько минутъ, что я люблю его, питаю неистовую страсть къ этому пятидесятилѣтнему, никогда мной невиданному, человѣку. Я поняла Беттину и Гете.

Пятница, январь. Если бы мнѣ было шестнадцать лѣтъ, я была бы счастливѣйшей женщиной въ свѣтѣ.

— Итакъ, — сказалъ Роберъ-Флери, — мы получили награду!

— Да.

— Это хорошо, и вы знаете, что вы ее вполнѣ заслужили.

— О! я рада, что вы это говорите.

— Да, вполнѣ заслужили, не только головой, представленной на конкурсѣ, но и вообще своей работой. Вы сдѣлали большіе успѣхи, и я радъ, что вы получили медаль. Вы ее вполнѣ заслужили.

Слушая эти похвалы, я покраснѣла и сконфузилась, что даже уменьшило для меня удовольствіе, но тутъ же была тетя, которая дрожала больше меня.

Среда, январь. Весь день я думала о голубомъ морѣ, о бѣлыхъ парусахъ, о небѣ, залитомъ свѣтомъ...

Вернувшись изъ мастерской, я нашла П. Этотъ старый грибъ говоритъ, что черезъ недѣлю ѣдетъ въ Римъ. Пока онъ болталъ, я чувствовала, что блѣднѣю передъ этой перспективой солнца, стараго мрамора въ зелени, развалинъ, статуй, церквей. Кампанья — пустыня, да, но я обожаю эту пустыню. И слава Богу, есть и другіе, которые тоже обожаютъ ее.

Это дивная, артистическая атмосфера, — этотъ свѣтъ, который, при одной мысли о немъ, заставляетъ меня плакать отъ бѣшенства, что я здѣсь. Какихъ живописцевъ я знаю тамъ!

Есть три категоріи людей. Первые любятъ все это, они артисты и не находятъ, что Кампанья ужасная пустыня, холодная зимою, грубая лѣтомъ. Вторые, которые не понимаютъ искусства и не чувствуютъ красоты, но не смѣютъ въ томъ признаться и стараются казаться такими, каковы первые. Эти мнѣ отчасти нравятся, потому что они понимаютъ, что они наги и хотятъ прикрыться. Наконецъ третьи такіе же, какъ вторые, но безъ этого хорошаго чувства. Вотъ этихъ-то я не терплю, потому что они осуждаютъ и леденятъ. Не чувствуя

и не понимая ничего сами, они утверждаютъ, что все это глупости и гадкіе, злые, отвратительные валяются на солнцѣ.

Понедѣльникъ, 3 февраля. Вчера ѣздила смотрѣть *assomoir* и нахожу, что это очень хорошо. Но раньше отъ четырехъ до пяти часовъ, до наступленія сумерекъ, я пыталась сдѣлать одинъ эскизъ. Надо хорошенько привыкнуть... внизу дѣлаютъ это каждое воскресенье, имъ даютъ сюжетъ, и они должны на память сдѣлать эскизъ.

Я начинаю съ самаго начала: Адамъ и Ева. А теперь, разъ начавъ, я буду продолжать такъ каждую недѣлю. Если я буду слушаться себя, мой талантъ не изсякнетъ. Какъ первая попытка, мой эскизъ очень хорошъ...

Я покажу его Жуліану, вмѣстѣ съ другими, который я еще сдѣлаю.

Вторникъ, 4 февраля. Сегодня вечеромъ не было модели; я позировала и въ то время, какъ была на столѣ, пришелъ Жуліанъ, съ которымъ я болтала о политикѣ. Я люблю болтать съ этимъ тонкимъ человѣкомъ.

Когда я весела, я смѣюсь надо всѣмъ и надо всѣми въ мастерской, декламирую, поднимаю все на смѣхъ, спѣшу, составляю политическіе проекты, а Жуліанъ говоритъ мнѣ: — «Продолжайте въ такомъ родѣ и живопись... съ такой обстановкой вы можете быть единственной въ Парижѣ». Онъ думаетъ, что я умная, знающая, что я руковожу нашимъ салономъ и имѣю вліяніе.

Среда, 5 февраля. Мы были въ Версали въ первый день президентства Гамбетты. Рѣчь, имъ прочитанная, была принята съ энтузіазмомъ; и будь она еще хуже, она была бы принята такъ же. Гамбетта читалъ дурно и отвратительнымъ голосомъ. Онъ совершенно не походитъ на президента и, кто видѣлъ Греви, спрашиваетъ себя, что станетъ дѣлать этотъ человѣкъ. Чтобы быть президентомъ, недостаточно имѣть талантъ, надо еще имѣть особый темпераментъ. Греви президентствовалъ съ какой-то механической правильностью и точностью. Первое слово его фразы походило на послѣднее. У Гамбетты есть усиленія и ослабленія, удлиненія и укорачиванія; движенія головой вверхъ и внизъ. Словомъ, онъ или говоритъ несвязно, или онъ очень хитеръ.

Воскресенье, 16 февраля. Въ субботу меня бранили.

— Не понимаю, почему вамъ, съ вашими способностями, такъ трудно даются краски.

Да, я тоже не понимаю, но я парализована. Больше нечего бороться. Надо умереть. Боже мой, милостивый Боже! Больше значитъ нечего и не отъ кого ждать! Всего возмутительнѣе то, что я наполнила дровами каминъ безъ всякой надобности; мнѣ совсѣмъ не холодно... когда быть можетъ въ ту же самую минуту есть несчастные, голодные, холодные, плачущіе отъ нищеты. Эти размышленія сразу останавливаютъ слезы, которыя я была готова проливать. Быть можетъ, это только такъ кажется, но я думаю, что предпочла бы полную нищету, такъ какъ тогда уже нечего бояться, а съ голоду не умираютъ, пока есть силы работать.

Вторникъ, 18 февраля. Сейчасъ я бросилась предъ моей постелью на колѣни и просила у Бога справедливости, милосердія или прощенія! Если я не заслуживаю своихъ мученій, пусть Онъ окажетъ мнѣ справедливость! Если я совершила дурное, пусть проститъ! Если Онъ существуетъ, если Онъ таковъ, какъ насъ учатъ, Онъ долженъ быть справедливъ, Онъ долженъ быть милосердъ, Онъ долженъ простить!

У меня Онъ одинъ, естественно, что я ищу Его и заклинаю не оставлять меня въ отчаяніи, не вводить меня въ грѣхъ, не позволять мнѣ сомнѣваться, богохульствовать, умереть.

Мой грѣхъ таковъ же, каково мое мученіе; я навѣрно ежеминутно совершаю небольшіе грѣхи, которые составляютъ ужасающій итогъ.

Сейчасъ я грубо отвѣтила тетѣ, но я не могла: она вошла въ ту минуту, когда я плакала, закрывъ лицо руками, и умоляла Бога сжалиться надо мною. О! какая я жалкая!

Не надо, чтобы видѣли, какъ я плачу; подумаютъ, что я плачу отъ любви, а я при этомъ заплакала бы отъ досады.

Среда, 19 февраля. Надо что-нибудь сдѣлать, чтобы разсѣяться. Я говорю это изъ глупаго подражанія тому, что пишутъ въ книгахъ. Къ чему разсѣиваться? Мученіе даже развлекаетъ, и потомъ я не похожа на другихъ и ненавижу всѣ заботы о себѣ нравственныя и физическія, потому что я ничему этому не вѣрю.

Ницца. Пятница, 21 февраля. Ну да! я въ Ниццѣ!

Мнѣ захотѣлось принять ванну, воздуха, погрузиться въ свѣтъ, услышать шумъ волнъ. Любите вы море? Я съ ума схожу по морю, только въ Римѣ я его забываю... почти.

Я путешествовала съ Полемъ... Насъ принимали за мужа и жену, что меня сокрушало въ высшей степени. Такъ

какъ наша вилла нанята, мы отправились въ hôtel du Parc; прежняя вилла Acqua Viva, гдѣ мы жили восемь лѣтъ тому назадъ. Восемь лѣтъ! Я путешествую для удовольствія.

Ночь прекрасна, и я удалюсь одна до десяти часовъ вечера; я отправлюсь бродить по берегу и пѣть подъ аккомпаниментъ волны. Ни одной живой души и такъ чудесно, послѣ Парижа особенно. Парижъ!

Суббота, 22 февраля. Какая разница съ Парижемъ! Здѣсь я просыпаюсь сама, окна открыты всю ночь. Я занимаю ту комнату, гдѣ брала уроки рисованія у Бенза. Мнѣ видно солнце, которое мало-по-малу освѣщаетъ деревья около маленькаго бассейна среди сада такъ же, какъ тогда; моя маленькая классная оклеена тѣми же обоями, тѣми самыми, которые я сама выбирала.

Погода чудная!

Воскресенье, 23 февраля. Вчера мы ѣздили въ Монако. Никогда не смогу высказать, до чего мнѣ отвратительно это гнѣздо кокотокъ. Я вошла только на десять минутъ въ залу, но мнѣ и этого было довольно, такъ какъ я не играла.

Слушали opéra comique въ новой залѣ, которая очень красива и въ теперешнемъ вкусѣ.

Съ наступленіемъ ночи я гуляю и восхищаюсь моремъ и небомъ. Какія краски, какая прозрачность, какая чистота, какое благополучіе!

Понедѣльникъ, 24 февраля. Я бываю счастлива, когда мнѣ удается погулять одной. Волны по красотѣ ни съ чѣмъ несравнимы; прежде чѣмъ идти слушать Патти, я слушала ихъ пѣніе. Послѣ дождя была чудная, мягкая прохлада. Такъ хорошо для глазъ смотрѣть въ темную синеву неба, моря и ночи.

Парижъ. Понедѣльникъ, 3 марта. Я уѣхала вчера въ полдень; была чудесная погода, и я готова была проливать искреннія слезы, покидая эту чудную, несравненную страну.

Мнѣ бы теперь хотѣлось уѣхать изъ Парижа, мой умъ блуждаетъ, я чувствую себя словно потерянной. Я ничего болѣе не ожидаю, ни на что не надѣюсь. Я въ отчаяніи; я предалась на волю Божію. Я думаю, думаю, ищу и, ничего не находя, испускаю одинъ изъ тѣхъ вздоховъ, послѣ которыхъ чувствуешь себя еще болѣе угнетенной, чѣмъ прежде. Скажите, что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

Теперь, когда я опять въ этомъ безпощадномъ, безжа-

лостномъ Парижѣ, мнѣ кажется, что я не вполнѣ наглядѣлась на море, мнѣ бы хотѣлось увидѣть его еще разъ. Знаете, съ нами наша собачка Богатель, раздавленная въ Спа и какимъ-то чудомъ выздоровѣвшая. Жаль было оставить ее тамъ одну. Нельзя себѣ представить всю доброту, вѣрность и привязанность этого животнаго! Она не разстается со мной, помѣщается всегда подъ моимъ стуломъ и прячется съ смиренной и умоляющей миной, когда тетя начинаетъ защищать отъ нея ковры.

Среда, 5 марта. Съ завтрашняго дня вновь принимаюсь за работу. Даю себѣ еще одинъ годъ. Одинъ годъ, во время котораго буду работать еще усиленнѣе, чѣмъ прежде. Къ чему служитъ отчаяніе? Да, это фраза, которую говорятъ, когда отчаяніе уже до нѣкоторой степени миновало; но когда вы еще не вполнѣ освободились отъ него.

Въ ту минуту, когда рѣшишь не искать больше, находишь. Во всякомъ случаѣ живопись не можетъ быть мнѣ вредной. Это потому, что мнѣ никто не помогаетъ!.. **напротивъ...** Такъ, мой ангелъ, пріискивай себѣ извиненія, чтобы скрыть недостатокъ своихъ познаній.

Романы! Пѣсни! О! видите ли!!! я пишу, думаю, воображаю, изобрѣтаю, волнуюсь! А потомъ я останавливаюсь — и все та же тишина, то же одиночество, та же комната. Неподвижность мебели кажется мнѣ какимъ-то вызовомъ и насмѣшкою. Я тутъ бьюсь въ кошмарѣ въ то время, какъ другіе **живутъ**!!!

Слава? Да, слава!

Я выйду замужъ. Къ чему откладывать эту развязку? Чего я жду? Съ той минуты, какъ я отказываюсь отъ живописи, все пусто. Въ такомъ случаѣ... ѣхать въ Италію и тамъ выйти замужъ... Не въ Россіи, ибо купленный русскій былъ бы слишкомъ ужасенъ. Впрочемъ, въ Россіи я легко вышла бы замужъ, особенно въ провинціи, но я не такъ глупа. Въ Петербургѣ? Ну, что-жъ, если бы мой отецъ захотѣлъ, онъ могъ бы устроить такъ, чтобы мы провели тамъ зиму...

Итакъ, будущую зиму въ Петербургѣ! Я не думаю, что люблю свое искусство: это было средство, я покидаю его. Правда? О! я ничего не знаю... Не отложить ли на годъ? То время, что остается до срока нашей квартиры.

To be or not to be?

Года недостаточно... но по прошествіи года будетъ вид-

но, стоитъ ли продолжать... Но въ Италіи, если я услышу о молодыхъ художницахъ, я буду бѣситься и горевать, и каково мнѣ будетъ слышать похвалы какому-нибудь таланту, когда я буду въ Неаполѣ или въ Петербургѣ? И при томъ все это было бы основано на моей красотѣ. Я, если я не буду имѣть успѣха? **Потому, что недостаточно нравиться, надо нравиться именно тому, кому хочешь.**

Съ той минуты, какъ искусство отложено въ сторону, и я допускаю возможность выѣзжать, или даже возможность понравиться на улицѣ, или въ театрѣ... я теряюсь во всемъ этомъ и иду спать. Право, Петербургъ мнѣ улыбается. Ну, что-жъ, въ двадцать лѣтъ я буду еще не слишкомъ стара. Въ Парижѣ нечего надѣяться на богатыхъ мужей, что же касается бѣдныхъ, то Италія удобнѣе.

Суббота, 8 марта. Пробовала лѣпить, но я никогда не видѣла, какъ это дѣлается и ничего не знаю. Жардиньерки и вазы наполнены фіалками; онѣ въ землѣ и долго простоятъ у меня.

Голубой атласъ, фіалки, свѣтъ, падающій сверху, арфа... Тишина, ни души... Не знаю почему, я боюсь деревни; я не боюсь, но я не стараюсь попасть туда... Да, наконецъ, это восхитительно въ видѣ отдыха, а вѣдь я то не утомлена! Я скучаю.

Воскресенье, 9 марта. Знаете ли вы, какое громадное утѣшеніе писать! Есть вещи, которыя изводили бы васъ въ конецъ, если бы вы ихъ не предназначали для прочтенія.

Я довольна, найдя такого человѣка, какъ Дюма, который придаетъ значеніе качеству бумаги, чернилъ, пера. Потому что каждый разъ, какъ какая-нибудь принадлежность мѣшаетъ мнѣ работать, я говорю себѣ, что это лѣность и что знаменитые живописцы не имѣли маній.... Постойте... я понимаю, что это внезапно воодушевленный Рафаэль рисовалъ на днѣ бочки свою Богородицу della segiola, но все-таки я думаю, что тотъ же Рафаэль прибѣгъ ко всѣмъ своимъ любимымъ орудіямъ, когда писалъ и оканчивалъ картину, и что если бы его заставили рисовать не сходя съ мѣста и не по его вкусу, онъ былъ бы такъ же раздраженъ, какъ я, простая смертная, въ мастерской Жуліана.

Среда, 12 марта. Я хочу повѣситься! Какой бы грандіозной, невозможной и глупой ни казалась вамъ мысль, что я убью себя, все-таки придется такъ кончить.

Живопись не идетъ на ладъ. Я могла бы, конечно, сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ я пишу красками, я работаю коекакъ, съ перерывами, но это безразлично. Я, которая мечтала быть счастливой, богатой, знаменитой, окруженной... вести, влачить такое существованіе!

М-lle Эльницъ сопровождаетъ меня какъ всегда, но она, бѣдная, такъ скучна! Представьте себѣ совсѣмъ маленькое тѣльце, громадную голову съ голубыми глазами... Видали вы деревянныя головы модистокъ съ розовыми щеками и голубыми глазами?.. Ну вотъ, тѣ же черты и то же выраженіе. Прибавьте къ этой наружности томный видъ, который, впрочемъ, бываетъ также у всѣхъ такихъ манекеновъ, походку медленную, но такую тяжелую, что ее можно было бы принять за шаги мужчины, слабый, дрожащій голосъ; она роняетъ слова съ удивительной медленностью. Она всегда гдѣто витаетъ, никогда ничего не понимаетъ сразу и потомъ, остановившись передъ вами, созерцаетъ васъ съ серьезнымъ видомъ, который васъ или смѣшитъ, или бѣситъ.

Часто она выходитъ на середину комнаты и стоитъ не сознавая, гдѣ она. Но что всего болѣе раздражаетъ, это ея манера открывать двери; операція эта длится такъ долго, что каждый разъ у меня является страстное желаніе броситься и помочь ей. Я знаю, что она молода, ей девятнадцать лѣтъ. Я знаю, что она всегда была несчастна, что она въ чужомъ домѣ, что у нея нѣтъ ни одного друга, ни одного существа, съ которымъ она могла бы обмѣняться словомъ... Часто мнѣ становится жаль ее, я смягчаюсь ея мягкимъ, пассивнымъ видомъ; тогда я принимаю рѣшеніе поболтать съ ней... Но вотъ подите-же! она для меня такъ же противна, какъ были противны полякъ и Б... Я знаю, что это дурно, но ея идіотскій видъ парализуетъ меня.

Я знаю, что ея положеніе печально; но и у Аничковыхъ она была такая же. Прежде чѣмъ попросить у меня какойнибудь пустякъ, напримѣръ, сыграть что-нибудь на роялѣ, она испытываетъ такія же колебанія и муки, какія испытала бы я, прося пригласить меня на вечеръ или на балъ.

У меня есть извиненія, я не говорю здѣсь ни съ кѣмъ, и она не составляетъ исключенія.

Я работаю въ мастерской. а дома за ѣдой читаю журналы или книгу; это привычка, отъ которой мнѣ трудно отдѣлаться; я читаю, даже упражняясь на мандолинѣ. Поэтому

малютка не можетъ думать, что съ нею обращаются хуже, чѣмъ съ другими; я каюсь, но иначе не могу!

Въ ея обществѣ я чувствую себя глубоко несчастной; переѣзды, которые я совершаю съ нею въ каретѣ, были бы настоящей пыткой, если бы я не забывала ее и не смотрѣла въ дверцу, усиленно думая о чемъ-нибудь другомъ... Забыть ее легко, нѣтъ ничего незамѣтнѣе этого бѣднаго существа, но также и ничего болѣе раздражающаго! Мнѣ такъ бы хотѣлось, чтобы она нашла себѣ мѣсто, гдѣ была бы счастливѣе, и уѣхала бы отсюда. Мнѣ стыдно признаться, что она портитъ мнѣ мое одиночество и мою жизнь, полную отчаянія.

О! эта живопись, если бы я могла чего-нибудь добиться!..

Пятница, 14 марта. Поль уѣхалъ противъ моего желанія; я разсердилась и объявила, что онъ не уѣдетъ; онъ далъ мнѣ честное слово въ противномъ. Я держала дверь: воспользовавшись минутой разсѣянности съ моей стороны, онъ ускользнулъ.

Это, видите ли для того, чтобы доказать, что онъ не измѣняетъ рѣшеній. Онъ поклялся уѣхать сегодня. Коротко сказать, это настойчивость слабохарактернаго, который, не будучи способенъ на что-нибудь серьезное, выказываетъ стойкость въ пустякахъ.

Это убило во мнѣ жалость къ нему. Я тотчасъ же взяла у тети двадцать франковъ, чтобы послать телеграмму (съ жалобой) отцу въ Полтаву, но въ эту минуту Розалія пришла ко мнѣ и сказала, что нельзя разсчитывать на молоденькую портниху, которая иногда дѣлаетъ мнѣ платья, такъ какъ у нея тифозная горячка; работницы ея ушли, и она совсѣмъ одна; тутъ мнѣ пришла одна идея. Я разорвала телеграмму и отослала двадцать франковъ этой женщинѣ.

Нѣтъ болѣе пріятнаго ощущенія, какъ дѣлать добро, которое не принесетъ вамъ никакой выгоды. Я бы поѣхала навѣстить ее, я не боюсь тифа, но это имѣло бы видъ, какъ будто я ищу благодарности; но если бы я не отослала ей эту бездѣлицу тотчасъ, я могла бы ее истратить и потомъ... надо признаться это не доставило бы уже мнѣ такого живого удовольствія. Ну, вотъ я чувствую въ себѣ неистощимое милосердіе.

Облегчать горести другихъ, когда никто въ свѣтѣ не облегчаетъ моихъ. Это было бы даже *assez chic*, какъ вы думаете?

Суббота, 15 марта. Если Роберъ Флери, называемый за глаза просто Тони, будетъ меня бранить сегодня, я бросаю живопись. Вы знаете, сколько зависти и непріятностей стоили мнѣ мои успѣхи. Каждый разъ, когда у меня дѣло прихрамывало, мнѣ казалось, что думаютъ: «вѣдь я же вамъ говорила, это не могло продолжаться!» Первыя полотна доставили мнѣ похвалы, а потомъ, когда наступилъ трудный моментъ, я чувствовала слишкомъ большое удовольствіе другихъ и слишкомъ отъ этого страдала. Сегодня утромъ я ждала этого урока, какъ чего-то ужаснаго, и пока это животное Тони поправлялъ другимъ и мало-по-малу приближался ко мнѣ, я читала молитвы съ такимъ жаромъ, что Небо вняло имъ, потому что мною остались довольны. Боже, какая тяжесть спала съ моего сердца! Быть можетъ, вы не имѣете понятія о такихъ волненіяхъ? Представьте себѣ это молчаніе, за которымъ я чувствовала скрытую радость, если бы я оказалась униженной; на этотъ разъ было бы къ лучшему, потому что въ такихъ случаяхъ друзья и враги одинаковы. Въ концѣ концовъ это миновало, и на будущей недѣлѣ я буду въ состояніи перенести какое угодно напряженіе.

Воскресенье, 16-го марта. Коко умеръ, раздавленный тележкой у воротъ.

Мнѣ сказали это, когда я позвала его обѣдать. Послѣ того горя, какое причинила мнѣ смерть перваго Пинчіо, эта потеря кажется мнѣ менѣе тяжкой!.. Но если у васъ есть собака, родившаяся въ домѣ, молодая, глупая, игрунья, уродливая, добрая, милая, прыгающая вамъ на шею, смотрящая на васъ своими безпокойными, вопрошающими, какъ у дѣтей, глазками, вы поняли бы, что мнѣ жаль потерять мою собаку.

Куда идутъ души собакъ? Это бѣдное, маленькое существо, бѣлое, ощипанное — потому что у него не было уже шерсти ни на заду, ни на плечахъ, — съ однимъ огромнымъ ухомъ, торчащимъ всегда кверху, а другимъ повисшимъ; однимъ словомъ я въ десять разъ больше люблю уродливыхъ собакъ, чѣмъ тѣхъ ужасныхъ животныхъ, за которыхъ платятъ дорого.

Онъ походилъ на апокалипсическаго звѣря или на одно изъ чудовищъ на крышѣ собора Божьей Матери.

Пинчіа кажется не замѣчаетъ потери сына; правда, что, она въ ожиданіи новаго семейства.

Я ихъ всѣхъ назову Коко. Кажется, говорятъ, что у собакъ нѣтъ души, а почему?

Вторникъ, 1 апрѣля. Почему веселье должно быть пріятнѣе скуки? Стоитъ только сказать себѣ, что скука мнѣ нравится и забавляетъ меня.

Очень ловкое заимствованіе мысли Эпиктета; но я могла бы отвѣтить, что впечатлѣнія непроизвольны; и какъ бы ни былъ силенъ человѣкъ, онъ всегда имѣетъ первое побужденіе, послѣ котораго ужъ можно располагать собою по желанію, но оно будетъ **всегда и несмотря ни на что.** И гораздо натуральнѣе дѣйствовать подъ первымъ впечатлѣніемъ, **естественнымъ,** умѣряя или увеличивая это испытанное чувство, чѣмъ перевертывать его, искажать и уродовать свои чувства, пока они ассимилируются или, вѣрнѣе, пока все не смѣшается, не изгладится и не перестанешь думать о чемъ бы то ни было... перестанешь жить... и вотъ до чего мнѣ хочется довести себя. Было бы короче... Но нѣтъ, тогда все было бы кончено.

Самое гнусное на этомъ свѣтѣ — это не принадлежать къ нему, жить словно спрятавшись, не видѣть интересныхъ людей, не быть въ состояніи обмѣниться мыслью, не видѣть людей знаменитыхъ или блестящихъ. Вотъ это смерть, вотъ это адъ!

Теряя мужей, дѣтей, разочаровываясь въ друзьяхъ, люди жалуются и упрекаютъ судьбу, я вѣроятно поступила бы такъ же; всѣ эти проявленія въ порядкѣ вещей и Богъ ими не оскорбляется, а человѣкъ не **оскорбляется этимъ,** чувствуя, что это естественныя и неизбѣжныя слѣдствія испытываемой скорби. Вздыхаютъ, охаютъ, но не говорятъ въ глубинѣ души, что **этого не должно быть;** сами того не замѣчая, принимаютъ все какъ должное.

Вы воображаете, что я жалуюсь на тихую жизнь и жажду шума? May be, но это не то.

Я люблю уединеніе и даже думаю, что если бы я **жила,** то время отъ времени уединилась бы, чтобы читать, размышлять и отдыхать; тогда это прелесть, это тихое и чудесное блаженство. Во время сильныхъ жаровъ бываешь очень радъ спрятаться въ погребъ; но большая разница остаться тамъ надолго или навсегда!

А если бы какой-нибудь насмѣшникъ захотѣлъ взять на себя трудъ смутить меня и спросилъ бы меня, согласилась ли бы я купить себѣ жизнь цѣною смерти матери! На это я отвѣ-

тила бы, что не захотѣла бы этого даже цѣною менѣе дорогой жизни, ибо естественно, что мать любятъ больше всѣхъ.

Я бы стала страшно раскаиваться, я не согласилась бы изъ эгоизма.

Четвергъ, 3 апрѣля. Все-таки жизнь хороша, я танцую и пою, когда я одна, потому что полное одиночество есть большое наслажденіе. Но какая пытка, когда оно нарушается семьей или прислугой! Но семья?.. Послушайте, сегодня утромъ, возвращаясь изъ мастерской, я вообразила себѣ, что я счастлива, и не повѣрите, какую нѣжность я почувствовала ко всѣмъ моимъ, къ этой доброй тетѣ, представляющей собою воплощеніе преданности и самоотреченія; но вотъ, я уже не чувствую себя счастливой.

Маленькая Эльницъ отравляетъ мнѣ жизнь. Я не пью больше чаю потому, что она разливаетъ, а каково ѣсть хлѣбъ, до котораго она дотрогивалась!!!... Я получу аневризмъ, бѣгая по лѣстницамъ, какъ сумасшедшая, чтобы обогнать ее, и хоть секунду пройти безъ нея. Когда я беру графинъ или уксусницу, я стараюсь брать ихъ такъ, чтобы не коснуться того мѣста, которое она трогала. У нея, несчастной, есть насѣкомыя, а ея плачевный видъ и черные ногти противны мнѣ до тошноты.

Суббота, 5 апрѣля. Искусственная зелень на каминѣ загорѣлась и зеркало треснуло.

Но несчастья не потому случаются, что трескаются зеркала; это зеркала трескаются потому, что должны случиться несчастья; надо удовольствоваться предупрежденіемъ.

Вторникъ, 15 апрѣля. Жуліанъ объявилъ о смерти нашего императора; на меня это такъ подѣйствовало, что я ничего не понимала; всѣ поднялись, чтобы взглянуть на меня; я поблѣднѣла, на глазахъ были слезы, губы дрожали. Милѣйшій Жуліанъ, думая, что я всегда смѣюсь надо всѣмъ, вздумалъ пошутить. Дѣло въ томъ, что какой-то человѣкъ четыре раза выстрѣлилъ въ императора, но не ранилъ его.

Жуліанъ билъ себя по ляжкамъ и кричалъ, что никакъ не ожидалъ, что это меня такъ взволнуетъ. Но вѣдь и я тоже.

Пятница, 18 апрѣля. Отыскивала прическу временъ имперіи или директоріи, что заставило меня прочесть замѣтку о m-me Рекамье и понятно я почувствовала себя униженной при мысли, что у меня могъ бы быть салонъ и что его нѣтъ.

Глупцы скажутъ, что я воображаю себя такой же красивой, какъ Рекамье, и умной, какъ богиня.

Предоставимъ глупцамъ говорить, что имъ угодно и согласимся только, что я заслуживаю лучшей участи; доказательствомъ можетъ служить то, что всѣ видящіе меня думаютъ, что я царствую и что я замѣчательная женщина. При этомъ я испускаю глубочайшій вздохъ и говорю себѣ: «Быть можетъ, настанетъ мой день»... Я привыкла къ Богу, я пробовала не вѣрить въ Него и не могла... это было бы полное разрушеніе, хаосъ; у меня только и есть, что Богъ, Богъ, Который обращаетъ вниманіе на все и Которому я говорю обо всемъ.

Понедѣльникъ, 21 апрѣля. Въ субботу съ Лизенъ (шведка) я ѣздила къ артистамъ въ Батиньоль, близъ кладбища Montmartre. И я открыла, что въ Парижѣ я ненавижу только бульвары и новые кварталы.

Старый Парижъ и тѣ мѣста, гдѣ я была въ субботу, исполнены поэзіи и тишины, и глубоко поразили меня.

Вторникъ, 6 мая. Я очень занята и очень довольна; я и мучилась потому только, что у меня было много свободнаго времени, я это теперь вижу.

Въ продолженіе двѣнадцати дней, т. е. трехъ недѣль, работаю отъ восьми до полудня и отъ двухъ до пяти, а возвращаюсь въ половинѣ шестого; я работаю до семи, а потомъ дѣлаю какіе-нибудь эскизы или читаю вечеромъ, или же немного играю и въ десять часовъ гожусь только на то, чтобы лечь въ постель.

Вотъ существованіе, которое не позволяетъ думать, что жизнь коротка.

Музыка, вечеръ; Неаполь!.. Вотъ что волнуетъ... Почитаемъ Плутарха.

Среда, 7 мая. Если бы эта лихорадочная работа могла продолжаться, я признала бы себя совершенно счастливой. Я обожаю и рисованіе, и живопись, и композицію, и эскизы, и карандашъ, и сепію; у меня не являлось даже тѣни желанія отдохнуть или полѣниться.

Я довольна! Одинъ мѣсяцъ такихъ дней представляетъ собою шесть мѣсяцевъ при обыкновенныхъ успѣхахъ. Это такъ занимательно и такъ чудесно, что я боюсь какъ бы это не прекратилось. Въ такія минуты я вѣрю въ себя.

Понедѣльникъ, 12 мая. Я красива, счастлива и весела. Были въ салонѣ, потомъ болтали обо всемъ на свѣтѣ, по по-

воду встрѣчи съ художникомъ Беро, котораго мы интриговали на балу и который прошелъ мимо насъ, ничего не подозрѣвая.

Картину Бреслау — большой прекрасный холстъ, посрединѣ большое прекрасное кресло изъ золоченой кожи, въ которомъ сидитъ ея подруга Марія въ темно-зеленомъ платьѣ, съ чѣмъ-то голубовато-сѣрымъ на шеѣ; въ одной рукѣ портретъ и цвѣтокъ, въ другой пакетъ писемъ, перевязанный узенькой красной шелковой ленточкой. Очень простая аранжировка, сюжетъ понятный. Рисунокъ прекрасный и большая гармонія тоновъ, которые производятъ почти чарующее впечатлѣніе.

Быть можетъ, я скажу что-нибудь невозможное, но, знаете, у насъ нѣтъ великихъ художниковъ. Существуетъ Бастьенъ-Лепажъ: другіе?.. это знаніе, привычка, условность, школа; много условности, огромная условность.

Ничего правдиваго, ничего такого, что бы дышало, пѣло, хватало за душу, бросало въ дрожь или заставляло плакать.

Я не говорю о скульптурѣ, я недостаточно видѣла, чтобы говорить. Отъ всѣхъ этихъ жанровыхъ картинъ, отъ этой претенціозной посредственности, отъ этихъ обыкновенныхъ или хорошихъ портретовъ становится почти тошно.

Сегодня я только и нашла хорошаго, что портретъ Виктора Гюго Бонна и потмъ, пожалуй, картину Бреслау....

Пятница, 16 мая. Салонъ вещь дурная, потому что, видя эту мазню, эту настоящую **мазню,** которая тамъ находится, начинаешь считать себя чѣмъ-то, когда еще ничего не достигнуто.

Понедѣльникъ, 9 іюня. По всей вѣроятности, эта жаркая тяжелая погода дѣлаетъ меня никуда не годной. Все-таки я работала цѣлый день... я твердо рѣшила не манкировать болѣе работой, но я утомлена.

Сегодня вечеромъ мы ѣдемъ на балъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Я буду не хороша собой; я сонная, мнѣ очень хочется спать. Я не жажду успѣха и чувствую, что буду дурна и глупа.

Я даже не думаю болѣе о «побѣдахъ». Я одѣваюсь хорошо, но не вкладываю въ это души и забываю думать о производимомъ мною впечатлѣніи. Я ни на что и ни на кого не смотрю, и мнѣ скучно. Только у меня и есть, что живопись. Я уже больше не умна и не остроумна; когда я хочу говорить, я стано-

влюсь мрачна или говорю вздоръ и потомъ... Надо мнѣ сдѣлать завѣщаніе, потому что долго это не можетъ тянуться.

Суббота, 14 іюня. Эту недѣлю я рисовала, а нашли, что это недостаточно хорошо для меня.

Довольно выѣздовъ!

Воскресенье, 15 іюня. Вы увидите, что я еще не умерла... У меня бьется сердце и меня лихорадитъ при мысли, что мнѣ остается только нѣсколько мѣсяцевъ.

Жуліанъ уже замѣтилъ, что я начала серьезно работать, и увидитъ, что я никогда не буду манкировать моими еженедѣльными композиціями. У меня есть альбомъ, въ которомъ я ихъ **набрасываю,** нумерую и озаглавливаю, при чемъ отмѣчаю день.

Суббота, 21 іюня. Вотъ уже около тридцати шести часовъ я почти не перестаю плакать; вчера я легла совсѣмъ измученная.

За обѣдомъ у насъ было двое русскихъ, а также Божидаръ; но я была никуда не годна. Мой скептическій и насмѣшливый умъ куда-то исчезъ. Случилось мнѣ терять родныхъ, бывали другія горести, но мнѣ кажется, что я никогда не оплакивала никого такъ, какъ я оплакиваю того, кто только-что умеръ. И это тѣмъ поразиительнѣе, что въ сущности это не должно было совсѣмъ меня огорчать, скорѣе даже должно было бы меня радовать.

Вчера, въ полдень, когда я уѣзжала изъ мастерской, Жуліанъ позвалъ горничную; она приложила ухо къ трубѣ и тотчасъ же сказала намъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:

— Барышни, господинъ Жуліанъ велитъ сказать вамъ, что умеръ наслѣдный принцъ.

Увѣряю васъ, что я вскрикнула совершенно искренно. Я сѣла на ящикѣ для углей. Всѣ говорили въ одинъ голосъ:

— Немного потише, mesdames, это офиціальное извѣстіе, получена телеграмма. Онъ убитъ зулусами. Это мнѣ сказалъ господинъ Жуліанъ.

Это уже всюду извѣстно; когда принесли «*Estafetto*», съ крупно напечатанными слѣдующими словами: «**смерть** наслѣднаго принца», я не могу разсказать вамъ, какъ у меня сжалось сердце.

При томъ, къ какой бы партіи ни принадлежать, быть ли французомъ или иностранцемъ, невозможно не поддаться общему чувству оцѣпенѣнія.

Эта страшная безвременная смерть дѣйствительно ужасна.

Но я вамъ скажу то, что не говоритъ ни одинъ журналъ, — что англичане подлецы и убійцы. Это неестественно!.. Есть или одинъ или нѣсколько виновныхъ, безчестныхъ, подкупленныхъ. Развѣ подвергаютъ опасности принца, надежду партіи? Сына!.. Нѣтъ, я не вѣрю, что есть хотя одно такое дикое животное, которое не смягчилось при мысли о матери!.. Самыя ужасныя несчастія, самыя страшныя потери всегда оставляютъ хоть что-нибудь, хоть лучъ, хоть тѣнь надежды или утѣшенія... Здѣсь ничего. Можно сказать, безъ боязни ошибиться, что это небывалое горе. Онъ уѣхалъ изъ-за нея, она ему надоѣдала, она его мучила, не давала ему даже 500 франковъ въ мѣсяцъ, дѣлала тяжелою его жизнь. Дитя уѣхало въ дурныхъ отношеніяхъ съ матерью.

Понимаете ли вы весь ужасъ этого? Видите ли эту женщину?

Есть матери столь же несчастныя, но ни одна не могла почувствовать ударъ такъ сильно; потому что общее чувство увеличиваетъ горе во столько же милліоновъ разъ, сколько шуму, сочувствія, даже оскорбленій вокругъ смерти.

Чудовище, принесшее ей это извѣстіе, сдѣлало бы лучше, если бы убило ее.

Была въ мастерской, и Роберъ-Флери очень хвалилъ меня; но вернувшись я все-таки плакала, потомъ поѣхала къ m-me G., гдѣ всѣ, начиная съ прислуги, въ траурѣ и съ заплаканными глазами.

Эти англичане всегда поступали гнусно съ Бонапартами, которые всегда имѣли глупость сноситься съ этой подлой Англіей, къ которой я чувствую ненависть и ярость.

Можно увлекаться, даже плакать, читая романъ. Какъ же не быть взволнованной до глубины души этой страшной катастрофой, этимъ ужаснымъ раздирающимъ сердце концомъ!

Въ результатѣ — цѣлая партія безъ пристанища. Имъ нужно какого-нибудь принца, хоть для вида, я думаю, что они не разъединятся; нѣкоторые, наименѣе скомпрометированные, присоединятся къ республикѣ, но другіе будутъ продолжать поддерживать какой-нибудь призракъ. Впрочемъ кто знаетъ? Разъ римскій король умеръ, не подумаютъ ли, что все кончено?

Умереть? въ такую минуту! Умереть въ двадцать три года, быть убитымъ дикарями, сражаясь за англичанъ!

Я думаю, что въ глубинѣ своихъ сердецъ самые жестокіе изъ враговъ чувствуютъ нѣчто въ родѣ угрызеній.

Я читала всѣ журналы, даже тѣ, которые бранятся; я обливала ихъ слезами.

Будь я француженка, мужчина, бонапартистъ, я не могла бы быть болѣе возмущенной, оскорбленной и безутѣшной.

Ну, подумайте только объ этомъ юношѣ, котораго заставили уѣхать глупыя шутки грязныхъ радикальныхъ журналовъ, объ юношѣ, котораго окружили и убили!

Представьте себѣ его крики, отчаянные призывы, страданіе, ужасъ и безсиліе. Умирать въ незнакомомъ углу, быть покинутымъ, почти **преданнымъ!** И какъ можно было отправиться одному съ англичанами!

А мать!

Но прочтите подробности. Его тамъ оставили три дня, и Каре уже **слишкомъ поздно** замѣтилъ, что принца нехватаетъ.

Увидавъ зулусовъ, онъ спасся съ другими, не заботясь о принцѣ.

Нѣтъ, видѣть это напечатаннымъ въ ихъ газетахъ и говорить себѣ, что эта нація не истреблена, что нельзя уничтожить ихъ проклятый островъ и этотъ холодный, варварскій, вѣроломный, подлый народъ! О! если бы это было въ Россіи; да наши солдаты всѣ бы полегли до послѣдняго.

А эти подлецы покинули его, предали!

Но прочтите же подробности, неужели вы не поражены такою безчестностью и подлостью!

Развѣ убѣгаютъ, не защищая товарищей?

И лейтенантъ Каре не будетъ повѣшенъ!

А мать, бѣдная императрица, бѣдная **императрица!** Все кончено, потеряно, уничтожено! Ничего болѣе! Осталась только бѣдная мать въ трауре.

Понедѣльникъ, 23 іюня. Я все еще подъ грустнымъ впечатлѣніемъ этого ужаснаго событія. Публика, приходя въ себя послѣ всеобщаго оцѣпенѣнія, спрашиваетъ себя, по какой непростительной неосмотрительности несчастный юноша былъ преданъ дикарямъ.

Англійская пресса возмущается подлостью спутниковъ

принца. А у меня, которая тутъ ни при чемъ, при чтеніи этихъ вопіющихъ подробностей, захватываетъ дыханіе, и слезы выступаютъ на глаза. Никогда не была я такъ взволнована, а усилія, которыя я дѣлаю въ теченіе дня, чтобы не плакать, стѣсняютъ мнѣ грудь. Говорятъ, что императрица умерла сегодня ночью, но ни одинъ журналъ не подтверждаетъ этой ужасной, но вмѣстѣ и утѣшительной, новости. Меня бѣситъ то, что какъ легко было бы предупредить это преступленіе, это несчастье, этотъ позоръ!

На улицахъ еще видны люди, пораженные случившимся, и нѣкоторыя продавщицы газетъ еще плачутъ. А я, я поступаю какъ онѣ, вполнѣ признавая, что это необъяснимо и неестественно. Мнѣ такъ бы хотѣлось надѣть настоящій трауръ съ крепомъ. Это соотвѣтствовало бы вполнѣ моему настроенію.

— Что вамъ-то до этого? — скажутъ мнѣ. Я не знаю, что мнѣ до этого, только это меня очень огорчаетъ.

Никого нѣтъ, я заперлась у себя, мнѣ нечего рисоваться, и я заливаюсь слезами, что очень глупо, потому что это ослабляетъ глаза; я это чувствовала уже сегодня утромъ, когда рисовала. Но я не могу успокоиться, думая объ этихъ фатальныхъ, ужасныхъ, страшныхъ случайностяхъ, окружающихъ эту смерть, и о подлости его спутниковъ.

Такъ было легко избѣжать этого!

Среда, 2 іюля. Прочитавъ новыя показанія англійскихъ солдатъ, я пріѣхала въ мастерскую такая взволнованная, что пришлось выскоблить все написанное сегодня и уѣхать.

До субботы я успѣю сдѣлать профиль Дины, которая настолько же похорошѣла, насколько я подурнѣла.

Среда, 16 іюля. Я необыкновенно утомлена; говорятъ, что такъ начинается тифозная горячка.

Я видѣла дурные сны. А если я умру? И вотъ я совсѣмъ удивлена, что меня не пугаетъ смерть. Если существуетъ другая жизнь, то, конечно, не будетъ лучше, чѣмъ та, которую я веду здѣсь. А если нѣтъ ничего послѣ смерти?.. Тѣмъ болѣе нечего бояться, а надо желать, чтобы кончилась скука безъ блеска извѣстности и мученія безъ славы. Надо мнѣ сдѣлать свое завѣщаніе.

Я начинаю работать съ восьми часовъ утра, а къ пяти часамъ бываю такая усталая, что весь вечеръ потерянъ; однако же надо мнѣ написать свое завѣщаніе.

Суббота, 9 августа. Оставаться или ѣхать? Чемоданы уже уложены. Мой докторъ, кажется, не вѣритъ въ дѣйствіе водъ Mont-Dore. Не бѣда, я ѣду туда отдохнуть. По возвращеніи же оттуда мнѣ придется вести невѣроятную жизнь.

Буду писать пока свѣтло, по вечерамъ буду заниматься скульптурой.

Среда, 13 августа. Со вчерашняго дня съ часу ночи мы въ Дьеппѣ.

Неужели всѣ приморскіе города одинаковы? Я была въ Остенте, въ Кале, въ Дуврѣ и теперь я въ Дьеппѣ. Пахнетъ смолой, лодками, снастями, вощенымъ холстомъ. Вѣтренно, со всѣхъ сторонъ открыто, чувствуешь себя одинокимъ. Все напоминаетъ морскую болѣзнь. Какая разница въ сравненіи съ югомъ! Тамъ есть чѣмъ дышать, тамъ есть чѣмъ любоваться, тамъ чувствуешь себя хорошо. Я даже предпочту такое зеленое гнѣздышко, какъ Соденъ, Шлангенбадъ и какъ мнѣ представляется Mont-Dore.

Я піѣхала сюда подышать. Да, конечно, такъ. Конечно, внѣ города и гавани воздухъ лучше. Мнѣ не нравятся всѣ эти сѣверныя моря. Къ тому же изъ всѣхъ здѣшнихъ гостиницъ море видно только изъ третьяго этажа. О, Ницца, о, Сенъ-Ремо, о, Неаполь!! О, Серенто!!! Вы не пустыя слова, проводники путешественниковъ не преувеличиваютъ и не профанируютъ вашихъ красотъ, вы въ самомъ дѣлѣ прекрасны и божественны!!

Суббота, 16 августа. Мы много смѣемся, и я порядочно скучаю, но смѣхъ въ моемъ характерѣ и не зависитъ отъ моего расположенія духа.

Прежде я интересовалась гуляющими на водахъ — это меня забавляло. Теперь я дошла до полнѣйшаго равнодушія. Мнѣ безразлично, люди или собаки вокругъ меня. Мнѣ даже веселѣе, когда я одна играю или рисую. Я думала, что буду дѣлать въ этомъ мірѣ совсѣмъ не то, что дѣлаю, и разъ я дѣлаю не то что думала, не все ли равно, что я думала?

Вторникъ, 19 августа. Взяла первую морскую ванну, и это, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ, заставляетъ меня искать какого-нибудь предѣла для слезъ. Лучше быть одѣтой нищей, чѣмъ мѣщанкой. Въ концѣ-концовъ у меня несчастная натура: мнѣ хотѣлось бы гармоніи во всѣхъ мелочахъ жизни; часто вещи, которыя считаются элегантными и красивыми, шокируютъ меня какимъ-то отсутствіемъ художественности,

особой граціи и не знаю чего еще. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы мама была элегантная, умная или, по крайней мѣрѣ, съ достоинствомъ гордая...

Право, нельзя такъ мучить людей...

Не мелочи ли это?.. Все относительно, и если булавка причиняетъ вамъ такую же боль, какъ ножикъ, что скажутъ тогда мудрецы?

Среда, 20 августа. Не думаю, что когда-нибудь я могла бы испытать такое чувство, въ которое не входило бы честолюбіе. Я презираю людей, которые не представляютъ изъ себя ничего.

Дьеппъ. Пятница, 22 августа. О, великій Бальзакъ! ты величайшій геній въ свѣтѣ; куда ни пойдешь, вездѣ видишь твои удивительныя комедіи! Кажется, что онъ постоянно жилъ и писалъ съ натуры. Я только что видѣла двухъ женщинъ, которыя своей фигурой, своей жизнью заставляютъ меня думать о Бальзакѣ, объ этомъ великомъ, неистощимомъ, невѣроятномъ геніи.

Пятница, 22 августа. Фатализмъ — религія лѣнивыхъ и отчаявшихся. Я отчаялась и клянусь вамъ, я не дорожу жизнью. Я не сказала бы этой пошлости, если бы это подумала на минуту, но я это думаю всегда, даже въ веселыя минуты. Я презираю смерть; если тамъ нѣтъ ничего... то все это очень просто: если есть что-нибудь, я полагаюсь на Бога.

Понедѣльникъ, 1 сентября. Надѣюсь, вы замѣтили большую перемѣну, мало-по-малу происходящую во мнѣ. Я сдѣлалась серьезной и благоразумной, и затѣмъ я прониклась глубже нѣкоторыми идеями, я понимаю многія вещи, которыя я не понимала и о которыхъ я говорила при случаѣ безъ убѣжденія. Я поняла сегодня, напримѣръ, что можно питать сильное чувство къ идеѣ, что ее можно любить, какъ любишь самого себя.

Преданность принцамъ, династіямъ трогаетъ меня, воспламеняетъ, заставляетъ меня плакать и, быть можетъ, заставила бы дѣйствовать подъ прямымъ вліяніемъ чего-нибудь возбуждающаго; но у меня въ глубинѣ есть какое-то чувство, которое абсолютно мѣшаетъ мнѣ признаваться во всѣхъ этихъ душевныхъ движеніяхъ. Каждый разъ, при мысли о великихъ людяхъ, служившихъ другимъ людямъ, мое удивленіе къ нимъ начинаетъ прихрамывать и разсѣиваться. Это, быть можетъ, родъ глупаго тщеславія, но я нахожу почти презрѣнными

всѣхъ этихъ... слугъ, и я тогда только дѣйствительно дѣлаюсь роялистомъ, когда поставлю себя на мѣсто короля. Гамбетта не вульгарный честолюбецъ; и если я искренно говорю это, то значитъ совершенно и сознательно убѣждена въ этомъ. Я еще понимаю, что можно преклоняться передъ королями, но я не могу обожать или уважать человѣка, который передъ ними преклоняется. Это не значитъ, что я не хочу, чтобы на меня падали лучи... нѣтъ; и само собой разумѣется, что я была бы въ восторгѣ, если бы была женой какого-нибудь состоящаго при посольствѣ или при дворѣ. (Только всѣ эти господа безъ состоянія и ищутъ приданаго). Но здѣсь я говорю о своихъ самыхъ интимныхъ чувствахъ. Я это всегда думала, но не всегда удается высказать то, что думаешь. Мнѣ бы очень хотѣлось конституціоннаго государства, какъ въ Италіи или въ Англіи, да и то!

Аристократія не разрушается и не создается въ одинъ день; она должна поддерживать себя, но не должна запираться въ какую-то глупую цитадель.

Старый порядокъ есть отрицаніе прогресса и разума!!

Обвиняютъ людей, но это что?

Люди проходятъ и отъ нихъ можно отдѣлаться, когда они не нужны. Увѣряютъ, что республиканская партія полна испорченныхъ людей. Я говорила вамъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какъ я смотрю на это.

Мнѣ хочется ѣхать въ деревню, въ настоящую деревню, съ деревьями, полями, паркомъ. Хочется зелени, какъ въ Шлангенбадѣ или даже въ Соденѣ, вмѣсто этого глупаго пустыннаго Дьеппа! И еще говорятъ, что я не люблю деревню! Я не люблю русской деревни, сосѣдей, усадьбы и т. д., но я обожаю деревья и чистый воздухъ, и мнѣ хочется провести двѣ недѣли въ зеленомъ и душистомъ уголкѣ, какъ мнѣ хотѣлось ѣхать въ Римъ. Но о Римѣ я почти никогда не говорю; это меня слишкомъ возбуждаетъ, а я хочу остаться спокойной.

Всѣ эти мысли о зелени пришли мнѣ въ голову, когда я была въ Тюльери. Что же дѣлать? Я люблю это такъ же, какъ ненавижу пустынные, плоскіе берега... Но попробуйте-ка поѣхать недѣли на двѣ въ Швейцарію съ моей семьей, — вотъ была бы скука. Суматоха, жалобы и всѣ эти аксессуары семейнаго счастья.

Среда, 1 октября. Вотъ журналы, я только что прочла

двѣсти страницъ, составляющихъ первую книжку обозрѣнія m-me Adam. Все это меня взволновало и въ четыре часа я уѣхала изъ мастерской, чтобы покататься въ Булонскомъ лѣсу въ моей новой шляпѣ, которая производитъ сенсацію; но теперь мнѣ это безразлично. Я нахожу m-me Adam очень счастливой.

Я думаю, вы достаточно знаете меня, чтобы понять, какое впечатлѣніе производятъ на мою бѣдную голову всѣ эти жгучіе вопросы.

Перехожу къ республикѣ и къ новымъ взглядамъ. Вотъ сегодня, напримѣръ, меня взволновала статья въ «Nouvelle Revue»; кто знаетъ, быть можетъ когда-нибудь я увлекусь принцемъ Наполеономъ, котораго я предпочитаю Наполеону III, и который дѣйствительно представляетъ собою нѣчто. Нѣтъ, вы понимаете, что я не шучу и что я близка къ этому, какъ не надо больше. Нужно идти со своимъ временемъ, особенно, если дѣйствительно чувствуешь къ тому желаніе и неотразимую потребность.

Четвергъ, 31 октября. Франція — прелестная и занятная страна возстанія, революціи, моды, ума, граціи, элегантности, однимъ словомъ всего, что даетъ жизни прелесть и неожиданность. Но не ищите въ ней не серьезнаго правительства, ни добродѣтельнаго человѣка (въ античномъ значеніи слова), ни брака по любви... ни даже настоящаго искусства. Французскіе художники очень сильны; но кромѣ Жерико и въ настоящее время Бастьенъ-Лепажа, имъ недостаетъ божественной искры. И никогда, никогда, никогда Франція не произведетъ того, что произвела Италія и Голландія въ извѣстномъ отношеніи.

Прекрасная страна для волокитства и для удовольствія, но для остальногоʔ.. Но это всегда такъ, и другія страны со своими солидными и достойными уваженія качествами иногда бываютъ скучны. Въ концѣ-концовъ, если я и жалуюсь на Францію, то только потому, что я еще не замужемъ. Франція для молодыхъ дѣвушекъ страна скверная, и это не слишкомъ сильно сказано. Нельзя вложить болѣе холоднаго цинизма въ союзъ двухъ существъ, чѣмъ вкладываютъ здѣсь при соединеніи браковъ мужчины и женщины.

Торговля, промышленность, спекуляція сами по себѣ слова въ извѣстномъ смыслѣ почтенныя, но въ примѣненіи къ

браку они отвратительны, а между тѣмъ нѣтъ болѣе подходящихъ понятій для опредѣленія французскихъ браковъ.

Суббота, 8 ноября. Кончила портретъ привратницы: она очень похожа. Это была безграничная радость для всей семьи: сынъ, зять, внучата, сестры, всѣ въ восторгѣ.

Къ несчастью, Гони не раздѣлилъ этого увлеченія. Сначала онъ сказалъ, что это недурно; а потомъ... дѣло идетъ не такъ хорошо, какъ должно было бы идти. Очевидно, что у меня нѣтъ такихъ способностей къ живописи, какъ къ рисованію. Рисунокъ, конструкція, форма — все это идетъ само собой. Умѣнье владѣть красками развивается недостаточно скоро. Онъ не хочетъ, чтобы я теряла свое время такимъ образомъ. Надо сдѣлать что-нибудь, чтобы дѣло пошло иначе.

— Вы не тверды, это очевидно, и такъ какъ вы необыкновенно хорошо одарены и у васъ очень большія способности, то это мнѣ надоѣдаетъ.

— Меня это забавляетъ еще менѣе, но я не знаю, что мнѣ дѣлать?

— Я давно уже хочу поговорить съ вами объ этомъ. Надо испытать всѣ средства; быть можетъ все дѣло въ томъ, чтобы отворить какую-нибудь дверь.

— Скажите же, что мнѣ надо сдѣлать — копію, гипсъ, nature morte? Я сдѣлаю все, что вы скажете.

— Вы сдѣлаете все, что я вамъ скажу сдѣлать; ну хорошо! Въ такомъ случаѣ мы можемъ быть увѣрены, что добьемся. Приходите ко мнѣ въ будущую субботу, и мы поболтаемъ.

Уже давно я должна бы была побывать у него въ одну изъ субботъ. Всѣ ученицы это дѣлаютъ. Да, наконецъ, онъ такой славный.

Понедѣльникъ, 10 ноября. Вчера я была въ церкви; я хожу время отъ времени, чтобы не сказали, что я нигилистка.

Часто, смѣясь, я говорю, что жизнь есть только переходъ. Я бы хотѣла серьезно вѣрить этому, чтобы утѣшиться во всѣхъ печаляхъ, во всѣхъ жестокихъ горестяхъ и недостойныхъ страданіяхъ.

И весь міръ такой мелочный! Чувствуя это отвращеніе и изумленіе передъ ежедневными мелочами, я открываю, что я чиста отъ всѣхъ этихъ пошлостей, вызывающихъ тошноту.

Пятница, 14 ноября. Если я не записываю ничего въ про-

долженіе нѣсколькихъ дней, то это потому, что не нахожу ничего интереснаго.

До сихъ поръ я была снисходительна къ моимъ ближнимъ; я никогда не говорила и не повторяла про нихъ ничего дурного; я всегда защищала всякаго, если на него нападали въ моемъ присутствіи, съ корыстной мыслью, что, быть можетъ, со мною будутъ поступать такъ же; я всегда защищала даже тѣхъ, кого не знала, прося Бога наградить меня за то; я никогда не хотѣла серьезно повредить кому бы то ни было, и если я хочу быть богатой или могущественной, то всегда у меня были мысли о великодушіи, добротѣ, милосердіи, передъ которыми преклоняюсь; но это мнѣ не удается. Я буду подавать двадцать су нищимъ на улицѣ, потому что они вызываютъ у меня слезы, но мнѣ кажется, что я дѣлаюсь дурной.

А право было бы хорошо остаться доброй, чувствуя себя раздраженной и несчастной. Но было бы также забавно сдѣлаться злой, дурной, насмѣшницей, вредной... разъ это безразлично для Бога, разъ онъ не принимаетъ ничего во вниманіе. Въ концѣ-концовъ, приходится думать, что Богъ не то, что мы воображаемъ себѣ. Богъ, быть можетъ, есть сама природа, и всѣ событія въ жизни управляются случаемъ, который приводитъ иногда странныя совпаденія и явленія, которыя заставляютъ вѣрить въ Провидѣніе. Что же касается нашихъ молитвъ, религій, обращеній къ Богу... меня ничто не можетъ склонить къ тому, чтобы считать ихъ нужными.

Чувствовать себя достаточно сильной, чтобы сдвинуть небо и землю, и не быть ничѣмъ! Я не кричу, но всѣ эти мученія выражаются на моемъ лицѣ. Думаютъ, что если молчишь, то значитъ ничего; но такія вещи всегда всплываютъ на поверхность.

Суббота, 15 ноября. Я удивляюсь Зола; но есть вещи, которыя всѣ говорятъ, но которыя я не могу рѣшиться ни сказать, ни написать. Однако, чтобы вы не подумали какихъ-нибудь ужасовъ, я вамъ скажу, что самое сильное это purgé; мнѣ досадно, непріятно, что я написала такое слово; я не колеблясь говорю каналья или другія слова въ этомъ родѣ; но что касается этихъ маленькихъ невинныхъ неприличій, то они мнѣ противны.

Воскресенье, 28 декабря. Поль женится, я на это согласна. Сейчасъ скажу вамъ почему. Она его обожаетъ и очень хочетъ выйти за него. Она довольно хорошей семьи,

изъ той же мѣстности, сосѣдка, довольно богатая, молодая, красивая и, судя по письмамъ, очень добрая. И потомъ ей этого очень хочется. Думаютъ, что ей немного вскружило голову то, что Поль сынъ предводителя дворянства и что у него семья играетъ нѣкоторую роль въ Парижѣ. Лишній поводъ для моего согласія. Благодаря небрежности Розаліи, мое письмо не дошло до Поля. Мама согласилась; молодая дѣвушка прислала ей слѣдующую телеграмму: «Довольна, счастлива, на колѣняхъ благодарю маму, возвращайтесь скорѣе. — Александра».

Говорятъ, что бѣдняжка боится парижской семьи, меня — такой гордой, высокомѣрной, жестокой.

Нѣтъ, не я скажу «нѣтъ»; хотя я никогда не любила такъ, какъ она любитъ, я все-таки не хочу причинять горя кому бы то ни было.

Легко сказать: я буду тѣмъ-то или тѣмъ-то, буду дурной, но какъ только представляется возможность сдѣлать что-нибудь непріятное одному изъ своихъ ближнихъ на землѣ, даже не приходится раздумывать. Если у меня есть мученія, то вѣдь, мучая другихъ, я отъ нихъ не избавляюсь. Я добра не по добротѣ, но потому, что это лежало бы у меня на совѣсти и мучило бы меня. Настоящіе эгоисты должны бы дѣлать только добро; дѣлая зло, человѣкъ самъ слишкомъ несчастливъ. Но, кажется, есть люди, которымъ нравится дѣлать зло... У каждаго свой вкусъ. Тѣмъ болѣе, что Поль никогда не будетъ ничѣмъ инымъ, какъ помѣщикомъ.

Среда, 31 декабря. Во мнѣ, должно быть, кроется болѣзнь. Я такъ нервна, что готова плакать изъ-за ничего. Уйдя изъ мастерской, мы отправились въ магазины Лувра. Нуженъ Зола, чтобы описать эту раздражающую, противную, бѣгущую толкающуюся толпу, эти выставленные впередъ носы, эти ищущіе глаза: я готова была упасть въ обморокъ отъ жары и нервнаго раздраженія.

Какой печальный конецъ года!.. думаю, что лягу въ одиннадцать, чтобы проспать полночь, вмѣсто того, чтобы скучать... за гаданьемъ.

1880.

Четвергъ, 1 января. Утромъ была въ мастерской, чтобы, начавъ работать съ перваго дня Новаго года, продолжать

работать весь годъ. Потомъ поѣхали дѣлать визиты и были въ Булонскомъ лѣсу.

Суббота, 3 января. Я кашляю такъ сильно, какъ только возможно, но какимъ-то чудомъ я отъ этого не подурнѣла, а пріобрѣла томный видъ, который очень къ лицу.

Понедѣльникъ, 5 января. Ну! дѣло плохо!

Я снова принимаюсь за работу; но такъ какъ я не открыто прервала ее, то чувствую вялость и небывалое безсиліе. А выставка въ салонѣ приближается! Говорила обо всемъ этомъ съ великимъ Жуліаномъ, и мы оба, особенно онъ, согласны въ томъ, что я не готова.

Итакъ, я работаю два года и четыре мѣсяца, не вычитая ни потеряннаго времени, ни путешествія; это мало, но это и страшно много. Я недостаточно работала, я теряла время, я отдыхала, я... однимъ словомъ, я не готова. «Булавочные уколы сводятъ васъ съ ума, но сильный ударъ дубины вы можете перенести». Это правда.

Суббота, 17 января. Докторъ предполагаетъ, что мой кашель чисто нервный, можетъ быть, потому, что я не охрипла; у меня ни горло не болитъ, ни грудь. Я просто задыхаюсь и у меня колотье въ правомъ боку. Я возвращаюсь въ одиннадцать часовъ и, хотя и желаю сильно заболѣть и не ѣхать на балъ, но все-таки одѣваюсь. Я красива.

Вторникъ, 20 января. Вернувшись изъ мастерской, узнаю, что была m-me Ж., которая думала, что я не выхожу и которая сердита на то, что я не берегусь подобно старикамъ. И потомъ обѣщанные назавтра билеты отданы m-me Ротшильдъ.

Я не дала десять тысячъ франковъ за постоянный билетъ. Не просить билетовъ, быть независимой!

О, безплодные порывы, безплодныя и жалкія интриги, безплодные споры съ семьей, безплодные вечера, проведенные въ разговорахъ о томъ, чего бы мнѣ хотѣлось, при чемъ не дѣлается ни единаго шага, чтобы достигнуть цѣли! Безплодныя и жалкія усилія!

Суббота, 31 января. Сегодня вечеромъ въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія въ Мурціи концертъ и балъ въ Hôtel Continental подъ покровительствомъ королевы Изабеллы, которая послѣ концерта сошла въ бальныя залы и пробыла тамъ около часу.

Я не особенно люблю танцовать и мнѣ не нравится находиться такимъ образомъ въ объятіяхъ мужчинъ. Но въ общемъ мнѣ это безразлично, такъ какъ я никогда не понимала волненій, причиняемыхъ вальсомъ въ романахъ.

Танцуя, я думаю только о тѣхъ, которые смотрятъ на меня.

Четвергъ, 5 февраля. Я бы хотѣла всегда дѣлать такъ, какъ сегодня: работать отъ восьми до полудня и отъ двухъ часовъ до пяти. Въ пять часовъ приносятъ лампу, и я рисую до половины восьмого. До восьми одѣваюсь; въ восемь обѣдъ, потомъ читаю и засыпаю въ одиннадцать часовъ.

Но отъ двухъ до половины восьмого безъ отдыха немного утомительно.

Вторникъ, 10 февраля. Имѣла длинное совѣщаніе съ отцомъ Жуліаномъ по поводу салона; я представила два проекта, которые онъ находитъ хорошими. Я нарисую оба, это отниметъ три дня, и тогда мы выберемъ. Я недостаточно сильна, чтобы блестяще выполнить портретъ мужчины: сюжетъ неблагодарный; но я въ состояніи выполнить лицо (разумѣется въ натуральную величину) и нагое тѣло, что, какъ говоритъ Жуліанъ, кажется мнѣ заманчивымъ, какъ всѣмъ, чувствующимъ свою силу. Этотъ человѣкъ забавляетъ меня; онъ построилъ на моей головѣ цѣлую будущность; онъ заставитъ меня сдѣлать и то, и это, если я буду умницей, а послѣ нашего послѣдняго разговора я умница. На будущій годъ это будетъ портретъ какого-нибудь знаменитаго человѣка и картина. «Я хочу, чтобы вы сразу выдвинулись изъ ряда».

Въ этомъ году я «изобрѣтательница»; придумала слѣдующее: у стола сидитъ женщина, опершись подбородкомъ на ея прекрасные бѣлокурые волосы. Названіе: «Вопросъ о на руки, а локтемъ на столъ и читаетъ книгу; свѣтъ падаетъ разводѣ» Дюма. Эта книга только что появилась, и вопросъ этотъ занимаетъ всѣхъ.

Другое, просто Дина, въ бѣлой юбкѣ изъ crêpe de Chine, сидящая въ большомъ старинномъ креслѣ; руки свободно лежатъ сложенныя на колѣняхъ. Поза очень простая, но такая граціозная, что я поспѣшила набросать ее, разъ вечеромъ, когда Дина случайно сѣла такъ, и я просила ее позировать. Это немного походитъ на Рекамье, а чтобы рубашка не была слишкомъ неприлична, я надѣну цвѣтной кушакъ. Что меня притягиваетъ въ этомъ второмъ проектѣ, это — полная

простота и прекрасныя мѣста для красокъ. О! это истинный восторгъ!

Сегодня я **на высотѣ**. Я чувствую себя выдающейся, великой, счастливой, способной. Я вѣрю въ свою будущность. Словомъ, нечего говорить.

Понедѣльникъ, 16 февраля. Были у королевы (Изабеллы), которая была очень мила.

Среда, 25 февраля. Бѣгая за моделями къ Леони, я познакомилась со всѣмъ достоуважаемымъ семействомъ Бодуэнъ. Это люди прямо изъ Зола, изъ Нана; въ концѣ-концовъ, я даю это имя Леони. Смѣюсь наивности... и удивительной извращенности. Въ настоящее время она не позируетъ. «Я позировала, пока я не знала, что я дѣлаю; это не честно позировать, я въ модномъ магазинѣ, это мнѣ не нравится, но онъ этого хочетъ». — Кто это?

— Мой другъ, вѣдь я сижу съ однимъ господиномъ.

А ея сестра разсказываетъ мнѣ, что она влюблена въ него, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее бьетъ.

Среда, 3 марта. Теперь мнѣ не слѣдуетъ выѣзжать по вечерамъ, чтобы бодро вставать и работать съ восьми часовъ утра.

Мнѣ остается только шестнадцать дней.

Пятница, 12 марта. Итакъ, всѣ мечты на этотъ годъ улетучиваются. Ждать еще?.. цѣлый годъ. Ужъ не думаете ли вы, что это немного? Всѣ эти дни я страдаю отъ столькихъ вещей; я думала найти утѣшеніе въ моей живописи, и вотъ вы видите, какъ все складывается.

И развѣ принесеніе въ жертву моей живописи, моего честолюбія, развѣ это можетъ утѣшить или спасти Поля и его невѣсту?

Безполезныя жертвы и несчастья переносятся втрое труднѣе.

Пятница, 19 марта. Безъ четверти двѣнадцать, Тони! Почему я не начала раньше? это очень красиво, это восхитительно, какъ жаль и т. д., и т. д.; въ общемъ онъ меня успокоилъ, но надо будетъ просить отсрочки.

— Ее можно отослать такой, какова она теперь, но не стоитъ, — «вотъ мое искреннее задушевное убѣжденіе». Просите отсрочки, и вы сдѣлаете хорошую вещь. — Затѣмъ онъ засучилъ рукава, взялъ кисть, потрогалъ мою картину что-

бы дать мнѣ понять, что не хватаетъ свѣту. Но я передѣлаю... если я получу отсрочку. Онъ оставался болѣе двухъ часовъ. Онъ славный малый, мнѣ весело, я въ такомъ прекрасномъ настроеніи, что меня очень мало заботитъ, что станется съ картиной.

Жуліанъ въ восторгѣ отъ картины. «Вы настоящій мальчикъ, и ничѣмъ меня не удивите». Онъ говорилъ всѣ эти прекрасныя вещи при m-me Симонидесъ, которая пріѣхала посмотрѣть мою картину, и при Розаліи въ мое отсутствіе.

Нѣтъ, но моя живопись! Жуліанъ безъ ума отъ нея, Тони также находитъ, что тоны хороши, что все гармонично, красиво и энергично, а Жуліанъ прибавляетъ, что это прелестно и что колористки въ мастерской глупы, думая, что тоны картины зависятъ отъ состава красокъ.

«Молодецъ, какую милую вещь она написала, милую не въ обыкновенномъ смыслѣ слова, но очаровательную».

Ну, такъ я ее кончу!

Вотъ день, имѣющій огромное значеніе.

Воскресенье, 21 марта. Былъ Сенъ-Марсо, давалъ мнѣ совѣты. Онъ мнѣ довольно нравится, хотя съ нимъ чувствуешь себя какъ-то не по себѣ. У него разсѣянный видъ, ходитъ и говоритъ быстро. Это комокъ нервовъ. Я сама такая же, но тѣмъ не менѣе онъ оставилъ во мнѣ чувство какой-то неловкости, хотя даже хвалилъ мою живопись.

Только вотъ что, когда не говорятъ, я недовольна, когда хвалятъ, мнѣ кажется, что на меня смотрятъ, какъ на дѣвочку, и смѣются надо мной. Въ концѣ-концовъ я не такъ довольна, какъ была вчера, потому что правая рука слишкомъ длинна... на два сентиметра длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ и, строгая къ рисунку, я чувствую себя униженной передъ такимъ скульпторомъ, какъ Сенъ-Марсо.

Понедѣльникъ, 22 марта. Тони удивленъ тѣмъ, что я сдѣлала въ такое короткое время.

— Вѣдь въ сущности это въ первый разъ вы примѣняете свои знанія?

— Разумѣется.

— Ну такъ, знаете ли, это совсѣмъ недурно.

Онъ снимаетъ свое пальто, схватываетъ кисть и пишетъ руку, ту, которая снизу, со свойственнымъ ему бѣловатымъ оттѣнкомъ.

Онъ тронулъ также волосы, которые я совершенно пе-

редѣлала такъ же, какъ и руку. Итакъ, онъ писалъ руку, это меня забавляло, и мы болтали. Все равно, исключая фона, все и волосы, и плюшъ, все это написано грязно. Все это мазня. Я могу сдѣлать лучше. Это мнѣніе Тони; но тѣмъ не менѣе онъ доволенъ и говоритъ, что если бы можно было ожидать отказа въ салонѣ, онъ бы первый посовѣтовалъ не посылать этой вещи. Онъ говоритъ, что онъ удивленъ тѣмъ, что я сдѣлала: это закончено, хорошо задумано, хорошо построено, гармонично, элегантно, граціозно.

О! Да, да, да, но я недовольна тѣломъ! И подумать только, что скажутъ, что это моя манера!! Это мазня!

Увѣряю васъ, мнѣ дорого стоитъ выставить вещь, которая не нравится мнѣ по исполненію, которая такъ непохожа на мои обыкновенныя работы... Правда, я никогда еще не сдѣлала ни одной вещи, которая бы мнѣ нравилась... но все-таки это грязно, это мазня. Проклятая скромность! Проклятый недостатокъ довѣрія! Если бы я только не колебалась и не спрашивала себя: *To be or not to be!*. Но не будемъ совершать новую нелѣпость, оплакивая уже совершившееся дѣло.

Не знаю почему я думаю сегодня вечеромъ объ Италіи. Это жгучія мысли, которыхъ я всегда стараюсь избѣгать. Я прекратила свои римскія чтенія, потому что они меня приводили въ слишкомъ восторженное состояніе, и занялась французской революціей и Греціей. Но Римъ, но Италія, я схожу съ ума при одной мысли объ этомъ солнцѣ, объ этомъ воздухѣ, обо всемъ.

Но Неаполь... О! Неаполь, вечеромъ! Любопытно, что не вспоминаются тамошніе люди. Я схожу съ ума, думая, что я бы могла ѣхать туда. Это настолько искренно, что меня волнуютъ даже декораціи изъ Muette.

Среда, 24 марта. Этотъ милый Тони поощрялъ меня очень сдержанно, но съ большимъ чувствомъ.

Если я захочу, то могу имѣть большой талантъ, и вы понимаете, что подъ этимъ онъ подразумѣваетъ не то, что мама думаетъ обо мнѣ теперь. «Большой талантъ» — это онъ, это онъ, это Бонно, это Каролусъ, это Бастьенъ и т. д. Надо серьезно заниматься, дома писать торсы, чтобы приготовиться писать картины. Не думать ни о чемъ, кромѣ живописи, отдаться ей. Организація у меня прекрасная. Изъ женщинъ

только Бреслау и я хорошо передаемъ нагое тѣло. Немногіе художники дѣлаютъ такія академіи, какъ она или я.

Въ общемъ то, что я сдѣлала въ восемнадцать дней послѣ двухлѣтней работы, удивительно, но не надо останавливаться на такихъ успѣхахъ, «не надо довольства собою».

Буду работать, буду прилежна и достигну того, къ чему стремлюсь.

Четвергъ, 25 марта. Дѣлаю послѣдніе штрихи на своей картинѣ, но работать больше не могу, такъ какъ въ ней или больше нечего дѣлать, или же надо все передѣлать. Кончена картина, сдѣланная чортъ знаетъ какъ. Вышиною моя картина 1 метръ 70 сант. вмѣстѣ съ рамой.

Молодая женщина сидитъ около плюшеваго стола; столъ цвѣта vieux vert, прекраснаго оттѣнка. Она оперлась локтемъ правой руки и читаетъ книгу, около которой лежитъ букетъ фіалокъ. Бѣлизна книги, оттѣнокъ плюша, цвѣты около голой руки производятъ хорошее впечатлѣніе. Женщина въ утреннемъ свѣтло-голубомъ шелковомъ костюмѣ и въ косынкѣ изъ бѣлой кисеи съ старинными кружевами. Лѣвая рука упала на колѣни и едва удерживаетъ разрѣзной ножикъ.

Стулъ плюшевый, темно-синій, а вмѣсто фона бархатная драпировка. Фонъ и столъ очень хороши. Голова въ trois quarts. Волосы восхитительные, бѣлокурые, золотистые, какъ у Дины, распущены; они обрисовываютъ форму головы и полузаплетенные падаютъ по спинѣ. Въ половинѣ четвертаго пріѣхали m-r и m-me Гавини. — «Мы подумали, что надо посмотрѣть картину Мари, прежде чѣмъ ее увезутъ. Вѣдь это отъѣздъ первенца». — Славные они люди. M-r Гавини въ каретѣ проводилъ меня во дворецъ Промышленности, и два человѣка понесли холстъ. Меня брасало то въ жаръ, то въ холодъ, и мнѣ было страшно, словно на похоронахъ.

Потомъ эти большія залы, огромныя залы со скульптурой, эти лѣстницы — все это заставляетъ биться сердце. Пока искали мою квитанцію и мой номеръ, принесли портретъ М. Греви, сдѣланный Бонна, но его поставили около стѣны, такъ что свѣтъ мѣшалъ видѣть его. Во всей залѣ только и были, что картина Бонна, моя и какой-то ужасный желтый фонъ. Бонна мнѣ показался хорошъ, а видѣть здѣсь себя мнѣ было очень страшно.

Это мой первый дебютъ, независимый, публичный поступокъ! Чувствуешь себя одинокой, словно на возвышеніи,

окруженномъ водою... Наконецъ, все сдѣлано; мой номеръ 9091 «Mademoiselle Marie — Constantin Russ». Надѣюсь, что примутъ. Послала Тони свой номеръ.

Пятница, 26 марта. Сегодня исповѣдовались, завтра будемъ причащаться.

Нашъ священникъ исповѣдуетъ, какъ ангелъ, т. е. какъ умный человѣкъ, нѣсколько словъ, и все кончено. Впрочемъ, вы знаете мои взгляды на это. Я давно бы умерла съ отчаянія, если бы не вѣрила въ Бога.

Среда, 31 марта. Я совсѣмъ разбита! Слѣдовало послушать Тони и отдохнуть. Поѣду надоѣдать Жуліану, которому я дала слѣдующую подписку. «Я, нижеподписавшаяся, обязуюсь каждую недѣлю дѣлать голову и академическій рисунокъ или же этюдъ въ натуральную величину. Кромѣ того, я буду дѣлать по три композиціи въ недѣлю, если же одну, то вполнѣ отдѣланную. Если я нарушу вышесказанныя условія, то я уполномочиваю г-на Рудольфа Жуліана, художника, разглашать повсюду, что я не представляю изъ себя ничего интереснаго».

«Marie Russ».

Среда, 7 апрѣля. Не забудемъ, что сегодня утромъ Жуліанъ объявилъ мнѣ, что картина моя принята; любопытно, что я не испытываю никакого удовлетворенія. Радость мамы мнѣ непріятна. Этотъ успѣхъ недостоинъ меня.

Четвергъ, 23 апрѣля. Моя картина будетъ плохо поставлена и пройдетъ незамѣченной или же будетъ очень на виду и тогда доставитъ мнѣ много непріятностей; скажутъ, что это претенціозно, слабо и не знаю, что еще.

Понедѣльникъ, 26 апрѣля. Мнѣ мало мѣста въ мастерской. Одна прелестная американка будетъ позировать для меня съ условіемъ, что портретъ будетъ принадлежать ей.

Но ея личико такъ увлекаетъ меня, что выйдетъ почти картина; я мечтаю о чудесной обстановкѣ, и малютка такъ мила, что обѣщаетъ мнѣ позировать и удовольствоваться маленькимъ портретомъ, а картину оставить мнѣ. Если бы у меня не было картины въ салонѣ, ученицы никогда бы не имѣли ко мнѣ довѣрія и не стали бы позировать.

Жуліанъ думаетъ, что Тони работалъ въ моей картинѣ, а вы же знаете, что онъ сдѣлалъ: въ очень темныхъ мѣстахъ онъ прибавилъ нѣсколько просвѣтовъ, но я все добросовѣстно передѣлала; что же касается кисти руки, такъ онъ толь-

ко набросалъ ее, а третьяго дня я укоротила пальцы, вслѣдствіе чего пришлось всѣ передѣлать. Такъ что нѣтъ даже его рисунка, онъ мнѣ только показывалъ, какъ слѣдуетъ дѣлать. Въ общемъ я дѣлала честно, но впрочемъ это не важно.

Сегодня вечеромъ была у m-me П. Люди очень привѣтливые, но общество странное, туалеты допотопные, никого знакомыхъ. Мнѣ хотѣлось спать, и я сердилась. И мама вдругъ представляетъ мнѣ какого-то мексиканца или чилійца, который смѣется. У него страшная гримаса, заставляющая его постоянно какъ-то зловѣще смѣяться; это такъ, и при этомъ громадное расплывшееся лицо. У него 27 милліоновъ и мама думаетъ, что... Выйти за этого человѣка, это почти какъ за человѣка безъ носа; какой ужасъ! Я взяла бы некрасиваго, стараго, они всѣ для меня безразличны, но чудовище — никогда!! Къ чему бы послужили милліоны съ этимъ смѣшнымъ человѣкомъ! Познакомилась со многими, но все это было снотворно. Любители, заставляющіе васъ своею музыкою скрежетать зубами; скрипачъ, котораго не слышно, и какой-то красивый господинъ, поющій серенаду Шуберта, опершись рукой на рояль и бросая на всѣхъ побѣдоносные взоры... да, это смѣшно! Не понимаю, какъ можно играть роль комедіанта на большомъ вечерѣ.

Женщины со своими прическами и этой пудрой въ волосахъ, которая придаетъ головѣ такой грязный видъ, казалось, были въ прическахъ изъ мочалы и вывалялись въ соломѣ. Какъ это уродливо! какъ это глупо!

Пятница, 30 апрѣля. Моя американочка, которую зовутъ Алиса Б., пришла въ десять часовъ, и мы вмѣстѣ отправились на открытіе выставки. Мнѣ хотѣлось пойти посмотрѣть одной, гдѣ помѣщена моя картина. Итакъ, со страхомъ отправляюсь въ салонъ, представляя себѣ всякіе ужасы для того, чтобы они не случились на самомъ дѣлѣ. Дѣйствительно ничего похожаго на мои предположенія; моя картина еще не повѣшена, я едва нашла ее уже около полудня съ тысячами другихъ, тоже еще не помѣщенныхъ холстовъ, но я нашла ее въ той же внѣшней галлереѣ, гдѣ мнѣ было такъ пріятно видѣть картину Бреслау...

Что касается Бастьенъ-Лепажа, то его вещь поражаетъ, при первомъ взглядѣ, какъ что-то **пустое,** какъ чистый воздухъ... Жанна Д'Аркъ, настоящая крестьянка, облокотившаяся на яблоню, держитъ одну изъ вѣтокъ лѣвой рукой, которая

написана чудесно. Правая рука свѣсилась внизъ. Это замѣчательная вещь. Голова закинута, шея вытянута и глаза ни на что не смотрятъ, ясные, дивные; голова изумительно эффектна; это настоящая крестьянка, выросшая среди полей; она ошеломлена; она страдаетъ отъ своего видѣнья. Окружающiй ее садъ, домъ вдали — все сама природа, но... Въ общемъ недостаточно перспективы; все нѣсколько выступаетъ впередъ и портитъ фигуру.

Лицо божественно, оно такъ взволновало меня, что и теперь, пока я пишу о ней, я едва удерживаюсь отъ слезъ.

Плафонъ Тони очень граціозенъ, очень хорошъ и нравится мнѣ.

Вотъ все наиболѣе важное для меня, а теперь вотъ что: послѣ завтрака мы должны были, — по крайней мѣрѣ, я такъ думала, — отправиться всей семьей въ салонъ. Но нѣтъ, тетя поѣхала въ церковь, и мама тоже хотѣла ѣхать съ ней и, только увидавъ, что я удивлена и обижена, онѣ согласились, но очень неохотно. Не знаю, сердятся ли онѣ, что мнѣ дали такое скромное мѣсто, но это не причина и, право, жестоко имѣть такую семью! Наконецъ, устыдясь своего равнодушія, или не знаю какъ назвать это, мама поѣхала со мной, и мы, мама, Дина и я, встрѣтили сначала всю мастерскую, потомъ много знакомыхъ и, наконецъ, Жуліана.

Суббота, 1 мая. Только что выдержала одну изъ глупыхъ и ненужныхъ пытокъ! Завтра Пасха; сегодня вечеромъ или ночью мы ѣдемъ къ заутренѣ, гдѣ собирается вся русская колонія, начиная съ посольства въ полномъ составѣ. Все самое элегантное, самое красивое, все самое тщеславное выдвинется впередъ. Общій образъ русскихъ женщинъ и костюмовъ, прекрасный предметъ для пересудовъ.

Хорошо; въ послѣднюю минуту мнѣ приносятъ мое новое платье, которое похоже на плохо сшитый мѣшокъ изъ стараго грязнаго газа. Несмотря на это, я ѣду въ немъ, и никто не узнаетъ, чего мнѣ это стоило, какъ я сердилась! Талія испорчена криво и дурно сшитымъ корсажемъ, руки изуродованы слишкомъ длинными и глупыми рукавами. Однимъ словомъ, что-то съ претензіей; къ тому же я видѣла этотъ газъ только днемъ, а вечеромъ онъ кажется совершенно грязнымъ!

Чего мнѣ стоило не разорвать платья въ клочки и не убѣжать изъ церкви! Быть некрасивой, не имѣя возможности

быть лучше, еще ничего, но имѣть возможность быть красивой и показаться такимъ чудовищемъ, какъ я сегодня! Понятно, дурное расположенiе духа отразилось и на волосахъ: они растрепались, а лицо горѣло. Это отвратительно.

Четвергъ, 6 мая. Много похвалъ отъ Жулiана за мою живопись.

Пятница, 7 мая. M-me Гавини сегодня опять прiѣзжала къ мамѣ, чтобы сказать ей, что я слишкомъ утомляюсь; это правда, но причиною тому не живопись, такъ какъ тогда стоило бы только ложиться спать въ десять, одиннадцать часовъ, между тѣмъ я не сплю до часу и просыпаюсь въ семь.

Вчера причиною этого былъ этотъ идiотъ С. Я писала, а онъ пришелъ изъясняться; потомъ онъ пошелъ играть съ тетей, и тогда уже я стала ждать его, чтобы услыхать нѣсколько глупыхъ словъ о любви. Онъ двадцать разъ прощался и двадцать разъ я говорила ему «убирайтесь», и двадцать разъ онъ просилъ позволенiя цѣловать руку; я смѣялась, и, наконецъ, сказала: — «Да, хорошо, поцѣлуйте, это мнѣ безразлично». — Итакъ онъ поцѣловалъ мою руку и съ горестью я должна признаться, что мнѣ это было прiятно не изъ-за личности, но изъ-за... тысячи вещей; вѣдь все-таки же я женщина.

Сегодня утромъ я еще чувствовала этотъ поцѣлуй, такъ какъ это не былъ банальный поцѣлуй вѣжливости.

О, молодыя дѣвицы!

Думаете ли вы, что я влюблена въ этого мальчика съ широкими ноздрями? Нѣтъ, неправда ли? Отлично, съ А. было то же самое. Я сама горячила себя, чтобы влюбиться, а кардиналы и папа помогали тому... я была экзальтирована, но была ли то любовь? О! фи! Итакъ, такъ какъ мнѣ не пятнадцать лѣтъ, такъ какъ я уже не такъ глупа, то я ничего не придумываю, и дѣло остается нормальнымъ.

Поцѣлуй руки мнѣ не нравится, особенно тѣмъ, что онъ доставилъ мнѣ удовольствiе; не надо быть женщиной до такой степени. Поэтому обѣщаю быть холодной съ С.; но онъ такой славный, такой простой, что глупо было бы разыгрывать какую-нибудь комедiю; но стоитъ лучше обращаться съ нимъ, какъ съ Алексѣемъ Б.

Я это и дѣлаю. Дина, онъ и я сидѣли до одиннадцати часовъ. Дина слушала, а С. и я читали стихи и переводили на латинскiй языкъ. Я очень удивлена, что этотъ юноша такъ

силенъ въ латыни, по крайней мѣрѣ значительно сильнѣе меня; я многое забыла, а онъ отлично помнитъ всѣ пройденныя науки. Никогда я не думала, что онъ такъ образованъ. Знаете что? Я хотѣла бы сдѣлать себѣ изъ него друга... Нѣтъ, для этого онъ мнѣ недостаточно нравится, — лучше пусть онъ будетъ членомъ семьи, къ которому я равнодушна.

Суббота, 8 мая. Когда говорятъ тихо, я не слышу! Сегодня утромъ Тони спросилъ меня, видѣла ли я Перуджини, и я отвѣтила «нѣтъ», не разобравъ, что онъ сказалъ. Когда мнѣ потомъ сказали объ этомъ, я вывернулась, вывернулась плохо, говоря, что я дѣйствительно никогда не видала его и что лучше было прямо признаться въ своемъ невѣжествѣ.

Понедѣльникъ, 10 мая. Мнѣ нравится идти наперекоръ моимъ склонностямъ. Я еще никогда этого не достигала; я даже не пробовала бороться; все ограничивается заранѣе принятымъ рѣшеніемъ, планомъ, которому никто никогда не слѣдуетъ. Все дѣлается подъ впечатлѣніемъ минуты, какъ понравится и какъ придется. О, дипломатія!.. можетъ быть это просто оттого, что мнѣ непріятно поступать противъ своего характера, и я ему подчиняюсь.

Воскресенье, 16 мая. Сегодня утромъ одна я ѣздила въ салонъ; тамъ были только тѣ, у кого есть билеты. Очень внимательно смотрѣла на **Жанну д'Аркъ** и особенно на **Милосерднаго Самарянина** Моро. Я сѣла съ лорнетомъ противъ Моро и изучала его. Эта картина доставила мнѣ наиболѣе полное удовольствіе въ жизни. Ничто въ ней не коробитъ, все просто, правдиво, хорошо; все натурально и ничѣмъ не напоминаетъ ужасной и условной академической красоты. Смотрѣть на картину — наслажденіе; даже голова осла хороша, пейзажъ, плащъ, копыта на ногахъ. Такъ удачно, такъ вѣрно, такъ хорошо.

А «Арлекинъ» Сенъ-Марсо!

Когда въ прошломъ году закрылся салонъ, я думала, что его почетная медаль вскружитъ мнѣ голову, произведенія же больше не было, чтобы успокоить меня. Черезъ полгода я была увѣрена, что преувеличила Сенъ-Марсо, но его «Арлекинъ» снова открылъ мнѣ глаза. Въ первый день я остановилась, какъ вкопанная, не понимая, чье бы это могло быть. Такая неблагодарная вещь — и такъ талантливо! Это болѣе чѣмъ талантливо. Это настоящій художникъ, оттого-то о немъ

и не говорятъ такъ много, какъ о другихъ... скульптурныхъ фабрикантахъ: они всѣ фабриканты передъ Сенъ-Марсо.

Вторникъ, 25 мая. Г-жа Г. пріѣзжала для своего портрета; потомъ я составила композицію.

Сюжетъ увлекаетъ меня: Марія Магдалина и другая Марія у могилы Христа. Только ничего условнаго, никакой святости; надо сдѣлать такъ, какъ думаешь, что это было; надо чувствовать то, что дѣлаешь.

Четвергъ, 27 мая. Какъ чудесно утромъ! Вниманіе, я начинаю...

Во-первыхъ, я привѣтствовала начинающійся день гармоническими звуками арфы, какъ это дѣлали жрецы Аполлона, а потомъ взялась за моихъ женъ передъ гробомъ Христовымъ.

Мнѣ очень хочется ѣхать въ Іерусалимъ и тамъ нарисовать эту картину съ тамошнихъ лицъ, на воздухѣ.

Вторникъ, 1 іюня. Знаете-ли, атеисты должны быть очень несчастны, когда чего-нибудь боятся; я же, когда чего-нибудь боюсь, тотчасъ призываю Бога, и всѣ мои сомнѣнія исчезаютъ изъ эгоизма. Это дурное чувство, но я и не стремлюсь украшать себя добродѣтелями, которыхъ у меня нѣтъ. Я нахожу, что уже слишкомъ самонадѣянно перечислять свои недостатки и низости.

Въ 1873 г. на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ, во время самой сильной холеры, я была подъ защитой слѣдующихъ стиховъ изъ псалма XC, которые я привожу здѣсь:

«Крылами своими осѣнитъ тебя и подъ крылами Его укроешься, истина Его есть щитъ и огражденіе.

«Не убоишься ужасовъ ночи, стрѣлы, летящей днемъ.

«Язвы, ходящей во мракѣ, заразы, опустошающей въ полдень.

«Близъ тебя падетъ тысяча, и тьма по правую руку твою, но тебя не коснется».

Вчера я думала объ этихъ божественныхъ строкахъ и перечла ихъ съ энтузіазмомъ; съ такимъ-же энтузіазмомъ, какъ въ дѣтствѣ; я не предвидѣла, что онѣ пригодятся мнѣ сегодня.

Сдѣлала свое завѣщаніе и положила въ конвертъ со слѣдующимъ адресомъ: Господину П. Башкирцеву. Въ Полтаву. Въ собственныя руки. Въ Россію.

С. остался. Сначала это была простая болтовня. Тетя

не покидала меня, она надоѣдала мнѣ, я сѣла за рояль, и онъ сказалъ мнѣ вещь, отъ которой я похолодѣла: его сестры женятъ его, но онъ не любитъ той, на которой женится.

— Тогда не женитесь, повѣрьте мнѣ, это безуміе.

Потомъ мы играли въ карты, въ дурачки, любимую игру русскихъ лакеевъ.

— Вы женитесь на m-me Б? — написала я ему на лежавшей тутъ же тетради.

— Нѣтъ, она еще старше, — отвѣчалъ онъ мнѣ такимъже способомъ.

Мы исписали шесть страницъ подобными фразами; ихъ было бы интересно сохранить.

Онъ меня любитъ, онъ меня обожаетъ, и всѣ фразы вертѣлись около этого жгучаго предмета.

Я запрещаю ему шутить; онъ отвѣчаетъ, что это я смѣюсь надъ нимъ. Тетя время отъ времени говоритъ, что я сумасшедшая, что мнѣ пора спать, а я ей отвѣчаю, что я больна и скоро умру.

Послѣ этой оригинальной корреспонденціи я почти увѣрена, что онъ меня любитъ; сгодня вечеромъ его взгляды были очень многозначительны, равно какъ и пожатія руки, подъ предлогомъ узнать, нѣтъ ли у меня лихорадки.

Въ концѣ концовъ это ни къ чему не ведетъ, но тѣмъ не менѣе я бы хотѣла удержать при себѣ этого мальчика, даже еще не зная, что я изъ него сдѣлаю. Я скажу ему, чтобы онъ попросилъ у мамы, этимъ будетъ выиграно время; мама ему откажетъ, еще отсрочка... а дальше я ничего не знаю. Это уже нѣчто, когда не знаешь, что будетъ дальше.

Понедѣльникъ, 14 іюня. Я перечла прошлое, къ которому отношусь съ восторгомъ.

Я помню, что когда входилъ К., то на меня находило какое-то помраченіе; я не могла бы опредѣлить ни его манеры держаться, ни моихъ впечатлѣній... Все мое существо стремилось къ нему, когда я протягивала ему руку. И потомъ я чувствовала себя ушедшей, улетѣвшей, освободившейся отъ моей тѣлесной оболочки. Я чувствовала у себя крылья и потомъ безконечный ужасъ, что часы идутъ слишкомъ быстро. И я ничего не понимала! Жаль, что характеръ этихъ записокъ не позволяетъ мнѣ выдѣлить наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ, все смѣшивается. И потомъ, правду говоря, я немного притворялась, занимаясь всѣмъ на свѣтѣ, съ цѣлью пока-

зать, что существую и внѣ К. Но когда я хочу пережить вновь всѣ тѣ событія, я всегда бываю непріятно поражена, находя ихъ окруженными другимъ. Не такъ ли, неправда ли, бываетъ и въ жизни?

Между тѣмъ есть вещи, событія, люди, которыхъ хотѣлось бы выдѣлить и запереть въ драгоцѣнный ящичекъ золотымъ ключомъ.

— Когда вы почувствуете себя выше его, онъ не будетъ болѣе имѣть надъ вами власти, — говоритъ Жуліанъ.

Да развѣ не желаніе сдѣлать его портретъ заставило меня работать?

Пятница, 18 іюня. Работала цѣлый день. Моя модель такъ красива и такъ граціозна, что я со дня на день откладываю начинать писать; подготовка сдѣлана хорошо, и я боюсь испортить. Настоящее волненіе, когда приступаешь, но кажется, дѣло идетъ очень хорошо.

Вечеромъ былъ С. Я приписывала любви его разстроенный видъ, но оказалась еще другая причина: онъ долженъ ѣхать или въ Бухарестъ, или въ Лиль по дѣлу. Но кромѣ того и особенно — женитьба. А! Но онъ ее желаетъ. Я смѣюсь, говорю ему, что онъ тщеславенъ и дерзокъ, и объясняю ему, что у меня нѣтъ приданаго, потму что мое приданое пойдетъ на булавки, а мой мужъ долженъ дать мнѣ помѣщеніе, долженъ кормить, вывозить меня.

Бѣдняга, мнѣ все-таки жаль его.

Не думаю, чтобы онъ былъ въ восторгѣ отъ своего отъѣзда...

Онъ сто разъ цѣловалъ мои руки, умоляя меня думать о немъ.

— Вы будете иногда думать обо мнѣ, прошу васъ, скажите мнѣ, будете думать обо мнѣ?

— Когда будетъ время!

Но онъ такъ просилъ, что я принуждена была сказать, хотя вскользь — да. О! прощаніе было трагическое, съ его стороны по крайней мѣрѣ. Мы были около дверей залы, и, чтобы у него осталось хорошее воспоминаніе, я дала ему серьезно поцѣловать мою руку; потомъ мы также серьезно пожали другъ другу руки.

Я промечтала добрую минуту. Мнѣ будетъ недоставать этого мальчика. Онъ будетъ мнѣ писать.

Вы знаете, что уже нѣсколько дней Парижъ сходитъ съ

ума отъ маленькихъ свинокъ. Онѣ дѣлаются изъ золота, изъ эмали, изъ камней, изо всего на свѣтѣ. Я два дня носила мѣдную. Въ мастерской думаютъ, что благодаря ей я нарисовала такъ хорошо. И вотъ, бѣдный Казиміръ увезъ въ воспоминаніе обо мнѣ маленькую свинку.

Мнѣ очень хочется дать ему евангеліе отъ Матѳея съ такой надписью: «Это лучшая книга, которая соотвѣтствуетъ всѣмъ расположеніямъ души. Не надо быть сентиментальнымъ или святошей, чтобы найти въ ней успокоеніе и утѣшеніе. Берегите ее какъ талисманъ и читайте изъ нея каждый вечеръ по страницѣ въ воспоминаніе обо мнѣ, которая быть можетъ причинила вамъ горе, и вы поймете, почему это лучшая книга въ мірѣ». Но заслуживаетъ ли онъ этого? И не лучше ли ограничиться свинкой. Къ тому же онъ не пойметъ Матѳея.

Воскресенье, 27 іюня. Утромъ занималась лѣпкой. Нахожусь въ самомъ удрученномъ настроеніи, но надо казаться веселой, и отъ этой скрытой тоски я глупѣю. Я не знаю, что говорить, смѣюсь черезъ силу, выслушиваю пошлости, удерживаю слезы.

О, тоска, тоска!

Внѣ моего искусства, за которое я взялась изъ честолюбія и каприза, которое я продолжала изъ тщеславія и которое теперь обожаю, внѣ этой страсти — ибо это страсть — у меня или нѣтъ ничего или самое ужасное существованіе! Ахъ, какое мученіе! И вѣдь есть же счастливые люди! Счастливые— это слишкомъ; я бы удовлетворилась сноснымъ существованіемъ; съ тѣмъ, что я имѣю, это было бы счастьемъ.

Среда, 30 іюня. Вмѣсто того, чтобы рисовать, я беру миссъ Г., и мы ѣдемъ на Севрскую улицу и проводимъ около часу противъ дома іезуитовъ. Но уже было девять часовъ, и мы видѣли только слѣды безпорядка.

Я нахожу это разсѣяніе глупымъ. Вліяніе іезуитовъ значительно увеличится; если ненавидишь ихъ ученіе, то надо иначе браться за дѣло... и такъ трудно взяться за него, что лучше уже не трогать.

Тутъ можно было бы примѣнить только слѣдующее: дать іезуитамъ всевозможныя гарантіи, сдѣлать всевозможныя уступки, дать имъ землю построить дома, создать имъ городъ и когда они всѣ туда соберутся, взорвать ихъ.

Я не такъ ненавижу іезуитовъ, какъ боюсь ихъ, ибо не знаю, что они представляютъ изъ себя въ дѣйствительности.

Да развѣ знаетъ кто-нибудь, что такое они въ **дѣйствительности?**

Нѣтъ! Но трудно сдѣлать что-нибудь глупѣе и безполезнѣе этого возмущенія. Какъ допустилъ это Гамбетта? Одну минуту я думала, что онъ додпустилъ это, чтобы потомъ побѣдоносно вмѣшаться въ дѣло.

Пятница, 16 іюля. Жуліанъ находитъ, что мой рисунокъ очень, очень хорошъ, и А. принуждена сказать, что это недурно, потому что Жуліанъ строже, чѣмъ Тони.

Я съ ума схожу отъ похвалъ Тони.

Завтра мы уѣзжаемъ, и я испытываю всѣ мелкія непріятности кануна отъѣзда, укладки и т. п.

Хорошо, что я уѣзжаю, а то дѣло въ мастерской пошло бы хуже. Теперь я въ ней безспорный начальникъ. Я даю совѣты, я забавляю, моими произведеніями восхищаются; я кокетничаю тѣмъ, что я добра, мила, предупредительна, заставляю любить себя, сама люблю своихъ подругъ и утѣшаю ихъ фруктами и мороженымъ.

Однажды, когда я вышла, всѣ тотчасъ же начали хвалить меня. Мари Д., разсказывая это, не могла придти въ себя отъ удивленія, а Маделена, — вы вѣдь знаете, какъ она рисуетъ — хочетъ начать писать и стать подъ мое покровительство для полученія совѣтовъ. Правда, я преподаю прекрасно; я была бы очень довольна, если бы рисовала такъ же, какъ преподаю. Вообще всегда бываетъ такъ съ превосходнымъ профессоромъ. Жуліанъ очень жалѣетъ, что я не могу продолжать этой головы, которая «годилась бы для выставки». Это характерно, естественно, сильно, живо.

У малютки преоригинальная головка: очень большіе глаза съ огромными рѣсницами, огромныя, немного удивленныя, брови, вздернутый носикъ, хорошенькій ротъ, цвѣтъ лица очаровательный; она молода, но въ ней есть что-то отцвѣтшее, однако это не дѣлаетъ ее несимпатичной. Золотистые волосы, кажется, подкрашены, но прелестно падаютъ въ видѣ львиной гривы, выдѣляясь на темно-зеленомъ фонѣ.

Суббота, 17 іюля. Мнѣ хотѣлось бы ѣхать въ деревню, въ настоящую деревню, гдѣ нѣтъ никого; но и этого мало. Истиннымъ счастьемъ была бы возможность удаляться время отъ времени въ необитаемую страну, на острова, гдѣ растутъ большія неизвѣстныя деревья, къ Поль и Виржини. Совсѣмъ одной встрѣчать восходъ солнца, наслаждаться ночью

въ абсолютной тишинѣ. Хочется въ дикую страну, гдѣ деревья громадны, небо чисто, горы золотятся солнцемъ... воздухъ, о которомъ даже нельзя имѣть понятія, воздухъ, который самъ по себѣ уже есть наслажденіе, непохожій на тотъ смрадъ, которымъ дышатъ здѣсь... Но для такого существованія нужны деньги, а я, въ этомъ полномъ уединеніи, не хотѣла бы видѣть даже любимаго человѣка.

Монъ-Доръ. Вторникъ, 20 іюля. Въ четыре часа В. пріѣхалъ проститься со мною еще разъ, и мы уѣхали. Въ понедѣльникъ, въ шесть часовъ утра, пріѣхали въ Клермонъ; въ три часа въ Монъ-Доръ. Отъ Клермона до Монъ-Дора шесть часовъ ѣзды на лошадяхъ, что я, впрочемъ, предпочитаю желѣзной дорогѣ.

Только сегодня я нѣсколько освоилась; особенно потому, что я нашла интересныя вещи для живописи.

Среда, 21 іюля. Начала свое лѣченіе. За мною является закрытыя носилки. Надѣвается костюмъ изъ бѣлой фланели и плащъ съ капюшономъ.

Затѣмъ слѣдуетъ ванна, души, воды, вдыханье. Я подчиняюсь всему; я лѣчусь въ послѣдній разъ и то потому только, что боюсь оглохнуть. Моя глухота гораздо меньше, почти совсѣмъ прошла.

Четвергъ, 22 іюля. У меня такая же шляпа, какъ у здѣшнихъ крестьянъ; она мнѣ очень идетъ: я въ ней похожа на голову Грёза. Я телеграфировала и мнѣ прислали батистовыхъ платьевъ, а тутъ вдругъ стало холодно. Я начинаю обращать вниманіе на пейзажъ; до сегодняшняго вечера я была раздражена дурною пищей, раздражена, потому что ѣда занятіе недостойное, отъ котораго нельзя зависѣть.

Пятница, 23 іюля. Кто возвратитъ мнѣ мою молодость, растраченную, разбитую, потерянную? Мнѣ еще нѣтъ двадцати лѣтъ, а между тѣмъ недавно я нашла у себя три сѣдыхъ волоса; я горжусь ими; это видимое доказательство, что я не преувеличиваю. Если бы не мое дѣтское лицо, я казалась бы старухой. Развѣ въ мои года это естественно?

Нѣтъ! Знаете ли, такая буря поднимается въ глубинѣ души, что лучше покончить со всѣмъ этимъ сразу, сказавъ себѣ, что всегда есть возможность разбить голову прежде, чѣмъ меня начнутъ жалѣть.

У меня былъ замѣчательный голосъ: это былъ Божій

даръ, я его потеряла. Пѣніе для женщины то же, что краснорѣчіе для мужчины: это безграничная сила.

Теперь мнѣ лучше на нѣсколько дней, во время которыхъ огорченія будутъ накопляться, накопляться, накопляться, затѣмъ снова взрывъ, потомъ упадокъ... и такъ всегда?

Суббота, 31 іюля. Вчера начала мою картину. Это очень простая вещь по обстановкѣ. Двое дѣтей сидятъ подъ прекрасными деревьями, стволы которыхъ поросли мхомъ; вверху картины есть просвѣтъ, и черезъ него видна свѣтло-зеленая мѣстность. Мальчикъ, лѣтъ десяти, сидитъ en-face съ учебною книгою въ лѣвой рукѣ, глаза устремлены въ пространство. Дѣвочка, лѣтъ шести, одной рукой тянетъ его за плечо, а въ другой держитъ грушу. Ея головка въ профиль и видно, что она зоветъ его. Дѣти видны только до колѣнъ, такъ какъ все сдѣлано въ натуральную величину.

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа я читала Индіану Жоржъ-Занда. И увѣряю васъ, что это не интересно. Прочтя только «Petite Fadete», два или три другихъ романа и Индіану, быть можетъ, я не должна была бы выводить заключенія... Но до сихъ поръ мнѣ не нравится ея талантъ.

Между тѣмъ, что-нибудь заставило же ставить ее такъ высоко... Но мнѣ это не нравится.

Это то же самое, что Святыя дѣвы Рафаэля; то, что я видѣла въ Луврѣ, мнѣ не нравится. Я видѣла Италію прежде, чѣмъ могла судить, и послѣ того, какъ я видѣла, мнѣ все-таки не нравится. Это ни небесное, ни земное, а какъ-то условно и картонно.

Думала кататься верхомъ... но у меня нѣтъ никакихъ желаній, и когда я провожу цѣлый день безъ работы, то у меня являются страшныя угрызенія совѣсти. Есть дни, когда я ничего не могу дѣлать; тогда я говорю себѣ, что если бы я хотѣла, то могла бы, и тогда начинаются ссоры съ самой собой, и все кончается проклятіемъ всему, рѣшеніемъ, что не стоитъ жить, и я начинаю курить и читать романы.

Вторникъ, 17 августа. Моя картина на открытомъ воздухѣ брошена, такъ какъ дурная погода. Я дѣлаю другую. Сцена происходитъ у столяра: налѣво женщина примѣряетъ мальчику, лѣтъ десяти, костюмъ enfant de choeur; маленькая дѣвочка, сидя на старомъ сундукѣ, изумленно смотритъ на брата; въ глубинѣ, около печки, бабушка, сложивъ руки и улыбаясь, смотритъ на мальчика. Отецъ, сидя у станка, чи-

таетъ и искоса посматриваетъ на красную одежду и бѣлый стихарь. Фонъ очень сложный: печка, старыя бутылки, инструменты, масса деталей, которыя, конечно, можно сдѣлать наскоро.

У меня нѣтъ времени кончить, но я рисую эту картину, чтобы освоиться съ подобными вещами. Люди во весь ростъ, полы, другія подробности ужасали меня, и я только съ отчаянія взялась бы писать картину внутренности дома. Теперь мнѣ это уже знакомо, не потому, что я могу сдѣлать хорошо, но потому, что я больше не боюсь, — вотъ и все.

У меня никогда недоставало настойчивости довести произведеніе до конца. Происходятъ событія, у меня являются идеи, я набрасываю свои мысли, а на слѣдующій день нахожу въ журналѣ статью, похожую на мою и дѣлающую мою ненужной; такимъ образомъ я никогда не кончаю, даже не привожу въ должное состояніе. Настойчивость въ искусствѣ показываетъ мнѣ, что нужно извѣстное усиліе, чтобы побѣдить первыя трудности; **только первый шагъ труденъ.** Никогда еще эта пословица не поражала меня своей правдивостью такъ, какъ сегодня.

И потомъ также и особенно важенъ вопросъ, въ какой находишься средѣ. Моя среда можетъ быть опредѣлена, несмотря на всевозможныя стремленія къ лучшему, какъ среда оскотинивающая.

Члены моей семьи по бо̀льшей части люди необразованные и ординарные. Потомъ m-me Г., по преимуществу свѣтская женщина. И потомъ свѣтъ, т. е. приходящіе въ гости; разговариваютъ мало, а тѣхъ, кто бываетъ чаще, вы знаете: М... и т. п. безцвѣтные молодые люди. Поэтому увѣряю васъ, что если бы я не оставалась такъ часто сама съ собой и съ книгами, то была бы еще менѣе интеллигентна, чѣмъ теперь. Кажется, что я бью стекла, а подчасъ никому не можетъ быть труднѣе проявить себя. Часто я становлюсь глупа, слова толпятся на языкѣ, а говорить не могу. Я слушаю, улыбаюсь какъ-то неопредѣленно. и это все.

Четвергъ, 19 августа. Сегодня утромъ я никуда не годна; глаза и голова утомлены. И сказать, что я уѣзжаю только въ субботу! Сегодня я не успѣю; завтра пятница; если же я поѣду въ пятницу, то буду думать, чтовсѣ непріятности, которыя предстоятъ мнѣ, происходятъ именно отъ этого.

Парижъ. Воскресенье, 22 августа. 8 часовъ. Какимъ красивымъ и удобнымъ кажется мнѣ мой рабочій кабинетъ!

Прочитала всѣ еженедѣльные иллюстрированные журналы и другія брошюры... теперь все попрежнему, какъ будто бы я не уѣзжала.

Два часа пополудни. Утѣшаюсь мыслью, что мои огорченія по своимъ размѣрамъ равняются огорченіямъ всѣхъ другихъ художниковъ: вѣдь мнѣ же не приходится выносить бѣдность и тиранію родителей, а на это всегда вѣдь жалуются художники. Выйти изъ моего положенія я могу не талантомъ, а созданіемъ чего-нибудь... геніальнаго; но такія созданія и у геніевъ являются не черезъ три года ученія, особенно теперь, когда столько талантовъ. У меня хорошія намѣренія, и вдругъ я дѣлаю такія глупости, какъ во снѣ.... Я презираю себя и ненавижу, какъ презираю и ненавижу всѣхъ другихъ, въ томъ числѣ и моихъ... Вотъ такъ семейка!.. Подумайте, тетя употребляетъ сотни маленькихъ хитростей, чтобы усадить меня въ вагонѣ съ той стороны, гдѣ окно не открывается: я согласилась, не желая бороться, но съ условіемъ, что другое окно будетъ открыто; но только-что я задремала, какъ она уже закрыла его. Я проснулась и сказала, что выбью стекла каблуками, но въ это время мы уже пріѣхали. А здѣсь за завтраками страдальческіе взгляды, драматически сдвинутыя брови все изъ-за того, что я не ѣмъ. Очевидно, эти люди меня любятъ... но мнѣ кажется, однако, что слѣдовало бы лучше понимать, если любишь!..

Искреннее негодованіе дѣлаетъ человѣка краснорѣчивымъ. Мужчина, негодующій или воображающій, что онъ негодуетъ на толпу, входитъ на трибуну и составляетъ себѣ извѣстность. Женщина не имѣетъ въ своемъ распоряженіи никакой трибуны; кромѣ того ее осаждаютъ отецъ, свекръ, мать, свекровь, всѣ тому подобные, которые изводятъ ее цѣлый день: она негодуетъ, она краснорѣчива передъ своимъ ночнымъ столикомъ; въ результатѣ — нуль.

И потомъ... мама всегда говоритъ о Богѣ: если Богъ захочетъ, съ Божьей помощью. Бога призываютъ такъ часто только для того, чтобы избавиться отъ разныхъ мелкихъ обязанностей.

Это не вѣра, даже не набожность: это какая-то манія, слабость, подлость лѣнивыхъ, неспособныхъ, безпечныхъ! Что можетъ быть грубѣе, какъ прикрывать всѣ свои слабости

именемъ Бога? Это грубо; это даже болѣе, это преступно, если дѣйствительно вѣришь въ Бога. Если чему-либо суждено быть, то это будетъ, — говоритъ она,—чтобы избѣжать труда двинуться съ мѣста... и упрековъ совѣсти.

Если бы все было предрѣшено, Богъ былъ бы что-то въ родѣ конституціоннаго президента, а наши желанія, пороки, добродѣтели были бы синекурами.

Четвергъ, 2 сентября. «Онъ читалъ очень много, онъ давалъ себѣ то глубокое и серьезное образованіе, которое можно получить только самому и которому предаются всѣ талантливые люди между двадцатью и тридцатью годами». Фраза эта, взятая изъ Бальзака, лестна для меня.

Но вотъ что: я наняла садъ въ Пасси, чтобы дѣлать этюды на воздухѣ. Я начала съ Ирмы, которую дѣлаю нагою, стоящею подъ деревомъ, въ натуральную величину.

Пока еще довольно тепло, но надо торопиться. Вотъ такъ проходитъ жизнь. Но я люблю и это; не знаю почему, у меня явилась какая-то боязнь чего-то; мнѣ кажется, что со мною случится что-нибудь непріятное, что-нибудь... Наконецъ, запершись одна, предавшись работѣ, я буду считать себя застрахованной; но люди такъ скверны, такъ злы, что станутъ искать васъ въ вашемъ углу, чтобы дѣлать вамъ непріятности.

Но что же можетъ случиться? Я не знаю: что-нибудь да выдумаютъ или ложно истолкуютъ; мнѣ передадутъ, и это будетъ мнѣ очень непріятно...

Или случится какая-нибудь гадость... не серьезная, но печальная, унизительная, словомъ, въ моемъ жанрѣ. Все это отдаляетъ отъ меня Біаррицъ.

— Поѣзжайте-же туда, — говорила мнѣ m-me Г., — вамъ слѣдуетъ туда ѣхать, я поговорю объ этомъ съ вашей мамой или съ вашей тетей... Наконецъ, если вы поѣдете въ Біаррицъ, тамъ очень элегантно, вы увидите общество.

Чтобы ко мнѣ не приставали, мнѣ очень хочется остаться въ моемъ саду въ Пасси.

Вторникъ, 7 сентября. Дождь... передо мною проходятъ всѣ самые непріятные случаи моей жизни, и есть вещи, уже давно прошедшія, тѣмъ не менѣе заставляющія меня подпрыгивать и сжимать руки, какъ отъ испытываемой въ данный моментъ физической боли.

Для того, чтобы мнѣ стало лучше, надо было бы перемѣнить все, что меня окружаетъ... Мои домашніе мнѣ непріят-

ны; я заранѣе знаю, что скажетъ мама или тетя, что онѣ сдѣлаютъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, какъ онѣ будутъ держать себя въ гостиной, на прогулкѣ, на водахъ, и все это меня ужасно раздражаетъ... точно рѣжутъ стекло.

Надо было бы измѣнить все окружающее и потомъ, успокоившись, я бы стала ихъ любить, какъ должно. Между тѣмъ онѣ допускаютъ, чтобы я погибала отъ скуки, а если я откажусь отъ какого-нибудь кушанья, сейчасъ испуганныя лица... или пускаются на тысячи уловокъ, чтобы не подавать къ обѣду мороженаго, такъ какъ это можетъ повредить мнѣ. Или, подкрадываясь, какъ воры, запираютъ открытыя мною окна. Тысячи пустяковъ, которые раздражаютъ; но изъ-за всего этого мнѣ страшно надоѣла жизнь дома. Меня безпокоитъ то, что я ржавѣю въ этомъ одиночествѣ; всѣ эти мрачныя минуты затемняютъ способности и заставляютъ уходить въ себя. Я боюсь, чтобы эти темныя тучи не оставили навсегда слѣдъ на моемъ характерѣ, не сдѣлали бы меня непріятной, кислой, сумрачной; я не имѣю никакого желанія быть такой, но я постоянно сержусь и молчу.

Говорятъ, что я прекрасно держу себя; это говорили Аделинѣ старые бонапартисты... Нѣтъ, — знаете, надо мною всегда будетъ тяготѣть какая-то неловкость.

Я всегда боюсь быть осмѣянной, униженной, пятой спицей въ колесницѣ... и это должно оставлять слѣдъ, что бы тамъ ни говорили... Нѣтъ, право, моя семья сама не знаетъ, что сдѣлала со мной. Моя грусть пугаетъ меня только потому, что я боюсь навсегда потерять блестящія качества, необходимыя для женщины...

Къ чему жить? Что я здѣсь дѣлаю? Что у меня есть? Ни славы, ни счастья, ни даже мира!..

Пятница, 10 сентября. Сильное потрясеніе для тети. Докторъ Фовель, выслушавшій меня недѣлю тому назадъ и ничего не нашедшій, выслушивалъ меня сегодня и нашелъ, что бронхи затронуты; онъ принялъ серьезный, дѣланный видъ, немного сконфуженный тѣмъ, что не предугадалъ серьезности болѣзни; затѣмъ сдѣлалъ предписанія, какъ чахоточнымъ: рыбій жиръ, смазываніе іодомъ, теплое молоко, фланель и т. д., и т. д., и наконецъ совѣтовалъ повидать докторовъ Се или Потена, или еще лучше собрать ихъ у него для консультаціи. Вы представляете себѣ лицо тети. Меня это забавляетъ. Я давно уже подозрѣвала что-нибудь въ этомъ ро-

дѣ, такъ какъ кашляла всю зиму, да и теперь кашляю и задыхаюсь. Да, наконецъ, удивительно бы было, если бы у меня ничего не было; я была бы довольна, если бы это было серьезно и повело бы къ концу. Тетя въ ужасѣ, я торжествую. Смерть меня не пугаетъ; я не осмѣлилась бы убить себя, но я хотѣла бы покончить со всѣмъ этимъ... Знаете ли... я не надѣну фланель и не стану пачкать себя іодомъ. Я не стремлюсь выздоровѣть. И безъ того будетъ достаточно и жизни, и здоровья для того, что мнѣ нужно сдѣлать.

Пятница, 17 сентября. Вчера я вернулась отъ доктора, къ которому ѣздила изъ-за ушей. И онъ признался мнѣ, что не ожидалъ, что это такъ серьезно, что я никогда уже не буду слышать такъ хорошо, какъ прежде. Я была поражена, какъ громомъ. Это ужасно. Я не вполнѣ глуха, но я слышу, какъ иногда видятъ, точно черезъ вуаль. Такъ, я не слышу тиканья моего будильника, и быть можетъ никогда болѣе не услышу его иначе, какъ приложивъ къ самому уху. Это дѣйствительно несчастье. Иногда въ разговорѣ многое ускользаетъ отъ меня... Впрочемъ, возблагодаримъ небо за то, что пока еще не ослѣпли и не онѣмѣли.

Я пишу совсѣмъ согнувшись, если же выпрямляюсь, то чувствую жестокую боль; это у меня всегда бываетъ отъ слезъ. Я много плакала съ сегодняшняго утра.

Вторникъ, 28 сентября. Хорошій денекъ, начатый еще ночью. Мнѣ снился **«онъ»**. Я мечтала **«о немъ»**. Онъ былъ некрасивый и больной, но это ничего. Я понимаю теперь, что любятъ не за красоту. Мы болтали какъ друзья, какъ когда-то прежде; какъ будемъ болтать еще, если снова найдемъ другъ друга! Я просила только объ одномъ, чтобы наша дружба осталась въ такихъ границахъ, чтобы она могла продолжаться....

Это же было моею мечтою и наяву. Никогда еще не была я такъ счастлива, какъ сегодня ночью.

А... пріѣхалъ къ завтраку. Цѣлый потокъ комплиментовъ; я и то, и это, и этой зимою около меня составится кругъ избранныхъ; онъ привезетъ мнѣ знаменитостей, всѣхъ, представляющихъ изъ себя **«что-нибудь»**, и т. д., и т. д. Мнѣ этого не было нужно, я даже проснулась со смѣхомъ.

Дюма-сынъ говоритъ, что молодыя дѣвушки не любятъ, а только **отдаютъ предпочтеніе**, потому что онѣ не знаютъ,

что такое **любовь.** Такъ куда же, чортъ возьми, дѣваетъ любовь господинъ Дюма?

И при томъ всегда знаютъ почти достаточно, чтобы понимать... То, что Дюма называетъ **любовью,** есть только слѣдствіе и естественное дополненіе любви, а совсѣмъ не нѣчто отдѣльное, обособленное и полное, по крайней мѣрѣ для людей хотя до нѣкоторой степени чистыхъ.

— «Часто необходимое слѣдствіе, безъ котораго невозможна любовь», — говоритъ тотъ же Дюма; онъ также называетъ это «послѣднимъ выраженіемъ любви». Съ этимъ я согласна, но сказать, что дѣвушка не можетъ любить, — это безуміе. **Я ничего этого не знаю,** а между тѣмъ я чувствую, что есть что-то отталкивающее въ соединеніи съ непріятнымъ человѣкомъ и что въ этомъ — дѣйствительно «послѣднее выраженіе любви», когда любишь.

Иногда въ голову приходятъ безумныя мысли, но онѣ понятны, когда человѣкъ не производитъ на васъ отталкивающаго впечатлѣнія, и не имѣютъ ничего общаго съ любовью. Для меня было бы ужасно поцѣловать въ губы человѣка, къ которому я отношусь безразлично; мнѣ кажется, я бы никогда не могла сдѣлать этого.

Но когда любишь! О, это... совершенно не то. Итакъ, сегодня ночью во снѣ я любила, и то же случилось со мной, когда проснулась. И право это такъ чисто, такъ нѣжно, такъ прекрасно. Любовь чувство великое и чистое, и все въ немъ невинно.

Любовь у Дюма существуетъ не сама по себѣ, но только какъ слѣдствіе испытываемаго чувства, только какъ средство любить еще больше и лучше то, что любишь.

Среда, 29 сентября. Со вчерашняго дня я такая бѣленькая, свѣжая и красивая, что сама удивляюсь. Глаза оживленные и блестящіе; даже контуръ лица кажется красивѣе и тоньше. Жаль только, что все это въ такое время, когда я никого не вижу. Глупо говорить объ этомъ, но я съ полчаса съ удовольствіемъ провела передъ зеркаломъ, глядя на себя; этого со мной не случалось уже нѣсколько времени.

Воскресенье, 3 октября. Я въ отчаяніи.

Нѣтъ, ничего не подѣлаешь. Вотъ уже четыре года я лѣчусь у самыхъ знаменитыхъ докторовъ отъ воспаленія гортани и мнѣ все хуже и хуже.

Четыре дня уши были въ порядкѣ, я слышала хорошо; теперь все начинается сызнова.

И вотъ увидите, что я буду пророкомъ.

Я умру, но не сейчасъ. Сейчасъ, это положило бы конецъ всему, и это было бы слишкомъ хорошо.

Я буду влачить свое существованіе съ постоянными насморками, кашлями, лихорадками и всѣмъ прочимъ...

Понедѣльникъ, 4 октября. Я просила нотъ для мандолины у моего неаполитанскаго профессора; и вотъ его отвѣтъ.

Я сожалѣю это письмо за его итальянскій стиль, хотя оно и отъ простого смертнаго. Признаюсь, я очень люблю цвѣтистый языкъ.

Но стиль этотъ надо предоставить итальянцамъ, у другихъ онъ смѣшонъ. О, Боже! когда же мнѣ можно будетъ ѣхать въ Италію?

Какъ все безцвѣтно послѣ Италіи! Никто и ничто такъ меня не волновало, какъ воспоминаніе объ Италіи.

Почему же я не ѣду туда теперь же? А живопись? Развѣ я достаточно сильна, чтобы не заблудиться безъ руководителей? Я не знаю.

Нѣтъ. Я останусь эту зиму въ Парижѣ; въ Италіи я проведу масляницу; зиму 1881 и 1882 буду въ Петербургѣ. Если я не найду въ Петербургѣ богатаго мужа, я вернусь или въ Парижъ, или въ Италію отъ 1882 до 1883. Тогда я выйду за человѣка съ титуломъ, съ 15,000 и 20,000 франковъ годового дохода, который съ удовольствіемъ возьметъ меня съ моими доходами.

Развѣ это не благоразумно дать себѣ три года для поисковъ прежде чѣмъ сдаться на капитуляцію?

Вторникъ, 5 октября. Покориться, вѣрнѣе собраться съ духомъ, вникнуть въ самую сущность самого себя и спросить не безразлично ли все это. Не все ли равно жить такъ или иначе? Побѣдить всѣ свои чувства, вмѣстѣ съ Эпиктетомъ сказать, что человѣкъ властенъ принять злое за доброе или вѣрнѣе равнодушно относиться ко всему происходящему вокругъ. Надо ужасно страдать, чтобы умереть такого рода смертью.

Но въ сущности разъ усвоилъ себѣ это, можно по крайней мѣрѣ быть спокойной... это не мечта, **это дѣло возможное.** Но зачѣмъ тогда жить? — скажете вы. Да потому, что вы родились. Только вполнѣ понявъ, что настоящая жизнь есть

источникъ безконечныхъ несчастій, можно принять другую жизнь, т. е. спрятаться во второго рода жизни отъ первой.

Достигнувъ извѣстной стопени физическихъ страданій, теряютъ сознаніе или впадаютъ въ экстазъ, то же самое при страданіяхъ душевныхъ, когда они достигаютъ извѣстной степени; начинаютъ парить мысленно надъ облаками и удивляются тому, что страдали, все презираютъ и идутъ, высоко поднявъ голову, какъ мученики.

Не все ли равно, проведу ли я остающіяся пятьдесятъ лѣтъ жизни въ темницѣ или во дворцѣ, среди людей или въ одиночествѣ! Конецъ будетъ тотъ же самый. Чувства, заключенныя между началомъ и концомъ и не оставляющія никакого слѣда — вѣдь вотъ что занимаетъ. Какое намъ дѣло до вещей, которыя не продолжительны и не оставляютъ и слѣдовъ! Я могу употребить мою жизнь съ пользою, у меня будетъ талантъ; быть можетъ это оставляетъ слѣды... послѣ смерти.

Суббота, 9 октября. Я не работала эту недѣлю, а отъ бездѣйствія я глупѣю. Берегла свое путешествіе въ Россію, и оно меня очень заинтересовало. Въ Россіи я прочла по частямъ «*Mademoiselle de Maupin*», и такъ какъ это мнѣ понравилось, я перечла эту вещь. Вѣдь Теофиль Готье признанъ громаднымъ талантомъ, а «*Mademoiselle de Maupin* » считается образцовымъ произведеніемъ, особенно же предисловіе. Ну вотъ я и прочла его сегодня. Предисловіе очень хорошо, очень правдиво; но сама книга?.. Несмотря на всю ея рѣзкость, книга не занимательна, нѣкоторыя страницы просто скучны. Кричатъ: а языкъ, а стиль? и т. д. Э, полноте! ну да, это написано хорошимъ французскимъ языкомъ, человѣкомъ, хорошо знающимъ свое дѣло, но это нельзя назвать симпатичнымъ талантомъ. Потомъ, быть можетъ, я и пойму, почему это образцовое произведеніе; мнѣ бы очень хотѣлось понять теперь, что это хорошо, но, по моему, это антипатично и скучно.

Это какъ Жоржъ-Зандъ... вотъ еще писатель, которому я не симпатизирую. У Жоржъ-Занда нѣтъ даже этой силы, и той грубости, какъ у Готье, которыя внушаютъ уваженіе, если не расположеніе къ нему. Жоржъ-Зандъ... словомъ, хорошо. Я предпочитаю изъ современныхъ писателей Додэ; онъ пишетъ романы, но пересыпанные вѣрными замѣчаніями, вещи правдивыя и прочувствованныя. Это сама жизнь.

Что касается Зола, то мы съ нимъ въ холодныхъ отношеніяхъ; онъ въ **Фигаро** началъ нападать на Ранка и другихъ республиканцевъ въ очень дурномъ тонѣ, и не соотвѣтствующемъ ни его большому таланту, ни его литературному положенію.

Но что же видятъ въ Жоржъ-Зандъ? Красиво написанный романъ? Ну, а потомъ? Для меня ея романы скучны. Между тѣмъ, какъ Бальзакъ, оба Дюма, Зола, Додэ, Мюссе не надоѣдаютъ мнѣ никогда. Викторъ Гюго въ своей самой безумно-романической прозѣ никогда не кажется утомительнымъ. Чувствуется геній, но Жоржъ-Зандъ! Какъ возможно читать триста страницъ, наполненныхъ жестами и поступками Валентины и Бенедикта, которыхъ сопровождаютъ дядя-садовникъ и еще Богъ вѣсть кто?

Графиня, влюбленная въ своего лакея и... разсужденія по этому поводу! Вотъ талантъ Жоржъ-Занда. Конечно, это очень красивые романы, съ красивыми описаніями деревни... Но мнѣ бы хотѣлось чего-нибудь больше... Я не умѣю выражаться... Вотъ чего бы никогда не слѣдовало думать; а я всегда думаю, что обращаюсь къ существамъ выше меня, передъ которыми я боюсь сказать что-нибудь претенціозное, между тѣмъ какъ вообще вездѣ однѣ только посредственности, которыя ниже тебя и которыя никогда не сумѣютъ оцѣнить скромности или признанія въ какой-нибудь слабости.

Теперь читаю **Валентину,** и это чтеніе меня раздражаетъ, потому что эта книга заинтересовала меня настолько, что я хочу дочитать ее и въ то же время я чувствую, что у меня отъ нея ничего не останется, можетъ быть только неопредѣленное непріятное впечатлѣніе; мнѣ кажется, что такое чтеніе ниже меня, я возмущаюсь и въ то же время продолжаю, ибо, чтобы я бросила ее, надо было бы быть такой же несносной, какъ **«Послѣдняя Любовь»** того же автора. Однако **«Валентина»** лучше изъ того, что я читала изъ произведеній Жоржъ-Занда. **Миркиза де Вильмеръ** тоже хорошо: помнится, тамъ нѣтъ конюха, влюбленнаго въ графиню.

Воскресенье, 10 октября. Утро провела въ Луврѣ и совсѣмъ подавлена впечатлѣніемъ; до сихъ поръ я не понимала такъ, какъ сегодня утромъ. Я смотрѣла и не видѣла. Это точно откровеніе. Прежде я смотрѣла, вѣжливо восхищалась, какъ огромное большинство людей. А если видишь и чувствуешь искусство такъ, какъ я, то значитъ обладаешь не совсѣмъ

обыденной душой. Чувствовать, что это прекрасно, и понимать, **почему** это прекрасно, вотъ это большое счастье.

Суббота, 16 октября. Среди разныхъ другихъ хорошихъ вещей, Тони сказалъ: «Въ общемъ я очень доволенъ, дѣло идетъ хорошо». — Слѣдуетъ урокъ. Я очень довольна; каждую субботу я боюсь! А потомъ радуюсь!..

Это единственная вещь, къ которой я отношусь серьезно.

Вторникъ, 19 октября. Увы! все это кончится черезъ нѣсколько лѣтъ медленной и томительной смертью.

Я отчасти предчувствовала, что это такъ кончится. Нельзя жить съ такой головой, какъ у меня, я похожа на слишкомъ умныхъ дѣтей.

Для моего счастья надо было слишкомъ много, а обстоятельства сложились такъ, что я лишена всего, кромѣ физическаго благосостоянія.

Когда года два — три, даже шесть мѣсяцевъ тому назадъ я пошла къ новому доктору, чтобы вернуть свой голосъ, онъ спрашивалъ меня, не замѣчала ли я тѣхъ или другихъ симптомовъ, и такъ какъ я отвѣчала «нѣтъ», онъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Ничего нѣтъ ни въ бронхахъ, ни въ легкихъ, это просто воспаленіе гортани. — Теперь я начинаю чувствовать все то, что докторъ предвидѣлъ. Значитъ, бронхи и легкія поражены. О, это еще ничего, или почти что ничего. Фовель прописалъ іодъ и мушку; конечно я стала испускать крики ужаса, я предпочитаю сломать руку, чѣмъ допустить горчичникъ. Три года тому назадъ въ Германіи одинъ докторъ на водахъ нашелъ у меня что-то въ правомъ легкомъ. Я очень смѣялась. Потомъ еще въ Ниццѣ, пять лѣтъ тому назадъ, я чувствовала какъ будто боль въ этомъ мѣстѣ; я была убѣждена, что это растетъ горбъ, потому что у меня были двѣ горбатыя тетки, сестры отца; и вотъ еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, на вопросъ, не чувствую ли я тамъ какой-нибудь боли, я отвѣчала «нѣтъ». Теперь же, если я кашляю или только глубоко вздыхаю, я чувствую это мѣсто направо въ спинѣ. Все, что заставляетъ меня думать, что можетъ быть дѣйствительно тамъ есть что-нибудь... Я чувствую какое-то самоудовлетвореніе въ томъ, что не показываю и вида, что я больна, но все это мнѣ совсѣмъ не нравится. Это гадкая смерть, очень медленная, четыре, пять, даже быть можетъ десять лѣтъ. И при этомъ дѣлаются такими худыми, уродливыми.

Я не особенно похудѣла, я совсѣмъ, какъ слѣдуетъ, у меня только видъ утомленный, я сильно кашляю и дышать трудно.

Случалось ли вамъ начать говорить или писать, что вы больше не вѣрите чему-нибудь, чему прежде вѣрили... и пока вы говорите: — «И сказать только, что я была въ этомъ убѣждена!» — сразу вернуться къ прежнимъ мыслямъ, опять повѣрить или, по крайней мѣрѣ, сильно усомниться? Въ одну изъ такихъ минутъ я сдѣлала эскизъ картины... Въ ожиданіи художника модель — маленькая бѣлокурая женщина — сидитъ верхомъ на стулѣ и куритъ папироску, глядя на скелетъ, въ зубы котораго была воткнута трубка. Платье разбросано по полу налѣво; направо ботинки, открытый портъ-сигаръ и маленькій букетикъ фіалокъ. Одна нога пропущена черезъ спинку стула, женщина оперлась на него локтями и подпираетъ рукою подбородокъ. Одинъ чулокъ на землѣ, другой еще виситъ на ногѣ. Это очень хорошо выходитъ красками. Кстати, я дѣлаюсь колористкой. Я говорю это смѣясь; но, шутки въ сторону, я чувствую краски и нельзя даже сравнить мои этюды за два мѣсяца до Монъ-Дора и теперь.

Вы увидите, что найдется множество вещей, привязывающихъ меня къ жизни, когда я уже буду ни къ чему непригодна, когда я буду больна, отвратительна!

Четвергъ, 24 октября. Показала Жуліану картину, написанную въ Монъ-Дорѣ. Онъ, конечно, нагрубилъ мнѣ, говоря въ то же время, что нѣкоторые современные художники нашли бы, что это очень хорошо, что это смѣсь Бастьена-Лепажа и Бувена; что **это,** соединенное съ нѣсколько болѣе усиленной работой, дало бы почти хорошую картину; въ ней есть интересныя вещи, но́ что я пишу, «какъ палачъ».

Что касается модели передъ скелетомъ, то это задѣло его за живое. Онъ сказалъ, что это «положительно **то, что слѣдуетъ»,** что это грубо, отталкивающе, а я прибавила: — «Да, это отталкиваетъ и именно поэтому-то это **хорошо,** это сама природа». — Только вы не можете подписаться подъ этимъ. Это произвело бы скандалъ. Но, чортъ возьми, какъ это хорошо! Я не говорю, что вы сейчасъ же сдѣлаетесь извѣстнымъ живописцемъ, но, конечно, вы прославитесь этой... оригинальной изобрѣтательностью... Эта картина заставитъ кри-

чать, особенно если узнаютъ, что эта женщина — молодая дѣвушка.

Пятница, 29 октября. Прочитавъ въ Евангеліи мѣсто, удивительно соотвѣтствующее руководившей меня мыслью, я снова вернулась къ горячей вѣрѣ и къ чудесамъ, къ Іисусу Христу и къ моимъ прежнимъ восторженнымъ молитвамъ.

Среда, 10 ноября. Ужасно работать безъ устали въ продолженіе трехъ лѣтъ и придти къ заключенію, что ничего не знаешь!

Четвергъ, 11 ноября. Приходилъ Тони и, когда я ему разсказала о своемъ упадкѣ духа, то онъ отвѣтилъ, что это доказываетъ, что я не слѣпа и совѣтовалъ мнѣ снова приняться за этюдъ, вообще продолжать занятія.

Конечно, это показываетъ, что я знаю теперь больше, чѣмъ прежде ибо вижу все яснѣе. Но какъ мнѣ грустно! какъ я нуждаюсь въ ободреніи! Я сдѣлала себѣ плащъ съ монашескимъ капюшономъ для мастерской, когда приходится занять мѣсто около окна, откуда адски дуетъ. Итакъ, у меня монашескій капюшонъ, а это всегда приноситъ мнѣ несчастье. Я плакала подъ этимъ несчастнымъ капюшономъ такъ, что эта добрая З., которая подошла посмотрѣть, не шучу ли я, была совсѣмъ поражена. Я хочу сдѣлать картину, представляющую изгнаніе монаховъ. Поэтому я пошла къ капуцинамъ на улицѣ Santé и три оставшихся монаха все мнѣ разсказали и показали мѣсто несчастія. Я предложила мое гостепріимство двумъ монахамъ въ Ниццѣ. Надѣюсь, что они не воспользуются приглашеніемъ.

Воскресенье, 14 ноября. Должна была ѣхать въ Версаль посмотрѣть, подходитъ ли для меня тамошній монастырь капуциновъ, такъ какъ тамъ было оказано всего болѣе сопротивленія. На монастырскомъ дворѣ расположены низкія кресла для колѣнопреклоненія, и, несмотря на дождь, приходящіе становятся на колѣни передъ запертыми дверями часовни. Боже! какъ все это было нелѣпо сдѣлано, и какъ монахи сумѣли этимъ воспользоваться!

Развѣ Гамбетта не самый сильный человѣкъ? Вѣдь надо же, чтобы человѣкъ взялъ верхъ... А какъ же тогда система бонапартистовъ? А принципы, а республика! Есть вещи, которыя противорѣчатъ моему здравому смыслу; это бываетъ рѣдко, но если я убѣждена **сама, въ душѣ,** то ничто въ мірѣ не можетъ заставить меня измѣнить моему взгляду, мнѣ даже

трудно не кричать о моемъ убѣжденіи на крышахъ, — такъ я довольна и горда, что я **сама** дошла до этого и что **искренно** этому вѣрю. Потому что столькими вещами, почти всѣми, увы! я дорожу только... поверхностно... ради того, что скажутъ, или чтобы не выдѣляться, или ради того, что это можетъ мнѣ быть выгодно.

Вторникъ, 16 ноября. У меня явились угрызенія совѣсти, и я поднялась съ своей постели, чтобы предаться покаянію, ибо церковь заставляетъ познать Бога, церковь сдѣлала страшно много для нравовъ, церковь принесла къ дикарямъ имя Бога и цивилизацію. Правда, мнѣ кажется, что можно бы, не оскорбляя Бога, цивилизовать и безъ католицизма, но все-таки... Католицизмъ былъ полученъ, какъ феодализмъ и, какъ и онъ, почти отжилъ свой вѣкъ.

Среда, 8 декабря. Сегодня вечеромъ мы присутствовали на еженедѣльныхъ работахъ общества «Права женщинъ»! Это происходитъ въ маленькой залѣ m-lle Оклеркъ.

Лампа на бюро налѣво; направо каминъ, на которомъ стоитъ бюстъ Республики, а посрединѣ, спиной къ окну, которое находится противъ двери, столъ, покрытый связками бумагъ и украшенный свѣчами, звонкомъ и президентомъ, который имѣетъ очень грязный и очень глупый видъ. Налѣво отъ президента m-lle Оклеркъ, которая, принимаясь говорить, каждый разъ опускаетъ глаза и потираетъ руки. Штукъ двадцать старыхъ женскихъ типовъ и нѣсколько мужчинъ — все такая дрянь, какую только возможно себѣ представить. Это юноши съ длинными волосами и невозможными прическами, которыхъ никто не хочетъ слушать въ кофейняхъ.

Мужчины кричали о пролетаріатѣ, коллективизмѣ и измѣнѣ наиболѣе выдающихся депутатовъ. M-lle Оклеркъ очень умна и понимаетъ, что дѣло идетъ не о пролетаріатѣ и не о милліонерахъ, но о женщинѣ вообще, которая требуетъ подобающихъ ей правъ. На этомъ бы и слѣдовало удержать всѣхъ. Вмѣсто этого они разсуждали о политическихъ тонкостяхъ.

Мы были записаны, вотировали, внесли деньги и т. д.

Вторникъ, 21 декабря. У меня нѣтъ больше шума въ ушахъ, и я слышу очень хорошо.

Четвергъ, 23 декабря. Такъ какъ было поздно, я оставила портретъ и стала дѣлать эскизъ, потому что я постоянно

пишу для салона. Пріѣзжаетъ Жуліанъ и находитъ, что это очень красиво, тогда я иду провожать его въ переднюю и спрашиваю, можетъ ли это быть полезнымъ для моего дѣла. Конечно очень хорошо, но только сюжетъ такой спокойный, подобающій молодой дѣвушкѣ, а онъ думалъ, что я выберу что-нибудь другое. И потомъ онъ упрекаетъ меня чуть не въ десятый разъ, что я не дѣлаю портрета m-me N. на большомъ полотнѣ, въ платьѣ, однимъ словомъ для выставки. Надо вамъ сказать, что эта скучная вещь повторяется каждый разъ при разговорѣ о салонѣ. Но чтобы вы поняли впечатлѣніе, производимое на меня этимъ, надо вамъ сказать, что этотъ портретъ мнѣ не нравится и не занимаетъ меня; я сдѣлала его только изъ одолженія, модель не имѣетъ ничего захватывающаго, я его сдѣлала, потому что я обѣщала въ одну изъ минутъ изліянія; эти идіотскія изліянія заставляютъ меня отдавать все, да еще ломать себѣ голову надъ вопросомъ, не могу ли чего-нибудь предложить и какъ доставить какое-нибудь удовольствіе кому бы то ни было, всѣмъ на свѣтѣ. И не думайте, что это случается со мной изрѣдка! Почти всегда такъ, исключая только, если мнѣ ужъ слишкомъ надоѣдятъ... да и тогда тоже.

Это даже не качество, это у меня въ натурѣ стремиться сдѣлать всѣхъ счастливыми и связать себя этою глупою мягкостью. Вы этого не знали, и я считалась эгоисткой; ну, примирите-ка все это...

Нужно же было быть такой безумной и думать, что мнѣ хоть что-нибудь удастся!

О ничтожество! Теперь все отравлено, и при мысли о салонѣ мнѣ хочется кричать. Такъ вотъ чего я добилась послѣ трехъ лѣтъ работы!

«Надо быть феноменомъ», — говорилъ Жуліанъ, но я не могла. Вотъ прошло три года, а что я сдѣлала? Что я такое? Ничто. То есть я хорошая ученица, и это все; но гдѣ же феноменъ, блескъ и трескъ?

Это поражаетъ меня, какъ великое неожиданное бѣдствіе... а истина такъ ужасна, что мнѣ бы хотѣлось думать, что я преувеличиваю. Живопись меня останавливала; пока дѣло шло о рисункѣ, я приводила профессоровъ въ изумленіе; но вотъ два года, что я пишу: я выше средняго уровня, я это знаю, я даже выказываю удивительныя способности, какъ говоритъ Тони, но мнѣ нужно было другое. А этого нѣтъ.

Я поражена этимъ, какъ сильнымъ ударомъ по головѣ, и не могу коснуться до этого мѣста даже кончикомъ мысли, не причиняя страшной боли. А слезы-то!

Вотъ что полезно для глазъ! Я разбита, убита, я въ страшномъ бѣшенствѣ! Я сама раздираю себѣ сердце. О! Боже мой!..

Я съ ума схожу, думая, что могу умереть въ безызвѣстности. Самая степень моего отчаянія показываетъ, что это должно случиться.

Пятница, 24 декабря. Послѣ грустныхъ соображеній отправилась въ мастерскую, гдѣ Жуліанъ сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: — «Обѣщайте мнѣ, что картина будетъ моя, и я укажу вамъ сюжетъ, который сдѣлаетъ васъ знаменитой или, по крайней мѣрѣ, извѣстной въ теченіе шести дней послѣ открытія салона». — Конечно я обѣщаю. — То же самое онъ сказалъ и А... и, послѣ того, какъ мы полусмѣясь, полусерьезно написали и подписали условіе при двухъ свидѣтельницахъ, онъ увелъ насъ въ свой кабинетъ и предложилъ мнѣ сдѣлать часть нашей мастерской съ тремя личностями на первомъ планѣ, въ натуральную величину, другихъ же, какъ аксессуары.

Онъ доказывалъ намъ преимущества этого сюжета добрые полчаса, послѣ чего я вернулась къ своему портрету взволнованная, съ головною болью и не могла ничего дѣлать цѣлый день. Все это послѣдствія вчерашняго дня.

Что касается сюжета, онъ мнѣ не особенно интересенъ; но онъ можетъ быть занимателенъ.

Воскресенье, 25 декабря. Потенъ требуетъ, чтобы я уѣзжала; я отказываюсь наотрѣзъ, а затѣмъ полусмѣясь, полусерьезно начинается жалоба на мою семью. Я спрашиваю его, вредно ли для горла бѣситься и плакать каждый день? Конечно... я не хочу уѣзжать. Путешествовать чудесно, но не съ моими, съ ихъ мелкими утомительными хлопотами. Я знаю, что я буду распоряжаться, но они меня раздражаютъ и потомъ... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Да и, наконецъ, я почти не кашляю. Но только все это дѣлаетъ меня несчастной; я больше не представляю себѣ возможности избавиться отъ всего этого, избавиться отъ чего? Я совсѣмъ не знаю, и слезы душатъ меня. Не подумайте, что это слезы невышедшей замужъ дѣвицы; нѣтъ; тѣ слезы

совсѣмъ не похожи на эти. Впрочемъ... быть можетъ и это. Но не думаю.

И потомъ кругомъ меня такія печальныя дѣла, и нѣтъ возможности кричать. Бѣдная тетя ведетъ такую уединенную жизнь, мы видимся такъ мало, по вечерамъ я или читаю или играю.

Есть въ насъ что-то такое, что, несмотря на прекрасныя разсужденія, несмотря на сознаніе, что все идетъ къ уничтоженію, все-таки заставляетъ насъ жаловаться! Я знаю, какъ и всѣ другіе, что я иду къ смерти, къ уничтоженію; я взвѣшиваю обстоятельства жизни, которыя, каковы бы они ни были, кажутся мнѣ ничтожными и суетными, и тѣмъ не менѣе, я не могу покориться. Значитъ это сила, значитъ это **нѣчто,** значитъ это не **«переходъ»,** не промежутокъ времени, который безразлично гдѣ бы ни провести — во дворцѣ или въ погребѣ, значитъ есть что-нибудь сильнѣе и истиннѣе, чѣмъ наши безумныя фразы обо всемъ этомъ! Значитъ жизнь не простой переходъ, не ничтожество, но... самое дорогое для насъ, все, что мы имѣемъ?

Говорятъ, что это ничто, потому что нѣтъ вѣчности. О! безумные!..

Жизнь это мы; она принадлежитъ намъ, она все, что мы имѣемъ; какъ же можно говорить, что она **ничто.** Но если это **ничто,** покажите-ка мнѣ что-нибудь, представляющее **нѣчто!**

Какой славный и милый этотъ Тони; онъ говоритъ, что наиболѣе одаренные достигли чего-нибудь только лѣтъ черезъ двѣнадцать работы; что Бонна послѣ семи лѣтъ работы былъ еще ничѣмъ; что самъ онъ выставилъ первую картину только на восьмомъ году. Я все это знала, но такъ какъ я разсчитывала достигнуть большаго къ двадцати годамъ, то вы поймете мои размышленія.

Въ полночь у меня явились подозрѣнія. Тони кажется слишкомъ довѣряетъ моимъ силамъ; я подозрѣваю какую-нибудь ужасную западню.

1881.

Суббота, 1 января. Я подарила букетикъ А...; она поцѣловала меня два раза, и такъ какъ мы были однѣ, то я стала спрашивать ее о возникновеніи и развитіи ея любви. Она разсказала мнѣ, что это тянется уже шесть лѣтъ безъ всякаго измѣненія. Она узнаетъ его шаги по лѣстницѣ, его манеру открывать дверь, и всякій разъ она при этомъ волнуется, какъ въ первые дни. Я это понимаю; если бы было иначе, это было бы уже не то. Говорятъ, что привычка уничтожаетъ чувство; вы видите, что это ошибка; что настоящая любовь не можетъ ни измѣниться, ни подчиниться привычкѣ.

Для меня измѣна была бы ужасна. Очень немногіе люди имѣютъ счастіе испытать настоящую любовь, которая не можетъ прекратиться, хотя бы она и была взаимна. Вообще, люди неспособны испытывать такое цѣльное чувство, что-нибудь отвлекаетъ ихъ или мѣшаетъ имъ, и они довольствуются обрывками чувствъ, которыя мѣняются, вотъ почему многіе пожимаютъ плечами, когда при нихъ говорятъ о **вѣчной** или **неизмѣнной** любви, которая встрѣчается очень рѣдко.

Настоящая любовь можетъ и не быть вѣчной, но она можетъ быть только одинъ разъ въ жизни.

Среда, 5 января. Сегодня утромъ Тони пришелъ въ мастерскую вмѣстѣ со мною. Я показала ему небольшой эскизъ, и мы поговорили о картинѣ. Комната, гдѣ мнѣ придется работать, очень маленькая, но, если снять перегородку, это еще будетъ возможно въ виду размѣровъ полотна. Но что же дѣлать!..

И потомъ, если будутъ работать двое, будетъ извѣстное соревнованіе, которое раздражаетъ. Несмотря на мой смѣлый видъ, я очень застѣнчива и при А... теряю способность поставить натуру, и... это меня стѣсняетъ, и я недовольна тѣмъ, что насъ будетъ работать двое надъ тѣмъ же самымъ.

Какъ эта картина мнѣ надоѣла! Какъ бы мнѣ хотѣлось приняться за что-нибудь другое! Невыносимо то подниматься такъ высоко, то падать такъ низко! Достаточно одного слова, чтобы ободрить меня или пригнуть къ землѣ, и для того, чтобы не впасть въ отчаяніе, необходимо, чтобы Жуліанъ

и Тони всю жизнь меня ободряли. Когда они ограничиваются совѣтами, не высказывая своего мнѣнія, я падаю духомъ.

Пятница, 7 января. Я разсказываю всѣмъ объ интригахъ, въ которыхъ сама являюсь жертвой, и такъ какъ всѣ на моей сторонѣ, то это еще подтверждаетъ мою правоту. Многіе сказали мнѣ, что считали меня сильнѣе, и что здѣсь я не удержалась. Согласна, но вѣдь такъ пріятно **предоставить** другимъ спеціальность обмановъ и интригъ. Я не совсѣмъ точно выразилась, сказавъ **предоставить;** я предоставляю имъ это потому, что сознаю себя окончательно неспособной къ интригамъ и уловкамъ. Это такъ скучно, утомительно, и я не знаю, какъ быть. Есть также удовлетвореніе въ томъ, что сознаешь себя лучше другихъ. Пасть жертвой чего-нибудь такъ, чтобы объ этомъ знали другіе, это прелестное чувство, это почти то же, что патентъ на честность, на нравственную чистоту... А совѣсть? Имѣть чистую совѣсть и видѣть низость другихъ, сознавать себя чистымъ, а другихъ грязными, даже въ ущербъ самому себѣ—при такихъ условіяхъ почти исчезаетъ наносимый себѣ ущербъ, и испытываешь тѣмъ большую радость, чѣмъ болѣе являешься жертвой.

Очевидно, при первой непріятности, мнѣ слѣдовало бы сказать: — Если такъ, я не стану писать этой картины!.. — Но это значило бы дать торжествовать А..., которая увидѣла бы, что ея старанія увѣнчиваются успѣхомъ. И я не отступаю только по этой причинѣ.

Суббота, 8 января. У меня настоящая страсть къ книгамъ, — я прибираю ихъ, читаю, разсматриваю; одинъ видъ этой массы томовъ меня радуетъ. Я отхожу немного, чтобы смотрѣть на нихъ, какъ на картину. У меня около семисотъ томовъ, но такъ какъ они большого формата, то это составило бы гораздо больше книгъ обыкновенной величины.

Четвергъ, 13 января (1 января, русскій новый годъ). Я все еще немного кашляю и дышу съ трудомъ. Но видимыхъ перемѣнъ нѣтъ — ни худобы, ни блѣдности. Потенъ больше не приходитъ; моя болѣзнь, повидимому, требуетъ только воздуха и солнца; Потенъ поступаетъ честно и не хочетъ пичкать меня ненужными лѣкарствами. Я знаю, что поправилась бы, проведя зиму на югѣ, но... я знаю лучше другихъ, что со мною. Горло мое всегда было подвержено болѣзнямъ, и мнѣ стало хуже отъ постоянныхъ волненій. Словомъ, у меня только кашель и неладно съ ушами; какъ видите, это пустяки.

Суббота, 15 января. Самое обыкновенное лицо въ мірѣ можетъ сдѣлаться интереснымъ, благодаря шляпѣ, берету или драпировкѣ, я говорю все это для того, чтобы сказать вамъ, что каждый вечеръ, возвратясь изъ мастерской усталая и испачканная, я умываюсь, надѣваю бѣлое платье и убираю голову бѣлой косынкой изъ индѣйской кисеи съ кружевами, какъ старухи у Шардена и дѣвочки у Греза; мое лицо дѣлается отъ того прелестнымъ — никогда нельзя было бы и подумать, что оно можетъ быть такимъ... Сегодня вечеромъ косынка легла, какъ носятъ египтянки, и я не знаю какимъ образомъ лицо мое сдѣлалось **прекраснымъ.** Это слово вообще не подходитъ къ моему лицу, но это чудо произошло благодаря головному убору. Это меня развеселило.

Теперь это сдѣлалось привычкой; мнѣ неловко оставаться вечеромъ съ непокрытой головой, и моимъ «печальнымъ мыслямъ» пріятно быть покрытыми; я чувствую себя какъ-то уютнѣе и спокойнѣе.

Среда, 26 января. Во вторникъ, когда я вернулась изъ мастерской, меня схватилъ ознобъ, и я до семи часовъ дремала въ креслѣ, съ моей картиной передъ глазами, какъ это бываетъ со мною каждую ночь уже въ теченіе недѣли.

Я выпила только немного молока, и ночь прошла еще болѣе странно. Я не спала, но видѣла картину, и мнѣ казалось, что я работаю надъ ней, но дѣлаю какъ разъ обратное тому, что нужно, стираю то, что хорошо, точно меня толкаетъ сверхъестественная сила. Это меня раздражало, я была безпокойна, страшно взволновалась, старалась увѣрить себя, что это сонъ, и не могла. — Ужъ не бредъ ли это? — спрашивала я себя. Я думаю, что это былъ бредъ, я теперь знаю, что это такое, и все это было бы ничего, если бы не утомленіе, особенно въ ногахъ.

Четвергъ, 3 февраля. Передо мною портреты матери и отца, когда они были женихомъ и невѣстой. Я повѣсила эти портреты на стѣну, какъ документы. По мнѣнію Зола и другихъ болѣе авторитетныхъ философовъ, нужно знать причины, чтобы понять слѣдствіе. Я родилась отъ замѣчательно красивой матери, молодой, здоровой, съ темными волосами и глазами и прелестнымъ цвѣтомъ лица; отецъ же мой былъ бѣлокуръ, блѣденъ, слабаго сложенія и происходилъ отъ очень здороваго отца и болѣзненной матери, которая умерла молодою; всѣ его четыре сестры болѣе или менѣе горбаты

отъ рожденія... Дѣдушка и бабушка были крѣпкаго сложенія и имѣли девять человѣкъ дѣтей, здоровыхъ, крупныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые были красивы, напримѣръ мама и дядя Степанъ.

Болѣзненный отецъ знаменитаго субъекта, о которомъ идетъ рѣчь, сдѣлался здоровымъ и сильнымъ, а мать, которая цвѣла здоровьемъ и молодостью, сдѣлалась слабой и нервной, благодоря своей тяжелой жизни.

Третьяго дня я кончила «l'Assomoir»; я была почти больна, такъ поразила меня правдивость книги. Мнѣ казалось, что я живу и разговариваю съ этими людьми.

Суббота, 12 февраля. Тони продолжаетъ быть довольнымъ мною и совѣтуетъ мнѣ писать. Я въ восторгѣ.

Воскресенье, 13 февраля. Вотъ очень нѣжное письмо отъ мамы:

27 января, Харьковъ.

Мой обожаемый ангелъ, дорогое дитя мое Муся, если бы ты знала, какъ я несчастна безъ тебя, какъ безпокоюсь за твое здоровье и какъ я хотѣла бы поскорѣе уѣхать!

Ты моя гордость, моя слава, мое счастье, моя радость!!! Если бы ты могла себѣ представить, какъ я страдаю безъ тебя! Твое письмо къ m-me A. въ моихъ рукахъ: какъ влюбленный, я все перечитываю его и орошаю слезами. Цѣлую твои ручки и ножки и молю Бога, чтобы я имѣла возможность сдѣлать это поскорѣе на самомъ дѣлѣ.

Цѣлую нѣжно нашу дороую тетю. М. Б.

Суббота, 19 февраля. Уже дней десять я все вижу во снѣ дѣдушку, маму, моихъ.

Я вижу также во снѣ тѣхъ людей, съ которыми встрѣчаюсь на другой день, или же оконченный день продолжается во снѣ, и я никогда не сплю безъ сновъ.

Четвергъ, 3 марта. Я очень больна, я сильно кашляю, дышу съ трудомъ и у меня въ горлѣ происходитъ зловѣщій шумъ... Кажется это называется горловой чахоткой.

Я открыла Новый Завѣтъ, забытый на время, и два раза въ теченіе нѣсколькихъ дней была поражена соотвѣтствіемъ случайно попавшейся на глаза строчки съ моей мыслью. Я молюсь Христу, Богоматери.

Пятница, 18 марта. Я окончила картину; остается только еще кое-гдѣ тронуть.

Жуліанъ находитъ, что картина много выиграла въ послѣднюю недѣлю, и что теперь она хороша.

На картинѣ шестнадцать фигуръ и скелетъ, т. е. всего семнадцать.

Суббота, 19 марта. Я недовольна. Тони находитъ, что хороши отдѣльныя части, но не одобряетъ картины въ общемъ; онъ долго объяснялъ мнѣ, что нужно сдѣлать, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тронулъ кистью; я потомъ уничтожила его мазки.

Въ половинѣ пятаго пришелъ Жуліанъ. Мы поговорили. Я работала съ восьми часовъ утра и устала, и особенно устала отъ того, что не слышала отъ Тони его обычной похвалы.

Боже мой, я знаю, что картина интересна и полна движенія, но въ ней виденъ громадный недостатокъ знанія!

Жуліанъ очень сердится на то, что далъ мнѣ такой сюжетъ для первой картины. Онъ посмотрѣлъ на меня, и въ его взглядѣ выразилась надежда, что я буду способна отказаться отъ тщеславнаго желанія выставить посредственную вещь. Онъ былъ бы въ восторгѣ, если бы я отъ этого отказалась; я также, но **другіе?** Скажутъ, что моя работа была найдена профессорами слишкомъ слабою, что я неспособна написать картину и что въ салонѣ моей картины не приняли.

Вопросы: все-ли я сдѣлала, что было въ моихъ силахъ, кромѣ нѣкоторыхъ мелочей? Да, конечно; но мнѣ пришлось натолкнуться на совершенно незнакомыя мнѣ вещи, о которыхъ я не подозрѣвала; во всякомъ случаѣ я многому научилась.

Жуліанъ находитъ, что я употребила большія старанія, что все это недурно, интересно; но что хочется рвать на себѣ волосы съ досады, когда подумаешь, какою могла бы быть эта картина. Я хотѣла бы, чтобы она провалилась, чтобы мнѣ не нужно было ее выставлять! Я принуждена это сдѣлать изъ глупаго тщеславія, заранѣе наказаннаго, потому что я боюсь равнодушія публики и насмѣшки учениковъ, и даже не насмѣшки ихъ, но боюсь, что они скажутъ: «Ну, однако, самая сильная изъ вашихъ женщинъ не очень-то сильна».

Господи! Это нужно было предвидѣть. Жуліанъ долженъ былъ бы это знать! Но онъ говоритъ, что было бы хорошо, если бы я продолжала, какъ начала. Если бы я сдѣлала это, какъ недѣльный этюдъ, я бы все уничтожала; это дурно,

рисунокъ самый обыденный, не характерный и не достойный меня: это самая плохая картина.

Страшно досадно, но что же дѣлать!?

Четвергъ, 24 марта. Я открыла у себя подъ кроватью горшокъ съ дегтемъ. Это вниманіе Розаліи къ моему здоровью, оказанное по совѣту гадалки. Моя семья находитъ это прекраснымъ выраженіемъ преданности служанки; мама пришла въ умиленіе. Я выливаю ведро воды на коверъ, подъ кровать, разбираю раму и въ гнѣвѣ ложусь въ моемъ кабинетѣ.

Это напоминаетъ мнѣ несносное теплое платье! Моя семья воображаетъ, что я усматриваю особую выгоду въ томъ, чтобы, мерзнуть; это меня раздражаетъ до такой степени, что часто я не покрываюсь, чтобы доказать имъ безполезность ихъ приставаній! О! эти люди доводятъ меня до неистовства...

Среда, 30 марта. Я сдѣлала видъ, что проспала до десяти часовъ, чтобы не идти въ мастерскую, и чувствую себя очень несчастной.

Вотъ отвѣтъ Жуліана. Онъ меня немного успокоиваетъ... Подумайте только... Вы не можете себѣ представить, что бы это было, если бы мнѣ отказали! **Мнѣ пришлось бы обвинять одну себя!** И я не знаю, что ужаснѣе: быть самому виноватымъ въ своемъ несчастіи или страдать отъ другихъ... Это былъ бы ударъ въ самое сердце; я не знаю, что я стала бы дѣлать... Нужно надѣяться...

Пятница, 1 апрѣля. Я счастлива. Жуліанъ самъ пришелъ сообщить о моемъ счастьѣ вчера, послѣ полуночи. Мы выпили пуншу въ мастерской. Божидаръ по собственному побужденію освѣдомлялся у одного изъ учениковъ и увѣряетъ, что я получила № 2. Это кажется мнѣ необычайнымъ.

Воскресенье, 3 апрѣля. Никогда еще Патти не пѣла съ такимъ воодушевленіемъ, какъ вчера; голосъ ея былъ такъ свободенъ, такъ свѣжъ и блестящъ! Она спѣла на bis болеро изъ «Сицилійской вечерни». Боже мой, какой у меня былъ прекрасный голосъ! Онъ былъ силенъ, драматиченъ, вызывалъ морозъ по кожѣ! А теперь не осталось ничего, даже не о чемъ говорить!

Неужели я не выздоровѣю? Я еще молода, и, можетъ быть, буду въ состояніи...

Патти не трогаетъ, но можетъ вызвать слезы съ изумленія; это настоящій фейерверкъ; вчера я была просто потря-

сена, когда она издала нѣсколько звуковъ—такихъ чистыхъ, высокихъ, мягкихъ!..

Вторникъ, 5 апрѣля. Неожиданность! пріѣхалъ мой отецъ. За мною прислали въ мастерскую, и я застала его въ столовой съ мамой и Диной, и всѣ въ восторгѣ отъ супружескаго счастія.

Мы вошли вмѣстѣ: папаша, мамаша и bebé. Онъ, безъ сомнѣнія, пріѣхалъ за мамой, но я еще ничего не знаю.

Среда, 6 апрѣля. Отецъ задержалъ меня до девяти часовъ, настаивая на томъ, чтобы я не шла работать; но я спѣшу къ моему торсу, который слишкомъ занимаетъ меня, я возвращаюсь только къ обѣду; потомъ всѣ уѣхали въ театръ, и я осталась одна.

Отецъ **совсѣмъ не понимаетъ**, что можно быть художникомъ, и что этимъ можно прославиться. Минутами мнѣ кажется, что онъ нарочно высказываетъ такія мысли.

Воскресенье, 1 мая. Алексѣй пріѣхалъ рано и привезъ билетъ для двоихъ; съ моимъ билетомъ мы можемъ идти вчетверомъ: папа, мама, я и Алексѣй. Мы тотчасъ же нашли мое произведеніе, которое находится въ первой залѣ, направо отъ почетной залы, во второмъ ряду. Я въ восторгѣ отъ мѣста и очень удивлена, что картина кажется такою удачною. Она не хороша, но я ожидала чего-то отвратительнаго, а вышло недурно.

По ошибкѣ мое имя пропустили въ каталогѣ; я заявила объ этомъ, и это будетъ исправлено. Въ первый день нельзя хорошо разсмотрѣть: торопишься посмотрѣть все заразъ. Мы съ Алексѣемъ немного отстали отъ нашихъ, расточая остроумныя замѣчанія направо и налѣво; наконецъ, мы совсѣмъ потеряли ихъ изъ виду и на нѣкоторое время я взяла его подъ руку; я свободно хожу взадъ и впередъ и не боюсь. Цѣлая толпа знакомыхъ, большіе комплименты, которые не казались слишкомъ принужденными. Это естественно; эти люди, не понимающіе въ этомъ ничего, видятъ довольно большую картину съ многими лицами и считаютъ ее приличной!

Съ недѣлю тому назадъ я отдала 1000 франковъ на бѣдныхъ. Никто этого не знаетъ, я была въ главномъ бюро и ушла скорѣе, чтобы не слышать благодарностей; распорядитель, вѣроятно, думалъ, что я украла эти деньги. Небо вознаграждаетъ меня за мои деньги.

Пятница, 6 мая. Я провела утро въ салонѣ, гдѣ встрѣтила Жуліана; онъ познакомилъ меня съ Лефебромъ, который сказалъ мнѣ, что въ моей картинѣ есть большія достоинства. Я еще очень маленькая дѣвочка!

Дома все идутъ разговоры о предстоящихъ перемѣнахъ. Они всѣ меня раздражаютъ! У моего отца иногда являются нелѣпыя мысли; онъ самъ не вѣритъ тому, что говоритъ, но упорствуетъ, говоря, что все зависитъ отъ моего согласія провести лѣто въ Россіи. «Увидятъ», — говоритъ онъ, —«что ты не стоишь внѣ семьи».

Вечеромъ, когда я полудремлю, утомившись за день, у меня въ головѣ проходятъ божественныя мелодіи. Онѣ то появляются, то исчезаютъ, за ними слѣдишь, какъ за оркестромъ, мелодія котораго развивается въ васъ и помимо вашей воли.

Суббота, 7 мая. Мой отецъ хочетъ ѣхать завтра, мама также должна ѣхать. Это все портитъ.

Уѣду ли я? Къ чему оставаться? Тамъ я буду дѣлать этюды на воздухѣ, а потомъ мы поѣхали бы въ Біаррицъ.

Съ другой стороны говорятъ, что мнѣ принесетъ пользу Эмсъ... Ахъ! мнѣ все равно! Для меня ничего не существуетъ.

Воскресенье, 8 мая. Теперь я почти съ радостью вижу, что мое здоровье разстраивается вслѣдствіе того, что небо не посылаетъ мнѣ счастья.

А когда со мной будетъ кончено, все можетъ быть перемѣниться, но будетъ уже поздно. Разумѣется, всякій для себя. Но моя семья говоритъ, что такъ любитъ меня, и ничего не дѣлаетъ... Я сама — ничто, между мною и остальнымъ міромъ — завѣса. Если бы можно было знать, что тамъ, но это неизвѣстно; впрочемъ, это любопытство сдѣлаетъ для меня смерть менѣе ужасной.

Десять разъ въ день я восклицаю, что хочу умереть, но это только выраженіе моего отчаянія. Если думаютъ, что я желаю смерти, то это неправда. Это манера говорить, что жизнь ужасна; но все-таки хочешь жить, особенно въ мои годы. Но не растрогивайтесь: меня еще хватитъ на нѣкоторое время. Обвинять никого нельзя. Это воля Божья.

Воскресенье, 15 мая. Я ѣду въ Россію, если согласятся подождать меня недѣлю. Мнѣ было бы ужасно присутствовать при раздачѣ наградъ. Это большое горе, о которомъ не

знаетъ никто, кромѣ Жуліана. Итакъ, я ѣду. Я пошла посовѣтоваться съ знаменитымъ докторомъ инкогнито. Слухъ мой поправится, но покровъ праваго легкаго уже давно тронутъ, у меня плевритъ и въ горлѣ все попорчено. Я все это спрашивала въ такихъ выраженіяхъ, что онъ былъ принужденъ сказать мнѣ правду.

Нужно ѣхать въ Алеваръ и лѣчиться. Я поѣду туда, когда вернусь изъ Россіи, а оттуда поѣду въ Біаррицъ. Въ деревнѣ я буду работать. Я буду дѣлать этюды на открытомъ воздухѣ, — это полезно. Все это я пишу въ ярости.

Но дома теперь положеніе дѣлъ плачевно. Съ одной стороны мама въ отчаяніи, что должна ѣхать, а я въ горѣ потому, что остаюсь съ тетей, — это глупый предразсудокъ. Съ другой стороны—тетя, у которой только мы, только я на свѣтѣ и которая ничего не говоритъ, но глубоко оскорблена тѣмъ, что я страдаю, оставаясь съ нею.

Пятница, 20 мая. Мои колебанія возобновляются! Я надѣялась на Потена, думая, что онъ не пуститъ меня въ Россію и этимъ дастъ возможность не слишкомъ окорблять отца. Итакъ, я не могу ѣхать.

Въ общемъ, Патенъ сообщилъ мало новаго и далъ мнѣ возможность остаться здѣсь. Но картина Бреслау! Это ужасно. Вотъ денекъ!.. Я просила Потена преувеличить мою болѣзнь и сказать моей семьѣ, что правое легкое плохо, чтобы отецъ не слишкомъ оскорбился тѣмъ, что я остаюсь.

И вотъ они оба въ отчаяніи, ходятъ на цыпочкахъ... Ихъ вниманіе меня оскорбляетъ, ихъ уступки выводятъ меня изъ себя... и нигдѣ нѣтъ точки опоры. Живопись хорошая вещь! Знаете, въ тяжелыя минуты никогда не бываешь слишкомъ несчастенъ, если есть свѣтлая точка на горизонтѣ. Я говорила себѣ: подождемъ немного, живопись спасетъ насъ. Теперь я сомнѣваюсь во всемъ, я не вѣрю ни Тони, ни Жуліану.

Понедѣльникъ, 23 мая. Наконецъ, собрались и мы на станціи. Въ минуту отъѣзда мое колебаніе заражаетъ другихъ; я начинаю плакать, за мною мама, Дина и тетя; отецъ спрашиваетъ что дѣлать? Я отвѣчаю слезами; раздается звонокъ, мы бѣжимъ въ вагонъ; для меня не взяли билета. Я хочу также войти, но вагонъ захлопываютъ; у меня нѣтъ билета, а они уѣзжаютъ, даже не простившись. Можно проклинать, ненавидѣть другъ друга, но въ минуту разлуки все забывается. Съ одной стороны мама, съ другой тетя, и отецъ

посрединѣ... Отецъ долженъ быть въ бѣшенствѣ, такъ какъ онъ былъ очень милъ со мною; но это безполезное путешествіе, трата времени... Я плакала о томъ, что нужно было ѣхать, плачу о томъ, что осталась. О Бреслау я почти забыла, но... я ничего не знаю, я думаю, что здѣсь я буду лучше лѣчиться и не буду терять времени.

Берлинъ. Среда, 25 мая. Я уѣхала вчера; тетя, которая видѣла, что мнѣ не хотѣлось оставаться въ Парижѣ, не плачетъ; она боится моихъ упрековъ въ томъ, что она меня разстраиваетъ, но на душѣ у нея смертельная тоска, и она думаетъ, что никогда больше не увидитъ меня. Бѣдная тетя, которая боготворитъ маму и боготворитъ меня вдвойнѣ! А я такъ не мила съ нею. Я спрашиваю себя, какъ можно такъ дурно платить за такую преданность. Она пріучена бабушкой съ моего рожденія видѣть во мнѣ идеалъ, теперь, что бы я ни дѣлала, она окружаетъ меня всевозможными заботами и предупредительностью, мнѣ даже нечего говорить, она угадываетъ мои капризы тѣмъ болѣе, что она знаетъ, что я очень больна и несчастна, и не можетъ помочь мнѣ ничѣмъ, развѣ облегчить мнѣ матеріальную жизнь.

Я всегда имѣла утѣшеніе видѣть на столѣ самые лучшіе фрукты, мои любимыя блюда всякій разъ, когда у меня бывала чувствительная непріятность. Эта предупредительность можетъ показаться безсмысленной, но въ ней есть что-то трогательное. Мнѣ не удается быть съ ней привѣтливой; бѣдная тетя безъ единаго слова съ моей стороны догадалась, что я по возможности избѣгаю человѣческихъ лицъ, и, позаботившись объ ужинѣ, оставила меня одну съ книгой. Я могу выносить четырехъ, пять человѣкъ родныхъ, и тогда говорю съ ними; но оставаться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ наединѣ меня стѣсняетъ, и я дуюсь, упрекая себя въ холодности относительно такой преданной, такой доброй женщины! У насъ всѣ очень добры, а тетя въ этомъ отношеніи просто ангелъ.

Я заѣзжала къ Тони, который очень боленъ и которому я оставила благодарственное письмо, и къ Жуліану, котораго не застала. Онъ, можетъ быть, заставилъ бы меня перемѣнить рѣшеніе и остаться, а мнѣ нужна была перемѣна... Въ теченіе недѣли никто въ семьѣ не смѣлъ смотрѣть другъ на друга, боясь расплакаться, а оставшись одна, я плакала все время, чувствуя тѣмъ не менѣе, что это жестоко по отношенію къ тетѣ... Но она должна была замѣтить, что я плакала,

разставаясь съ нею. Она думаетъ, что я совсѣмъ не люблю ея; а когда я думаю о полной самопожертвованія жизни этой женщины, я не могу удержать слезъ: у нея даже нѣтъ того утѣшенія, что ее любятъ, какъ добрую тетю! но я никого не люблю больше ея...

Что составляетъ верхъ ужаса — это мои уши. Это самое жестокое, что могло со мною случиться при моей натурѣ... Я боюсь всего, чего желала, и это ужасное положеніе. Теперь, когда я стала болѣе опытной, когда у меня начинаетъ появляться талантъ, когда я умѣю лучше устраивать свои дѣла... мнѣ кажется, что весь міръ принадлежалъ бы мнѣ, если бы я могла слышать какъ прежде. А при моей болѣзни глухота случается одинъ разъ на тысячу, какъ говорятъ всѣ доктора, къ которымъ я обращалась. «Успокойтесь, вы не оглохнете изъ-за вашего горла, это бываетъ очень рѣдко»! И это случилось именно со мною...

И вѣдь это сковываетъ умъ! Какъ тутъ будешь живой или остроумной? — Все пропало!

Фаскоръ за Кіевомъ. Четвергъ, 26 мая. Мнѣ нужно было это большое путешествіе; равнина, равнина, равнина со всѣхъ сторонъ. Это красиво, я въ восторгѣ отъ степей, какъ отъ чего-то новаго... Это что-то почти безконечное... когда встрѣчаешь лѣса и деревни, уже это не то... Меня восхищаетъ привѣтливость всѣхъ чиновниковъ, даже носильщиковъ, какъ только въѣдешь въ Россію; на границѣ служащіе разговариваютъ съ вами, какъ съ знакомыми. Я провела уже двадцать шесть часовъ въ вагонѣ, остается еще тридцать. Голова идетъ кругомъ отъ этихъ разстояній!

Гавронцы. Воскресенье, 26 мая. Въ деревнѣ поля еще залиты рѣкою, всюду лужи, грязь, совсѣмъ свѣжая зелень, сирень въ цвѣту... Это мѣсто низменное, и я думаю, что будетъ сыро. Нечего сказать, хорошо здѣсь лѣчиться! Все наводитъ отчаянную грусть. Я открываю рояль и импровизирую что-то похоронное. Коко жалобно воетъ. Мнѣ грустно до слезъ, и я дѣлаю планы уѣхать завтра.

Подали супъ, отъ котораго пахло лукомъ; я вышла изъ столовой...

Мама привезла всѣ журналы, гдѣ говорится обо мнѣ; изъ того, что тамъ составляло мое отчаяніе, здѣсь создается мнѣ ореолъ...

Среда, 2 іюня. Погода прекрасная, сирень въ цвѣту, весна очаровательна, но слишкомъ свѣжа для моего здоровья.

Суббота, 4 іюня. Жуліанъ пишетъ, что Тони простудился, выѣхавъ въ открытомъ экипажѣ, и что жизнь его въ опасности. Онъ плачетъ, думая, что умираетъ. Не ужасно ли это, не говоря уже о восьмидесятипятилѣтнемъ отцѣ и о матери, которой бѣдный Тони такъ боялся лишиться?

Понедѣльникъ, 6 іюня (25 мая). Тони спасенъ. Я въ восторгѣ. Розалія залилась слезами, говоря, что если бы онъ умеръ, захворала бы; это нѣсколько преувеличено, но она славная дѣвушка. Въ одно время съ депешей пришло письмо отъ Жуліана съ хорошимъ извѣстіемъ.

Вотъ что говоритъ Зола о Жюль Валессѣ:

«Чувствительность, скрываемая, какъ какая-нибудь странность, часто преднамѣренная грубость и страсть къ жизни, къ человѣческому движенію, — вотъ вся его натура; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ веселъ, постоянно шутитъ, можетъ быть изъ боязни, чтобы не стали подшучивать надъ нимъ, скрывая слезы подъ неумолимой ироніей». Я думаю, что это на меня похоже. Но это имѣетъ преглупый видъ, когда самъ оцѣниваешь себя такимъ образомъ.

Понедѣльникъ, 13 іюня (1). Я начала писать крестьянку въ натуральную величину, въ ростъ, опершуюся на плетень...

Понедѣльникъ, 7 іюня. Нини, ея сестра и Дина проводили меня въ мою комнату, и мы говорили о страшныхъ вещахъ по поводу разбитаго зеркала. А я два или три раза зажигала здѣсь три свѣчки. Неужели же я умру? Бываютъ минуты, когда я холодѣю при этой мысли. Но я вѣрю въ Бога, мнѣ не такъ страшно, хотя... я очень хочу жить. Или я ослѣпну; это было бы то же самое, такъ какъ я лишила бы себя жизни... Но что же ожидаетъ насъ **тамъ?** Не все ли равно? Избѣгаешь во всякомъ случаѣ знакомыхъ страданій. Или можетъ быть я совершенно оглохну? Я пишу это съ озлобленіемъ... Боже мой, но я не могу даже молиться, какъ въ былое время. Если это означаетъ смерть кого-нибудь близкаго... Отца! Но если мама. Я никогда не могла бы утѣшиться, что была рѣзка съ нею.

Мнѣ вредитъ то, что я отдаю себѣ отчетъ въ малѣйшихъ движеніяхъ моей души и невольно думаю, что та или другая мысль вмѣнится мнѣ въ заслугу или въ осужденіе; а съ той

минуты, какъ я сознаю, что это **хорошо**, исчезаетъ всякая заслуга. Если у меня является великодушный, добрый, христіанскій порывъ, я это тотчасъ же замѣчаю; слѣдовательно, помимо своей воли, я чувствую удовлетвореніе при мысли о томъ, что это должно, по моему мнѣнію, вознаградиться... Эти размышленія убиваютъ всякую заслугу... Вотъ сейчасъ мнѣ захотѣлось сойти внизъ, обнять маму, смириться передъ ней; за этою мыслью, естественно, послѣдовала другая, говорившая, что это дѣлаетъ мнѣ честь, и все пропало. Потомъ я чувствовала, что мнѣ было бы не особенно трудно такимъ образомъ, и что я сдѣлала бы это или слишкомъ покровительственно или по-дѣтски: между нами невозможно настоящее, серьезное, сильное изліяніе чувствъ. Меня никогда не видали съ нею и могли бы подумать, что я играю комедію.

Суббота, 9 іюля. Мы всѣ уѣхали на богомолье, оттуда ѣдемъ въ Кременчугъ и по Днѣпру.

Послѣ тысячи колебаній наконецъ рѣшаются ѣхать. Вы не можете себѣ представить, вѣдь это цѣлое событіе! Да и къ чему? А, можетъ быть, было бы лучше не ѣхать? Вѣдь еще неизвѣстно, какъ все устроится. Гдѣ придется ѣсть и спать? Наконецъ рѣшаются взять съ собою Василія, который будетъ стряпать. Около Гавронцевъ есть гора, которой нельзя объѣхать, и слѣдовало бы уже къ ней привыкнуть: такъ нѣтъ же, каждый разъ она представляется какимъ-то новымъ и непреодолимымъ препятствіемъ. Наконецъ, послѣ того, какъ каждый заявилъ въ свою очередь, что остается, или что ему сказалъ тотъ или другой, чтобы онъ оставался, мы отправляемся въ трехъ экипажахъ. Въ гостиницѣ мы застаемъ трехъ дядей.

Кажется, мы очень шумно провели день въ Полтавѣ, и объ этомъ будутъ говорить. Мы обѣдали въ саду; столъ былъ накрытъ на пятнадцать человѣкъ въ правомъ углу террасы, вдали отъ публики, которая подходитъ на самое непочтительное разстояніе, чтобы видѣть, какъ мы ѣдимъ, и слышать оркестръ, играющій для насъ, и приглашенный нами женскій хоръ: русскія и шведки пѣли очень плохо цыганскія пѣсни. Все это кончилось къ восьми часамъ.

Понедѣльникъ, 11 іюля. Сегодня день св. Петра и Павла. Въ Гавронцы пригласили военную музыку, которая играла за обѣдомъ и вечеромъ на балконѣ. При перевозѣ солдатъ и инструментовъ, одинъ изъ ямщиковъ сломалъ себѣ ногу, и ему

тотчасъ же выдали плату за день. Это моя мысль. Съ семьей насъ было четырнадцать человѣкъ. Я была одѣта прелестно; Дина даже была очаровательна. Были танцы. Папа танцовалъ съ мамой, противъ нихъ Поль съ женой. Зала большая и, благодаря музыкѣ, ноги расходились. Дина, какъ сумасшедшая, выдѣлываетъ одна какія-то фантастическія па,—съ большой граціей. И я также, несмотря на свое ужасное горе (мои уши), отъ котораго у меня сѣдѣютъ волосы, — я также немного потанцовала, безъ веселости, но и безъ претензіи.

Среда, 13 іюля. Какъ ни странно это можетъ показаться, здѣсь нѣтъ ни деликатности, ни нравственности, ни скромности въ ихъ настоящемъ смылѣ.

Во Франціи, въ маленькихъ городахъ, боятя духовника, уважаютъ бабушку или старую тетку... Здѣсь — ничего подобнаго.

Женятся часто по любви и очень легко увозятъ невѣстъ, но все это скоро остываетъ.

Мы, кажется, ѣдемъ завтра.

Я остановлюсь въ Кіевѣ, чтобы заказать обѣдню. Меня тревожатъ самыя мрачныя предчувствія, и я такъ боюсь всѣхъ этихъ предзнаменованій! Въ день именинъ Поля я нашла восковую свѣчку на моемъ приборѣ, забытую повидимому человѣкомъ, зажигавшимъ люстры. А всѣ эти разбитыя зеркала? Боюсь, какъ бы не случилось что нибудь гадкое.

Четвергъ, 21 іюля. Мы въ Кіевѣ, въ святомъ городѣ «матери русскихъ городовъ», по выраженію св. Владиміра, который, крестившись, крестилъ народъ, заставивъ его войти въ Днѣпръ. Но безумцы оплакивали своихъ идоловъ, которыхъ бросали въ воду въ то же время, какъ крестили народъ.

Мы идемъ сперва въ лавру, куда богомольцы стекаются ежедневно тысячами, изъ всѣхъ концовъ Россіи. Очень любопытны пещеры; онѣ тѣсны, низки, сыры и, разумѣется, темны. Каждый входитъ туда со свѣчкой; впереди идетъ монахъ, который быстро показываетъ вамъ гробы съ тѣлами святыхъ.

Мама горячо молилась; я увѣрена, что Дина и папа также молились за меня.

Богъ не исцѣлитъ меня вдругъ, въ церкви; нѣтъ, ничего подобнаго я не заслужила, но Онъ сжалится надо мною и вдохновитъ доктора, который поможетъ мнѣ... Я не перестану молиться.

Парижъ. Вторникъ, 26 іюля. Наконецъ, я здѣсь! Здѣсь жизнь. Между прочимъ, я заѣзжала въ мастерскую. Меня приняли съ восклицаніями и поцѣлуями. Такъ какъ я очень дорожу дружбой и содѣйствіемъ Жуліана, то я думала, что онъ встрѣтитъ меня не ласково, и что такимъ образомъ оправдаются дурныя предзнаменованія, разбитое зеркало и т. д. Но нѣтъ, непріятность грозитъ не съ этой стороны. Тони здоровъ.

Я была у Коллиньонъ сегодня. Она при смерти; вотъ измѣнилась-то! Розалія предупредила меня, но я была поражена: это сама смерть.

А въ комнатѣ запахъ очень крѣпкаго бульона, какой даютъ больнымъ. Это ужасно!

Меня все преслѣдуетъ этотъ запахъ. Бѣдная Коллиньонъ! Я отвезла ей бѣлаго мягкаго шелку на платье и косынку, которая мнѣ такъ нравилась, что я колебалась пять мѣсяцевъ и рѣшилась на эту громадную жертву въ надеждѣ, что небо воздастъ мнѣ за это. Эти ресчеты отнимаютъ у меня всякую заслугу. Представляете ли вы себѣ меня слабой, худой, блѣдной, умирающей, мертвой?

Не ужасно-ли, что все это такъ? По крайней мѣрѣ, умирая молодою, внушаешь состраданіе всѣмъ другимъ. Я сама растрогиваюсь, думая о своей смерти. Нѣтъ, это кажется невозможнымъ. Ницца, пятнадцать лѣтъ, три граціи, Римъ, безумства въ Неаполѣ, живопись, честолюбіе, неслыханныя надежды — и все для того, чтобы окончить гробомъ, не получивъ ничего, не испытавъ даже любви!

Я такъ говорила: такіе люди, какъ я, не живутъ, особенно при такихъ обстоятельствахъ, какъ мои. Жить — значило бы имѣть слишкомъ много.

А между тѣмъ встрѣчаются же участи еще болѣе баснословныя, чѣмъ тѣ, о которой я мечтала.

Четвергъ, 9 августа. Я терплю постоянную пытку. Краснѣть передъ своими, чувствовать, что они одолжаютъ меня, стараясь говорить громче! Въ магазинахъ я дрожу каждую минуту; это еще куда ни шло, но всѣ тѣ хитрости, которыя я употребляю съ друзьями, чтобы скрыть свой недостатокъ! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ жестоко, слишкомъ ужасно, слишкомъ нестерпимо? Я не всегда слышу, что говорятъ мнѣ натурщики, и дрожу отъ страха при мысли, что они заговорятъ; а развѣ отъ этого не страдаетъ работа? Когда Розалія

тутъ, то она мнѣ помогаетъ: когда я одна, у меня голова идетъ кругомъ и языкъ отказывается сказать: «говорите погромче, я плохо слышу!» Боже мой, сжалься надо мною! Если я перестану вѣрить въ Бога, лучше сейчасъ же умереть съ отчаянія. На легкое перешло съ горло, отъ горла происходитъ и то, что дѣлается съ ушами. Вылѣчите-ка это!

Боже мой, неужели нужно быть разлученной съ остальнымъ міромъ такимъ ужаснымъ образомъ? И это я, я, я! Есть же люди, для которыхъ это не было бы такимъ страданіемъ, но...

О, какая это ужасная вещь!

Суббота, 13 августа. Вамъ извѣстно, что у меня попорчено правое легкое; ну, такъ я увѣрена, что вамъ доставитъ удовольствіе узнать, что и лѣвое легкое тронуто. Впрочемъ, мнѣ еще не говорилъ объ этомъ никто изъ этихъ идіотовъ докторовъ; я въ первый разъ почувствовала это въ кіевскихъ пещерахъ, но я думала, что это минутная боль отъ сырости; съ тѣхъ поръ эта боль повторяется всякій день, и сегодня вечеромъ она такъ сильна, что мнѣ трудно дышать.

А картина?

Воскресенье, 14 августа. Ночью мнѣ спалось, и сегодня утромъ мнѣ все было больно, и въ спинѣ тоже; всякій разъ, какъ я вздохну — это самъ чортъ! Всякій разъ, какъ кашляну — два чорта.

Теперь я отказываюсь отъ картины, это рѣшено. Но сколько потеряно времени! Больше мѣсяца.

Четвергъ, 18 августа. Сегодня — не читайте, если любите веселыя вещи — я провела день за работой, и во время работы обращала къ себѣ in petto самыя жестокія истины.

Я пересмотрѣла свои картины, по нимъ можно прослѣдить мои успѣхи шагъ за шагомъ. Время отъ времени я говорила себѣ, что Бреслау уже писала прежде, чѣмъ я стала рисовать... Но вы скажете, что въ этой дѣвушкѣ заключенъ для меня весь міръ? Не знаю, но только не мелкое чувство заставляетъ меня опасаться ея соперничества.

Съ первыхъ же дней, что бы ни говорили мужчины и товарищи, я угадала въ ней талантъ; вы видите, что я права. Меня волнуетъ одна мысль объ этой дѣвушкѣ; одинъ ея штрихъ на одномъ изъ моихъ рисунковъ кольнулъ меня въ самое сердце; это потому, что я чувствую силу, передъ которой я исчезаю. Она всегда сравнивала себя со мною. Представь-

те себѣ, что всѣ ничтожества въ мастерской говорили, что она никогда не будетъ писать, что у нея нѣтъ красокъ, а есть только рисунокъ. Это-же самое говорятъ обо мнѣ... Это должно бы было быть утѣшеніемъ, и это, дѣйствительно, единственное утѣшеніе, которое у меня осталось!

Я еще ничего не сказала объ отъѣздѣ О... Она уже давно хочетъ уѣхать, но ее все удерживали. Но у бѣдняжки истощаются силы, ей скучно до смерти. Подумайте только: здороваясь и прощаясь, я всякій вечеръ упрекаю себя въ томъ, что не сказала больше, и всякій день повторяется то же.

У меня были сотни разъ великодушные порывы сблизиться съ нею, но на этомъ дѣло и стало, и я нахожу себѣ извиненіе въ своихъ сожалѣніяхъ.

Наконецъ, бѣдняжка уѣхала. Это просто ангельскій характеръ, и при ея отъѣздѣ у меня сильно сжалось сердце: но ей тамъ будетъ лучше. Меня поражаетъ то, что я больше не могу поправить своей холодности и равнодушія; я относилась къ ней, какъ къ мамѣ, къ тетѣ, къ Динѣ; но моимъ это не такъ тяжело, какъ этой чужой дѣвушкѣ, такой доброй, спокойной! Она уѣхала вчера въ девять часовъ. Я не могла говорить, боясь расплакаться, и приняла небрежный видъ; но, надѣюсь, она все замѣтила.

Суббота, 20 августа. Я отправилась одна къ скульптору Фальгеру; я назвалась американкой, показала ему рисунки и сказала ему о своемъ желаніи работать. Онъ нашелъ, что одинъ рисунокъ очень, очень хорошъ, всѣ другіе тоже хороши. Онъ направилъ меня въ мастерскую, гдѣ самъ даетъ совѣты; впрочемъ, предложилъ свои услуги, т. е. предложилъ привозить ему свои работы или пріѣзжать ко мнѣ. Это очень мило, но для этого у меня есть Сенъ-Мерсо, котораго я обожаю, и я удовольствуюсь мастерскою.

Біаррицъ. Пятница, 16 сентября. Простившись со всѣми, мы уѣхали въ четвергъ утромъ. Мы должны были провести ночь въ Байоннѣ, но предпочли Бордо, гдѣ Сара давала представленіе. Мы взяли два мѣста на балконѣ за пятьдесятъ франковъ, и я видѣла «Даму съ камеліями». Къ несчастью, я была очень утомлена; объ этой женщинѣ такъ много говорили, что я не отдаю себѣ отчета въ моихъ впечатлѣніяхъ. Мнѣ казалось, что она не сдѣлаетъ ничего такъ, какъ другія, и я была нѣсколько изумлена, что она ходитъ, говоритъ, садится. Съ необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдишь за

малѣйшимъ ея движеніемъ. Словомъ, я не знаю, но мнѣ кажется, что она очаровательна.

Но я знаю навѣрно, что Біаррицъ прелестенъ...

Море весь день было восхитительнаго цвѣта. Такіе тонкіе сѣрые тона!

Мадридъ. Воскресенье, 2 октября. Когда выйдешь изъ этого ужаснаго кроваваго мѣста, все кажется сномъ. Бой быковъ! Отвратительная бойня лошадей и быковъ, гдѣ люди, повидимому, не подвергаются никакой опасности и гдѣ они играютъ низкую роль. Единственными интересными моментами для меня было паденіе людей; одинъ изъ нихъ былъ затоптанъ быкомъ — это настоящее чудо, что онъ спасся. За это ему сдѣлали овацію. Публика кидаетъ сигары, шляпы, и ихъ очень ловко бросаютъ обратно; маханіе платками и дикіе крики со всѣхъ сторонъ.

Это жестокая игра, но доставляетъ ли она удовольствіе? Вотъ въ чемъ вопросъ. Нѣтъ, она не увлекательна, не интересна, это ужасно и низко. Въ обезумѣвшее животное, раздраженное многоцвѣтными плащами, всаживаютъ что-то въ родѣ копій; кровь течетъ, и чѣмъ больше животное движется, чѣмъ больше оно прыгаетъ, тѣмъ сильнѣе его ранятъ. Ему подводятъ несчастныхъ лошадей съ завязанными глазами, которымъ онъ распарываетъ животъ. Кишки вываливаются, но лошадь все-таки поднимается и повинуется до послѣдней крайности человѣку, который часто падаетъ вмѣстѣ съ нею, но почти всегда остается невредимымъ.

Король, королева, инфанты присутствуютъ на боѣ быковъ; всѣхъ зрителей болѣе 14.000. Это происходитъ каждое воскресенье. Нужно видѣть главу всѣхъ этихъ мрачныхъ глупцовъ, чтобы повѣрить, что можно пристраститься къ такимъ ужасамъ. Если бы это были еще настоящіе ужасы! Но эти безобидныя клячи и эти быки, которые приходятъ въ ярость только тогда, когда ихъ раздразнятъ, раненые, истязаемые...

Королева, которая родомъ изъ Австріи, вѣрно не находитъ въ этомъ удовольствія. Король имѣетъ видъ англичанина изъ Парижа. Мила только младшая инфанта. Королева Изабелла сказала мнѣ, что я на нее похожа; я этимъ польщена, такъ какъ она въ самомъ дѣлѣ мила.

Мы выѣхали изъ Біаррица въ четвергъ утромъ и вечеромъ пріѣхали въ Бургосъ. Пиринеи поразили меня своею

величественной красотой; слава Богу, мы выбрались изъ картонныхъ утесовъ Біаррица.

Если вы думаете, что путешествіе съ моими матерями можетъ быть пріятнымъ, то вы сильно ошибаетесь. Впрочемъ, это понятно: онѣ не имѣютъ ни моей молодости, ни моей любознательности. Такъ какъ это дѣло прошлое, я не стану говорить о томъ, какъ онѣ меня раздражали, тѣмъ болѣе, что еще тысячу разъ буду имѣть случай говорить объ этомъ.

Со вчерашняго утра мы въ Мадридѣ. Сегодня утромъ мы были въ музеѣ. Въ сравненіи съ нимъ Лувръ очень блѣденъ: Рубенсъ, Филиппъ Шампанскій, даже Ванъ-Дикъ и итальянцы здѣсь лучше. Ничего нельзя сравнить съ Веласкезомъ, но я еще слишкомъ поражена, чтобы высказывать свое сужденіе. А Рибера? Господи Боже! Да, вотъ они настоящіе натуралисты! Можно ли видѣть что-нибудь болѣе правдивое, болѣе божественное и истинно правдивое! Какъ волнуешься и чувствуешь себя несчастнымъ при видѣ такихъ вещей! О, какъ хочется обладать геніемъ!

Краска! Чувствовать краску и не передать ея, это невозможно.

Завтра я пойду въ музей одна. Трудно повѣрить, какъ оскорбительно дѣйствуетъ глупое разсужденіе передъ великими произведеніями. Это рѣжетъ, какъ ножомъ, и если сердиться, это принимаетъ слишкомъ глупый видъ. У меня есть, кромѣ того, извѣстнаго рода застѣнчивость, которую трудно объяснить: я не хотѣла бы, чтобы видѣли, какъ я чѣмъ-нибудь любуюсь, я боюсь быть пойманной на выраженіи искренняго впечатлѣнія; я не умѣю здѣсь объясниться.

Мнѣ кажется, что можно серьезно говорить о чемъ-нибудь, глубоко трогающемъ васъ, только съ тѣмъ, съ кѣмъ вы имѣете полное духовное общеніе. Я могу по-человѣчески говорить съ Жуліаномъ; но съ нимъ у меня является всегда черта преувеличенія, чтобы энтузіазмъ имѣлъ комическую сторону и чтобы можно было найти убѣжище въ ироніи, какъ бы оно ни было легко. Но получить глубокое впечатлѣніе и высказать его просто и серьезно, какъ чувствуешь... Я не представляю себѣ, что могла бы это сдѣлать съ кѣмъ-нибудь, кромѣ человѣка, котораго любила бы всею душой... Если бы я могла это сдѣлать по отношенію къ человѣку, къ которому я равнодушна, это тотчасъ создало бы не-

видимую связь, которая потомъ была бы стѣснительной: точно вмѣстѣ совершили дурное дѣло.

Или ужъ нужно дѣлиться мыслями по-парижски, дѣлая видъ, что на все смотришь съ точки зрѣнія своей спеціальности, чтобы не казаться слишкомъ поэтичной и говорить о художествѣ словами, сдѣлавшимися уже банальными.

Вторникъ, 4 октября. Докончу описаніе вчерашняго дня. Итакъ, изъ Buon Retiro мы идемъ въ кафе слушать пѣніе и смотрѣть на пляску испанскихъ гитанъ.

Это мѣсто совершенно своеобразное. Мужчина бренчитъ на гитарѣ, и дюжина женщинъ хлопаетъ въ тактъ въ ладоши; вдругъ одна изъ нихъ начинаетъ издавать ноты въ хроматическомъ безпорядкѣ; это невозможно передать. Это нѣчто совсѣмъ арабское и уже черезъ часъ надоѣдаетъ.

Четвергъ, 6 октября. Я скопировала руку Веласкеза. Я была одѣта скромно, въ черномъ и въ мантильѣ, какъ всѣ здѣшнія женщины, но на меня многіе приходили смотрѣть, особенно одинъ господинъ. Кажется, въ Мадридѣ они еще хуже, чѣмъ въ Италіи: прогулки подъ окнами, гитары; за вами ходятъ всюду и разговариваютъ, и такъ безъ конца. Въ церквахъ обмѣниваются записками, и у молодыхъ дѣвушекъ по пяти или шести воздыхателей: съ женщинами замѣчательно вѣжливы, но эта вѣжливость не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго, такъ какъ здѣсь не существуетъ полу-свѣта, какъ во Франціи; **такія женщины** презираются; но на улицѣ вамъ скажутъ, что вы красивы, что васъ обожаютъ, просятъ позволенія проводить, какъ даму, и все это вполнѣ прилично. Мужчины бросаютъ вамъ подъ ноги плащи, чтобы вы прошли по нимъ. Что касается до меня, то я нахожу это прелестнымъ; когда я выхожу одѣтая очень просто, но изящно, на меня смотрятъ, останавливаются, и я точно возрождаюсь; это какая-то новая жизнь, романтическая, съ оттѣнкомъ средневѣковаго рыцарства...

Воскресенье, 9 октября. Мама уѣхала въ Россію, и присутствіе посторонннихъ при разставаніи избавило насъ отъ пролитія слезъ. Мнѣ было грустно съ утра, но ей нужно было ѣхать: отецъ вызываетъ ее по дѣламъ.

Вечеръ проходитъ въ разговорѣ объ искусствѣ съ знакомыми, и теперь я одна рисую мрачныя картины: что если мама умретъ и больше не увидитъ насъ!..

И она умерла бы, думая, что я ее не люблю, что мнѣ это все равно, что я утѣшусь и, можетъ быть, даже довольна!

Я готова ко всякимъ несчастіямъ, но не могу себѣ представить, что сдѣлалось бы со мною, если бы это случилось... Я предпочитаю все на свѣтѣ — сдѣлаться слѣпою, быть разбитой параличемъ... Меня можно было бы пожалѣть, но потерять маму при такихъ условіяхъ! Мнѣ казалось бы, что я ее убила.

Понедѣльникъ, 10 октября. Когда я работала въ музеѣ, пришли двое пожилыхъ людей; они спросили я ли m-lle Башкирцева. — Безъ сомнѣнія; тогда они поспѣшили ко мнѣ. Одинъ изъ нихъ — Г. Солдатенковъ — московскій милліонеръ, который много путешествуетъ и обожаетъ искусство и художниковъ. Потомъ мнѣ сказали, что Мадрацо, сынъ директора музея и самъ художникъ, очень любовался моей копіей и хочетъ со мной познакомиться. Старикъ Солдатенковъ спросилъ меня, продаю ли я свои картины, и я имѣла глупость сказать, что нѣтъ.

Что же касается живописи, то я научаюсь многому; я вижу то, чего не видѣла прежде. Глаза мои открываются, я приподнимаюсь на цыпочки и едва дышу, боюсь, что очарованіе разрушится. Это настоящее очарованіе; кажется, что, наконецъ, можешь уловить свои мечтанія, думаешь, что знаешь, что нужно дѣлать, всѣ способности направлены къ одной цѣли, — къ живописи, не къ ремесленной живописи, а къ такой, которая вполнѣ передавала бы настоящее, живое тѣло; если добиться этого и быть истиннымъ артистомъ, можно сдѣлать чудесныя вещи. Потому что все, все — въ исполненіи. Что такое «Кузница Вулкана» или «Пряхи» Веласкеза? Отнимите у этихъ картинъ это чудное исполненіе, и останется просто мужская фигура, ничего больше. Я знаю, что возмущу многихъ: прежде всего, глупцовъ, которые такъ много кричатъ о чувствѣ... Вѣдь чувство въ живописи сводится къ краскамъ, къ поэзіи исполненія, къ очарованію кисти. Трудно отдать себѣ отчетъ, до какой степени это вѣрно! Любите ли вы живопись наивную, жидкую, прилизанную? Это любопытно и интересно, но **любить** этого нельзя. Любите ли вы чудныхъ Дѣвъ на картонахъ Рафаэля? Я могу прослыть за невѣжду, но скажу вамъ, что это меня не трогаетъ... Въ нихъ есть чувство и благородство, передъ которымъ я преклоняюсь, но котораго я не могу любить. «Аѳинская школа» того же Рафа-

эля, конечно, великолѣпна и ни съ чѣмъ несравнима, какъ и другія его произведенія, особенно въ гравюрахъ и фотографіяхъ. Тутъ есть чувство, мысль, дыханіе истиннаго генія. Замѣтьте, что я также врагъ низменныхъ тѣлесъ Рубенса и прекрасныхъ, но глупыхъ тѣлъ Тиціана. Нужно соединеніе духа и тѣла. Нужно, подобно Веласкезу, творить, какъ поэтъ, и думать, какъ умный человѣкъ.

Вторникъ, 11 октября. Мнѣ снилось, что мнѣ объяснили что у меня въ правомъ легкомъ: въ извѣстныя части его воздухъ не проникаетъ... но объ этомъ противно разсказывать, довольно и того, что оно у меня тронуто. О, я это знаю! Съ нѣкотораго времени я чувствую недомоганіе, легкую слабость; но я не та, что прежде, я чувствую себя не такъ, какъ другіе; какой-то разслабляющій паръ окутываетъ меня, говоря въ переносномъ смыслѣ, разумѣется... Кажется, что у меня дѣлается что-то странное въ груди, а у меня... но къ чему эти нелѣпости? Потомъ это будетъ видно само собою.

Пятница, 14 октября. Вчера, въ семь часовъ утра, мы уѣхали въ Толедо. Мнѣ такъ много говорили о немъ, что я вообразила Богъ знаетъ какое чудо; вопреки здравому смыслу, я представляла себѣ что-нибудь изъ эпохи Возрожденія или изъ среднихъ вѣковъ: великолѣпные остатки архитектуры, рѣзныя двери, почернѣвшіе отъ времени балконы прелестной работы и т. д. Я знала, что это будетъ что-то другое, но это ожиданіе испортило мнѣ Толедо; я увидѣла мавританскій городъ съ тонкими стѣнами и съ зазубренными воротами. Толедо стоитъ на самомъ верху, точно цитадель, и если взглянуть сверху на Кампанію и на Таго, то получается нѣчто похожее на нѣкоторые неправдоподобные фоны Леонардо-да-Винчи и Веласкеза: горы почти съ высоты птичьяго полета, голубовато-зеленаго цвѣта, видныя изъ окна, у котораго стоитъ дама или рыцарь, въ фіолетовомъ бархатѣ и съ прекрасными тонкими руками. Что касается до самаго Толедо, то это лабиринтъ кривыхъ узкихъ переулковъ, куда не проникаетъ солнце, гдѣ жители точно остановились только на время — такъ плохи всѣ эти дома. Это мумія, это Помпея, сохранившаяся въ цѣломъ видѣ, но такъ и кажется, что она распадается въ прахъ отъ древности. Соборъ великолѣпенъ, какъ и въ Бургосѣ — украшеній масса. Двери изумительны, и монастырь также, со своимъ дворомъ, полнымъ олеандрами и розовыми кустами, которые проникаютъ въ галлерею и ползутъ

вдоль по столбамъ, на которыхъ стоятъ мрачныя и грустныя статуи. Когда сюда проникаетъ лучъ солнца, это ни съ чѣмъ несравнимая поэзія!

Нельзя вообразить себѣ, что такое испанскія церкви! Проводники въ лохмотьяхъ, служащіе при церкви въ бархатѣ, иностранцы, собаки — все это ходитъ, молится, лаетъ и т. д. и все имѣетъ своеобразную прелесть. Хотѣлось бы тутъ, при входѣ изъ капеллы, встрѣтить внезапно, за колонной, идола своей души.

Просто невѣроятно, чтобы страна, лежащая такъ близко къ центру европейской испорченности, могла остаться такой нетронутой, дѣвственной, дикой!

Я сказала вамъ, что соборъ великолѣпенъ по роскоши, богатству и особенно по легкости; кажется, что эти колонки, рѣзьба и своды не могутъ противостоять времени; боишься, что такія сокровища развалятся; это такъ красиво, что чувствуешь какое-то личное опасеніе; но вотъ уже пять вѣковъ, что стоитъ чудо терпѣнія, непоколебимое и прекрасное. Вотъ мысль, которую выносишь оттуда: лишь бы это сохранилось! Чувствуешь страхъ, что это будетъ испорчено, повреждено; я желала бы, чтобы никто не имѣлъ права тронуть пальцемъ этого созданія; люди, которые ходятъ въ немъ, уже виновны, мнѣ кажется, въ томъ, что способствуютъ чрезвычайно медленному, но неизбѣжному разрушенію этого дивнаго зданія. Я знаю, что пройдетъ еще много вѣковъ, но... При выходѣ оттуда — высокія зубчатыя стѣны съ арабскими окнами, выцвѣтшими на солнцѣ, мечети съ грандіозными столбами, съ арабскими украшеніями. Но поѣзжайте въ Римъ и посмотрите, какъ садится солнце за куполъ, и всѣ эти удивительныя мелочи, всѣ эти рѣзные камни, готическія и арабскія двери, всѣ эти мелкія и хрупкія чудеса съ ихъ надменнымъ характеромъ — все это спадетъ, какъ чешуя, и покажется вамъ дѣтскими украшеніями.

Суббота, 15 октября. Я провела день въ Эскуріалѣ съ тетей, которой было скучно и которая, принявъ равнодушный видъ, старалась обмануть меня. Если бы я не слышала, что говорилъ проводникъ, она не дала бы мнѣ осмотрѣть склеповъ... чтобы не утомлять меня, и потомъ «гробы, это такъ ужасно»! Какъ несносно путешествовать такимъ образомъ! Наконецъ я видѣла, какъ во снѣ, эту огромную глыбу гранита, мрачную, печальную, величественную. Я нахожу это вели-

колѣнным; эта величественная грусть очаровательна. Дворецъ напоминаетъ по формѣ жаровню св. Лаврентія, что придаетъ ему отчасти видъ казармъ, извините за выраженіе; но онъ стоитъ среди выжженной мѣстности, мрачной, волнообразной и производитъ глубокое впечатлѣніе своими гранитными стѣнами, толщиной въ парижскій домъ, своими монастырями, колоннами, галлереями, террасами, дворами. Говорятъ, что это холодно, печально; я согласна съ этимъ, но здѣсь успокаиваются раздражающія впечатлѣнія отъ Толедо. Мы были въ королевскихъ покояхъ, отдѣланныхъ довольно некрасивыми и слишкомъ яркими обоями; впрочемъ, кабинетъ короля — прелесть; тамъ есть двери съ деревянными инкрустаціями и съ украшеніями изъ полированнаго желѣза и чистаго золота; одна гостиная, обитая парчей, тоже прелестна. Какой контрастъ съ комнатой Филиппа II! Этотъ тиранъ жилъ въ голой и бѣдной кельѣ, выходящей въ низкую мраморную часовню, которая, въ свою очередь, сообщается съ церковью. Ему виденъ былъ изъ постели алтарь, и онъ могъ въ постели слушать мессу. Я не могу припомнить всѣ залы, лѣстницы, монастыри, по которымъ насъ водили, — такъ это огромно. А длинныя галлереи съ огромными окнами, съ закрытыми ставнями, съ массивными и мало отдѣланными дверьми!

Неужели я могу предпочитать этому мрачному величію красивыя бездѣлушки! Какая своеобразность, простота — это далеко отъ нагроможденныхъ другъ на друга украшеній въ Толедо.

Потомъ насъ повели черезъ паркъ, гдѣ король охотится, кажется, на кроликовъ, и въ павильонъ, построенный, кажется, въ 1781 г. Это настоящая игрушка: лѣстницы и крыльцо изъ цвѣтного мрамора, много маленькихъ комнатъ, обвѣшанныхъ картинами, даже хорошими картинами, или обитыхъ палевымъ атласомъ съ прелестно вышитыми голубыми и розовыми цвѣтами; красиво выцвѣтшій зеленый цвѣтъ тонко выступаетъ изъ бѣлаго, который принялъ ни съ чѣмъ несравнимый оттѣнокъ слоновой кости.

Можно потерять голову отъ этихъ маленькихъ атласныхъ гостиныхъ, бѣлыхъ или блѣдно-голубыхъ съ свѣтло-желтымъ, съ прелестно разрисованными или инкрустованными потолками.

Воскресенье, 16 октября. Одна изъ самыхъ любопытныхъ вещей здѣсь это Rastro — улица, занимаемая всевоз-

можными шалашами, какъ ярмарки въ русскихъ деревняхъ, гдѣ можно найти все. И эта жизнь, одушевленіе, движеніе подъ этимъ жгучимъ солнцемъ! Это великолѣпно. Роскошныя вещи помѣщаются въ грязныхъ домахъ. Заднія лавки и лѣстницы совершенно легендарны; тамъ масса матерій, ковровъ и вышивокъ, отъ которыхъ голова идетъ кругомъ.

А эти бѣдняки кажутся совершенно беззаботными: они прокалываютъ гвоздями чудныя матеріи и вѣшаютъ ихъ на стѣны, чтобы повѣсить старыя рамки; они наступаютъ на парчу, брошенную на землю, на старую мебель, рамки, статуи, серебро, на старые заржавѣвшіе гвозди.

За нами зашелъ Эскобаръ, чтобы вмѣстѣ идти на бой быковъ. Я хотѣла посмотрѣть еще разъ, чтобы судить по второму впечатлѣнію. Было объявлено, что будетъ восемь быковъ, и это, кажется, послѣднее воскресенье. Король, королева, инфанты были налицо. Музыка, солнце, дикіе крики, топотъ, свистки, маханіе платками, бросаніе шляпъ! Это единственное въ своемъ родѣ зрѣлище, увлекательное по своему величію, несравнимое ни съ чѣмъ. Я начинаю входить во вкусъ и заинтересовываться представленіемъ. Я пошла на него неохотно, съ легкимъ отвращеніемъ; но я сохранила спокойствіе передъ этой бойней съ утонченными жестокостями. Все это прекрасно, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ничего не видѣть... А кончаешь тѣмъ, что заинтересовываешься и сохраняешь храбрый видъ при всѣхъ этихъ низостяхъ уже изъ гордости. Я смотрѣла все время. Выходишь оттуда нѣсколько опьяненная кровью; еще немного, и стала бы всѣхъ людей ударять желѣзнымъ остріемъ въ затылокъ.

За обѣдомъ я разрѣзала дыню съ такимъ чувствомъ, какъ будто вонзала копье; мнѣ казалось, что мясо еще трепещетъ, только что вырѣзанное изъ быка. Отъ этого морозъ пробѣгаетъ по кожѣ и голова точно въ тискахъ; вотъ настоящая школа убійцъ.

Эту дуэль человѣка съ огромнымъ животнымъ находятъ великолѣпной; но дѣйствительно ли это дуэль, когда извѣстно заранѣе, кто изъ нихъ долженъ пасть? Когда входитъ матадоръ въ своемъ блестящемъ костюмѣ, обрисовывающемъ его формы, и три раза своеобразно привѣтствуетъ публику (онъ три раза вытягиваетъ впередъ свою руку), — спокойный, холодный, и становится передъ животнымъ съ плащемъ и шпагой... это чуть ли не лучшая часть представленія, такъ какъ

тутъ почти не проливается крови. Да, — это поистинѣ изумительно. Такъ я, значитъ, примирилась съ этимъ дикимъ удовольствіемъ! Я этого не говорю, но нахожу въ немъ прекрасную, почти величественную сторону: этотъ циркъ, эти четырнадцать или пятнадцать тысячъ зрителей — это точно видѣніе изъ древности, которую я такъ люблю. Но эта кровавая, ужасная, низкая сторона... Если бы люди были менѣе ловки, если бы они чаще получали чувствительныя раны, я не возставала бы, но меня возмущаетъ здѣсь человѣческая подлость. Впрочемъ, говорятъ, что нужно обладать львиной храбростью... Но нѣтъ, они слишкомъ ловки, слишкомъ увѣренны, чтобы не избѣгнуть страшныхъ, но наивныхъ, ожидаемыхъ и вызванныхъ нападеній животнаго... Настоящая опасность грозитъ человѣку, когда онъ бѣжитъ навстрѣчу быку, готовому поднять его на рога, и предупреждаетъ его, всаживая ему копье между плечами; тутъ нужна исключительная храбрость и ловкость.

Четвергъ, 20 октября. Сегодня утромъ я провела два часа въ Кордовѣ и имѣла только время взглянуть на городъ, который прелестенъ... въ своемъ родѣ. Я обожаю такіе города; меня приводятъ въ восторгъ остатки римскаго времени и мечеть; это настоящее чудо.

Я съ удовольствіемъ осталась бы въ Кордовѣ на мѣсяцъ. Но для этого нужно было бы путешествовать не съ тетей, которая въ десять минутъ успѣваетъ вывести васъ изъ себя десять разъ. То «нечего смотрѣть, и проводникъ нарочно водитъ насъ, чтобы заработать больше денегъ и заставить насъ пропустить поѣздъ», то нужно брать коляску, чтобы ѣхать въ мечеть — и это въ Кордовѣ, въ восемь часовъ утра! Подумайте сами, можно простудиться, и потомъ, развѣ я, умирающая, могу ходить пѣшкомъ? Вотъ пріятное, прелестное общество для артистической поѣздки по Испаніи?

Суббота, 22 октября. Наконецъ мы въ прославленной Севильѣ. Въ общемъ, я теряю здѣсь много времени. Я была бы въ музеѣ: цѣлая зала Мурильевскихъ картинъ. Я предпочла бы что-нибудь другое, особенно здѣсь, а тутъ только Дѣвы и другіе святые. Я невѣжда, дерзка и груба, но я еще не видѣла Богоматери, какою она должна была быть.

А фабрика сигаръ и папиросъ! И что тамъ за запахъ! И если бы это былъ еще одинъ табакъ! Это сборище женщинъ съ голыми руками и шеями, дѣвочекъ и дѣтей. Большею

частью, эти копошащіяся существа красивы, и вообще видѣть это любопытно. Испанки обладаютъ граціей, какой нѣтъ у другихъ женщинъ. Пѣвицы кафе, свертывающія сигары, ходятъ, какъ королевы. Какія у нихъ шеи! Руки круглыя, очень чистой формы и прекраснаго оттѣнка. Это побѣдительницы сердецъ и существа поистинѣ изумительныя.

Особенно одна, которая вставала, чтобы идти за листьями табаку: осанка королевы, мягкость кошки, божественная грація... при томъ прекрасная голова, ослѣпительное тѣло, руки, глаза, улыбка! Я не считаю ужъ тѣхъ, которыя только пикантны. Дѣвочки забавны и прелестны; попадаются некрасивыя, но мало. И даже въ некрасивыхъ есть что-то особенное.

Вторникъ, 25 октября. Я видѣла соборъ; онъ очень великъ, и по моему, одинъ изъ самыхъ красивыхъ въ мірѣ; видѣла Альказаръ, съ его чудными садами, баню султаншъ, а потомъ мы сдѣлали прогулку по улицамъ. Я не преувеличиваю, говоря, что мы были единственныя женщины въ шляпахъ. На иностранцевъ здѣсь смотрятъ, какъ на какихъ-то ученыхъ обезьянъ; передъ ними останавливаются, ихъ осмѣиваютъ или говорятъ имъ любезности.

Дѣти меня освистываютъ, но взрослые говорятъ мнѣ, что я красивая и **соленая**; вы знаете, что здѣсь считается шикомъ быть *salada*.

Севилья вся бѣлая; улицы узки, часто коляска не можетъ по нимъ проѣхать, но все не такъ живописно, какъ хотѣлось бы. О, Толедо! Я вижу теперь свое варварство!..

Толедо — чудо. Севилья, съ ея низкими домами, выбѣленными известью, имѣетъ нѣсколько мѣщанскій характеръ. Есть и низкіе кварталы... но во всѣхъ странахъ міра худшіе кварталы интересны. Но тутъ такая гармонія и богатство тоновъ, что хотѣлось бы все это написать.

Я очень досадую, что не говорю по-испански; это очень стѣсняетъ, особенно, когда работаешь, дѣлаешь этюды.

Эти полудикія женщины и дѣти изумительнаго цвѣта, такъ же, какъ и ихъ лохмотья. Это прелестно, несмотря на грубость бѣлыхъ домовъ. Но вождь не прекращается, и потомъ я съ семьей.

Я понимаю, что жить съ семьей — счастье, и я была бы несчастна одна. Можно дѣлать покупки съ семьею, ѣздить кататься съ семьею, иногда въ театръ; можно въ семьѣ хворать, лѣчиться и дѣлать всѣ нужныя и интимныя вещи; но путеше-

ствовать съ семьею!! Это такъ же пріятно, какъ вальсировать съ своей теткой. Это смертельно скучно и даже нѣсколько смѣшно.

Четвергъ, 27 октября. О блаженство, я уѣхала изъ ужасной Севильи.

Я говорю тѣмъ болѣе «ужасной», что тепрь я въ Гренадѣ, со вчерашняго вечера, что мы бѣгаемъ съ самаго утра, что я видѣла неизбѣжный соборъ и часть цыганскихъ пещеръ. Я въ восторгѣ. Въ Біаррицѣ и въ Севильѣ у меня словно руки опустились, все, казалось, кончено. Въ три часа, проведенные въ Кордовѣ, городъ произвелъ на меня впечатлѣніе артистическаго города, т. е. я тамъ могла бы работать съ полнымъ воодушевленіемъ. Въ Гренадѣ—одно несчастье: тамъ нельзя оставаться шесть мѣсяцевъ, годъ. Не знаешь, куда броситься, столько сюжетовъ на каждомъ шагу. Улицы, силуэты, виды.

Становишься пейзажистомъ; но вдругъ появляются эти странные и интересные типы, съ ихъ яркими и гармонически-теплыми красками.

Что я видѣла здѣсь любопытнаго, это острогъ Гренады, —тюрьму, гдѣ работаютъ каторжники. Не знаю, какимъ образомъ явилась у меня эта фантазія — конечно, я не сожалѣю о ней, хотя оттуда выходишь съ шумомъ въ ушахъ, какъ послѣ боя быковъ. Комендантъ тюрьмы тотчасъ же согласился исполнить желаніе благородныхъ иностранокъ, и намъ показали все. Передъ нами шелъ сторожъ, сбоку шло по шести капраловъ, выбранныхъ изъ числа самыхъ храбрыхъ преступниковъ, вооруженныхъ палками. Я не сумѣю описать впечатлѣнія, произведеннаго этимъ стадомъ людей, обнажающихъ головы съ быстротою, обличающею страхъ передъ галунами и палками сторожей. Ихъ тутъ бьютъ, судя по словамъ проводника.

Безоружные, запертые, принуждаемые къ работѣ, какъ дѣти, эти люди внушаютъ мнѣ одно состраданіе, вмѣсто того, чтобы возбуждать во мнѣ мысль о преступленіяхъ и злодѣяніяхъ, которыя ихъ тутъ собрали. Скажу болѣе, чувствуешь умиленіе, особенное умиленіе передъ этой толпой несчастныхъ, которые кланяются такъ униженно, работаютъ повидимому съ такимъ усердіемъ и показываютъ намъ тетрадки, по которымъ учатся читать — и все это съ такимъ дѣтскимъ боязливымъ видомъ.

Да, ихъ бьютъ, это видно; они похожи на тѣхъ бѣдныхъ

уличныхъ собакъ, которыя ложатся, отдавшись судьбѣ, и получаютъ удары.

Но какія головы! Мнѣ бы очень хотѣлось написать тамъ картину... Я получила на это разрѣшеніе, и если я найду уголокъ для трехъ или четырехъ фигуръ... Къ несчастію это увлекаетъ меня написать слишкомъ большую картину...

Я совѣтую посѣтить это мрачное мѣсто прежде, чѣмъ видѣть Генералифъ, сады котораго — предвкушеніе рая. Какъ описать вамъ это смѣшеніе олеандровъ, апельсинныхъ деревьевъ, самыхъ роскошныхъ и красивыхъ растеній, кипарисовыя аллеи, эти арабскія стѣны, пестрыя и увѣшанныя розами?.. Между клумбами фіалокъ протекаютъ ручьи.

Назавтра — Альгамбра и голова каторжника, которую я буду писать.

Пятница, 28 октября. Итакъ, я провела день въ гренадскихъ тюрьмахъ.

Мой бѣдняга-каторжникъ отлично позировалъ весь день; но такъ какъ я сдѣлала голову въ натуральную величину и набросала руки въ одинъ день (великій геній!), я не передала такъ хорошо, какъ обыкновенно, удивительно плутоватый характеръ этого человѣка. Я не могу сваливать это на недостатокъ времени; это произошло отъ освѣщенія, которое мѣнялось нѣсколько разъ, и отъ того, что у меня за спиной все время стояла дюжина этихъ каторжниковъ; они смѣнялись, но стояли тутъ, а это раздражаетъ, когда чувствуешь за собой взгляды. Помощникъ начальника, въ кабинетѣ котораго я работала, поставилъ за моей спиной стулья, точно для представленія, для своихъ друзей, которые смѣнялись цѣлый день.

Суббота, 29 октября. Наконецъ я видѣла Альгамбру; я нарочно не останавливалась передъ самымъ красивымъ, чтобы не привязаться къ Гренадѣ, и кромѣ того нашъ проводникъ мѣшалъ своимъ присутствіемъ моему увлеченію художника. Я непремѣнно увижу все это еще разъ.

Гренада съ башни поразительна по красотѣ. Горы, покрытыя снѣгомъ, исполинскія дервья, чудесные цвѣты и растенія, ясное небо и сама Гренада со своими бѣлыми домами, лежащая на солнцѣ, среди всѣхъ этихъ красотъ природы, арабскія стѣны, башни Генералида и Альгамбры!.. И вдали безпредѣльный горизонтъ, точно море; недостаетъ, правда, только моря, чтобы это была самая красивая мѣстность въ мірѣ. Самъ же дворецъ — фантастической красоты.

Арабскій костюмъ, безъ сомнѣнія, самый красивый на свѣтѣ. Нельзя ни съ чѣмъ сравнить надменное изящество этихъ чудныхъ складокъ. Я увлечена покойнымъ Боабдилемъ и его маврами и представляю его себѣ прогуливающимся въ этомъ единственномъ своемъ родѣ дворцѣ.

Воскресенье, 30 октября. Я провела цѣлый день у гитанъ, чтобы ничѣмъ не заниматься. Было очень холодно, у меня лицо потрескалось отъ холода, холстъ покрылся пескомъ и пылью; словомъ, ничего не сдѣлано. Но какіе драгоцѣнные пріиски для художника! Пробыть тамъ цѣлый день, наблюдать эти позы, эти группы, эти эффекты свѣта и тѣни! Гитаны очень привѣтливы съ иностранцами, потому что испанцы ихъ презираютъ. Слѣдовало бы пріѣхать на два или три мѣсяца и дѣлать этюды каждый день, и все еще осталось бы дѣла. Я въ восторгѣ отъ этихъ типовъ цыганъ. Ихъ позы, движенія исполнены странной и естественной граціи. Тутъ можно бы написать удивительныя картины. Глаза разбѣгаются во всѣ стороны, вездѣ картины. Это ужасно, что мы пріѣхали такъ поздно; но, несмотря на самое доброе желаніе, работать невозможно: вѣтеръ съ горы, покрытой снѣгомъ, пронизываетъ насквозь, это невыносимо. Но какъ это красиво, какъ это красиво, какъ это красиво!

Среда, 2 ноября. Мы опять въ Мадридѣ, и я задаю себѣ праздникъ, работая уже три дня надъ эскизомъ Лоренцо.

Слыша, что я говорю только объ этомъ и видя мое нетерпѣніе возвратиться въ Мадридъ, совершено естественно,— неправда-ли, — что тетя входитъ ко мнѣ совсѣмъ одѣтая и говоритъ:—«Мы вѣдь посвятимъ цѣлый день покупкамъ?»— И когда я отвѣтила, что буду писать, она изумляется и говоритъ, что я сошла съ ума.

Вамъ приходитъ въ голову мысль, вамъ кажется, что вы нашли сюжетъ; вы укладываете ваши вещи, мечта начинаетъ воплощаться, вы дѣлаете эскизъ, вы отдались всецѣло работѣ, вы мучительно ищете какъ бы расположить все въ гармоніи и въ ту минуту, когда вы предчувствуете еще неясную идею, которая можетъ улетучиться прежде, чѣмъ вы ее усвоили!.. является милѣйшая семья, которая меня такъ любитъ и такъ безпокоится, когда я кашляю. Я не слишкомъ чувствительна, я считаю себя очень практичной въ сравненіи съ другими художниками... Но этого недостаточно, какъ ви-

мо... О, неразумная и беззаботная семья, она не понимаетъ,) менѣе сильная, менѣе энергичная, менѣе плодовитая, уже ерла бы на моемъ мѣстѣ!

Суббота, 5 ноября. Я въ Парижѣ! Восторгъ мой не имѣ-ъ предѣловъ. Я считала часы, скучая въ вагонѣ. Свѣжій здухъ и жгучее солнце. Испанія заставляетъ меня находить елестнымъ сѣроватую тишину прекраснаго города.

Жуліанъ думалъ, что я пріѣду гораздо позднѣе, больная, можетъ быть и совсѣмъ не пріѣду.

О, какая пріятная вещь симпатія, но животныхъ — еще чше.

Воскресенье, 6 ноября. Процессъ конченъ, выигранъ. ѣдствіе показало, что не было и причины для процесса. о кажется невозможнымъ, такъ долго это длится, а между мъ, это такъ. Мы только что получили депешу отъ мамы. о былъ счастливый день.

Четвергъ, 17 ноября. Вчера я еле могла двигаться: у ме- болѣла грудь, горло, спина, я кашляла, не могла глотать и сять разъ въ день переходила отъ озноба къ жару.

Понедѣльникъ, 21 ноября. Въ среду послали за Поте-мъ, онъ пришелъ сегодня, я могла бы двадцать разъ уме-тъ за это время.

Я знала, что онъ опять пошлетъ меня на югъ; я заранѣе ке стиснула зубы при этой мысли, руки у меня дрожали, и я большимъ трудомъ удерживала слезы.

Ѣхать на югъ — это значитъ сдаться. Преслѣдованія ей семьи заставляютъ меня почитать за честь оставаться на гахъ, несмотря ни на что. Уѣхать — это значитъ доставить ржество всей мелюзгѣ мастерской.

«Она очень больна; ее увезли на югъ!»

Мама и Дина пріѣхали вчера, вызванныя безумными де-шами тети.

Я простудилась, но вѣдь это можетъ случиться со якимъ.

Но нѣтъ, все кончено, мои уши въ печальномъ состояніи и этомъ насморкѣ и лихорадкѣ; на что могу я надѣяться? го я могу имѣть? Ждать больше нечего. Точно какая-то за-вса разорвалась пять или шесть дней тому назадъ: все кон-но, все кончено, все кончено!

Среда, 30 ноября. Вчера вечеромъ былъ Жуліанъ. Онъ маетъ, что я очень больна, я это замѣтила по его напускной

веселости. Сама же я въ глубокомъ огорченіи. Я ничего не дѣлаю. А моя картина! Но особенно тяжело ничего не дѣлать! Понимаете ли вы мое отчаяніе? Быть праздной, пока другіе работаютъ, дѣлаютъ успѣхи, готовятъ свои картины!

Я думала, что Богъ оставилъ мнѣ живопись, и я заключилась въ ней, какъ въ священномъ убѣжище. И теперь она отнята у меня, и я только могу портить себѣ глаза слезами.

Я должна остаться дома еще **нѣсколько недѣль.** Это можетъ заставить утопиться!

О! какъ это жестоко со стороны судьбы! У меня были непріятности, семейныя горести, но это не проникало до глубины моего существа, и у меня были огромныя надежды... Я теряю голосъ — это первое, что затронуло меня лично, — наконецъ, я къ этому привыкаю, я этому покоряюсь, я съ этимъ примиряюсь.

А! если ты привиришься со всѣмъ этимъ, такъ у тебя отнимется возможность работать!

Ни ученья, ни картины, ничего, — и цѣлая потерянная зима! А вся моя жизнь заключалась въ трудѣ! Только тѣ, кто былъ на моемъ мѣстѣ, могутъ понять меня.

Среда, 7 декабря. Что приводитъ меня въ неистовство— это моя болѣзнь. Вчера ужасный помощникъ Потена, который приходитъ каждый день — великаго человѣка можно безпокоить только два раза въ недѣлю — этотъ помощникъ спросилъ меня небрежнымъ тономъ, не приготовляюсь ли я къ путешествію?

Ихъ югъ! О, одна только мысль объ этомъ заставляетъ меня содрогаться; я не могла ѣсть благодаря ей, и если бы не пришелъ Жуліанъ, я проплакала бы весь вечеръ съ досады.

Такъ нѣтъ же, я не поѣду на югъ!

Четвергъ, 15 декабря. Вотъ уже четыре недѣли и два дня, что я больна. Я дѣлаю сцену со слезами помощнику Потена, который не знаетъ, какъ меня успокоить. Оставивъ въ сторонѣ обычныя отговорки и вздоръ, коотрый я говорю ему, я начала оплакивать настоящими слезами мои выпавшіе волосы и говорила о дѣтскихъ горестяхъ языкомъ маленькой дѣвочки. И все это было выдумано: когда мнѣ приходится играть какую-нибудь роль, я блѣднѣю и плачу. Мнѣ кажется, я могла бы быть замѣчательной актрисой.

Мой папаша прибылъ сегодня утромъ. Все обстоитъ благополучно.

Я не говорю, что папа скученъ, напротивъ: онъ похожъ на меня и духомъ, и тѣломъ (это похвала); но этотъ человѣкъ никогда не пойметъ меня.

Подумайте, онъ собирается увезти насъ въ деревню на Пасху!

Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Неделикатность слишкомъ велика! При моемъ здоровьѣ везти меня въ Россію въ февралѣ или мартѣ!!! Я предоставляю вамъ оцѣнить это. Я еще не говорю обо всемъ остальномъ!!! Нѣтъ! Я, которая отказываюсь ѣхать на югъ! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не будемъ больше говорить объ этомъ.

Воскресенье, 18 декабря. Я наединѣ изливалась въ жалобахъ Жуліану, и онъ старается утѣшить меня, совѣтуя дѣлать ежедневно эскизы всего того, что меня поражаетъ. Что же меня поражаетъ? Что могу я найти въ той средѣ, въ которой живу? Бреслау бѣдна, но живетъ въ артистическомъ кругу. Лучшая подруга Маріи — музыкантша; Шепи — оригинальна, хотя и ординарна, и остается одна Сара П., художница и философъ, съ которой говоришь о кантизмѣ, о жизни, о человѣческомъ я и о смерти, и эти разговоры заставляютъ размышлять и запечатлѣваютъ въ умѣ все, что читалъ и слышалъ. Да и самый кварталъ, гдѣ она живетъ, способствуетъ этому: Les Ternes. Кварталъ, гдѣ живу я, такъ чистъ, однообразенъ, что не видишь ни бѣдности, ни неподстриженнаго деревца, ни кривой улицы. Итакъ, я жалуюсь на богатство?.. Нѣтъ, но я утверждаю, что благосостояніе мѣшаетъ артистическому развитію и что среда, въ которой живешь, составляетъ половину человѣка.

Среда, 21 декабря Сегодня я выѣхала на воздухъ! Въ мѣхахъ, съ поднятыми окнами, съ медвѣжьимъ мѣхомъ на ногахъ. Потенъ сказалъ сегодня, что я могла бы выходить, если бы было меньше вѣтру и если я приму предосторожности. Погода была восхитительна, и все-таки — предосторожности!

Но вопросъ не въ томъ, а въ Бреслау. Моей картины въ салонѣ не будетъ. Что я могу противопоставить ея картинѣ этого лѣта?

Эта дѣвушка — сила; я согласна, что она не одна; но мы вышли изъ одной клѣтки, если не изъ одного гнѣзда, я ее угадала и предчувствовала и говорила о ней съ первыхъ же дней, хотя была тогда невѣжественна, даже очень невѣжественна. Я себя презираю, я себя отрицаю, я не понимаю, какъ

Жуліанъ и Тони могутъ говорить то, что они говорятъ. Я ничто. По сравненію съ Бреслау я кажусь себѣ маленькой непрочной картонной коробочкой рядомъ съ дубовой шкатулкой, массивной и покрытой рѣзьбою. Я отчаиваюсь въ самой себѣ и такъ убѣждена, что права, что навѣрно убѣдила бы и учителей, если бы стала говорить съ ними объ этомъ.

Но я все-таки хочу идти, съ закрытыми глазами и протянутыми впередъ руками, какъ человѣкъ, котораго готовится поглотить бездна.

Четвергъ, 29 декабря. Я снова оперяюсь: руки, худыя еще десять дней назадъ, полнѣютъ, и это доказываетъ, что мнѣ лучше, чѣмъ передъ болѣзнью.

Я пишу портретъ жены Поля; вчера я чувствовала такое возстановленіе силъ, что хотѣла сразу написать Дину, Нини и Ирму. Ирма не совсѣмъ обыкновенная модель: это, какъ говорятъ, уже исчезнувшій типъ гризетки, она забавна и сентиментальна и все это при наивномъ цинизмѣ. «Когда вы сдѣлаетесь кокоткой...» — сказала я ей какъ-то. «О! — отвѣчала она — это мнѣ не удается»! Она позируетъ умно; съ ней можно сдѣлать все, что угодно, при ея удивительной блѣдности, такъ какъ она настолько же кроткая дѣвушка, насколько полна разврата.

Она просила позволенія остаться, хотя и не была нужна, и весь день вязала у камина.

Пятница, 31 декабря. Весь день всѣ то и дѣло ссорятся...

Я ѣду, чтобы опомниться, къ Тони и показываю ему эскизъ портрета жены Поля. Онъ находитъ его очень оригинальнымъ, очень оригинальнымъ и хорошо начатымъ. Милый Тони былъ очень радъ видѣть меня здоровой.

1882.

Понедѣльникъ, 2 января. Я начинаю чувствовать настоящую страсть къ моей живописи; не считаю еще себя въ правѣ сказать «мое искусство»; чтобы говорить объ искусствѣ (о своихъ стремленіяхъ въ этой области), нужно что-нибудь изъ себя представить.

Среда, 4 января. Жуліанъ цѣлый вечеръ забавлялся насмѣшками надъ нашимъ увлеченіемъ Тони и его маленькимъ пристрастіемъ къ намъ. Въ полночь мы пьемъ шоколадъ. Д.

была очень граціозна... впрочемъ я понимаю, что можно прибeрегать свои прелести для знатоковъ.

Я всегда одѣваюсь съ особеннымъ тщаніемъ для художниковъ и при томъ — совсѣмъ особенно длинныя платья, безъ корсета, драпировки; въ свѣтѣ мою талію нашли бы недостаточно тонкою, а мои платья недостаточно модными; но всѣ мои наиболѣе красивыя измышленія, слишкомъ экстравагантныя для свѣта, пригодятся мнѣ для министерства изящныхъ искусствъ... Я все мечтаю составить себѣ салонъ знаменитыхъ людей....

Пятница, 6 января. Искусство возвышаетъ душу даже самыхъ скромныхъ изъ своихъ служителей, такъ что всякій изъ нихъ имѣетъ въ себѣ нѣчто особенное сравнительно съ людьми, не принадлежащими къ этому возвышенному братству.

Воскресенье, 15 января. Я всецѣло предалась искусству; мнѣ кажется, что я вмѣстѣ съ плевритомъ пріобрѣла гдѣ-нибудь въ Испаніи и священный огонь. Я начинаю обращаться изъ ремесленника въ художника; въ головѣ моей создаются чудные образы, которые сводятъ меня съ ума... Вечеромъ я сочиняю; теперь передо мной носится образъ Офеліи... Потенъ обѣщалъ мнѣ показать сумасшедшихъ; кромѣ того, меня сильно занимаетъ старый арабъ, который сидитъ и поетъ съ чѣмъ-то въ родѣ гитары, а для будущаго салона я обдумываю большую картину — сцену изъ Карнавала... но для этого нужно ѣхать въ Ниццу. Да, взять Неаполь для моего Карнавала будетъ хорошо: чтобы написать эту картину на открытомъ воздухѣ въ Ниццѣ, у меня есть вилла и... Я говорю все это, а мнѣ хочется остаться здѣсь.

Суббота, 21 января. M-me С. заѣхала за нами, чтобы вмѣстѣ отправиться къ Бастьенъ-Лепажу. Мы встрѣтили тамъ двухъ или трехъ американокъ и увидѣли маленькаго Бастьенъ-Лепажа, который очень малъ ростомъ, бѣлокуръ, причесанъ по-бретонски. У него вздернутый носъ и юношеская борода. Видъ его обманулъ мои ожиданія. Я страшно высоко ставлю его живопись, а между тѣмъ на него нельзя смотрѣть, какъ на учителя. Съ нимъ хочется обращаться, какъ съ товарищемъ, но картины его стоятъ тутъ же и наполняютъ зрителя изумленіемъ, страхомъ и завистью. Ихъ четыре или пять; всѣ онѣ въ натуральную величину написаны на открытомъ воздухѣ. Это чудныя вещи. На одной изъ нихъ изображе-

на восьми или десятилѣтняя дѣвочка, пасущая коровъ въ полѣ; обнаженное дерево и корова вдали полны поэзіи, глаза малютки выражаютъ дѣтскую, наивную задумчивость. — Повидимому, онъ очень доволенъ собою, этотъ Бастьенъ!

Пятница, 27 января. Гамбетта уже не министръ, но по моему, это ничего. Но обратите вниманіе во всемъ этомъ на низость и недобросовѣстность людей! Тѣ, которые преслѣдуютъ Гамбетту, сами не вѣрятъ этимъ глупымъ обвиненіямъ въ стремленіи къ диктатурѣ. Я всегда буду возмущаться низостями, которыя совершаются ежедневно.

Понедѣльникъ, 30 января. Въ субботу я хорошо провела день. У насъ былъ Бастьенъ, котораго я встрѣтила наканунѣ на балу въ пользу бретонскихъ спасательныхъ лодокъ; онъ пробылъ болѣе часу; я показала ему свои работы, и онъ давалъ мнѣ совѣты съ лестною для меня серьезностью. Впрочемъ, онъ сказалъ мнѣ, что у меня замѣчательное дарованіе. Это не было сказано тономъ, допускающимъ подозрѣніе въ снисходительности; и я почувствовала такую сильную радость, что готова была обнять маленькаго человѣчка и расцѣловать его.

Все равно, я рада, что слышала это. Онъ совѣтовалъ и говорилъ мнѣ то же самое, что говорятъ Тони и Жуліанъ. Впрочемъ, развѣ онъ не ученикъ Кабанеля? У всякаго свой темпераментъ, но что касается такъ называемой грамматики искусства, то ей слѣдуетъ учиться у классиковъ. Ни Бастьенъ, и никто другой не могутъ научить своимъ отличительнымъ свойствамъ; выучиваются только тому, чему можно научиться; все остальное зависитъ отъ самого себя.

Понедѣльникъ, 13 февраля. Если бы я могла продолжать работать какъ эти дни, я была бы счастлива! Дѣло не въ томъ, чтобы работать какъ машина; но быть занятымъ все время и думать о томъ, что дѣлаешь, это счастье. Противъ этого не устоитъ никакое другое занятіе. И я, которая такъ часто жалуется, я благодарю Бога за эти три дня и въ то же время дрожу, что это не будетъ такъ продолжаться.

Тогда все получаетъ другой видъ, мелочи жизни уже не тревожатъ, поднимаешься выше этого и все существо проникается какимъ-то свѣтомъ: божественнымъ снисхожденіемъ къ толпѣ, которая не понимаетъ тайныхъ, перемѣнчивыхъ разнообразныхъ причинъ вашего блаженства, которое болѣе непрочно, чѣмъ самый недолговѣчный цвѣтокъ.

Вторникъ, 14 февраля. Какія восхитительныя наблюденія можемъ дѣлать мы, читавшіе Бальзака и читающіе Зола!

Среда, 14 февраля. Глаза открываются мало-по-малу, прежде я видѣла только рисунокъ и сюжеты для картинъ, теперь... о! теперь! если бы я писала такъ, какъ я вижу; у меня былъ бы талантъ. Я вижу пейзажъ, я вижу и люблю пейзажъ, воду, воздухъ, краски, краски!

Понедѣльникъ, 27 февраля. Послѣ тысячи мученій я прорвала полотно. Мальчишки плохо позировали; объясняя мои неудачи моею неспособностью, я все начинала сызнова, и наконецъ... это отлично. Эти ужасные мальчишки двигались, смѣялись, кричали, дрались... Я просто дѣлаю этюдъ, чтобы не мучиться больше съ картиной; все, что я предпринимала, выходило или банально, или неуклюже, или претенціозно, хотя сначала очень нравилось мнѣ... Впрочемъ, лучше дѣлать простые этюды; я переживаю такой критическій моментъ, и такъ много времени потеряно.

Суббота, 20 мая. Процессъ былъ большимъ несчастьемъ, но это кончено. Значитъ, нападаютъ на другое, на меня... И когда я спокойно сижу одна въ моей комнатѣ, среди моихъ книгъ, послѣ восьми или десятичасовой работы, я думаю о томъ, что могутъ разсказывать обо мнѣ; что меня нравственно вырываютъ изъ моей могильной среды, раздѣваютъ, обезображиваютъ, сплетничаютъ обо мнѣ; что мнѣ приписываютъ такія мысли, такіе поступки... Говорятъ, что мнѣ двадцать-пять лѣтъ и обвиняютъ меня въ такой оскорбительной независимости, какой у меня никогда не было. Отъ всего этого опускаются руки и хочется плакать.

Вчера мы были въ салонѣ съ братомъ Бастьена и съ Б. Бастьенъ-Лепажъ напишетъ портретъ крестьянскаго мальчика, смотрящаго на радугу; это будетъ превосходно, я вамъ говорю. Что за талантъ, что за талантъ!

Понедѣльникъ, 22 мая. Я думаю, что могу полюбить... только одного, и, вѣроятно, онъ никогда не будетъ любить меня. Жуліанъ, правъ; чтобы я могла отомстить, это должно быть уничтожающее превосходство... выйти замужъ за великаго сего міра, богатаго, извѣстнаго. Это было бы отлично! Или же имѣть такой талантъ, какъ у Бастьенъ-Лепажа, благодаря которому головы всего Парижа оборачивались бы, когда вы проходите мимо. Нечего сказать, я хороша: говорю объ этомъ, какъ будто это можетъ со мной случиться! У меня

одни только несчастія. О, Боже мой, Боже мой, дай же мнѣ, наконецъ, отомстить! Я буду такъ добра ко всѣмъ страдающимъ.

Четвергъ, 25 мая. Сегодня утромъ мы были у Каролуса Дюрана. Какое удивительное и прелестное существо! Позеръ комедіантъ, все, что хотите! Не стану скрывать отъ васъ, что имѣю отвращеніе къ безцвѣтнымъ людямъ, и тѣмъ хуже для тѣхъ, кто видитъ только комическую сторону этихъ исключительныхъ натуръ, которыя рисуются, ломаются, но вмѣстѣ съ тѣмъ прелестны. Вы будете противопоставлять имъ высокіе таланты, которые остаются скромными и спокойными, — тѣмъ хуже для нихъ и для насъ!

Когда небо осыпаетъ васъ всѣми своими дарами, вы будете несовершеннымъ существомъ, если будете сидѣть въ своемъ углу и не воспользуетесь вашимъ истиннымъ достоинствомъ, чтобы немножко **поломаться**, какъ говорятъ вульгарные дураки.

Воскресенье, 28 мая. Герцогиня Фрицъ-Джемсъ пріѣзжала сегодня, чтобы сказать, что представитъ насъ вечеромъ своей невѣсткѣ. Тамъ былъ балъ. Мама увѣряла, что эта дама чрезвычайно любезна; онѣ видятся довольно часто, но вѣрнаго о ней я ничего не знаю. Итакъ, мы заѣхали за ней и отправились вмѣстѣ. Все было самое изысканное: настоящее общество, настоящія молодыя дѣвушки, свѣжія и очаровательныя; настоящіе туалеты. Имена, которыя здѣсь называли, самыя извѣстныя и аристократическія, и немногія извѣстныя мнѣ лица какъ нельзя болѣе элегантны. Что до меня, то я была въ восторгѣ отъ того, что нахожусь въ этой гостиной; но это однако не мѣшало мнѣ все время думать о пастели, дѣланной утромъ, которая казалась мнѣ неудачной и мучила меня.

Конечно, нельзя выѣзжать такимъ образомъ. Мнѣ нужно было бы по крайней мѣрѣ два мѣсяца ѣздить въ свѣтъ, чтобы увлечься этимъ. Но неужели вы думаете, что это дѣйствительно доставляетъ мнѣ удовольствіе? Есть ли что-нибудь болѣе глупое, пустое и пошлое? И подумать, что есть люди, которые только этимъ и живутъ! Я бы желала выѣзжать рѣдко, только для того, чтобы не удаляться отъ общества, — какъ знаменитые люди, которые бываютъ въ обществѣ только для отдыха; но все-таки нужно бывать довольно часто,

чтобы не производить впечатлѣнія готтентота или обывателя луны.

Понедѣльникъ, 29 мая. Сегодня утромъ я видѣла Жуліана; онъ находитъ, что портретъ Дины пастелью очень хорошъ. Но теперь дѣло идетъ о большой картинѣ для будущаго года; сюжетъ не нравится Жуліану, который слишкомъ легкомысленъ и не углубился въ него. Я очень увлечена и не смѣю признаваться въ этомъ, ибо только талантливые люди имѣютъ право увлекаться сюжетомъ; съ моей стороны это смѣшныя притязанія. Я подумала было о сценѣ изъ карнавала и отказываюсь отъ своего намѣренія. Это было бы только хвастовство красками. Я чувствую глубоко то, что хочу сдѣлать; умъ и сердце охвачены, и иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ въ теченіе двухъ лѣтъ это занимало меня... Не знаю, буду ли я достаточно сильна нынѣшней зимою, чтобы сдѣлать это хорошо. Что же, тѣмъ хуже! Пусть это будетъ посредственною картиной, но зато это будетъ исполнено всѣми другими достоинствами — правдивостью, чувствомъ и движеніемъ. Нельзя сдѣлать дурно того, чѣмъ полна вся душа, особенно когда хорошо рисуешь.

Это тотъ моментъ, когда Іосифъ Аримаѳейскій похоронилъ Христа и гробъ завалили камнями; всѣ ушли, наступаетъ ночь, и Марія Магдалина и другая Марія однѣ сидятъ у гроба.

Это одинъ изъ лучшихъ моментовъ божественной драмы и одинъ изъ наименѣе затронутыхъ.

Тутъ есть величіе и простота, что-то страшное, трогательное и человѣческое... Какое-то ужасное спокойствіе; эти двѣ несчастныя женщины, обезсиленныя горемъ... Остается еще изучить матеріальную сторону картины...

Четвергъ, 8 іюня. Уже больше четырехъ часовъ, и уже совсѣмъ свѣтло; я закрываю наглухо ставни, чтобы искусственно продлить ночь, между тѣмъ какъ на улицѣ мелькаютъ синія блузы мастеровыхъ, идущихъ уже на работы. Бѣдные люди! Дождь идетъ еще раньше 5-ти часовъ утра; эти несчастные трудятся, а мы жалуемся на наши бѣды, покоясь на кружевахъ отъ Дусе! Однако, какую я сказала пошлую и банальную фразу! Всякій страдаетъ и жалуется въ своей сферѣ и имѣетъ на то свои причины. Я въ настоящее время ни на что не жалуюсь, такъ какъ никто не виноватъ въ томъ, что у меня нѣтъ таланта. Я жалуюсь только на то, что

несправедливо, неестественно и противно, какъ многое въ прошедшемъ... и даже въ настоящемъ, хотя это уединеніе есть благо, которое можетъ быть способно было бы вызвать во мнѣ талантъ.

Я поѣду въ Бретань и буду тамъ работать.

Вторникъ, 20 іюня. О, какъ женщины достойны сожалѣнія! Мужчины, по крайней мѣрѣ, свободны.

Совершенная независимость въ повседневной жизни, свобода идти куда угодно, выходить, обѣдать у себя или въ трактирѣ, ходить пѣшкомъ въ Булонскій лѣсъ или въ кафе— такая свобода составляетъ половину таланта и три четверти обыкновеннаго счастья.

Но, — скажете вы, —создайте себѣ эту свободу, вы, выдающаяся женщина!

Но это невозможно, потому, что женщина, которая освобождаетъ себя такимъ образомъ (рѣчь идетъ о молодой и хорошенькой, разумѣется), почти исключается изъ общества; она становится странной, чудачкой, подвергается пересудамъ, на нее обращаютъ вниманіе, и она дѣлается, такимъ образомъ, еще менѣе свободной, чѣмъ если бы она не нарушала этихъ идіотскихъ правилъ. Итакъ, остается оплакивать свой полъ.

Среда, 21 іюня. Я все соскоблила и даже отдала холстъ, чтобы не видѣть его больше; это убійственно. Живопись не дается мнѣ. Но только что я уничтожила то, что окончила, какъ уже чувствую себя легко, свободно и готова начать все снова.

Сегодня, въ 5 часовъ, мы ходили въ мастерскую Бастьена-Лепажа смотрѣть его эскизы; самъ онъ въ Лондонѣ и насъ принялъ братъ его Эмиль.

Я взяла съ собою Брисбанъ и Л..., и мы провели превесело цѣлый часъ, смѣялись, болтали, дѣлали наброски — и все было такъ хорошо, такъ прилично. Если бы я услышала о чемъ-нибудь подобномъ относительно Бреслау, я навѣрно стала бы жаловаться и завидовать тому, что она живетъ среди художниковъ. Я имѣю то, чего желала — развѣ у меня отъ этого прибавилось таланта?

Пятница, 23 іюня. Въ 5 часовъ Дина, Л... и я были у Эмиля Бастьена, который позируетъ для меня.

Я работаю съ настоящей палитрой настоящаго Бастьена

его красками, его кистью, въ его мастерской и моделью служитъ мнѣ его братъ.

Конечно, все это глупости, ребячество и предразсудки; маленькая шведка хотѣла дотронуться до его палитры. Я оставила у себя его краски, бывшія на палитрѣ; рука у меня дрожала, и мы смѣялись.

Среда, 12 іюля. Я готовилась къ своей пресловутой картинѣ, которая представитъ множество затрудненій. Надо будетъ найти пейзажъ въ родѣ того, какой я себѣ представляю... и гробница должна быть высѣчена въ скалѣ... Я бы желала, чтобы можно было сдѣлать это поближе къ Парижу, на Капри: тамъ настоящій Востокъ и не такъ далеко скала... скала... какая-нибудь скала... Но мнѣ нужна была бы настоящая гробница, какія навѣрно есть въ Алжирѣ и въ особенности въ Іерусалимѣ —какая-нибудь еврейская гробница, высѣченная въ скалѣ. А модели? Тамъ-то я, конечно, найду отличныя модели, въ настоящихъ костюмахъ. Жуліанъ считаетъ это сумасшествіемъ. Онъ говоритъ, что понимаетъ, если мастера, которые уже все знаютъ, отправляются писать свои картины на мѣста, такъ какъ они ѣдутъ искать недостающаго имъ мѣстнаго колорита, сочности, настоящей правды; мнѣ же недостаетъ... всего! Пускай! но мнѣ кажется, что я именно этого и должна искать, потому что я могу имѣть успѣхъ только при полной искренности; какъ же онъ можетъ требовать отъ меня, чтобы я отказалась отъ того, что составляетъ мое единственное или почти единственное достоинство? Какой смыслъ будетъ имѣть эта картина, если я напишу ее въ Сенъ-Жерменѣ съ евреями изъ Батиньоля, въ аранжированныхъ костюмахъ? Тогда какъ тамъ я найду настоящія поношенныя, потертыя одежды и эти случайно подмѣченные тона часто даютъ больше, чѣмъ то, что дѣлаешь преднамѣренно.

О, если бы я могла сдѣлать это хорошо! Жуліанъ вполнѣ понимаетъ мою идею: я не думала (и очень ошибалась), чтобы онъ могъ такъ глубоко проникнуться красотою этой сцены. Да, это правда. Нужно, чтобы въ этомъ спокойствіи было что-то ужасное, полное отчаянія, глубокаго отчаянія... Это конецъ всего. Въ женщинѣ, которая сидитъ тамъ, должно выражаться больше, чѣмъ горе, — это драма колоссальная, полная, ужасающая. Оцѣпенѣніе души, у которой ничего не осталось. И если принять во вниманіе прошлое этого суще-

ства, то во всмъ этомъ есть что-то до того человѣчное, интересное и величественное, до того захватывающее, что чувствуешь точно какое-то дыханіе проходитъ по волосамъ.

И я не сдѣлаю этого хорошо, **когда это зависитъ отъ меня?** Я могу создать это своими руками, и моя страстная, непоколебимая, упорная рѣшимость можетъ оказаться достаточной? Неужели недостаточно того жгучаго, безумнаго желанія передать другимъ мое чувство? Полно! Какъ можно сомнѣваться въ этомъ? Какъ могу я не преодолѣть техническихъ трудностей, когда эта вещь наполняетъ мое сердце, душу, умъ и зрѣніе?

Я чувствую себя способной на все. Только одно... я могу захворать... Я каждый день буду просить Бога, чтобы этого не случилось.

Какъ можетъ моя рука оказаться неспособной выполнить то, что **хочетъ** выразить душа?.. Полно!

О, Боже мой, на колѣняхъ умоляю Тебя... не противиться этому счастью. Смиренно, простершись во прахѣ, умоляю Тебя... даже не помочь, а только позволить мнѣ работать безъ особенныхъ препятствій.

Понедѣльникъ, 7 августа. Улица! Возвращаясь отъ Робера-Флери, мы велѣли ѣхать улицами, окружающими тріумфальную арку; было около шести часовъ и при томъ лѣтомъ. Привратники, дѣти, мальчишки, рабочіе, женщины, все это толчется у дверей, сидитъ на скамейкахъ или болтаетъ передъ винными лавочками.

Но тутъ есть картины очаровательныя! Положительно очаровательныя! Я далека отъ того, чтобы сводить все на копію, это дѣло посредственностей; но въ этой жизни, въ этой правдѣ есть восхитительныя сцены! Величайшіе мастера велики только правдой.

Я вернулась восхищенная улицей, и тѣ, которые смѣются надъ натурализмомъ, дураки и не понимаютъ, въ чемъ дѣло. Нужно сумѣть схватить природу и **умѣть выбирать.** Все дѣло художника **въ выборѣ.**

Четвергъ, 17 августа. Мнѣ кажется, что Роберъ-Флери составилъ обо мнѣ очень вѣрное мнѣніе; онъ принимаетъ меня за то, чѣмъ я желала бы казаться, т. е. находитъ меня очень милой или, говоря серьезно, считаетъ меня совсѣмъ еще молодой дѣвушкой, даже ребенкомъ въ томъ смыслѣ, что,

разговаривая, какъ женщина, я въ глубинѣ души и передъ самой собой чиста, какъ ангелъ.

Я право думаю, что онъ уважаетъ меня въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова; я была бы очень удивлена, если бы онъ въ моемъ присутствіи сказалъ что бы то ни было... неприличное. Я всегда утверждаю, что говорю обо всемъ... Да, но на все есть своя манера; въ разговорѣ можетъ быть больше, чѣмъ приличіе, можетъ быть щепетильность; я, можетъ быть, разговариваю, какъ женщина, но употребляю метафоры, маскирую выраженія такъ, что кажется, будто я и не касаюсь того, чего не слѣдуетъ. Это то же самое, какъ если бы я сказала «вещь, которую я написала», вмѣсто того, чтобы сказать «моя картина».

Никогда, даже въ разговорѣ съ Жуліаномъ, я не употребляю словъ любовникъ, любовница, связь, — этихъ обыкновенныхъ и точныхъ выраженій, которыя заставляютъ предполагать, что все говоритъ о вещахъ, хорошо знакомыхъ вамъ.

Всѣ знаютъ, конечно, что все это извѣстно, но по этимъ понятіямъ скользишь незамѣтно; даже если бы я не знала ничего, я не казалась бы смѣшною, такъ какъ есть разговоры, при которыхъ немножко ядовитости, насмѣшки надъ нѣкіимъ Амуромъ неизбѣжны, хотя бы только вскользь.

Съ Роберъ-Флери мы по преимуществу говоримъ объ искусствѣ, да и то... Но все-таки невольно приходится касаться музыки, литературы.

Итакъ, я вижу, что Роберъ-Флери вѣрно понимаетъ... это знаніе, что онъ находитъ это весьма естественнымъ и что если я настолько откровенна, чтобы не разыгрывать изъ себя дурочку, то у него есть настолько такта, чтобы никогда не доходить до того, до чего дохожу я.

Не забудьте, что по этому журналу вы не можете знать меня, здѣсь я серьезна и безъ прикрасъ; въ обществѣ я лучше: въ моемъ разговорѣ попадаются удачные обороты, образы, новыя, свѣжія, забавныя вещи.

Я глупа и тщеславна... Я уже готова думать, будто этотъ академикъ меня понимаетъ такъ, какъ я себя понимаю, и, слѣдовательно, долженъ цѣнить мои побужденія.

Нѣтъ сомнѣнія, что собственныя достоинства всегда преувеличиваешь; приписываешь ихъ себѣ даже тогда, когда совсѣмъ ихъ не имѣешь.

Пятница, 18 августа. Мы не застали Бастьена дома; я оставила ему записку и мелькомъ взглянула на то, что онъ привезъ изъ Лондона. Тамъ, между прочимъ, есть маленькій мошенникъ разсыльный, который стоитъ опершись на тумбу; кажется, что слышишь стукъ проѣзжающихъ мимо экипажей. Фонъ совсѣмъ не отдѣланъ, но фигура! Что это за человѣкъ? О, какъ глупы тѣ, которые признаютъ въ немъ одну только технику. Это могучій, оригинальный художникъ: онъ поэтъ, философъ; остальные передъ нимъ — ремесленники... Послѣ его картинъ, никакія другія не нравятся, ибо картины прекрасны, какъ сама жизнь, какъ сама природа.

На-дняхъ Тони принужденъ былъ согласиться со мной въ томъ, что нужно быть великимъ художникомъ, чтобы копировать природу, и что только великій художникъ можетъ понять и передать ее. Идеальная сторона должна заключаться въ **выборѣ сюжета;** что до **выполненія,** то оно должно быть въ полномъ смыслѣ слова то, что невѣжды называютъ натурализмомъ.

Тамъ есть также набросокъ маленькаго портрета Коклена старшаго... я окаменѣла при видѣ его — это его гримаса, его руки шевелятся, онъ говоритъ, онъ подмигиваетъ!

Понедѣльникъ, 24 августа. Я готова... растерзать весь міръ! Я ничего не дѣлаю. А время уходитъ; вотъ уже четыре дня какъ я не позировала. Я начала этюдъ подъ открытымъ небомъ, но дождь идетъ, и вѣтеръ все опрокидываетъ: я ничего не дѣлаю.

Я вамъ говорю, что схожу съ ума передъ этой пустотой! Говорятъ, что эти мученія доказываютъ, что я не ничтожество. Къ сожалѣнію, нѣтъ! Они доказываютъ только, что я умна и все понимаю...

Впрочемъ, я пишу три года.

Дураки думаютъ, что для того, чтобы быть «современнымъ» или реалистомъ, достаточно писать первую попавшуюся вещь, не аранжируя ее. Хорошо, не аранжируйте, но **выбирайте и схватывайте,** въ этомъ все.

Среда, 23 августа. Вмѣсто того, чтобы прилежно работать надъ какимъ-нибудь этюдомъ, я гуляю. Да, барышня совершаетъ артистическія прогулки и наблюдаетъ!

Я перечла на англійскомъ языкѣ одну вещь Уйда, женщины не особенно талантливой; она называется «Аріадна».

Эта книга создана для того, чтобы волновать до послѣд-

ней степени; я двадцать разъ готова была перечесть ее вотъ уже въ продолженіе трехъ лѣтъ; но всякій разъ я отступала, зная, какъ волновала и будетъ всегда волновать меня эта вещь. Тамъ говорится о любви и искусствѣ, и дѣло происходитъ въ Римѣ — три вещи, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности достаточна, чтобы увлечь меня и наименьшая изъ нихъ— любовь. Можно было бы исключить изъ книги все, что говорится о любви, и она тѣмъ не менѣе способна была бы свести меня съ ума. Къ Риму я чувствую обожаніе, страсть, уваженіе, ни съ чѣмъ несравнимыя. Ибо Римъ художниковъ и поэтовъ, **настоящій** Римъ, вовсе не соединяется въ моемъ представленіи съ свѣтскимъ Римомъ, который доставилъ мнѣ страданія. Я помню только поэтическій и артистическій Римъ, передъ которымъ я преклоняюсь.

Въ этой книгѣ говорится о скульптурѣ; я постоянно готова заниматься ею.

О дивная сила искусства! О божественное, несравненное чувство, которое можетъ замѣстить вамъ все! О высочайшее наслажденіе, которое поднимаетъ васъ высоко надъ землею! Съ прерывающимся дыханіемъ и съ полными слезъ глазами я падаю ницъ передъ Богомъ, умоляя его о помощи.

Это сведетъ меня съ ума; я хочу дѣлать десять различныхъ вещей заразъ; я чувствую, вѣрю, понимаете ли, вѣрю въ то, что сдѣлаю что-нибудь выдающееся. И душа моя уносится на невѣдомыя высоты.

Дюма совершенно правъ; не вы владѣете сюжетомъ, а сюжетъ вами. Человѣкъ, который ставитъ на карту 100 су, можетъ испытывать тѣ-же муки, какія испытываетъ тотъ, кто ставитъ сто тысячъ франковъ. Итакъ, я могу слѣдить за собою.

Нѣтъ, нѣтъ! Я чувствую такую потребность передать свои впечатлѣнія, такую силу художественнаго чувства, столько смутныхъ идей толпятся въ моей головѣ, что онѣ не могутъ не проявиться когда-нибудь...

Гдѣ и какъ найти способъ выразить все это?

Вторникъ, 29 августа. Эта книга не даетъ мнѣ покоя. Уйда — не Бальзакъ, не Жоржъ-Зандъ, не Дюма; но она написала вещь, которая волнуетъ меня по профессіональнымъ причинамъ. У нея очень вѣрные взгляды на искусство — мнѣнія, собранныя въ мастерскихъ Италіи, гдѣ она жила.

Тамъ есть нѣкоторыя вещи... Она говоритъ, напримѣръ,

что у настоящихъ **художниковъ**, не ремесленниковъ, замыселъ всегда неизмѣримо превосходитъ способность выполненія. Затѣмъ, великій скульпторъ Мариксъ (все въ томъ же романѣ), видя скульптурные опыты героини, будущей геніальной женщины, говоритъ: «Пусть она придетъ работать, она сдѣлаетъ то, **что захочетъ**». «Да, — говаривалъ Тони, подолгу разсматривая мои рисунки въ мастерской,—работайте, **вы способны выполнить то, что задумаете»**.

Но я несомнѣнно работала въ ложномъ направленіи. Сенъ-Марсо сказалъ, что мои рисунки — рисунки скульптора, я всегда любила форму больше всего.

Я, конечно, обожаю и краски, но теперь, послѣ этой книги, и даже раньше... живопись кажется мнѣ жалкой въ сравненіи съ скульптурой.

Что же я дѣлаю? Маленькую дѣвочку, которая накинула на плечи свою черную юбку и держитъ открытый зонтикъ. Я работаю на воздухѣ и дождь идетъ почти каждый день. И потомъ... что это можетъ значить? Что это, въ сравненіи съ мыслью, выраженною въ мраморѣ?

— Аріадна! Жуліанъ и Тони нашли, что въ эскизѣ было чувство; меня этотъ сюжетъ волнуетъ, какъ теперешняя картина. Вотъ уже три года, что я собираюсь заняться скульптурой, чтобы выполнить этотъ замыселъ.

Тезей убѣжалъ ночью, съ наступленіемъ утра, Аріадна, увидѣвъ себя одинокой, начинаетъ обыскивать островъ по всѣмъ направленіямъ; и вотъ, при первыхъ лучахъ солнца, съ высоты крутого утеса, замѣчаетъ на горизонтѣ все уменьшающуюся точку — корабль... Тогда... Вотъ мгновеніе, которое трудно описать и которое нужно схватить: она не можетъ идти дальше, она не можетъ звать; кругомъ вода; корабль едва чернѣетъ на горизонтѣ. Тогда она падаетъ на утесъ, опустивъ голову на правую руку, и вся ея поза должна выражать весь ужасъ одиночества и отчаянія этой безсовѣстно покинутой женщины... Я не умѣю объяснить этого, но въ ея фигурѣ должно выражаться безсильное бѣшенство, полный упадокъ силъ, высшая степень подавленности, и все это страшно волнуетъ меня. Вы понимаете, она тамъ, на краю утеса, убитая горемъ и, мнѣ кажется, полная безсильной ярости; это конецъ всего, ослабленіе всего существа!.. Эта крутая скала, грубая, стихійная сила... связывающая волю... словомъ...

Четвергъ, 30 августа. Я рисую свою Магдалину; у меня

превосходная модель; впрочемъ, я три года тому назадъ видѣла голову, которую хочу сдѣлать, и у этой женщины какъ разъ тѣ же черты и то же напряженное, ужасное, полное отчаянія, выраженіе.

Что привлекаетъ меня къ живописи, это жизнь, современность, подвижность вещей, которыя видишь. Но какъ выразить?.. Помимо того, что это страшно трудно, почти невозможно... это не волнуетъ!

Ни одна картина не волновала меня такъ, какъ Жанна д'Аркъ Бастьена Лепажа, потому что въ ней есть что-то таинственное, необычайное. Онъ вполнѣ понялъ ея чувство; это полное, сильное выраженіе великаго вдохновенія; однимъ словомъ... онъ видѣлъ во всемъ этомъ что-то великое, гуманное, вдохновенное и божественное, **такъ какъ это и было,** и какъ никто раньше не могъ этого понять. И сколько разъ уже писали Жанну д'Аркъ! Боже мой! Столько же, сколько Маргаритъ и Офелій! Онъ собирается писать Офелію; я увѣрена, что это будетъ дивная вещь. Что же касается Маргариты, то и я, ничтожная, думаю написать ее..., такъ какъ есть одно мгновеніе... какъ въ Жаннѣ д'Аркъ.

Это тотъ моментъ, когда молодая дѣвушка, не оперная Маргарита въ платьѣ изъ тонкаго кашемира, а та́, которая жила въ деревнѣ или въ маленькомъ городкѣ, — простая, не смѣйтесь, **человѣческая;** если вы поймете, вы не будете смѣяться. Когда до тѣхъ поръ **спокойная** дѣвушка возвращается домой въ свой садъ, послѣ встрѣчи съ Фаустомъ и останавливается, полуопустивъ глаза, устремленные вдаль, полуудивленная, полуулыбающаяся, полузадумчивая, чувствуя, какъ въ ней пробуждается что-то новое, невѣдомое, прекрасное и грустное... Руки едва держатъ молитвенникъ, готовый выскользнуть... Для этого я поѣду въ маленькій нѣмецкій городокъ и буду писать картину лѣтомъ, въ будущемъ году.

О, сумасшедшая, прежде всего нужно знать свое дѣло. Мысль, красота и философія живописи заключаются въ отчетливомъ пониманіи жизни.

Передать жизнь тонами, которые пѣли бы, а всѣ **правдивые** тона поютъ.

Пятница, 1 сентября. Сегодня я получила письмо отъ мамы, которая пишетъ что молодыя сосѣдки пріѣзжаютъ гостить на два мѣсяца со своими друзьями и что будутъ устроены большія охоты. Она собирается возвращаться назадъ, но

я просила предупредить меня въ случаѣ, если... И вотъ она меня предупреждаетъ. Это вызываетъ во мнѣ цѣлую бурю сомнѣній, неизвѣстности и замѣшательства. Если я поѣду, моя выставка погибла... Если бы еще я проработала все лѣто, я имѣла бы предлогъ — желаніе отдохнуть; но этого не было. Согласитесь, что это было бы превосходно, но это слишкомъ невѣроятно. Провести четверо сутокъ въ вагонѣ желѣзной дороги и пожертвовать работой цѣлаго года, чтобы поѣхать туда, попытаться понравиться и выйти замужъ за человѣка, котораго никогда до тѣхъ поръ не видѣла. Разумъ и его доводы не имѣютъ въ этомъ случаѣ никакого значенія... Разъ я обсуждаю эту глупость, я способна сдѣлать ее... Я не знаю, что дѣлать... Я пойду къ гадалкѣ, къ старухѣ Жакобъ, которая предсказала мнѣ, что я буду очень больна.

За двадцать франковъ я купила себѣ счастіе, по крайней мѣрѣ, на два дня. Старуха Жакобъ наговорила мнѣ массу прелестныхъ, но немного запутанныхъ вещей. Но что постоянно повторяется, это то, что я буду имѣть огромный, блестящій успѣхъ; журналы заговорятъ обо мнѣ; у меня будетъ большой талантъ... и потомъ перемѣна судьбы, счастіе въ замужествѣ, много денегъ и путешествія, да, много путешествій.

Я отправляюсь спать, полная глупой, ребяческой радости, если хотите, но вѣдь это стоило всего 20 франковъ. Я поѣду не въ Россію, а въ Алжиръ; если это должно случиться, это случится такъ же, какъ и въ Россіи.

Покойной ночи, мнѣ такъ хорошо послѣ всего этого; завтра мнѣ будетъ легче работать.

Я только что читала Бальзака! Кстати, я схожусь съ его де-Марсэ, когда говорю объ этомъ второмъ я, которое остается равнодушнымъ наблюдателемъ перваго. И подумать, что Бальзакъ умеръ! Счастье любви можно познать только любя человѣка съ всеобъемлющимъ геніемъ... Въ Бальзакѣ вы найдете все... Я положительно горжусь тѣмъ, что иногда думала такъ же, какъ и онъ.

Въ Россіи. Суббота, 14 октября. На границѣ мы разстались съ тетей, и я продолжаю путешествіе съ Полемъ. На станціяхъ я дѣлаю эскизы, а въ вагонѣ читаю «*Tva los montes*»; такимъ образомъ я какъ будто снова въ Испаніи; эта вещь Теофиля Готье, — настоящая картина.

Четвергъ, 19 октября. Наконецъ-то они у насъ! Они пріѣхали съ Мишкой къ завтраку. Старшій Викторъ, стройный брюнетъ, съ большимъ, немного толстымъ орлинымъ носомъ и довольно толстыми губами; у него аристократическая осанка, и онъ довольно симпатиченъ. Младшій, Василій, такого-же высокаго роста, гораздо толще брата, очень бѣлокурый, краснощекій и съ плутоватыми глазами; онъ имѣетъ видъ человѣка живого, воинственнаго, сообщительнаго, грубаго и... пошлаго. На мнѣ было вчерашнее платье: бѣлое шерстяное, короткое и очень простенькое. Дѣтскіе башмаки изъ темно-красной кожи; довольно высокая прическа. Я не въ лучшемъ своемъ видѣ, но и не очень дурна.

Происшествіе. Ихъ кучеръ напился и мнѣ кажется, что это здѣсь весьма обыкновенное явленіе; тогда князь Василій вышелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и побилъ несчастнаго кулаками и сапогами со шпорами. Неправда ли, дрожь по спинѣ пробѣгаетъ? Этотъ мальчикъ ужасенъ и въ сравненіи съ нимъ старшій кажется мнѣ симпатичнымъ.

Не думаю, чтобы кто-нибудь изъ нихъ въ меня влюбился; во мнѣ нѣтъ ничего, что могло бы имъ понравиться; я средняго роста, пропорціонально сложена, не очень бѣлокура; у меня сѣрые глаза, грудь не очень развита и талія не слишкомъ тоненькая... что до душевныхъ качествъ, то, безъ излишней гордости, я полагаю, что я настолько выше ихъ, что они не оцѣнятъ меня.

Какъ свѣтская женщина я едва ли привлекательнѣе многихъ женщинъ ихъ круга.

Пятница, 20 октября .— Понедѣльникъ, 23 октября. Въ субботу утромъ всеобщее смущеніе. Князья извиняются. Они не пріѣдутъ на охоту, такъ какъ отозваны телеграммой въ сосѣднее имѣніе. А я такъ старалась одѣваться! Папа позеленѣлъ, а мама покраснѣла. Я хохотала отъ души. Наконецъ мы тронулись съ досадой и давая себѣ слово не ѣхать дальше, чѣмъ до Мишеля, который приготовилъ великолѣпный завтракъ и гдѣ предполагали дать отдохнуть лошадямъ. Потомъ, немного успокоившись, мы продолжали путь, ссорясь каждыя пять минутъ изъ-за возвращенія домой. Мишкѣ сказали, что мамѣ нездоровится.

Впрочемъ, охота была великолѣпна: убили 15 волковъ и одну лисицу. Погода была превосходная; мы пили чай въ лѣсу, при чемъ на насъ смотрѣло болѣе чтырехсотъ кре-

стьянъ, которые передъ тѣмъ загоняли звѣря. Потомъ дали водки крестьянамъ.

Сегодня былъ одинъ изъ тѣхъ хорошихъ вечеровъ, какіе бывали во времена маминаго господства. Всѣ свѣчи зажжены, всѣ двери раскрыты, и семь большихъ залъ кажутся совершнно полными, хотя насъ было всего шестнадцать человѣкъ.

Вторникъ, 7 ноября. Тутъ ѣздятъ на балъ, пьянствуютъ съ товарищами; играютъ въ карты, ужинаютъ съ танцовщицами; съ дамами же разговариваютъ только тогда, когда влюблены въ нихъ.

Разговаривать просто съ знакомыми и обо всемъ, какъ во Франціи — этого въ здѣшнихъ странахъ и не знаютъ; единственный предметъ для разговора — самыя вульгарныя, самыя плоскія сплетни. Лучшее развлеченіе — гостиница: туда собираются окрестные помѣщики (дворяне) и проводятъ тамъ цѣлыя недѣли; ходятъ другъ къ другу въ гости по комнатамъ, пьютъ и играютъ въ карты. Театръ пустъ, а ко всему, что напоминаетъ интеллигентное препровожденіе времени, относятся съ отвращеніемъ.

Предъ аристократіей въ этой благословенной странѣ всѣ преклоняются. Что если бы я сдѣлалась такою? Нѣтъ, надо уѣхать!

Возвращаюсь къ князьямъ. Къ великому удивленію всей Полтавы, я продолжаю обращаться съ ними, какъ съ простыми свѣтскими людьми, мнѣ равнымии, и они мнѣ не особенно нравятся. Однако младшій, тотъ, который побилъ кучера, веселый, лцбезный и неглупый человѣкъ.

Правда, онъ побилъ кучера... Но это отчасти объясняется его молодостью и страной, въ которой это происходитъ. Вы думаете, это удивляетъ или шокируетъ кого-нибудь? Въ другомъ это было бы совершенно естественно, въ князѣ Р. — прелестно! Нѣтъ, я уѣду!

Парижъ. Среда, 15 ноября. Я въ Парижѣ. Мы уѣхали въ четвергъ вечеромъ.

Четвергъ, 16 ноября. Я была у доктора — у клиническаго хирурга, неизвѣстнаго и скромнаго, чтобы онъ не обманулъ меня.

О, это не очень-то любезный господинъ. Онъ такъ преспокойно и сказалъ мнѣ: **я никогда не вылѣчусь.** Но мое состояніе можетъ улучшиться настолько, что глухота будетъ

выносимой; она и теперь выносима; можно надѣяться, что современемъ она еще уменьшится.

Сегодня я впервые отважилась сказать прямо: господинъ докторъ, я глохну. До сихъ поръ я употребляла выраженія въ родѣ: я плохо слышу, у меня шумъ въ ушахъ и т. п. Въ этотъ разъ я рѣшилась произнести это ужасное слово, и докторъ отвѣтилъ мнѣ рѣзко и грубо, какъ истый хирургъ.

Итакъ, я никогда не вылѣчусь... Это будетъ выносимо, но между мною и остальнымъ міромъ будетъ завѣса.

Шумъ вѣтра, плескъ воды, дождь, ударяющійся о стекла оконъ... слова, произносимыя вполголоса... я не буду слышать ничего этого!

Я страдаю въ томъ, что мнѣ всего нужнѣе, всего дороже.

Только бы оно не пошло дальше!

Пятница, 17 ноября. Итакъ, я буду калѣкой, неполнымъ существомъ, по сравненію съ кѣмъ бы то ни было. Я буду нуждаться въ помощи и содѣйствіи своихъ, въ деликатности чужихъ. Свобода, независимость — все кончено.

Мнѣ, такой гордой, придется краснѣть и наблюдать за собой каждую минуту.

Да, всѣ узнаютъ или уже знаютъ это, всѣ, которымъ такъ хотѣлось оклеветать меня... Она глуха. Но, Боже мой, зачѣмъ это ужасное, возмутительное страшное несчастіе?

Вторникъ, 21 ноября. Со вчерашняго дня я работаю въ академіи, возвратившись къ самой полной простотѣ, не заботясь ни о выборѣ модели, ни о ея красотѣ, оставивъ всякія притязанія. Шесть мѣсяцевъ такой работы, говоритъ Жуліанъ, и вы сдѣлаете все, что захотите.

Они всѣ надоѣли мнѣ, я сама себѣ надоѣла! Я никогда не вылѣчусь. Чувствуете ли вы, сколько въ этомъ отчаяннаго, несправедливаго, ужаснаго?

Понимаете ли вы — на всю жизнь до самой смерти?..

Это, конечно, повліяетъ на мой характеръ и разсудокъ, не говоря уже о томъ, что у меня изъ-за этого появились сѣдые волосы.

Повторяю, я еще не вѣрю этому. Не можетъ быть, чтобы нельзя было ничего, ничего сдѣлать; чтобы это осталось навсегда, что я умру съ этой завѣсой между мной и остальнымъ міромъ и что никогда, никогда, никогда!...

Неправда ли, вѣдь нельзя вѣрить тому, что этотъ приговоръ такъ рѣшителенъ, такъ безвозвратенъ? И ни тѣни на-

дежды, ни тѣни, ни тѣни! Меня это такъ раздражаетъ во время работы; я все опасаюсь, что не услышу того, что скажетъ модель или кто-нибудь въ мастерской, или что будутъ смѣяться... или, наконецъ, будутъ говорить ради меня слишкомъ громко.

А съ моделью на дому? Что-же, ей скажутъ, просто, что... что? Что я плохо слышу! Попробуйте. Такое признаніе въ своемъ уродствѣ! И въ такомъ унизительномъ, глупомъ грустномъ уродствѣ.

Мнѣ все кажется, что я говорю о комъ-то другомъ... Да и какъ убѣдиться въ реальности этого ужаснаго кошмара, этой безобразной, жестокой, возмутительной вещи?.. и это въ лучшее время жизни, въ молодости? Какъ увѣрить себя, что это былъ не дурной сонъ, что это возможно и останется такъ навсегда?

Четвергъ, 23 ноября. Все, что я сдѣлала за эту недѣлю, такъ гадко, что я сама ничего не понимаю.

Воскресенье, 3 декабря. О, Боже мой! дай мнѣ силы дѣлать только этюды, такъ какъ всѣ они того мнѣнія, что нужно сначала побѣдить техническія трудности, а затѣмъ сдѣлаешь все, что захочешь.

Я такъ хорошо разсуждаю, а у самой нѣтъ силы... Когда владѣешь техникой, все, что ни дѣлаешь, хорошо или почти хорошо; тогда какъ теперь у меня...

Два или три дня тому назадъ мы поѣхали въ отель Друо, гдѣ была выставка драгоцѣнныхъ камней; мама, тетя и Дина восхищались нѣкоторыми уборами; мнѣ же ничего не нравилось, за исключеніемъ одного ряда огромныхъ, чудесныхъ брилліантовъ; была минута, когда мнѣ очень хотѣлось имѣть ихъ. Имѣть два изъ этихъ было бы уже очень пріятно, но лучше было и не думать о подобномъ чудѣ; итакъ, я удовольствовалась мыслью, что можетъ быть когда-нибудь, выйдя замужъ за милліонера, я буду въ состояніи имѣть серьги такой величины или брошку, такъ какъ камни такой величины едва-ли можно носить въ ушахъ.

Это кажется былъ первый случай, когда я оцѣнила драгоцѣнные камни. И представьте, вчера вечеромъ мнѣ принесли эти два брилліанта: оказалось, что мои матери купили ихъ для меня, хотя я только намекнула о своемъ желаніи, безъ малѣйшей надежды имѣть ихъ: «вотъ единственные камни, которые мнѣ хотѣлось бы имѣть». Они стоятъ двадцать пять

тысячъ. Камни желтоватые, иначе они стоили бы втрое дороже.

Я забавлялась ими весь вечеръ, пока лѣпила, Д. игралъ на роялѣ, а Божидаръ и другіе разговаривали. Эта два камня ночью лежали около моей постели, и я не разставалась съ ними даже во время сеанса.

Ахъ, если бы другія вещи, которыя кажутся столь же невыполнимыми, могли бы такъ же случиться!

Четвергъ, 14 декабря. Сегодня утромъ мы ѣздили смотрѣть картины, которыя Бастьенъ привезъ изъ деревни. Онъ былъ въ мастерской и подправлялъ края картинъ и кое-что въ фонахъ. Мы встрѣтились друзьями, онъ такой добродушный, такой милый.

А что если онъ вовсе не таковъ? Но онъ такъ талантливъ! Впрочемъ нѣтъ, онъ все-таки замѣчательно милъ. А бѣдный архитекторъ совсѣмъ стушевался въ присутствіи знаменитаго брата. Жюль привезъ нѣсколько этюдовъ: **«Вечеръ въ деревнѣ».**

Сумерки переданы превосходно: наступающая тишина, крестьяне, возвращающіеся съ работы; все смолкло, слышенъ только лай собакъ. Какія краски, какая поэзія и какая прелесть!

Воскресенье, 17 декабря. Настоящійй, единственный, великій Бастьенъ-Лепажъ былъ у насъ сегодня.

Раздраженная и униженная тѣмъ, что мнѣ нечего было показать ему, я принимала его, была неловка, смущена и встревожена.

Онъ оставался больше двухъ часовъ, осмотрѣвши всѣ рѣшительно холсты, какіе только были въ комнатѣ; я же была нервная, смѣялась некстати и старалась мѣшать ему разсматривать мои работы. Этотъ великій художникъ очень добръ, онъ старался успокоить меня, и мы говорили о Жуліанѣ, который виноватъ въ моемъ ужасномъ отчаяніи. Бастьенъ не смотритъ на меня какъ на свѣтскую барышню; онъ говоритъ то же, что Роберъ-Флери и Жуліанъ, но безъ этихъ ужасныхъ шуточекъ Жуліана, который увѣряетъ, что я ничего не дѣлаю, что все кончено и что я погибла. Вотъ что сводитъ меня съ ума. Бастьенъ божественъ, т. е. обожаю его талантъ. И мнѣ кажется, что въ моемъ смущеніи я дели-

катно и неожиданно говорила ему лестныя вещи. Ему должно было сильно польстить уже и то, какъ я приняла его.

Среда, 20 декабря. У меня еще ничего не начато для салона и ничего не представляется. Это просто мученіе...

Суббота, 23 декабря. Итакъ, сегодня у насъ обѣдали— **великій,** настоящій, единственный, несравненный Бастьенъ-Лепажъ и его братъ.

Кромѣ нихъ не былъ приглашенъ никто, что было немножко стѣснительно; они обѣдали въ первый разъ, и это могло казаться слишкомъ уже интимнымъ, потомъ я боялась что будетъ скучно — вы понимаете!

Что касается брата, то онъ принятъ почти такъ же просто, какъ Божидаръ, но великій единственный etc... Словомъ этотъ человѣчекъ, который, будь онъ даже весь изъ золота, все-таки не стоилъ бы своего таланта, былъ мило, какъ мнѣ кажется, польщенъ тѣмъ, что на него смотрятъ такимъ образомъ: никто еще не говорилъ ему, что онъ «геній». Я также не говорю ему этого, но обращаюсь съ нимъ какъ съ геніемъ, и искусными ребячествами заставляю его выслушивать ужасные комплименты.

Но, чтобы Бастьенъ не думалъ, что я не знаю предѣловъ въ своемъ увлеченіи, я присоединяю къ нему Сенъ-Марсо и говорю: «васъ двое».

Онъ остался до полуночи. Я нарисовала бутылку, которая ему понравилась, при чемъ онъ прибавилъ: «вотъ какъ надо работать; имѣйте терпѣніе, сосредоточьтесь, давайте все, что можете, старайтесь въ точности передать природу».

Четвергъ, 28 декабря. Да, у меня чахотка. Докторъ сказалъ мнѣ сегодня: лѣчитесь, надо стараться выздоровѣть, вы будете сожалѣть впослѣдствіи.

Мой докторъ — молодой человѣкъ и имѣетъ интеллигентный видъ; на мои возраженія противъ мушекъ и прочихъ гадостей, онъ отвѣтилъ, что я раскаюсь и что онъ никогда въ жизни не видѣлъ такой необыкновенной больной; а также, что по виду никто и никогда не угадалъ бы моей болѣзни. Дѣйствительно видъ у меня цвѣтущій, а между тѣмъ оба легкія затронуты, хотя лѣвое — гораздо меньше. Онъ спросилъ меня, не чахоточные ли у меня родители.

— Да, мой прадѣдушка и его двѣ сестры — графиня Т. и баронесса С.

— Какъ бы то ни было, ясно, что вы чахоточная.

Признаюсь, я немного пошатываясь вышла отъ этого доктора, который интересуется такой оригинальной больной

Будущей зимой предлогомъ къ поѣздкѣ на югъ будутъ «Святыя жены»; ѣхать къ этому году значило бы возобновлять прошлогоднюю путаницу. Все, за исключеніемъ юга— и да поможетъ мнѣ Богъ!

Пусть мнѣ дадутъ хотя бы не болѣе десяти лѣтъ, но въ эти десять лѣтъ — славу и любовь, и я умру въ тридцать лѣтъ довольная. Если бы было съ кѣмъ, я заключила бы условіе: умереть въ тридцать лѣтъ, но только поживъ.

Чахоточная — слово сказано, и это правда. Я поставлю какія угодно мушки, но я хочу писать.

Можно будетъ прикрывать пятно, убирая лифъ цвѣтами, кружевомъ, тюлемъ и другими прелестными вещами, къ которымъ часто прибѣгаютъ, вовсе не нуждаясь въ нихъ. Это будетъ даже очень мило. О, я утѣшена. Всю жизнь нельзя ставить себѣ мушки. Черезъ годъ, много черезъ два года лѣченія — я буду какъ всѣ, буду молода, буду...

Я говорила же вамъ, что должна умереть. Богъ, не будучи въ силахъ дать мнѣ то, что сдѣлало бы мою жизнь сносною, убиваетъ меня. Измучивъ меня страданіями, Онъ убиваетъ меня. Я вѣдь говорила вамъ, что скоро умру, это не могло такъ продолжаться; не могла долго продолжаться эта жажда, эти грандіозныя стремленія. Я говорила же вамъ это еще давно въ Ниццѣ, много лѣтъ тому назадъ, когда я смутно предвидѣла то, что мнѣ нужно было для жизни.

Однако, меня занимаетъ положеніе осужденной или почти осужденной. Въ этомъ положеніи заключается волненіе, я заключаю въ себѣ тайну, смерть коснулась меня своей рукою; въ этомъ есть своего рода прелесть, и прежде всего это ново.

Говорить **серьезно** о моей смерти — очень интересно и, повторяю, это меня занимаетъ. И очень жаль, что неудобно, чтобы объ этомъ зналъ кто-нибудь, кромѣ Жуліана, моего духовнаго отца.

Воскресенье, 31 декабря. Слишкомъ темно, чтобы писать, и мы идемъ въ церковь; а потомъ еще разъ на выставку въ улицу Sèze — Бастенъ, Сенъ-Марсо и Казенъ.

Тамъ я провела время превосходно. Что это за наслажденіе! До сихъ поръ не видно скульптора, подобнаго Сенъ-

Марсо. Слова: **это сама жизнь,** употребляемыя такъ часто и ставшія отъ этого банальными, здѣсь сущая правда. И помимо этого главнаго качества, котораго достаточно, чтобы осчастливить художника, у него есть глубина мысли и сила чувства, что-то таинственное, которое дѣлаетъ изъ Сенъ-Марсо не только человѣка съ громаднымъ талантомъ, но почти геніальнаго художника.

Но онъ еще живъ и молодъ — вотъ почему кажется, что я преувеличиваю.

Подчасъ я готова предпочесть его Бастьену. Теперь у меня idée fixe: мнѣ хочется имѣть статую одного и картину другого.

1883.

Понедѣльникъ, 1 января. Гамбета, заболѣвшій или раненый нѣсколько дней тому назадъ, только что умеръ.

Я не могу выразить страннаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня его смертью. Не вѣрится какъ-то. Этотъ человѣкъ игралъ такую роль въ жизни всей страны, что нельзя себѣ ничего прдставить безъ него. Побѣды, пораженія, карикатуры, обвиненія, похвалы, шутки — все это поддерживалось только имъ. Газеты говорятъ о его паденіи, — онъ никогда не падалъ! Его министерство! Да развѣ можно судить о министерствѣ, длившемся шесть недѣль.

Умеръ несмотря на семь докторовъ, всѣ заботы о немъ, всѣ усилія спасти его! Къ чему же послѣ этого заботиться о здоровьѣ, мучиться, страдать! Смерть ужасаетъ меня теперь такъ, какъ будто бы она стояла передъ моими глазами.

Да, мнѣ кажется, что это должно случиться... скоро. О, до какой степени чувствуешь свое ничтожество! И къ чему все? Зачѣмъ?.. Должно быть что-нибудь кромѣ этого; этой скоропреходящей жизни недостаточно, она слишкомъ ничтожна сравнительно съ нашими мыслями и стремленіями. Есть что-нибудь кромѣ нея — безъ этого сама жизнь непонятна и идея Бога нелѣпа.

Будущая жизнь... бываютъ минуты, когда какъ-то смутно провидишь ее, не умѣя понять и ощущая только ужасъ.

Среда, 3 января. Чтеніе журналовъ, наполненныхъ Гамбеттою, сжимаетъ мнѣ голову, какъ желѣзнымъ кольцомъ эти патріотическія тирады, эти звучныя слова, патріотъ: великій гражданинъ, народный трауръ! Я не могу работать; я пробо-

вала, хотѣла заставить себя, и, благодаря этому напускному хладнокровію первыхъ часовъ я сдѣлала только непоправимую ошибку, о которой я буду вѣчно сожалѣть, — оставшись въ Парижѣ, вмѣсто того, чтобы отправиться въ Вилль-д'Авре немедленно по полученіи извѣстія осмотрѣть комнату и даже сдѣлать наброски... Я никогда не буду оппортунисткой.

Четвергъ, 4 января. Гробъ перевезенъ въ Парижъ и былъ встрѣченъ президентомъ палатъ. «Благодарю васъ за то, что вы озаботились его перевозкой», — говоритъ онъ Спюллеру, заливаясь слезами... И я плачу! Суровый, простой, сдержанный Бриссонъ въ слезахъ! И онъ не былъ его другомъ! — «Благодарю васъ, что вы озаботились его перевозкой»... Въ этомъ звучитъ истинное чувство, не оставляющее мѣста никакому актерству.

Мы не могли войти туда, прождавъ очереди въ теченіе двухъ часовъ. Толпа вела себя довольно почтительно, если принять въ соображеніе французскій характеръ, давку, толкотню, обязательные въ такихъ случаяхъ разговоры, потребность подвергнуть все случившееся обсужденію, разные смѣшные случаи, неизбѣжные въ такой сутолокѣ.

Когда кто-нибудь начиналъ громко смѣяться, находились люди, водворявшіе тишину: «Это непристойно! Уважьте его память!» — раздавалось въ толпѣ... Повсюду продавались портреты, медали, иллюстрированные журналы: «Жизнь, смерть Гамбетты!». Сердце сжимается отъ этого грубаго заявленія о случившемся, отъ этой громогласности его, совершенно естественной, конечно, но казавшейся, мнѣ какимъ-то святотатствомъ.

Суббота, 6 января. Мы отправляемся смотрѣть погребальную процессію изъ оконъ Мариновича, въ улицу Риволи. Трудно было бы устроиться лучше.

Въ два часа пушка возвѣщаетъ о поднятіи тѣла; мы становимся къ окнамъ.

Колесница, предшествуемая военными горнистами на лошадяхъ, музыкантами, играющими marche funèbre, и тремя огромными повозками, переполненными вѣнками, возбуждали чувство какого-то изумленія. Сквозь слезы, вызванныя этимъ грандіознымъ зрѣлищемъ, я различила братьевъ Бастьенъ-Лепажей, идущихъ почти около самой колесницы, сдѣланной по ихъ проекту; архитекторъ, которому братъ, не нуждающійся въ отличіяхъ для увеличенія своей знаменитости, велико-

душно уступилъ первенство, шелъ, неся шнуръ отъ покрова. Колесница низкая, какъ-бы придавленная печалью; покровъ, изъ чернаго бархата, переброшенъ поперекъ нея, вмѣстѣ съ нѣсколькими вѣнками; крепъ; гробъ, обернутый знаменами. Мнѣ кажется, что можно было бы пожелать для колсеницы больше величественности. Можетъ быть, впрочемъ это оттого, что я привыкла къ пышности нашихъ церковныхъ обрядовъ. Но вообще они были совершенно правы, оставивъ въ сторонѣ обычный фасонъ погребальныхъ дрогъ и воспроизводя нѣчто въ родѣ античной колесницы, вызывающей въ воображеніи мысль о перевозѣ тѣла Гектора въ Трою.

Послѣ того, какъ проѣхали три повозки съ цвѣтами и пронесены были многочисленные гигантскіе вѣнки, можно было-бы подумать, что это все, но эти три повозки совершенно теряются въ безконечномъ шествіи, потому что никогда еще, по словамъ всѣхъ, не видано было такой процессіи изъ цвѣтовъ, траурныхъ знаменъ и вѣнковъ.

Признаюсь безъ всякаго стыда, что я была просто поражена всѣмъ этимъ великолѣпіемъ. Это зрѣлище трогаетъ, волнуетъ, возбуждаетъ — не хватаетъ словъ, чтобы выразить это чувство, непрерывно возрастающее. Какъ, еще? Да, еще, еще и еще — эти вѣнки всевозможныхъ величинъ, всѣхъ цвѣтовъ, невиданные, огромные, баснословные, хоругви и ленты съ патріотическими надписями, золотая бахрома, блестящая сквозь крепъ. Эти груды цвѣтовъ, перловъ, бахромы, эти цвѣтники розъ, качающихся на солнцѣ, горы фіалокъ и иммортелей, и потомъ снова отрядъ музыкантовъ, играющихъ въ нѣсколько ускоренномъ темпѣ погребальный маршъ, грустными нотами замирающій въ отдаленіи; потомъ шумъ безчисленныхъ шаговъ по песку улицы, который можно сравнить съ шумомъ дождя отъ безчисленныхъ слезъ... И еще, и еще проходятъ делегаціи, несущія вѣнки, разныя общества, корпораціи. Парижъ, Франція, Европа, промышленность, искусство, школы — весь цвѣтъ культуры и интеллигенціи.

И снова барабаны, обернутые крепомъ, и дивные звуки музыки послѣ давящаго молчанія.

Потомъ снова безчисленные вѣнки. Наиболѣе красивые привѣтствуются одобрительнымъ ропотомъ толпы. Вотъ появляются монументальные вѣнки и трехцвѣтныя знамена въ траурѣ отъ городовъ Эльзаса и Лотарингіи, — какой-то трепетъ пробѣгаетъ по толпѣ, отъ котораго невольно выступаютъ

на глаза слезы. А процессія все продолжается, вѣнки слѣдуютъ за вѣнками, ленты и цвѣты сверкаютъ на солнцѣ сквозь черный крепъ.

Это не похороны, это какое-то тріумфальное шествіе. Весь народъ идетъ за этимъ гробомъ, и, кажется, всѣ цвѣты Франціи срѣзаны и собраны, чтобы почтить прахъ этого генія, который воплощалъ въ себѣ всѣ великодушныя стремленія великаго поколѣнія, который сумѣлъ соединить въ своей личности всю жизнь молодой страны, который былъ поэзіей, надеждой, главой всѣхъ новыхъ людей.

И этотъ человѣкъ умеръ въ сорокъ четыре года, едва только успѣвъ приготовить почву для своего великаго дѣла.

Эта невѣроятная, единственная въ своемъ родѣ процессія тянется въ теченіе двухъ съ половиной часовъ; наконецъ толпа смыкается, толпа равнодушная и шумливая, уже готовая весело смѣяться надъ испугомъ лошадей послѣднихъ кирасировъ. Никогда еще не видано было ничего подобнаго: эта музыка, эти цвѣты корпораціи, дѣти мелькали сквозь легкій туманъ, позлащенный солнцемъ, и все это слагалось въ живую картину какого-нибудь апоѳеоза. Этотъ золотистый туманъ, эти цвѣты напоминали фантастическое шествіе какого-то молодого бога...

О, да, расточай передъ нимъ теперь всѣ эти цвѣты, вѣнки и погребальные марши и знамена, и делегаціи, и всѣ эти почести — народъ нетерпѣливый, неблагодарный, несправедливый! Теперь вѣдь уже все кончено. Оберните своими трехцвѣтными флагами гробъ, хранящій только останки этой свѣтлой души. Вамъ остается только почтить этотъ обезображенный трупъ, послѣ того, какъ вы отравили ему послѣдній годъ его жизни. Все кончено! И разные маленькіе человѣки стоятъ въ какомъ-то остолбенѣніи предъ зіяющей могилой того, кто такъ стѣснялъ ихъ однимъ своимъ превосходствомъ. Сколько такихъ людей, нашептывавшихъ другъ другу, что Гамбетта становился имъ поперекъ дороги своимъ подавляющимъ геніемъ. Теперь дорога свободна передъ вами. Но его смерть не измѣнитъ вашей посредственности, завистливости и вашего ничтожества.

Мы уходимъ оттуда около трехъ часовъ. Елисейскія поля сѣры, пустынны. А еще такъ недавно этотъ человѣкъ проѣзжалъ здѣсь — такой веселый, живой, молодой, въ своемъ простомъ экипажѣ, за который его упрекали. Какая низость!..

потому что люди интеллигентные, честные, развитые, истинные патріоты **не могли** въ своей душѣ, въ своемъ сознаніи вѣрить всѣмъ клеветамъ, которыми осыпали Гамбетту.

Крыльцо палаты убрано вѣнками и завѣшано, какъ вдова, гигантскимъ чернымъ крепомъ, спадающимъ съ фронтона окутывающимъ его своими прозрачными складками. Эта креповая вуаль — геніальное измышленіе; нельзя придумать болѣе драматическаго символа. Эффектъ ея потрясающій; сердце замираетъ, становится какъ-то жутко, какъ при видѣ чернаго флага, выкинутаго въ минуту опасности, угрожающей странѣ.

Понедѣльникъ, 8 января. Положительно этотъ человѣкъ наполнялъ собой всю Францію и даже всю Европу. Всякій долженъ чувствовать, что чего-то не хватаетъ; кажется, что теперь уже больше нечего читать въ газетахъ, нечего дѣлать въ палатѣ.

Бываютъ, разумѣется, люди болѣе полезные, незамѣтные труженики, изобрѣтатели, терпѣливые чиновники!! Никогда не будетъ у нихъ этого обаянія, этого очарованія, этого могущества. Возбуждать энтузіазмъ, самоотверженіе; группировать, объединять партіи; служить **рупоромъ** для своего отечества... это ли не полезно, не нужно, не прекрасно? Воплощать свою страну, быть знаменемъ, къ которому обращаются всѣ глаза въ минуту опасности.. неужели это не выше всякихъ кабинетныхъ трудовъ, всѣхъ добродѣтелей и мудрыхъ распоряженій опытныхъ гражданскихъ дѣятелей? Боже мой, умри теперь Викторъ Гюго, и это ни для кого не составило бы ничего особеннаго; его трудъ не исчезнетъ вмѣстѣ съ нимъ, что бы ни случилось; и умри онъ сегодня или десять лѣтъ тому назадъ — это почти безразлично — онъ закончилъ свою дѣятельность. Но Гамбетта былъ жизнью, свѣтомъ каждаго вновь наступающаго утра; онъ былъ душой республики, въ немъ отражались и слава, и паденія, и торжества, и смѣшныя стороны всей его страны. Его жизнь была живой эпопеей — въ дѣяньяхъ и рѣчахъ — изъ которой ужъ больше никто никогда не увидитъ ни одного жеста, не услышитъ ни одного звука его голоса.

Среда, 16 января. Эмиль Бастьенъ сопровождаетъ насъ въ Вилль д'Авре, въ домъ Гамбетты, гдѣ работаетъ его братъ.

До тѣхъ поръ, пока не увидишь своими глазами, никогда не повѣришь, до какой степени жалка внутренность его жи-

лища. Я говорю жалка, потому что сказать скромна было бы далеко недостаточно. Одна только кухня сколько-нибудь прилична въ этомъ маленькомъ домикѣ, напоминающемъ сторожку садовника.

Столовая до того мала и низка, что удивляешься только, какъ могъ въ ней помѣститься гробъ и всѣ его знаменитые друзья.

Зала только чуть-чуть побольше, но бѣдна и почти пуста. Скверная лѣстница ведетъ въ спальню, видъ которой наполняетъ меня удивленіемъ и негодованіемъ. Какъ! Въ этой жалкой коморкѣ, **до потолка которой я достаю рукой въ буквальномъ смыслѣ слова,** они могли держать въ теченіе шести недѣль больного такой комплекціи, какъ Гамбетта, зимой, съ наглухо затворенными окнами. Человѣка полнаго, страдающаго одышкой и раненаго!..

Онъ такъ и умеръ въ этой комнатѣ. Грошевые обои, темная кровать, два бюро, треснувшее зеркало между окномъ и шторой, дрянныя занавѣсы изъ красной шерстяной матеріи! Бѣдный студентъ жилъ бы не хуже этого.

Этотъ человѣкъ, столь много оплакиваемый, никогда не былъ любимъ! Окруженный разными **дѣятелями,** спекуляторами, эксплуататорами, онъ никогда не имѣлъ человѣка, который любилъ бы его **ради него самого** или, по крайней мѣрѣ, ради его славы.

Но какъ можно было оставлять его хоть часъ въ этой нездоровой и жаркой коморкѣ! Можно-ли сравнить **неудобства** часовой перевозки съ опасностью пребыванія безъ свѣжаго воздуха въ этой маленькой комнатѣ. И про этого человѣка говорили, что онъ занятъ удобствами, склоненъ къ роскоши! Это просто клевета!

Бастьенъ-Лепажъ работаетъ въ ногахъ у самой постели. Все оставлено какъ тогда: смятая простыня на свернутомъ одѣялѣ, заслоняющемъ трупъ, цвѣты на простыняхъ. Судя по гравюрамъ, нельзя составить себѣ понятія о величинѣ комнаты, въ которой кровать занимаетъ огромное мѣсто. Разстояніе между кроватью и окномъ не позволяетъ отодвинуться для срисовки ея, такъ что на картинѣ видна только та часть постели, которая ближе къ изголовью. Картина Бастьена — сама правда. Голова, закинутая назадъ, въ поворотъ en trois quarts, съ выраженіемъ успокоенія въ небытіи послѣ страданій, ясности **еще живой** и въ то же время уже неземной. Глядя

на картину, видишь самую дѣйствительность. Тѣло, вытянутое, успокоенное, только-что покинутое жизнью, производитъ потрясающее впечатлѣніе. При видѣ его, морозъ пробѣжитъ по кожѣ и колѣна дрожатъ и подгибаются.

Счастливый человѣкъ этотъ Бастьенъ-Лепажъ! Я чувствую какое-то стѣсненіе въ его присутствіи. Несмотря на наружность двадцатипятилѣтняго юноши, въ немъ есть то спокойствіе, полное благосклонности и та простота, которая свойственна великимъ людямъ — Виктору Гюго, напримѣръ. Я кончу тѣмъ, что буду находить его красивымъ; во всякомъ случаѣ онъ обладаетъ въ высшей степени тѣмъ безграничнымъ обаяніемъ, которое присуще людямъ, имѣющимъ вѣсъ, силу, которые сознаютъ это, безъ глупаго самодовольства.

Я смотрю, какъ онъ работаетъ, а онъ болтаетъ съ Диной, остальные сидятъ въ сосѣдней комнатѣ.

На стѣнѣ виденъ слѣдъ пули, убившей Гамбетту; Бастьенъ намъ показываетъ ее, и тишина этой комнаты, эти увядшіе цвѣты, солнце, свѣтящее въ окно, все это вызываетъ слезы на моихъ глазахъ. А онъ сидѣлъ спиной ко мнѣ, погруженный въ свою работу... Ну-съ, и вотъ, чтобы не потерять выгодной стороны такой чувствительности, я порывисто подала ему руку и быстро выхожу, съ лицомъ, омоченнымъ слезами. Надѣюсь, что онъ это замѣтилъ. Это глупо... Да, глупо признаться, что постоянно думаешь о производимомъ эффектѣ!

Четвергъ, 22 февраля. Голова маленькаго изъ моихъ двухъ мальчиковъ вполнѣ закончсна.

Я играю Шопена на роялѣ и Россини на арфѣ, совершенно одна въ своей мастерской. Луна свѣтитъ. Большое окно позволяетъ видѣть ясно чудное синее небо. Я думаю о своихъ «Святыхъ женахъ», и душа моя полна такого восторга отъ ясности, съ которой эта картина мнѣ представляется, что меня охватываетъ безумный страхъ — какъ бы кто-нибудь другой не сдѣлалъ ее раньше меня... И это нарушаетъ глубокое спокойствіе вечера.

Но есть радости, кромѣ всего этого; я очень счастлива сегодня вечеромъ; я только-что читала Гамлета по-англійски, и музыка Амбруаза Тома тихонько убаюкиваетъ меня.

Есть драмы, вѣчно волнующія, типы безсмертные... Офелія — блѣдная и бѣлокурая — это хватаетъ за сердце. Офелія!.. Желаніе самой пережить несчастную любовь пробужда-

ется въ глубинѣ души. Нѣтъ — Офелія, цвѣты и смерть... Это прекрасно!

Должны же быть какія-нибудь формулы для такихъ грезъ, какъ сегодня, и всѣ вѣянія поэзіи, приходящія въ голову, не должны были бы пропадать безслѣдно, но излиться въ какое-нибудь твореніе. Быть можетъ этотъ журналъ будетъ?.. Нѣтъ, онъ слишкомъ длиненъ. О, если бы Богъ помогъ мнѣ выполнить мою картину — большую, настоящую. Въ этомъ году — это будетъ еще почти въ родѣ этюда... вдохновленнаго Бастьеномъ? Боже мой, да; его живопись до такой степени передаетъ природу, что чѣмъ ближе копируешь ее, тѣмъ больше походишь на него. Его головы живутъ; это не «прекрасная живопись», какъ у Каролуса Дюрана, это само тѣло, человѣческая кожа; все у него живетъ, дышитъ. Тутъ нельзя говорить о техникѣ: это просто сама природа; и это дивно хорошо!

Суббота, 24 февраля. Вы знаете, что я постоянно занята Бастьенъ-Лепажемъ; я привыкла произносить это имя и избѣгаю произносить его при всѣхъ, — какъ будто бы я была въ чемъ-нибудь виновата. А когда я говорю о немъ, то съ нѣжной фамильярностью, которая кажется мнѣ совершенно естественной въ виду его таланта и которая могла бы быть дурно истолкована.

Господи, какъ жаль, что онъ не можетъ бывать у насъ, какъ его братъ.

Но чѣмъ бы онъ могъ для меня быть? Да другомъ! О, я бы обожала своихъ знаменитыхъ друзей — не изъ тщеславія только, но ради нихъ самихъ, ихъ достоинствъ, ихъ ума, таланта, генія. Вѣдь это какая-то совсѣмъ особенная порода людей. Поднявшись надъ банальной сферой золотой посредственности, почувствовать себя въ чистой атмосферѣ, въ кругу избранныхъ, гдѣ можно взяться за руки и свиться въ стройный хороводъ... Что это, какъ я заговорилась!.. Нѣтъ, да право, у Бастьена такая прекрасная голова.

Среда, 27 февраля. Наконецъ вотъ рядъ веселыхъ дней; я пою, болтаю, смѣюсь, а имя Бастьена-Лепажа все звучитъ и звучитъ, какъ припѣвъ. Ни личность его, ни наружность, едва ли даже представленіе о его талантѣ — нѣтъ, просто его имя!.. Однако, я начинаю бояться... Что, если моя картина будетъ похожа на его?.. За послѣднее время онъ написалъ массу разныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Между прочимъ зна-

менитаго *Pas-mèche*. Можно ли представить себѣ что-нибудь прекраснѣе?

А у меня эти два мальчика, которые идутъ вдоль тротуара, взявшись за руки: старшій — лѣтъ семи — устремилъ глаза вдаль; въ зубахъ у него зеленый листокъ; мальчикъ — лѣтъ четырехъ — уставился на публику; рука его въ карманѣ панталонъ. Не знаю, что и думать: еще сегодня вечеромъ я сама была довольна. Это просто пугаетъ меня.

Но сегодня вечеромъ, сегодня вечеромъ, — безмѣрная радость. Что? — скажете вы — Сенъ-Марсо или Бастьенъ пришли? Нѣтъ, но я сдѣлала эскизъ **моей статуи.**

Я хочу тотчасъ, послѣ 15 марта, приняться за статую. Я сдѣлала на своемъ вѣку двѣ группы и два-три бюста; все это было брошено на полъ-дорогѣ, потому что, работая одна и безъ всякаго руководства, я могу привязаться только къ вещи, которая дѣйствительно интересуетъ меня, куда я вкладываю свою жизнь, свою душу, словомъ, къ какой-нибудь серьезной вещи, а не къ простому этюду.

Задумать какой-нибудь образъ и почувствовать это безмѣрное желаніе выполнить его... о, что это такое!

Можетъ быть, на этотъ разъ выйдетъ плохо. Ну, что за бѣда!.. Я рождена скульпторомъ; я люблю форму до обожанія. Никогда краски не могутъ обладать такимъ могуществомъ, какъ форма, хотя я и отъ красокъ безъ ума. Но форма! Прекрасное движеніе, прекрасная поза! Вы поворачиваете — силуэтъ мѣняется, сохраняя все свое значеніе!.. О, счастье! блаженство!

Моя статуя изображаетъ стоящую женщину, которая плачетъ, уронивъ голову на руки. Вы знаете — это движеніе плечъ, когда плачутъ.

Я готова была стать на колѣни передъ ней. Я говорила тысячу глупостей. Эскизъ — вышиною въ 30 сантиметровъ но самая статуя будетъ въ натуральную величину...

Когда все было готово, я разорвала свою батистовую рубашку, чтобы завернуть въ нее эту хрупкую статуйку... Я больше люблю ее, чѣмъ свою кожу. И этотъ влажный бѣлый батистъ, спадающій красивыми складками съ стройной фигуры статуйки, которая уже представляется мнѣ въ своемъ будущемъ настоящемъ видѣ... до чего это красиво!.. Я завертывала ее съ какимъ-то благоговѣніемъ, и до чего это тонко нѣжно, благородно!

У меня слабые глаза; если бы они ослабѣли настолько, что это помѣшало бы моей живописи, я взялась бы за скульптуру.

Среда, 28 февраля. Картина будетъ завтра кончена; я работала надъ ней девятнадцать дней.

Суббота, 3 марта. Тони пришелъ сегодня посмотрѣть картину. Онъ остался очень доволенъ ею. Одна изъ головокъ особенно хороша. «Вы никогда еще не дѣлали ничего подобнаго, это очень мило, и прекрасные тона. Отлично, отлично! право славная вещица!..» и такъ въ теченіе довольно долгаго времени. Словомъ все обстоитъ какъ нельзя лучше!.. Не могу вѣрить!

Да почему же это я не прихожу въ восторгъ? Вѣдь никогда еще онъ не говорилъ мнѣ ничего подобнаго. И нельзя сказать, чтобы я подозрѣвала его въ лести. О, нѣтъ!.. Но я могла бы сдѣлать еще лучше; такъ мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ, и я постараюсь добиться этого во второй фигурѣ...

Среда, 14 марта. Наконецъ пришелъ взглянуть на картину и Жуліанъ. Я не просила его объ этомъ. Былъ только обмѣнъ писемъ, нѣсколько колкихъ — съ обѣихъ сторонъ. Но онъ чувствуетъ свою неправду, а я скромно торжествую.

Онъ нашелъ, что картина очень хороша.

Четвергъ, 15 марта. Въ три часа я еще работала, когда собралось столько народу, что пришлось все бросить. Madame и m-lle Канроберъ, Божидаръ, княгиня и другіе. Вся эта компанія отправляется къ Бастьену смотрѣть его картину **Любовь въ деревнѣ.** Среди виноградника спиной къ публикѣ стоитъ дѣвушка, опустивъ голову, вертя цвѣточекъ въ рукахъ; она опирается о заборъ; по другую сторону забора молодой парень лицомъ къ зрителю; онъ опустилъ глаза и смущенно теребитъ свои пальцы. Эта картина полна чарующей поэзіи и самаго тонкаго чувства. Объ исполненіи уже и говорить нечего; это сама правда. Это не живописецъ только, — это поэтъ, психологъ, метафизикъ, творецъ!

Четвергъ, 22 марта. Вчера я позвала двухъ техниковъ, которые сдѣлали мнѣ каркасъ для моей статуи. И сегодня я уже нарисовала ее, придавъ ей желаемое движеніе... Я сильно увлечена... по части живописи — «Святыхъ женъ», которыхъ я постараюсь окончить этимъ же лѣтомъ; въ скульптурѣ — моя Аріадна просто не даетъ мнѣ покою. А пока я дѣлаю эту женскую фигуру, которая соотвѣтствуетъ по позѣ моей дру-

гой Маріи, — той, которая стоитъ, но столько въ статуѣ и безъ одѣянія; и потомъ эта молодая дѣвушка, изъ нея могла бы выйти прелестнѣйшая Навзикая. Она уронила голову на руки и плачетъ. И въ ея позѣ столько непосредственности, такое отчаяніе, такая тоска, и что-то такое молодое, искреннее, что я сама охвачена волненіемъ.

Навзикая, дочь царя ѳеаковъ, — одинъ изъ прелестнѣйшихъ образовъ древности. Образъ, обрисованный на второмъ планѣ, но глубоко трогательный и привлекательный.

Она влюбилась въ Одиссея, слушая разсказъ о его приключеніяхъ въ то время, какъ стояла опершись на колонну розоваго мрамора во дворцѣ своего отца. Они не обмѣнялись ни однимъ словомъ послѣ этого; онъ уѣзжаетъ искать свою страну, возвращается къ своимъ дѣламъ. А Навзикая остается на берегу, смотря за удаляющимся бѣлымъ парусомъ, и когда все опустѣло на голубомъ горизонтѣ, она роняетъ на руки свою голову и, закрывъ лицо пальцами, не думая о своей красотѣ, приподнявъ плечи и придавивъ руками грудь, отдается слезамъ.

Воскресенье, 25 марта. Со вчерашняго дня я въ ужаснѣйшей тревогѣ; вы сейчасъ поймете, почему.

Приходитъ В. и спрашиваетъ, получила ли я какія-нибудь извѣстія изъ салона.

— Нѣтъ, ничего рѣшительно. — Какъ? вы ничего не знаете? — Ровно ничего. — Вы приняты. — Я право ничего не знаю. — Да, конечно; и теперь уже дошли по фамиліямъ до буквы С. — Вотъ и все! Я едва пишу, руки такъ и дрожатъ, я чувствую себя совсѣмъ разбитой.

Я не сомнѣвалась, что я «принята»!

Я разсылаю депеши во всѣ концы, а черезъ пять минутъ получаю записку отъ Жуліана, которую привожу дословно.

«О, святая наивность!.. Вы приняты по крайней мѣрѣ съ № 3, потому что я знаю одного изъ членовъ, который требовалъ для васъ № 2. Теперь побѣда!.. Мои душевныя поздравленія!»

Среда, 27 марта. Я только что пересматривала **Одиссея**. Гомеръ не даетъ сцены, которую я себѣ представила. Правда, что она должна служить неизбѣжнымъ, вполнѣ логическимъ выводомъ изъ всего предшествующаго. Рѣчи Улисса, полныя похвалъ и удивленія при его встрѣчѣ съ Навзикаей на берегу

должны были неизбѣжно вскружить ей голову; впрочемъ, она вѣдь и сама говоритъ объ этомъ своимъ подругамъ.

Она принимаетъ его за какого-нибудь бога, онъ выражаетъ по отношенію къ ней тѣ же чувства... Словомъ, это ужъ непремѣнно такъ.

Перечту еще разъ слова Улисса. Когда онъ появляется нагой и испачканный передъ молодыми дѣвушками, всѣ онѣ разбѣгаются. Навзикая остается одна.

«Сама Аѳина возбуждаетъ въ немъ эту рѣшимость». Этотъ старый интриганъ, такъ много пережившій на своемъ вѣку, но все еще прекрасный, нуждается въ одеждѣ и покровительствѣ; и, обращаясь къ Навзикаѣ, онъ сравниваетъ ее съ Діаной. Слѣдовательно, она должна быть высока, прекрасна и стройна. «Глаза его, — говоритъ онъ, — еще никогда не видѣли такой смертной». И затѣмъ онъ сравниваетъ ее со стволомъ пальмы, которая поразила его до остолбенѣнія, когда онъ увидѣлъ ее въ Делосѣ около алтаря Аполлона, въ путешествіи, которое онъ сдѣлалъ въ сопровожденіи многочисленнаго народа и которое было для него источникомъ величайшихъ несчастій.

Такимъ образомъ онъ въ этихъ немногихъ словахъ одновременно расточаетъ ей такую тонкую лесть и обрисовываетъ себя въ самомъ поэтическомъ свѣтѣ, какъ человѣка выдающагося и возбуждающаго живѣйшій интересъ своими несчастіями; онъ представляется какъ бы преслѣдуемымъ богами. Невозможно, чтобы эта дѣвушка, удостоившаяся по своему уму и красотѣ сравненія съ безсмертными, не была при этомъ сразу охвачена необыкновеннымъ чувствомъ, — особенно въ виду ея настроенія, возбужденнаго сномъ предшествующей ночи.

Пятница, 30 марта. Я работала сегодня до шести часовъ, въ шесть часовъ было еще свѣтло; я отворила двери на балконъ и сѣла слушать звонъ, разносившійся изъ церквей, дыша весеннимъ воздухомъ и играя на арфѣ.

Я такъ спокойна. Я славно поработала, потомъ вымылась, одѣлась въ бѣлое, поиграла на арфѣ и теперь взялась за перо; чувствуя себя спокойной, удовлетворенной, я вполнѣ наслаждалась этой созданной мной обстановкой, гдѣ все у меня подъ руками... И такъ хорошо жить этой жизнью... въ ожиданіи будущей славы. Но если бы она и пришла, слава,—я отдавалась бы ей вполнѣ какихъ-нибудь два мѣсяца въ году, а

остальные десять мѣсяцевъ проводила бы, запершись отъ всѣхъ и отдаваясь работѣ...

Что меня мучитъ, такъ это, что нужно будетъ выйти замужъ. Тогда ужъ больше не будетъ ни одной изъ этихъ низменныхъ тревогъ тщеславія, отъ котораго я не могу отдѣлаться.

— Почему это она не выходитъ замужъ?.. Мнѣ даютъ двадцать пять лѣтъ, и это меня бѣситъ; тогда какъ разъ выйду замужъ... Да, но за кого? Если бы я была здорова, какъ прежде... А теперь нужно, чтобы это былъ человѣкъ добрый и деликатный. Нужно, чтобы онъ любилъ меня, потому что я не настолько богата, чтобы поставить себя независимо отъ него, во всѣхъ отношеніяхъ.

Во всемъ этомъ я не удѣляю никакой роли моему сердцу. Да вѣдь нельзя всего предвидѣть, и потому — это зависитъ... И потомъ, можетъ быть, никогда ничего подобнаго и не случится...

Только что получила слѣдующую записку:

«Дворецъ Елисейскихъ полей. Общество французскихъ художниковъ, устроителей ежегодныхъ выставокъ изящныхъ искусствъ.

Пишу вамъ не выходя изъ залъ jury, чтобы сообщить вамъ, что головка-пастель имѣла истинный успѣхъ. Отъ души васъ съ этимъ привѣтствую. Нечего и говорить, что ваши работы приняты прекрасно.

На этотъ разъ — это ужъ настоящій успѣхъ для васъ, и я очень этимъ счастливъ.

Тони Роберъ-Флери».

Вы, можетъ быть, думаете, что я обезумѣла отъ радости? Я вполнѣ спокойна. Я должно быть не заслуживаю того чтобы испытать большую радость, потому что даже такое радостное извѣстіе застаетъ меня въ такомъ настроеніи, что все это кажется мнѣ въ порядкѣ вещей. Я сдержана именно какъ человѣкъ, который боится, что «это невозможно, потому что это **слишкомъ** хорошо». Я боюсь обрадоваться преждевременно... и вообще напрасно.

Среда, 3 апрѣля. Погода чудо какъ хороша... Я чувствую въ себѣ такую силу, я вѣрю, что могу быть настоящей художницей. Я чувствую это, я убѣждена въ этомъ.

Солнце, весна, свѣжій воздухъ; это главный мотивъ моего настроенія. Лѣтомъ не знаешь куда дѣваться отъ жары

зимой отъ холода, лѣтомъ только утра и вечера хороши. А теперь это просто такъ, и не воспользоваться этимъ временемъ, чтобы рисовать и писать на воздухѣ, — чистое безуміе.

Поэтому съ завтрашняго дня я начну... Я чувствую въ себѣ такую силу передать все, что поражаетъ меня. Эта вѣра въ себя утраиваетъ способности. Съ завтрашняго же дня я примусь за картину, которая кажется мнѣ прелестной; потомъ позднѣе, осенью, въ худую погоду — другую, тоже очень интересную. Мнѣ кажется, что теперь каждое мое начинаніе мнѣ удастся, и я полна какого-то дивнаго упоенія...

Среда, 4 апрѣля. Розовый день. Шестеро ребятишекъ, сгруппированныхъ голова съ головой, нарисованы только до колѣнъ. Старшему мальчику лѣтъ двѣнадцать, младшему шесть. Старшій, повернувшійся почти спиной, держитъ гнѣздо, а остальные смотрятъ въ самыхъ разнообразныхъ и правдивыхъ позахъ. Шестая фигура — дѣвочка, лѣтъ четырехъ, видна со спины; голова поднята, руки скрещены...

Все это такъ обыкновенно въ простомъ описаніи, но на самомъ дѣлѣ эти шесть головокъ, прильнувшихъ другъ къ другу, представляютъ изъ себя нѣчто необычайно интересное.

Среда, 18 апрѣля. Я только что встала изъ-за рояля. Это началось двумя божественными маршами Шопена и Бетховена, а потомъ я играла сама не знаю... что выходило, но это были такія очаровательныя вещи, что я еще до сихъ поръ сама себя слушаю. Не странно ли? Я не могла бы теперь повторить изъ всего этого ни одной нотки, и даже не могла больше сѣсть импровизировать. Нуженъ часъ, минута, не знаю что... А теперь у меня все еще проходятъ въ головѣ какія-то божественныя мелодіи. Если бы у меня былъ голосъ, какъ прежде, я могла бы пѣть вещи чудныя, драматическія, никому невѣдомыя... Зачѣмъ? Жизнь слишкомъ коротка. Не успѣваешь ничего сдѣлать! Мнѣ хотѣлось бы работать надъ скульптурой, не бросая живописи. Не то, чтобы мнѣ хотѣлось **быть скульпторомъ,** но просто мнѣ **видятся** такія чудныя вещи и я чувствую такую настоятельную потребность передать то, что я вижу.

Я научилась живописи, но я работала не потому, что мнѣ хотѣлось бы сдѣлать ту или другую вещь. А вѣдь тутъ — я буду работать надъ глиной, чтобы воплотить свои видѣнія.

Воскресенье, 22 апрѣля. Изъ пастелей на выставкѣ было всего двѣ, принятыхъ съ № I: одинъ — Б., другой мой. Голова Ирмы въ первомъ ряду и притомъ въ углу, — слѣдовательно на почетномъ мѣстѣ...

За обѣдомъ у насъ, какъ почти ежедневно, много народа. Я прислушиваюсь къ разговорамъ и говорю себѣ, что вотъ вѣдь всѣ эти люди только и дѣлаютъ всю свою жизнь, что говорятъ глупости. Счастливѣе ли они, чѣмъ я?.. Ихъ горести совсѣмъ другого рода, а вѣдь страдаютъ-то они столько же. А между тѣмъ, они не умѣютъ извлекать изъ всего такого наслажденія, какъ я. Какая бездна вещей ускользаетъ отъ нихъ: всѣ эти мелкія подробности, эти пустяки, представляющіе для меня безконечное поле для наблюденій, составляющіе источникъ радостей, недоступныхъ массѣ; а наслажденіе красотой природы или всѣми этими деталями Парижа! Какой-нибудь прохожій, взглядъ ребенка или женщины, какое-нибудь объявленіе, да и мало ли что еще... Когда я отправилась въ Лувръ — идешь по двору, поднимаешься по лѣстницѣ, на которой, такъ кажется, и видятся слѣды милліоновъ ногъ, топтавшихъ ее, открываешь дверь, всматриваешься во всѣхъ встрѣчныхъ, и воображеніе уже создаетъ какія-нибудь исторіи, гдѣ каждый играетъ свою роль, проникаешь мысленно въ глубину души ихъ, вся ихъ жизнь мигомъ встаетъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ. И потомъ другой рядъ мыслей, другія впечатлѣнія и все это сплетается вмѣстѣ и даетъ такую пеструю картину... Тутъ представляются сюжеты для... Чего только тутъ ни придумаешь! И такимъ образомъ, если я въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и стала беднѣе другихъ съ тѣхъ поръ, какъ оглохла, многое все-таки вознаграждаетъ меня...

О, нѣтъ! Всѣ, всѣ знаютъ это, и это, конечно, первое, о чемъ говорятъ, упоминая обо мнѣ: «Знаете, она вѣдь нѣсколько глуха». Не знаю какъ поворачивается у меня рука написать это... Развѣ можно привыкнуть къ этому?.. И еще случись это съ человѣкомъ пожилымъ, съ какой-нибудь старухой, съ какимъ-нибудь обиженнымъ судьбой! Но для человѣка молодого, живого, трепещущаго, захлебывающагося жизнью!!.

Пятница, 27 апрѣля. Роберъ-Флери заходилъ ко мнѣ вчера и просидѣлъ цѣлый часъ. Онъ очень поощряетъ меня въ моихъ планахъ относительно «Святыхъ женъ». Это очень трудно, но въ сущности и всегда приходится «только списывать!» Списывать. Легко сказать — списывать. Списывать

безъ художественнаго чутья, безъ всякой **внутренней идеи** — просто нелѣпо... Нѣтъ, работать приходится столько же душой, сколько глазами... Я не высказываю всего этого Роберу-Флери. Не то, чтобъ онъ не понялъ меня; но онъ облечетъ все это въ форму **классической интерпретаціи,** которой я совершенно не выношу. Вообще онъ говоритъ, что для картины такого рода нужно быть знакомымъ съ очень многими сторонами техники, о которыхъ я даже и не подозрѣваю. Напримѣръ: драпировки... *Quessaco?*

— Ну такъ что же такое! Я и сдѣлаю эти «драпировки», — вѣдь дѣлаю-же я современные костюмы.

— Это будетъ ни на что не похоже.

— Да почему же? Развѣ люди, которыхъ я должна изобразить, не были живыми и современными?

— Все равно, вы не найдете вашей картины въ дѣйствительности совершенно готовой.

Я не возражаю, потому что это заставило бы меня договориться Богъ знаетъ до чего. Но здѣсь я должна сказать... Я не найду своей картины въ дѣйствительности совершенно готовой! Скажите на милость!.. Что же изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь моя картина живетъ въ моемъ представленіи, а дѣйствительность дастъ мнѣ средства для ея выполненія.

Само собой разумѣется, что при всемъ этомъ необходимо руководящее чувство... И если я обладаю этимъ чувствомъ, все пойдетъ какъ нельзя лучше, а нѣтъ — такъ никакое изученіе драпировокъ не дастъ мнѣ того, что нужно.

Въ настоящую минуту я полна такой глубокой, восторженной, огромной увѣренности, что это должно быть хорошо. Вѣдь несомнѣнно, что силы удваиваются, когда работаешь съ любовью.

Мнѣ кажется даже, что извѣстный порывъ можетъ побѣдить все. Приведу вамъ доказательства. Напримѣръ: вотъ уже шесть или семь лѣтъ, что я не играю на роялѣ, ну, то-есть просто совсѣмъ не играю, развѣ какіе-нибудь нѣсколько тактовъ мимоходомъ. Бывали мѣсяцы, когда я не прикасалась къ роялю, чтобы вдругъ просидѣть за нимъ въ теченіе пяти-шести часовъ какой-нибудь разъ въ годъ. Понятно, что при этихъ условіяхъ бѣглость пальцевъ не существуетъ, и я, конечно, не могла бы выступить передъ публикой, — первая встрѣчная барышня одержала бы надо мной верхъ.

И вотъ — стоитъ мнѣ услышать какое-нибудь замѣчательное музыкальное произведеніе — напр., маршъ Шопена или Бетховена, какъ меня охватываетъ страстное желаніе сыграть его, и въ какіе-нибудь нѣсколько дней — въ два три дня, играя по часу въ день, я достигаю того, что могу сыграть его совершенно хорошо, такъ же хорошо — ну, какъ не знаю кто.

Понедѣльникъ, 30 апрѣля. Только что имѣла счастье разговаривать съ Бастьенъ-Лепажемъ. Онъ объяснялъ мнѣ свою Офелію... Это не просто «талантливый художникъ». Онъ проводитъ въ своемъ сюжетѣ мысль, обобщеніе; все, о чемъ онъ говорилъ мнѣ по поводу Офеліи, почерпнуто изъ сокровеннѣйшихъ тайниковъ человѣческой души. Онъ видитъ въ ней не просто «безумную»: нѣтъ, это несчастная въ любви; это безпредѣльное разочарованіе, горечь, отчаяніе... **Несчастная въ любви,** съ помутившимся разумомъ! Можно ли представить себѣ что-нибудь трогательнѣе этого скорбнаго образа!

Я просто безъ ума отъ него. Геній — что можетъ быть прекраснѣе! Этотъ невысокій, некрасивый человѣкъ кажется мнѣ прекраснѣе и привлекательнѣе ангела. Кажется, всю жизнь готовъ былъ бы провести — слушая то, что онъ говоритъ, слѣдя за его чудными работами. И съ какой удивительной простотой онъ говоритъ! Отвѣчая кому-то изъ присутствующихъ — не помню ужъ на что, онъ сказалъ: «я нахожу столько поэзіи въ природѣ» — съ выраженіемъ такой глубокой искренности, что я до сихъ поръ нахожусь подъ вліяніемъ какого-то невыразимаго очарованія...

Я преувеличиваю, я чувствую, что преувеличиваю. Но право...

Среда, 2 мая. Я хотѣла было поѣхать въ оперу, но къ чему!.. Т. е. былъ моментъ, когда мнѣ захотѣлось поѣхать туда, чтобы добрые люди, обративъ вниманіе на мою наружность, довели это до свѣдѣнія Бастьенъ-Лепажа. Но къ чему это? Право, не могу отдавать себѣ отчета. Ну, не глупо ли это? Не безумно ли желать нравиться людямъ, до которыхъ мнѣ въ сущности нѣтъ дѣла!....

Надо будетъ подумать объ этомъ, потому что вѣдь, правда же, это значило бы стараться ради прусскаго короля, вѣдь не добиваюсь же я въ серьезъ этого великаго художника! Могла ли бы я за него выйти? Нѣтъ. Ну, слѣдовательно?..

Но къ чему вѣчно докапываться во всемъ причинъ! Я чувствую безумное желаніе нравиться этому великому человѣку — вотъ и все. И Сенъ-Марсо — тоже. Кому же изъ нихъ больше? Не знаю. Одного изъ нихъ мнѣ было бы достаточно... Все это составляетъ для меня самый насущный вопросъ. Даже наружно я измѣнилась за это время: я очень похорошѣла, кожа стала какая-то особенно бархатистая, свѣжая, глаза оживлены и блестятъ. Просто удивительно! Что же должна творить настоящая любовь, если такіе пустяки такъ дѣйствуютъ!

Пятница, 4 мая. Жюль Бастьенъ обѣдалъ у насъ сегодня; я не ребячилась, не была ни глупа, ни безобразна. Онъ былъ простъ, веселъ, милъ, мы много дурачились. Не было ни одной минуты, когда бы чувствовалась какая-нибудь натянутость. Онъ проявилъ себя человѣкомъ вполнѣ интеллигентнымъ. Впрочемъ, я вообще не допускаю, чтобы геній могъ быть узкимъ спеціалистомъ: геніальный человѣкъ можетъ и долженъ быть всѣмъ, чѣмъ захочетъ.

Понедѣльникъ, 7 мая. Я принялась за своихъ мальчиковъ совершенно заново: я дѣлаю ихъ во весь ростъ, на большомъ холстѣ; это интереснѣе.

Вторникъ, 8 мая. Я живу вся въ своемъ искусствѣ, спускаясь къ другимъ только къ обѣду, и то ни съ кѣмъ не говоря. Это новый періодъ въ отношеніи моей работы. Все кажется мелкимъ и не интереснымъ, все, исключая того, надъ чѣмъ работаешь. Жизнь могла бы быть прекрасна въ этомъ видѣ.

Среда, 9 мая. Сегодня вечеромъ у насъ совершенно особенные гости, которые могли бы очень шокировать наше обычное общество, но которые для меня представляютъ величайшій интересъ.

Жюль Бастьенъ, такъ усердно проповѣдующій экономію ума, силъ и всего для сосредоточенія на чемъ-нибудь одномъ, дѣйствительно очень сдержанъ. Но у меня — право я чувствую въ себѣ такой избытокъ всего, что, если бы я не расходовалась во многихъ направленіяхъ, просто не знаю, что бы это и было. Конечно, если чувствуешь, что разговоры или смѣхъ утомляютъ, истощаютъ тебя, то нужно воздерживаться отъ этого, но... Однако, онъ долженъ быть правъ.

Всѣ поднимаются наверхъ; моя большая картина, разу-

мѣется, повернута къ стѣнѣ, и я вступаю чуть ли не въ бой съ Бастьеномъ, чтобы не дать ему разглядѣть ея, — потому что онъ умудрился забраться между картиной и стѣной.

Я начинаю говорить въ преувеличенномъ тонѣ о Сенъ-Марсо, а Бастьенъ отвѣчаетъ, что онъ ревнуетъ и употребитъ всѣ усилія, чтобы мало-по-малу развѣнчать его въ моихъ глазахъ. Онъ повторялъ это нѣсколько разъ также, какъ и въ послѣднiй разъ; — и хотя я отлично знаю, что это простая шутка, все-таки это приводитъ меня въ восторгъ.

Пусть себѣ думаетъ, что Сенъ-Марсо любимъ болѣе его, — какъ художникъ, разумѣется! Я то и дѣло спрашиваю у него:

— Нѣтъ, скажите, вѣдь вы его любите? Неправда ли, вы его любите?

— Да, очень.

— Любите ли вы его такъ, какъ я?

— Ну, нѣтъ! Я вѣдь не женщина; я его люблю, но...

— Да развѣ я люблю его, какъ женщина!

— Разумѣется, къ вашему обожанiю примѣшивается и этотъ оттѣнокъ.

— Да нѣтъ же, клянусь вамъ.

— Ну, какъ нѣтъ! Это безсознательно!

— Ахъ, какъ вы можете думать!..

— Да. И я ревную; я вѣдь не представляю изъ себя красиваго брюнета...

— Онъ похожъ на Шекспира.

— Ну, видите.

Мнѣ кажется, что Бастьенъ начинаетъ меня ненавидѣть! За что? Я право не знаю, и мнѣ какъ-то страшно. Между нами какъ бы пробѣгаетъ что-то враждебное, что-то такое, чего нельзя выразить словами, но что непосредственно чувствуется. Между нами нѣтъ того, что называется **симпатiей...** Я нарочно остановилась, чтобы сказать ему нѣкоторыя вещи, которыя могли бы вызвать... быть можетъ, немножко любви ко мнѣ. Мы совершенно сходимся въ нашихъ воззрѣнiяхъ на искусство, а я никакъ не рѣшаюсь заговорить съ нимъ объ этомъ. Можетъ быть, именно потому, что я чувствую, что онъ меня любитъ?

Словомъ, за всѣмъ этимъ **что-то кроется...**

Суббота, 12 мая. Я была утромъ въ мастерской; мнѣ уда-

лось поймать на минутку Жуліана, чтобы попросить его зайти ко мнѣ — посмотрѣть моихъ мальчиковъ.

Мы говорили о «Святыхъ женахъ». Я объясняю ему, какъ смотрю на все это. Мы вдоволь посмѣялись надъ «драпировками» Робера-Флери. Развѣ эти женщины могутъ имѣть красиво-задрапированныя одѣянія изъ синяго или коричневаго кашемира?! Онѣ слѣдовали за Христомъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ; это были протестантки своего времени, отверженныя обществомъ; имъ было не до изящества, не до модъ.

А въ послѣдніе дни, когда свершилась великая драма суда и казни, онѣ должны были быть одѣты чуть что не въ лохмотья... Жуліанъ говоритъ, что это будетъ или дивно-хорошо, или прогоритъ окончательно.

Какъ бы то ни было — дѣло начато. Моя картина вполнѣ выработана. Я ее вижу, чувствую. Ничто въ мірѣ не можетъ ничего измѣнить въ ней, никакое путешествіе, никакая природа, никакіе совѣты. Мой набросокъ нравится Жуліану. Но это еще не то, чего бы мнѣ хотѣлось... Я знаю, въ какое время дня это должно происходить, — въ тотъ часъ, когда очертанія предметовъ стушевываются, сплываются, спокойствіе окружающаго составляетъ контрастъ со всѣмъ совершившимся... Вдали — фигуры людей, уходящихъ послѣ погребенія Христа... Только эти двѣ женщины остались — совершенно однѣ, точно скованныя оцѣпенѣніемъ. Магдалина видна въ профиль; локтемъ она опирается на правое колѣно, положивъ подбородокъ на руку; глаза ничего не видящіе, прикованные къ могилѣ; лѣвое колѣно опустилось до земли, лѣвая рука свѣсилась.

Другая Марія стоитъ нѣсколько позади; голова опущена на руки; плечи приподняты; только эти руки и видны, но вся ея поза должна выражать рыданіе изстрадавшейся души, усталость, отчаяніе, какую-то надорванность; голова безсильно упала на руки и во всей фигурѣ ея чувствуется изнеможеніе, полный упадокъ силъ. Все кончено для нея... Жуліанъ находитъ, что приданное положеніе превосходно: видно, что она не заботится о публикѣ, что она вся ушла въ себя, вся отдалась своему горю.

Сидящая фигура представляетъ наиболѣе трудностей. Въ ней должно выражаться и оцѣпенѣніе, и отчаяніе, и изнеможеніе, но въ то же время какое-то недоумѣніе — протестъ

души противъ всего совершившагося. И это недоумѣніе особенно трудно поддается передачѣ... Словомъ, цѣлый міръ, цѣлый міръ...

И я рѣшаюсь предпринять это? Ну да — я; и это не зависитъ отъ меня; невозможно не сдѣлать этой картины, если этого хочетъ Богъ. О, Онъ долженъ знать, что я боюсь Его, что я готова на колѣняхъ умолять Его дать мнѣ возможность работать. Я не заслуживаю ни особенныхъ Его милостей, ни помощи, но только бы Онъ далъ мнѣ возможность отдаться моей работѣ...

Моя картина, выставленная въ Салонѣ, не представляетъ особеннаго интереса. Я ее сдѣлала — такъ, за неимѣніемъ ничего лучшаго и за недостаткомъ времени...

Среда, 16 мая. Днемъ такая жара, что настоящая жизнь начинается только вечеромъ. Я поднимаюсь къ себѣ и наслаждаюсь всѣмъ этимъ мирнымъ этажемъ съ открывающимся видомъ безконечнаго неба...

Но оно возбуждаетъ не чувствительность, а какое-то особенное ребяческое настроеніе.

Съ вокзала желѣзной дороги раздается свистокъ, изъ ближней церкви доносится звонъ колокола... Такая поэзія...

Въ эти чудные вечера такъ хотѣлось бы отправиться куда-нибудь въ деревню, кататься по водѣ большимъ обществомъ; только — съ какимъ это обществомъ?

Я думаю обо всемъ этомъ парижскомъ людѣ Елисейскихъ полей и Булонскаго лѣса — они **живутъ...** тогда какъ я только витаю — Богъ знаетъ гдѣ. Хорошо или дурно я дѣлаю, бросая мою молодость въ жертву своему честолюбію, которое... Словомъ, соберу ли я хоть процентъ съ затраченнаго капитала?

Свистокъ звучитъ такъ гармонически — ночью. Толпы людей возвращаются теперь изъ деревни; усталыя, счастливыя, возмущенныя, полныя смутныхъ грезъ...

Опять свистокъ...

Когда я буду знаменитой... это будетъ, можетъ быть, уже черезъ какой-нибудь годъ... Я чувствую въ себѣ способность ждать этого такъ терпѣливо, какъ будто бы я была вполнѣ увѣрена въ этомъ...

Опять свистокъ... Говорятъ, что когда слышишь такой свистокъ, то это — къ бурѣ, и вотъ невольно вспоминаются слова Доминго во время бури въ **«Полѣ и Виргиніи».**

Ужасно трудно читать Бальзака въ такомъ настроенiи, но я нарочно не возьмусь теперь ни за что другое, чтобы не возбуждать никакихъ особенныхъ мыслей.

Опять звонокъ и свистокъ поѣзда...

Пятница, 18 мая. Я собираюсь писать декоративный экранъ. Весна. Женщина, облокотившаяся о дерево и улыбающаяся, закрывъ глаза, какъ въ сладкомъ снѣ. А вокругъ мягкiй и свѣтлый пейзажъ, — нѣжная зелень, бѣло-розовые цвѣты яблонь и персиковыхъ деревьевъ, свѣжiе ростки повсюду — словомъ тутъ должны соединяться всѣ самыя обаятельныя краски весны.

Никто еще не дѣлалъ весны съ достаточною искренностью и простотой. Весеннихъ пейзажей очень много появлялось и за послѣднее время, но въ нихъ вѣчно совали какихъ-то старичковъ, причемъ, чуть что не прокаженныхъ. А у меня... это долженъ быть гармоническiй аккордъ чарующихъ тоновъ... Существуютъ тысячи весеннихъ пейзажей, но все это какъ-то картонно или бьетъ на эффектъ. Одинъ Бастьенъ могъ бы еще понять весну, какъ я, но онъ еще не брался за это. Нужно, чтобы по лицу этой женщины было видно, что она вся охвачена гармонiей этихъ красокъ, благоуханiя, пѣнiя птицъ... Нужно, чтобы слышалось журчанье ручья, бѣгущаго у ея ногъ, — какъ въ Гренадѣ среди фiалокъ. Мѣстами должно врываться весеннее солнце. Весна должна давать именно эти поющiе тона, несущiеся прямо въ душу. Это какая-то упоительная пляска нѣжныхъ нотъ... Вся картина должна быть полна чарующихъ красокъ; золотистыя пятна солнца вносятъ жизнь въ тотъ или другой уголокъ, и выдѣляютъ тѣнистыя мѣста, гдѣ уже готова зародиться какая-то тайна.

Понимаете ли вы меня?

Но Бастьенъ пишетъ или собирается писать «Похороны молодой дѣвушки», и если онъ понимаетъ, что дѣлаетъ, — пейзажъ этой картины долженъ быть именно такой, о какомъ я мечтаю... **Я надѣюсь,** что у него не хватитъ на столько сообразительности, и что онъ разодолжитъ насъ самымъ неправдоподобнымъ зеленымъ цвѣтомъ... Однако я была бы крайне огорчена, если бы онъ не съумѣлъ воспользоваться этимъ сюжетомъ и подарить насъ еще однимъ дивнымъ произведенiемъ искусства...

Вторникъ, 22-го мая. Я работаю до половины восьмого. Но при каждомъ шумѣ, при каждомъ звонкѣ, при каждомъ

лаѣ Коко, у меня душа уходитъ въ пятки. Какое вѣрное выраженіе! Оно существуетъ одинаково по-русски и по-французски. Вотъ уже девять часовъ, а все еще никакихъ извѣстій. Что за состояніе!.. Если мнѣ ничего не достанется, это будетъ болѣе, чѣмъ досадно. Мнѣ столько наговорили объ этомъ заранѣе въ мастерской: и Жуліанъ, и Лефевръ, и То ни— всѣ они; невозможно, чтобы я ничего не получила.

А сердце бьется, бьется... Жалкая жизнь!.. И для чего, къ чему все это, вообще все?... Чтобы кончиться смертью?

И именно не избѣгнешь этого! Каждому предстоитъ этотъ конецъ.

Конецъ! Конецъ, прекращеніе бытія... вотъ ужасъ. Обладать такимъ геніемъ, чтобы остаться жить на вѣки... Или... писать всякій вздоръ дрожащей рукой, потому что извѣстіе о какой-то тамъ наградѣ заставляетъ ждать себя!..

Четвергъ, 24 мая. Я получила ее! Чувствую себя успокоенной, не скажу — счастливой. Можно еще сказать: довольной...

Я узнала объ этомъ изъ газетъ. Эти господа не потрудились увѣдомить меня ни однимъ словомъ.

Старая исторія —я-таки довольно вѣрю тому, что «ничто не случается такъ, какъ этого ждутъ, но такъ, какъ этого опасаются».

Въ половинѣ десятаго мы отправляемся въ Салонъ. Я прихожу въ свою залу и вижу свою картину на новомъ мѣстѣ, взгроможденной куда-то на верхъ, надъ большой картиной, изображающей тюльпаны самыхъ ослѣпительныхъ цвѣтовъ и подписанной художникомъ девятаго класса. Такъ становится возможнымъ предположеніе, что ярлыкъ съ надписью **«почетный отзывъ»** прицѣпленъ къ «Ирмѣ». Бѣгу туда. Ничуть не бывало. Иду, наконецъ, къ своей дурацкой пастели и нахожу его тамъ. Я подбѣгаю къ Жуліану и въ теченіе цѣлаго получаса торчу подлѣ него, едва шевеля губами. Просто хоть плачь! Онъ тоже, кажется, порядкомъ-таки удивленъ. Съ самаго открытія Салона, съ той минуты, какъ были замѣчены мои работы, о пастели и рѣчи не было, а относительно картины онъ былъ увѣренъ, что ее помѣстятъ гдѣ-нибудь въ первомъ ряду.

Отзывъ за пастель — это идіотство! Но это еще куда ни шла! Но взгромоздить на такое мѣсто мою картину! Эта

мысль заставляетъ меня плакать, совершенно одной, въ своей комнатѣ и съ перомъ въ рукѣ.

Я, конечно, вполнѣ допускаю, что истинный талантъ долженъ пробить себѣ дорогу совершенно самостоятельно. Разумѣется. Но для начала нужно, чтобы человѣку повезло, чтобы его не захлестнула встрѣчная волна. Самъ Бастьенъ Лепажъ вначалѣ пользовался поддержкой Кабонеля. Когда ученикъ что-нибудь обѣщаетъ, учитель долженъ нѣкоторое время подержать его голову надъ водой; если онъ удержится, онъ что-нибудь изъ себя представляетъ, если нѣтъ — ему же хуже. О, я добьюсь своего. Только я запоздала и при томъ, по своей собственной винѣ.

Божидаръ добылъ сей разлюбезный ярлыкъ и принесъ мнѣ кусокъ картона съ надписью **«почетный отзывъ».** Я тотчасъ же прицѣпила его къ хвосту Коко, который не смѣлъ шевелиться, исполненный священнаго ужаса. Въ сущности я очень огорчена, просто въ отчаяніи. Картина на этой вышкѣ представляетъ раздирательное зрѣлище. Но мое отчаяніе представляло любопытный спектакль для окружающихъ; я вѣчно представляю изъ себя какую-то героиню спектакля для всѣхъ и потому, когда мнѣ хочется плакать, я говорю смѣшной вздоръ. Никогда не слѣдуетъ утомлять людей, нужно всегда быть для нихъ развлеченіемъ, пріятной новинкой, съ той или другой стороны. Пожалуй, можно сказать, что такова я и есть на самомъ дѣлѣ, потому что я объ этомъ забочусь.

Среда 6 іюня. Я просто совсѣмъ съ ногъ сбилась съ моими ушами. (Что за милая манера выражаться!) Вы поймете мои страданія, если я вамъ скажу, что дни, когда я слышу какъ слѣдуетъ, кажутся мнѣ какими-то радостными событіями. Можете ли вы понять весь ужасъ такого рода жизни!

И нервы, возбужденные до невѣроятности! Работа моя страдаетъ отъ этого; я занимаюсь живописью, пожираемая какими-то химерическими опасеніями. Я измышляю тысячу ужасовъ, воображеніе бѣжитъ, бѣжитъ, бѣжитъ, я уже переживаю мысленно одну позорную неудачу за другой и боюсь въ то же время допустить ихъ реальную возможность.

Я сижу, погруженная въ живопись, но думаю о томъ, что можно сказать обо мнѣ, и мнѣ приходятъ въ голову такіе ужасы, что иногда я вскакиваю съ мѣста и бѣгу на другой конецъ сада, какъ сумасшедшая, вслухъ возмущаясь сама собой.

Хороша выйдетъ картина при этихъ условіяхъ!..

Чтобы получить способность принимать что-нибудь къ сердцу, я должна засадить себя за дѣло и тогда, черезъ нѣсколько часовъ усиленной работы, я прихожу въ ужасное возбужденіе... Можетъ быть, искусственное.

Однако — Жанна д'Аркъ. Да, правда. Ну, а еще? Еще нѣкоторыя вещи.

А Лувръ?.. Портреты; потому что всѣ эти огромныя старинныя махины... Но за то портреты и эти очаровательныя вещи французской школы!

А на послѣдней выставкѣ — современные портреты — Лауранса, два-три портрета Бастьена: его братъ, Андре Терье, Сара... И потомъ... и потомъ, кто вамъ сказалъ, что я рождена художницей?

Пойди я по другой дорогѣ, я достигла бы тѣхъ же результатовъ въ силу своей интеллигентности и воли, — кромѣ развѣ математики.

Но музыка — вотъ моя страсть, и творчество легко далось бы мнѣ и въ этой области. Въ такомъ случаѣ, почему же именно живопись? Но что же на мѣсто ея?.. Это несносно — всѣ эти мысли...

Я хочу приняться за какую-нибудь крупную картину — крупную по размѣрамъ. Ищу сюжета... Мнѣ приходитъ въ голову сюжетъ изъ античной жизни: Улиссъ, разсказывающій свои приключенія царю феаковъ, Алкиною. Алкиной и царица — на тронѣ, окруженные князьями, свитой, домочадцами. Дѣло происходитъ въ галереѣ съ колоннами изъ розоваго мрамора. Навзикая, облокотившись на одну изъ колоннъ, нѣсколько позади своихъ родителей, слушаетъ героя... Все это происходитъ уже послѣ пира и пѣнія Демодока, который сидитъ въ глубинѣ сцены и смотритъ куда-то вдаль, опустивъ на колѣни свою лютню, равнодушный, какъ пѣвецъ, котораго больше не слушаютъ. Все это дастъ матеріалъ для интересныхъ позъ, группировки, вообще композиціи.

Но не это вовсе меня смущаетъ: это-то все выйдетъ хорошо; но **выполненіе** — вотъ въ чемъ ужасъ!

Я не знаю ничего, ничего, ничего! Мебель, костюмы, акссессуары... и потомъ — сфабриковать этакую махину — сколько тутъ должно быть разныхъ поисковъ.

Понедѣльникъ, 11 іюня. Мой отецъ умеръ. Сегодня въ десять часовъ пришла депеша. Тетя и Дина говорили тамъ внизу, что мама должна возвратиться немедленно, не дожида-

ясь похоронъ. Я пришла къ себѣ наверхъ очень взволнованная, но не плакала. Только когда Розалія пришла показать мнѣ драпировку платья, я сказала ей: «не стоитъ теперь... Баринъ умеръ...» и вдругъ неудержимо расплакалась.

Была ли я въ чемъ-нибудь виновата передъ нимъ? Не думаю. Я всегда старалась вести себя прилично... Но въ такія минуты всегда чувствуешь себя въ чемъ-нибудь виновнымъ... Я должна была поѣхать вмѣстѣ съ мамой.

Ему было всего пятьдесятъ лѣтъ! Перенести столько страданій!.. и притомъ въ сущности, никому не сдѣлавъ зла. Очень любимый окружающими, уважаемый, честный, врагъ всякихъ дрязгъ, очень хорошій человѣкъ.

Среда, 13 іюня. Я думаю, что, если бы я имѣла несчастье потерять маму, — я бы право почувствовала тысячу всякихъ упрековъ, тысячу угрызеній, потому что я бывала очень груба, очень жестока... за дѣло, я знаю это, но я не могла бы простить себѣ этой несдержанности въ словахъ...

Вообще мама... это было бы ужасное несчастіе: при одной мысли я не могу удержаться отъ слезъ, какіе бы тамъ недостатки я въ ней ни признавала.

Она очень хорошая женщина, но она ничего не понимаетъ и не вѣритъ въ меня... Она вѣчно думаетъ, что все само собой устроится и что не стоитъ «поднимать исторій».

Чья смерть доставила бы мнѣ еще всего больше горя, такъ это — я думаю — смерть тети, которая всю свою жизнь жертвовала собой для другихъ и которая никогда ни минуты не жила для себя, кромѣ часовъ, проведенныхъ за рулеткой въ Баденѣ и Монако.

И только мама еще мила съ ней; а я — вотъ уже мѣсяцъ, что я ни разу не обняла ее и не говорила ничего, кромѣ самыхъ безразличныхъ вещей, да еще упрековъ по разнымъ пустяшнымъ поводамъ. Все это — не по злобѣ, а потому, что я и сама чувствую себя очень несчастной, а всѣ эти препирательства съ мамой и тетей пріучили меня говорить въ сухомъ, жесткомъ, рѣзкомъ тонѣ. Если бы я заговорила съ кѣмъ-нибудь нѣжно или даже просто мягко, я бы разревѣлась, какъ дура. Однако, и не будучи нѣжною, я могла бы быть поприветливѣе; улыбнуться или поболтать время отъ времени— это было бы для нея такимъ счастьемъ, а мнѣ вѣдь ровно ничего не стоило бы. Но это значило бы такъ рѣзко измѣнить

своимъ манерамъ, что я почти не смѣю — изъ какого-то чувства ложнаго стыда.

И однако, мысль объ этой бѣдной женщинѣ, вся исторія которой выражается въ одномъ словѣ **самоотверженіе**, глубоко трогаетъ меня и я хотѣла бы быть съ ней поласковѣе. А если бы она умерла... вотъ человѣкъ, который оставилъ бы по себѣ безконечныя угрызенія въ моей душѣ.

Вотъ и дѣдушка, напр.: онъ часто выводилъ меня изъ себя разными старческими затѣями, но нужно относиться съ уваженіемъ къ старости. Мнѣ случалось отвѣчать ему грубо, а когда онъ былъ разбитъ параличемъ, я чувствовала такія угрызенія совѣсти, что очень часто приходила къ нему, стараясь какъ-нибудь загладить, искупить свою вину. И потомъ — дѣдушка такъ любилъ меня, что отъ одного воспоминанія о немъ я принимаюсь плакать.

Пятница, 15 іюня. Канроберы написали мнѣ очень милое письмо; вообще — всѣ держатъ себя очень симпатично.

Сегодня утромъ, въ надеждѣ никого не встрѣтить, я рѣшаюсь отправиться въ залу Petit. Выставка эта chef-d'oeuvre-овъ: Деконъ, Делакруа, Фортюни, Рембрандтъ, Русссо, Миллье, Мейсонье (единственный который еще живъ) и другіе. Прежде всего, я должна извиниться передъ Мейсонье, котораго я плохо знала и который прислалъ на послѣднюю выставку портретовъ вещи сравнительно слабыя. Но что побудило меня выйти, несмотря на мой крепoвый вуаль, это желаніе видѣть Миллье, котораго я совсѣмъ не знала и разсказами о которомъ мнѣ прожужжали уши. Говорили, что Бастьенъ Лепажъ только слабый подражатель его. Словомъ, я жаждала его видѣть. Я видѣла и пойду еще разъ... Бастьенъ его подражатель, если угодно... потому что оба они пишутъ картины изъ крестьянскаго быта, оба великіе художники, потому, наконецъ, что всѣ великія произведенія имѣютъ въ себѣ нѣчто общее. Казенъ въ своихъ пейзажахъ имѣетъ гораздо больше сходства съ Миллье, чѣмъ Бастьенъ. Что особенно замѣчательно у Миллье въ его шести холстахъ, которые я тамъ видѣла, это — общая гармонія цѣлаго, воздухъ, переливы тоновъ. Это маленькія человѣческія фигуры, написанныя широкой и вѣрной кистью, а что составляетъ особенную силу Бастьена, выдвигающую его изъ ряда другихъ художниковъ нашего времени, — это именно его вдумчивое, сильное, поразительно живое изображеніе человѣческихъ фигуръ, его без-

подобное подражаніе природѣ — словомъ жизни. Его **Вечеръ въ деревнѣ** небольшая, но выразительная картина — по типу, конечно, подходитъ къ Миллье; тамъ всего только двѣ маленькія фигурки, затерявшіяся въ полутьмѣ сумерекъ. Я знаю, что большимъ картинамъ гораздо труднѣе сообщить эту глубину, нѣжность и въ то же время силу — качество, особенно характеризующее Миллье (но нужно будетъ добиться этого). Въ маленькихъ картинахъ очень многое стушевывается; я говорю о маленькихъ картинахъ, такъ сказать, передающихъ общее впечатлѣніе. Здѣсь часто удается выразить это «ничто» и въ то же время «все», не находящееся ни въ какой опредѣленной точкѣ, но проникающее все и составляющее всю прелесть — нѣсколькими счастливыми ударами кисти; между тѣмъ у него въ большой картинѣ все это измѣняется и становится страшно-труднымъ, потому что здѣсь чувство должно выражаться при помощи знанія.

Суббота, 16 іюня. Итакъ, я отнимаю у картинъ Бастьена наименованіе chef-d'oeuvre'овъ? Почему? Потому ли что недовольна его **Любовью въ деревнѣ** или просто потому, что у меня не хватаетъ смѣлости убѣжденія? Вѣдь обоготворять людей рѣшаются только послѣ ихъ смерти. Интересно, что сказали бы о Миллье, если бы онъ былъ живъ. И къ тому же тамъ было всего шесть холстовъ Миллье. Развѣ не нашлось бы шести картинъ соотвѣтственнаго достоинства у Бастьена? *Pas-méche* — **1, Жанна д'Аркъ — 2, портретъ брата — 3, вечеръ въ деревнѣ — 4, сѣнокосъ — 5;** я не все знаю, а онъ вѣдь еще живъ. Бастьена не столько можно назвать сыномъ Миллье, сколько Казена, который очень напоминаетъ его, хотя — слабѣе. Бастьенъ — оригиналенъ, онъ всегда является самимъ собой. Всегда вѣдь сначала заимствуется отъ кого-нибудь, но потомъ личность выдвигается. Впрочемъ, поэзія, сила, очарованіе — всегда одни и тѣ же, и если бы искать ихъ значило — подражать — можно было бы придти въ отчаяніе. Вы чувствуете живѣйшее впечатлѣніе, останавливаясь передъ Миллье; тоже самое ощущаете и передъ Бастьеномъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Поверхностные люди говорятъ: **подражаніе.** Это невѣрно; два различные актера, въ двухъ различныхъ пьесахъ могутъ одинаково взволновать васъ, потому что чувства истинныя, глубоко человѣческія, сильныя — всегда одни и тѣ же.

E incelle посвящаетъ мнѣ дюжину строчекъ самаго лю-

безнаго свойства. Я — замѣчательный художникъ, прелестная молодая дѣвушка и ученица Бастьенъ-Лепажа. Вотъ вамъ!

Понедѣльникъ, 18 іюня. Вниманіе! Дѣло идетъ о нѣкоторомъ маломъ событіи! — Сегодня, въ одиннадцать часовъ утра у меня назначена аудіенція корреспонденту **Новаго Времени** (изъ Петербурга), который письмомъ просилъ меня объ этомъ. Это очень большая газета, и этотъ М. Б. посылаетъ туда, между прочимъ, этюды о нашихъ парижскихъ художникахъ, «а такъ какъ вы занимаете между ними видное мѣсто, надѣюсь — вы мнѣ позволите, и т. д.». Ого! Прежде, чѣмъ сойти къ нему, я оставляю его на нѣсколько минутъ съ тетей, которая предуготовляетъ мой выходъ, говоря о моей молодости и всевозможныхъ вещахъ, могущихъ благопріятно выставить насъ! Онъ осматриваетъ всѣ холсты и дѣлаетъ замѣтки: когда я начала? гдѣ? сколькихъ лѣтъ и когда? различныя подробности, примѣчанія... Итакъ, я художница, которой будетъ посвященъ этюдъ корреспондентомъ большой газеты.

Это начало, и въ то же время — заслуженная награда, и... Только бы эта статья была хороша; я навѣрное не знаю, какія замѣтки онъ тамъ дѣлалъ, потому что я не разслышала всего, какъ слѣдуетъ, и это просто возмутительно. Тетя и Дина говорили тамъ... но что? Жду статьи съ мучительнымъ нетерпѣніемъ... а придется прождать добрыхъ двѣ недѣли... Онѣ особенно налегали на мою молодость.

Пятница, 21 іюня. Завтра — раздача наградъ; мнѣ прислали списокъ наградъ... съ моимъ именемъ въ отдѣлѣ живописи. Это выглядитъ довольно хорошо... но я еще колеблюсь, идти ли мнѣ. Не стоитъ; и потомъ... Богъ знаетъ что? Какой-то страхъ — чего и сама не знаю.

Пятница, 22 іюня. Божидаръ уже тамъ съ девяти часовъ. Любопытное это существо: главная черта этой славянской натуры — причудливой, беззаботной, — это любовь ко всякаго рода неожиданнымъ измышленіямъ... Впрочемъ, разъ онъ съ кѣмъ-нибудь друженъ, все его воображеніе служитъ къ прославленію его друзей; онъ страстно привязывается къ людямъ на нѣкоторое время...

Бѣдные эти художники!.. Нѣкоторые были очень взволнованы. Люди сорока-пяти лѣтъ — блѣдные, растрепанные, въ нескладно сидящихъ сюртукахъ, шли, чтобы получить свою медаль и пожать руку Жюля-Ферри, — министра.

Какой-то скульпторъ — видный дѣтина, — взявъ пред-

назначенный ему маленькій футляръ, принялся тутъ же на мѣстѣ открывать его, невольно улыбаясь счастливой дѣтской улыбкой.

Я тоже была нѣсколько взволнована, глядя на другихъ, и одну минуту мнѣ показалось даже, что это будетъ ужасно страшно подняться и подойти къ этому столу. Тетя и Дина сидѣли сзади меня на скамейкѣ, потому что награждаемые имѣютъ право на мѣста для близкихъ...

И вотъ — прошелъ этотъ день награды! Я представляла его себѣ совсѣмъ иначе.

О! Въ будущемъ году — схватить медаль!... И тогда все пойдетъ какъ въ какомъ-то снѣ!.. Быть предметомъ восторговъ, торжествовать!

Это было бы ужъ слишкомъ прекрасно и просто невозможно, если бы я не была такъ несчастна. Ну, а когда вы получите вторую медаль — вы пожелаете получить большую? Разумѣется. А потомъ — орденъ? — А почему бы и нѣтъ? — Ну, а потомъ? — А потомъ наслаждаться результатами своего труда, своихъ усилій, работать постоянно, постоянно поддерживать себя на извѣстной высотѣ и попытаться быть счастливой — полюбить, кого-нибудь. Ну, да это еще будетъ видно, это все не сейчасъ. А если бы я вышла замужъ теперь, я стала бы потомъ пожалуй сама жалѣть. Но въ концѣ концовъ надо-таки будетъ выйти замужъ; только — за человѣка, который **серьзно любилъ бы меня;** иначе я была бы несчастнѣйшей изъ женщинъ. Но нужно также, чтобы этотъ человѣкъ хотя сколько-нибудь подходилъ ко мнѣ!

Быть знаменитой, быть знаменитой, извѣстной! Отъ этого все будетъ зависѣть... Нѣтъ... разсчитывать на встрѣчу какого-нибудь идеальнаго существа, которое уважало, любило бы меня и въ то же время представляло **хорошую партію** — невозможно. Знаменитыя женщины пугаютъ людей обыкновенныхъ, а геніи рѣдки...

24 іюня. Думаю о глупостяхъ, которыя я писала относительно Піетро. Я говорила, что думаю о немъ каждый вечеръ, что я жду его и что если бы онъ пріѣхалъ въ Ниццу, я бросилась бы въ его объятія. И всѣ думали, что я была влюблена, и всѣ читающіе подумаютъ, что... И никогда-то, никогда, никогда этого не было; нѣтъ никогда!.. Въ минуты скуки, вечеромъ — особенно лѣтнимъ — часто представляется такимъ счастьемъ возможность броситься въ объятія како-

го-нибудь влюбленнаго человѣка... Мнѣ самой сотни разъ представлялось это. Ну, а тогда нашлось имя, которымъ можно было обозначать это дѣйствительное существо, которое можно было называть — Піетро. Ну, Піетро — такъ Піетро! А тутъ еще фантазія называться племянницей великаго кардинала, который могъ сдѣлаться... папой, но... Нѣтъ, я никогда не была влюблена и никогда этого теперь уже не будетъ. Теперь — чтобы понравиться мнѣ, чееловѣкъ долженъ быть такимъ возвышеннымъ; я такъ требовательна, нужно, чтобы это былъ... А просто влюбиться въ какого-нибудь хорошенькаго мальчика — нѣтъ, этого уже никогда не можетъ быть.

Четвергъ, 28 іюня. Минутами мнѣ кажется, что этотъ безконечный журналъ содержитъ сокровища мысли, чувствъ, оригинальности. Я изливаюсь въ него вся — вотъ уже сколько лѣтъ. Это просто потребность — безъ всякой задней мысли, какъ потребность дышать. Но прежде всего надо найти покой, выйдя замужъ — чтобы не висѣла надо мной эта забота. И тогда всѣмъ существомъ отдаться работѣ...

Вторникъ, 3 іюля. Картина не идетъ; такая тоска. И вообще ничего утѣшительнаго!!!

Вотъ наконецъ и статья **Новаго Времени.** Она очень хороша, но нѣсколько конфузитъ меня, потому что въ ней сказано, что мнѣ всего девятнадцать лѣтъ, тогда какъ въ дѣйствительности больше, а на видъ и того больше. Но эффектъ въ Россіи будетъ очень великъ.

Четвергъ, 12 іюля. За завтракомъ у насъ — Канроберы, а затѣмъ мы отправляемся на выставку rue de Séze. Боже мой — мнѣ нужно только одно: обладать талантомъ. Боже мой, мнѣ кажется, что лучше этого ничего въ мірѣ нѣтъ.

Туалеты, кокетство — все это больше для меня не существуетъ. Я одѣваюсь хорошо, потому что это вѣдь тоже своего рода искусство,и я не мгла бы одѣваться пугаломъ, но вообще...

Отъ настоящей работы я становлюсь некрасива; я запираюсь, хоронюсь отъ всѣхъ; а что получу я взамѣнъ этого?.. Вѣдь это легко сказать, когда геній уже далъ себя почувствовать, а такъ!.. Я нахожу, что Бенвенуто-Челлини, сжигающій свою мебель, дѣлалъ не столько, сколько я: я бросаю въ огонь нѣчто гораздо большее, гораздо болѣе драгоцѣнное; а

что получу я взамѣнъ этого? Онъ зналъ къ чему это приведетъ, а я!..

Какъ только я отдѣлаюсь отъ своихъ «мальчиковъ», я поѣду въ деревню, въ настоящую деревню, съ широкимъ горизонтомъ, степями — безъ всякихъ горъ. Чудесные солнечные закаты, распаханная земля, трава и полевые цвѣты, шиповникъ и просторъ, просторъ. И тамъ напишу картину — небо, безконечно уходящее вдаль... трава и полевые цвѣты.

Пятница, 13 іюля. Романтична я въ смѣшномъ смыслѣ слова, или дѣйствительно стою выше всего обкновеннаго, потому что чувства мои совпадаютъ только съ тѣмъ, что есть самаго возвышеннаго и чистаго въ литературѣ? Но въ любви?.. Впрочемъ, я вѣдь никогда и не испытала ея, потому что эти преходящія тщеславныя увлеченія нечего и считать. Я предпочитала того или другого человѣка потому, что мнѣ нужны были объекты для моихъ измышленій; они предпочитались другимъ только потому, что это была потребность моей «великой души», а вовсе не потому, чтобы они дѣйствительно производили на меня впечатлѣніе. Вотъ въ чемъ различіе. И оно огромно.

Перейдемъ, однако, безъ дальнѣйшихъ разсужденій къ искусству. Я не вижу, куда я иду въ живописи. Я повторяю Бастьенъ-Лепажа и это — пагуба. Потому что сравняться съ тѣмъ, кому подражаешь, невозможно. Великимъ можетъ быть только тотъ, кто откроетъ свой новый путь, возможность передавать свои особенныя впечатлѣнія, выразить **свою индивидуальность.**

Мое искусство еще не существуетъ. Я провижу его немножко въ **Святыхъ женахъ.** — А еще? Въ скульптурѣ, — но это ужъ другое дѣло. Но въ живописи!!..

Въ **Святыхъ женахъ** я никому не подражаю и вѣрю въ большой успѣхъ потому, что хочу вложить величайшую искренность въ исполненіе; и потомъ — волненіе, охватывающее меня, когда я останавливаюсь на этомъ сюжетѣ!..

Мальчики все-таки напоминаютъ Бастьенъ-Лепажа, хотя сюжетъ взятъ мной прямо съ улицы и хотя это самая заурядная, самая правдивая, самая обыденная сценка. Этотъ художникъ вѣчно составляетъ предметъ моей тревоги.

Суббота, 14 іюля. Читали вы **Любовь** Стендаля? Я теперь читаю именно эту вещь. Я никогда еще не любила въ жиз-

ни или не переставала быть влюбленной въ какое-то воображаемое лицо. Вотъ вѣдь какого рода дѣло!

Прочтите эту книгу. Это еще тоньше, чѣмъ Бальзакъ, еще болѣе **правдиво**, цѣльно и поэтично. И это дивно выражаетъ то, что всякій самъ перечувствовалъ, даже я. Только я — я всегда все слишкомъ анализировала. Если я когда-нибудь была дѣйствительно влюблена, такъ это только въ Ниццѣ, будучи еще ребенкомъ, да и то по недоумѣнію. А потомъ болѣзненное увлеченіе этимъ чучелой Піетро...

Понедѣльникъ, 16 іюля. Вопросъ о «кристаллизаціи» любви интересуетъ меня живѣйшимъ образомъ; я увѣрена, что можно было бы написать цѣлый томъ о «кристаллизаціяхъ» совершенно невиннаго характера, ни къ чему особенному не приводящихъ.

Вотъ я, напримѣръ, для которой любовь **полная** мыслима только въ бракѣ, или вообще всякая другая дѣвушка или замужняя женщина съ твердыми принципами — мы тѣмъ не менѣе вполнѣ доступны внутреннимъ движеніямъ, характеризующимъ «кристаллизацію». Только эта кристаллизація не завершается; нужно впрочемъ замѣтить, что слово **кристаллизація** мнѣ не нравится, но — какъ говоритъ Стендаль — оно позволяетъ избѣгнуть длинной объяснительной фразы; и такъ я употребляю его. Кристаллизація начинается. Если «объектъ» имѣетъ всѣ совершенства, мы отдаемся этому внутреннему процессу и доходимъ до любви, т. е. любимъ, главное — разумѣется въ томъ, чтобы дѣйствительно **любить,** а не практиковать то, что у Александра Дюма называется «любовью». Если же «объектъ» не имѣетъ нужныхъ совершенствъ, или мы открываемъ въ немъ недостатокъ — будь то безобразіе, будь то что-нибудь смѣшное или какой-нибудь умственный недочетъ, — дѣло останавливается на полдорогѣ. Я думаю также, что можно остановить его усиліемъ собственной воли.

Вторникъ, 17 іюля. По прежнему преисполнена кристаллизаціями — увы! — безпредметными.

Воскресенье, 22 іюля. Вчера вечеромъ поставила себѣ на груди мушку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ болитъ легкое. Рѣшилась-таки, наконецъ; это будетъ желтое пятно на три или четыре мѣсяца; но по крайней мѣрѣ — я не умру въ чахоткѣ

Среда, 25 іюля. М. Х. приноситъ намъ два бюста, купленныхъ по ста франковъ за каждый. Мы оставляемъ его обѣдать. Онъ имѣетъ видъ очень растерянный, хотя и ста

рается придать себѣ нѣкоторый апломбъ. Говоритъ, что онъ бѣденъ. Все это очень тяжело; мнѣ такъ стыдно, что за двѣ художественныя работы я дала цѣну какой-нибудь шляпки. А между тѣмъ — вмѣсто того, чтобы быть съ нимъ любезнѣе обыкновеннаго, я — подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ чувствъ — сдѣлалась, по виду только, еще менѣе радушной; и мнѣ это ужасно досадно. Бѣдный человѣкъ скинулъ свое пальто въ залѣ и положилъ его на диванъ... Онъ совсѣмъ не разговариваетъ. Мы занимались музыкой; это сдѣлало его нѣсколько болѣе развязнымъ, а то онъ совсѣмъ не зналъ, какъ себя держать. Я не усматриваю въ немъ большого ума, а между тѣмъ, судя по его таланту, онъ долженъ быть интеллигентенъ. Но мы совсѣмъ не умѣли обращаться съ нимъ такъ, чтобы онъ чувствовалъ себя свободно; вообще, это какая-то дикая натура; онъ должно быть гордъ и очень несчастенъ. Но во всякомъ случаѣ — дѣло въ томъ, что онъ бѣденъ, а я купила два бюста за двѣсти франковъ! Мнѣ такъ стыдно. Я хотѣла бы послать ему еще сто франковъ, потому что имѣю капиталъ въ сто пятьдесятъ франковъ, да не знаю, какъ бы это сдѣлать.

Четвергъ, 26 іюля. По отношенію къ картинамъ — у меня теперь самое неопредѣленное время; глиняныя группы — всѣ размочены, кромѣ одной, еще не установленной. Ну, въ такое же время и нужно, разумѣется, появиться Сенъ-Марсо! На сцену появляются сердцебіенія, кристаллизаціи и пр. Я надѣваю, снимаю и опять надѣваю два платья, заставляю его долго ждать и, наконецъ, принимаю его, нескладно одѣтая и красная.

Онъ очень интересенъ: по прежнему негодуетъ противъ современной школы натуралистовъ и «человѣческихъ» документовъ.

Нужно сумѣть найти то нѣчто, составляющее искусство и неподдающееся объясненію.

Я понимаю, но... Онъ видѣлъ только мою ничтожную группу и сказалъ, чтобы я такъ и продолжала ее, вотъ и все! Я не получила никакого комплимента, только за этотъ вѣчный портретъ Дины, который находятъ почему-то очень удачнымъ... Онъ очень милъ, Сенъ-Марсо, оригиналенъ, остроуменъ, нервенъ, порывистъ; онъ не стѣсняется рѣзко судить обо всемъ; это лучше чѣмъ лицемѣрная манера признавать талантъ во всякомъ встрѣчномъ-поперечномъ. Онъ видѣлъ моихъ мальчиковъ, и говоритъ, что еще это не Богъ

вѣсть, какъ трудно — дѣлать эти штучки, всѣхъ этихъ мужиковъ, мальчишекъ, словомъ всѣ эти шаржи. А вотъ сдѣлайте-ка вещь красивую, изящную, тонкую и **въ то же время характерную,** — вотъ гдѣ трудность! И главное, вдохните въ нее то необъяснимое нѣчто, которое и составляетъ искусство и которое мы находимъ только въ собственной душѣ!..

Ну, что, развѣ я не говорила того же самаго? Итакъ долой — ничтожныхъ копировальщиковъ, фотографовъ-натуралистовъ.

Пятница, 3 августа. Бастьенъ-Лепажъ можетъ привести въ отчаяніе. Изучая природу вблизи и желая вполнѣ передать ее на полотнѣ, невозможно не думать все время объ этомъ огромномъ художникѣ. Онъ владѣетъ всѣми тайнами эпидермы. Все что дѣлаютъ другіе — все-таки остается только живописью; у него — это сама природа. Говорятъ о реалистахъ; но эти реалисты сами не знаютъ, что такое реальность: они просто грубы, а воображаютъ, что это правдивость. **Реализмъ состоитъ вовсе не въ изображеніи грубо-простыхъ вещей, но въ выполненіи, которое должно быть совершеннымъ.**

Я не хочу, чтобы это была живопись, я хочу, чтобы это была настоящая кожа, чтобы все это жило передъ моими глазами.

Воскресенье, 5 августа. Говорятъ, что у меня былъ романъ съ С. и что поэтому-то я и не выхожу замужъ. Иначе не могутъ объяснить себѣ, какъ это я — имѣя хорошее приданое — не сдѣлалась до сихъ поръ ни графиней, ни маркизой.

Дурачье!.. Къ счастью, вы, горсть избранныхъ существъ, возвышенныхъ людей, вы, дорогіе любимые мои повѣренные, читающіе меня, — вы вѣдь знаете, въ чемъ тутъ дѣло. Но, когда вы будете читать меня, всѣ тѣ, о которыхъ я говорила, по всей вѣроятности, уже не будутъ жить на бѣломъ свѣтѣ; и С. унесетъ въ могилу сладостное убѣжденіе въ томъ, что онъ былъ любимъ молодой прекрасной иностранкой, которая, плѣненная этимъ рыцаремъ... и т. д. Дуракъ! И другіе — того же мнѣнія! Дураки! Но вы вѣдь отлично знаете, что — это не такъ. Это было бы можетъ быть весьма поэтично — отказывать разнымъ маркизикамъ изъ-за любви: но увы! — я отказываю имъ, руководствуясь разсудкомъ.

Вторникъ, 7 августа. Я краснѣю до ушей, думая о томъ, что черезъ недѣлю будетъ вотъ уже пять мѣсяцевъ, что я кончила картину для Салона. Что я сдѣлала за пять мѣся-

цевъ? — Ничего. Занималась, правда, скульптурой, да это не считается. Мальчики еще не кончены.

Я чувствую себя очень несчастной... серьезно. N. N. обѣдалъ у насъ и презентовалъ мнѣ свой луврскій каталогъ, обозначая при этомъ мѣсто почти каждой картины. Онъ изучилъ все это, чтобы войти ко мнѣ въ милость. Онъ воображаетъ, что это возможно и что я могу выйти за него замужъ. Онъ вѣроятно предполагаетъ, что я при послѣднемъ издыханіи, если могъ забрать себѣ это въ голову! Ужъ не изъ-за того ли онъ вообразилъ меня на такой степени паденія, что я плохо слышу?

Послѣ его ухода я чуть не лишилась чувствъ отъ боли, отъ тоски. Господи, что же я такое сдѣлала, что Ты постоянно такъ меня наказываешь! Что онъ, такое вообразилъ себѣ, этотъ современный Пентедорій? Что онъ такое думаетъ, если онъ предполагаетъ, что я могу любить кого-нибудь внѣ моего искусства. А между тѣмъ бракъ по любви — гдѣ его встрѣтишь?

Что же тогда негодуетъ, что бунтуетъ во мнѣ? Почему обыденная жизнь кажется мнѣ невыносимой? Это какая-то идеальная сила, живущая во мнѣ; нѣчто такое, чего неспособно передать мое жалкое писанье. Идея картины или статуи не даетъ мнѣ спать цѣлыя ночи. Никогда мысль о какомъ-нибудь красивомъ господинѣ не производила ничего подобнаго.

Суббота, 11 августа. Читаю исторію живописи Стендаля; этотъ умный человѣкъ постоянно держится тѣхъ же мнѣній, какъ и я! Иногда онъ бываетъ, однако, слишкомъ привередливъ и изысканъ въ своихъ сужденіяхъ. Онъ очень непріятно поразилъ меня, сказавъ, что, изображая скорбь, художникъ долженъ навести справки въ физіологіи.

Какъ? Да если я **не чувствую** трагичности выраженія, какая физіологія заставитъ меня почувствовать это?.. Мускулы! О, Богъ ты мой!

Художникъ, который будетъ изображать душевное страданіе физіологически, а не потому, что онъ перечувствовалъ, понялъ, видѣлъ его (хотя бы и въ воображеніи), останется всегда холоднымъ и сухимъ. Это тоже, что если бы кому-нибудь предписали огорчиться по извѣстнымъ правиламъ!

Чувствовать прежде всего, а затѣмъ уже разсуждать о чувствѣ если угодно. Невозможно, конечно, чтобы анализъ не явился для провѣрки и утвержденія чувства, но это будетъ

уже изысканіе чистой любознательности. Въ вашей волѣ, конечно, узнать составъ слезъ и изучать ихъ логически и научно, чтобы составить себѣ понятіе о ихъ цвѣтѣ! Я же предпочитаю взглянуть, какъ онѣ блестятъ на глазахъ и изобразить ихъ, какъ я вижу, не заботясь о томъ, почему онѣ выглядятъ такъ, а не иначе.

Воскресенье, 12 августа. Мысль, что Бастьенъ Лепажъ долженъ придти, волнуетъ меня до такой степени, что я не могла ничего дѣлать. Смѣшно, право! быть такой впечатлительной.

За обѣдомъ мы много болтали, Бастьенъ Лепажъ въ высшей степени интеллигентенъ, но менѣе блестящъ, чѣмъ Сенъ-Марсо.

Я не показала ему ни одного холста, ничего, ничего, ничего. Я ничего не сказала, ничѣмъ не блистала и когда онъ начиналъ интересный разговоръ, я не умѣла отвѣчать, ни даже услѣдить за его сжатыми фразами, кратко передающими всю суть предмета, какъ его живопись. Если бы это было съ Жуліаномъ, я сумѣла бы отвѣчать, потому что этотъ родъ разговора всего болѣе подходитъ ко мнѣ. Онъ уменъ, онъ все понимаетъ, онъ даже образованъ — я боялась извѣстнаго недостатка образованія.

Но когда онъ говорилъ вещи, на которыя я должна была бы отвѣчать, обнаруживая при этомъ прекрасныя качества моего ума и сердца, я оставляла его говорить одного, молча, какъ дура!

Не могу даже писать сегодня, такой ужъ это день — я вся точно развинтилась.

Хочется остаться одной, совсѣмъ одной, чтобы отдат[ь] себѣ отчетъ во впечатлѣніи, интересномъ и сильномъ. Черезъ десять минутъ послѣ его ухода я мысленно сдалась и признала его вліяніе.

И ничего-то я не сказала изъ всего, что слѣдовало! Он[ъ] по прежнему — богъ и вполнѣ сознаетъ себя таковымъ. [И] я еще утвердила его въ этомъ мнѣніи. Онъ малъ ростомъ [и] безобразенъ для обыкновенныхъ людей. Но для меня и лю[]дей моего склада эта голова прекрасна. Что онъ можетъ ду[]мать обо мнѣ? Я была неловка, слишкомъ часто смѣялас[ь]. Онъ говоритъ, что ревнуетъ къ Сенъ-Марсо. Нечего сказат[ь], большое утѣшеніе.

Четвергъ, 16 августа. Сказать «большое несчастье» зн

чило бы, можетъ быть, преувеличить; но даже разсудительные люди согласятся, что случившееся можетъ быть названо «хорошо разсчитаннымъ ударомъ по головѣ».

И вѣдь глупо же! какъ всѣ мои печали, впрочемъ. Я послала на выставку свою картину, разсчитывая, что послѣдній срокъ пріема — 20 августа, а оказывается, что срокъ истекаетъ не 20-го, а 16-го, сегодня.

У меня щекотанье въ носу, боль въ спинѣ и отяжелѣвшія руки. Что-нибудь въ этомъ родѣ должны чувствовать люди, которыхъ сильно отколотили.

Въ виду всего этого, чтобы выплакать всѣ свои печали, я запрятываюсь въ кабинетъ — единственное, довольно плачевное мѣсто, гдѣ я могу оставаться одна, не будучи заподозрѣнной. Если бъ я заперлась въ своей комнатѣ, всѣ сейчасъ догадались бы, въ чемъ дѣло — послѣ такого удара. Кажется, это въ первый разъ, что мнѣ приходится прятаться, чтобы выплакаться до дна съ закрытыми глазами и гримасами, какъ у дѣтей или дикарей.

Ну, а потомъ сижу себѣ въ мастерской, пока глаза не придутъ въ нормальное состояніе.

Я плакала разъ въ объятіяхъ мамы, и это раздѣленное страданіе оставило во мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ чувство такого жестокаго униженія, что я никогда не при комъ не буду больше плакать отъ горя. Можно плакать передъ кѣмъ угодно отъ досады, или по поводу смерти Гамбетты, но излить передъ другими всю свою слабость, свое убожество, свое ничтожество, свое униженіе — никогда! Если это и облегчаетъ на минуту, зато потомъ раскаиваешься въ этомъ, какъ въ ненужномъ признаньѣ.

И въ то же время, какъ я плакала въ вышеозначенномъ мѣстѣ, я вдругъ отыскала взглядъ моей Магдалины: она не глядитъ на гробницу, она никуда не глядитъ, какъ я сію минуту. Глаза широко раскрыты — какъ всегда послѣ слезъ... Наконецъ-то, наконецъ, наконецъ!

Пятница, 17 августа. Никто не хочетъ вѣрить въ мою застѣнчивость, а между тѣмъ она легко объясняется избыткомъ гордости.

Я чувствую настоящій страхъ, ужасъ и отчаяніе, когда приходится просить; нужно, чтобы люди сами предложили мнѣ. Въ какую-нибудь необыкновенную минуту я рѣшаюсь

попросить, но изъ этого никогда ничего не выходитъ: вѣчно попрошу слишкомъ поздно, или совсѣмъ некстати.

Я блѣднѣю и краснѣю нѣсколько разъ прежде, чѣмъ осмѣлиться заявить о своемъ желанiи выставить что-нибудь или написать такую-то картину; мнѣ кажется, что всѣ смѣются надо мной, что я ничего не знаю, что я притязательна и смѣшна.

Когда глядятъ (**глядятъ...** — какой-нибудь художникъ, разумѣется) на мою картину, я ухожу куда-нибудь за двѣ комнаты, такъ я боюсь какого-нибудь слова или взгляда. А между тѣмъ Роберъ-Флери и не подозрѣваетъ, до какой степени во мнѣ мало самоувѣренности. Я говорю съ апломбомъ, и онъ воображаетъ, что я очень цѣню себя и приписываю себѣ талантъ. Поэтому онъ даже не считаетъ нужнымъ ободрять меня, и если бы я сообщила ему всѣ мои колебанiи и страхи, онъ бы засмѣялся. Я ему разъ стала высказывать это — а онъ принялъ все это за шутку, за комедiю. Вотъ вѣдь въ какую ошибку я могу ввести!.. Бастьенъ-Лепажъ знаетъ, я думаю, что я ужасно боюсь его, и считаетъ себя богомъ...

Понедѣльникъ, 20 августа. Я пою, луна свѣтитъ черезъ большое окно мастерской; все такъ хорошо. Счастье должно быть возможно. Да, если только есть возможность полюбить. Полюбить кого?

Вторникъ, 21 августа. Нѣтъ, я умру только около 40 лѣтъ, какъ m-lle С.; къ 35 годамъ я разболѣюсь окончательно и въ 36—37 лѣтъ окончу зимой, въ своей постели. А мое завѣщанiе? Я ограничусь въ немъ просьбой статуи и картины—Сенъ Марсо и Жюля Бастьена Лепажа,—помѣстить въ какой-нибудь парижской часовнѣ, окруженной цвѣтами, стоящей на видномъ мѣстѣ; и въ каждую годовщину пусть исполняютъ надо мной мессы Верди и Перголезе и другiя вещи — лучшими пѣвцами Парижа.

Впрочемъ, я хочу еще основать стипендiю для художниковъ — женщинъ и мужчинъ.

Но вмѣсто того, чтобы заниматься всѣмъ этимъ, я хочу жить... Но у меня нѣтъ генiя и въ концѣ концовъ все-таки лучше умереть...

Понедѣльникъ, 27 августа. Я дала на лотерею въ пользу Искiи моего **Рыбака на ловлѣ**; всѣ выигрыши выставлены въ залѣ Petit. Онъ-таки очень недуренъ—мой рыбакъ, и вода — совсѣмъ хороша. Вотъ не воображала-то! О, рамка! О, обста-

новка! Всѣ мы какіе-то безумцы! Зачѣмъ работать надъ произведеніями искусства? толпа, вѣдь ровно ничего въ немъ не смыслитъ... И однако, ты вѣдь любишь толпу, другъ любезный? Да; т. е. желаю составить себѣ всѣми признанную репутацію, чтобы возбуждать въ людяхъ еще большій восторгъ и удивленіе.

Среда, 29 августа. Я кашляю все время, несмотря на жары; а сегодня, послѣ полудня, въ то время, какъ мой натурщикъ отдыхалъ, я впала въ какое-то полузабытье, сидя на диванѣ, и вдругъ... я представилась себѣ лежащей съ большой восковой свѣчей въ изголовьѣ.

Такъ вотъ какова будетъ развязка всѣхъ моихъ треволненій. Умереть! Я такъ боюсь.

И я не хочу. Это ужасно. Я не знаю, какъ это дѣлается у разныхъ счастливцевъ, но я по-истинѣ достойна сожалѣнія съ тѣхъ поръ, какъ перестала возлагать надежды на Бога, Когда это послѣднее высшее прибѣжище измѣняетъ, остается только умереть. Безъ Бога нѣтъ ни поэзіи, ни глубокихъ чувствъ, ни генія, ни любви, ни честолюбія.

Страсти бросаютъ насъ изъ стороны въ сторону въ ненадежныя области разныхъ стремленій, желаній, нелѣпыхъ крайностей мысли. Человѣкъ непремѣнно нуждается въ чемъ-нибудь высшемъ, стоящемъ надъ его жизнью, въ Богѣ, Которому онъ несъ бы свои гимны и свои молитвы, въ Богѣ, къ Которому могъ бы прибѣгнуть со своими прошеніями, который всемогущъ и передъ которымъ можно излить всю душу. Я хотѣла бы слышать признаніе всѣхъ, когда-либо жившихъ, замѣчательныхъ людей: неужели они не прибѣгали къ Богу въ своей любви, въ своихъ страданіяхъ, въ своихъ мечтахъ о славѣ.

Обыденныя натуры — хотя бы и самыя умныя и ученыя, могутъ обойтись безъ этого. Но тѣ, въ комъ тлѣетъ искра святого огня — будь они ученые, хоть какъ сама наука, даже и сомнѣваясь разумомъ, вѣрятъ страстно... по крайней мѣрѣ моментами.

Я не учена, но всѣ мои размышленія сводятся къ слѣдующему:

Богъ католическій... нѣтъ, нечего и говорить о немъ... Но Богъ геніальныхъ людей, Богъ философовъ, Богъ людей просто интеллигентныхъ, вотъ какъ мы... этого Бога... если бы его не было — откуда эта потребность поклоняться ему у всѣхъ

народовъ и во всѣ времена? Возможно ли, чтобы **ничто** не отвѣчало этимъ душевнымъ порывамъ, врожденнымъ у всѣхъ людей, этому инстинкту, побуждающему насъ искать высшаго существа, великаго властелина — Бога?..

Четвергъ, 13 сентября. Стендаль говоритъ, что несчастья и непріятности кажутся менѣе горькими, если мы ихъ идеализируемъ. Это въ высшей степени вѣрно. Но какъ идеализировать мои? Невозможно! До того они горьки, до того плоски, до того ужасны, что я не могу говорить о нихъ даже здѣсь, не нанося себѣ лишней ужасной раны. Какъ признаться, что иногда я плохо слышу!.. Но да исполнится воля Божья. Фраза эта приходитъ мнѣ на умъ какъ-то машинально, но это почти то, что я дѣйствительно думаю. Потому что я вѣдь умру, — преспокойно умру, какъ бы тамъ ни лѣчилась... Да оно и лучше, потому что я еще вдобавокъ боюсь за мои глаза: вотъ уже пятнадцать дней, что я сидѣла безъ работы и безъ чтенія и мнѣ вовсе не лучше. Какое-то странное мельканіе въ воздухѣ... Это можетъ зависить отъ того, что вотъ уже пятнадцать дней, что у меня бронхитъ, который хоть кого свалилъ бы съ ногъ, и съ которымъ я однако прогуливаюсь какъ ни въ чемъ не бывало.

Я работала надъ портретомъ Дины въ такомъ трагическомъ расположеніи духа, что у меня навѣрно еще прибавится сѣдыхъ волосъ.

Суббота, 15 сентября. Я въ конецъ разболѣлась. Налѣпляю себѣ на грудь огромнѣйшую мушку. Сомнѣвайтесь послѣ это въ моемъ мужествѣ и моемъ желаньи жить! Впрочемъ, никто не знаетъ объ этомъ, кромѣ Розаліи. Я преспокойно прогуливаюсь по мастерской, читаю, болтаю и пою — почти прекраснымъ голосомъ. Такъ какъ по воскрсеньямъ я часто ничего не дѣлаю, это никого особенно не удивляетъ.

Среда, 18 сентября. Благодаря тому, что русская пресса обратила на меня вниманіе, кажется, и всѣ по немножку заинтересовались мной, между прочимъ Великая Княгиня Екатерина Михайловна. Мама близка съ ея камергеромъ и его семьей, и тамъ совершенно серьезно говорили о назначеніи меня фрейлиной. Для этого нужно еще быть представленной Великой Княгинѣ. Обо всемъ этомъ было уже переговорено, но мама сдѣлала ошибку, уѣхала оттуда и оставила все это дѣло на произволъ судьбы... Но не въ томъ дѣло... Моя душа ищетъ родной души. Но у меня никогда не будетъ подруги.

Клара говоритъ, что я не могу быть дружна съ какой-нибудь дѣвушкой, потому что у меня нѣтъ разныхъ маленькихъ тайнъ и маленькихъ дѣвичьихъ исторій.

— Вы слишкомъ хорошая. Вамъ нечего скрывать...

Среда, 26 сентября. Теперь, когда всѣ непріятности преданы забвенію, я вспоминаю только о томъ, что было въ моемъ отцѣ хорошаго, оригинальнаго, умнаго. Онъ былъ безразсуденъ и казался для обыкновенныхъ людей легкомысленнымъ и даже чудакомъ. Было въ немъ, можетъ быть, немного сухости и хитрости... Но кто не имѣетъ недостатковъ! Хоть бы и я сама... И я невольно обвиняю себя и плачу. Если бы я тогда поѣхала... Это было бы только изъ приличія, потому что вѣдь побуждающаго къ этому чувства не было... Имѣло ли бы это все-таки какую-нибудь цѣну? Не думаю.

У меня не хватило на это чувства, и Богъ накажетъ меня за это. Но моя ли это вина?.. И потомъ, зачтутся ли мнѣ чувства, сегодня мной испытываемыя?.. Отвѣтственны ли мы за наши **непосредственныя** чувства?

Нужно исполнить свой долгъ, скажете вы. Но дѣло шло не о долгѣ. Я говорю о **чувствѣ,** и если у меня тогда не было потребности поѣхать, какимъ образомъ будетъ судить меня за это Богъ?

Да, мнѣ жаль, что я не могла раньше почувствовать этого порыва. И онъ уже умеръ, и это не поправимо. И что стоило мнѣ поѣхать исполнить мой долгъ, **потому что вѣдь это былъ мой долгъ** — поѣхать къ умирающему отцу. А я не поняла этого, и теперь чувствую себя далеко не безупречной. Я не исполнила своего долга. Нужно было сдѣлать это. И это будетъ вѣчное сожалѣніе. Да, я нехорошо поступила, и я раскаиваюсь, и мнѣ такъ стыдно передъ самой собой; это очень тяжело... Я не хотѣла бы оправдываться, но не думаете ли вы, что мама должна была бы высказать мнѣ это тогда. О, да. А она побоялась, что я утомлюсь: и потомъ разсужденія: что если, молъ, Мари поѣдетъ съ матерью, то онѣ застрянутъ тамъ на полгода, а если Мари останется, мать возвратится скорѣе... Всѣ эти семейные доводы!.. Увы! вѣчно-то человѣкъ поддается чьему-нибудь вліянію, самъ не замѣчая этого...

Понедѣльникъ, 1 октября. Сегодня отправляли въ Россію тѣло нашего великаго писателя Тургенева, умершаго двѣ недѣли тому назадъ. На вокзалѣ — очень торжественные проводы. Говорили Ренанъ, Абу и Вырубовъ, который своей пре-

красной рѣчью, на французскомъ языкѣ, тронулъ присутствующихъ болѣе, чѣмъ другіе. Абу говорилъ очень тихо, такъ что я плохо слышала, а Ренанъ былъ очень хорошъ и на послѣднемъ прости у него дрогнулъ голосъ. Я очень горжусь при видѣ почестей, оказываемыхъ русскому этими ужасными гордецами — французами. Я ихъ люблю, но презираю. Они покинули Наполеона на Святой Еленѣ... Это преступленіе огромное, чудовищное, ужасное, это вѣчный позоръ...

У другихъ народовъ, однако, былъ же убитъ Цезарь... И потомъ они не оцѣнили Ламартина, который въ древности удостоился бы алтарей, какъ справедливо замѣчаетъ Дюма-сынъ. И потомъ еще у меня противъ нихъ зубъ личнаго характера: они не признаютъ таланта Бастьена-Лепажа. Мы были послѣ проводовъ Тургенева въ Салонѣ, и я не могу видѣть его живописи безъ изліяній восторга — внутреннихъ изліяній, потому что подумаютъ еще, пожалуй, что я влюблена.

Суббота, 6 октября. Добрѣйшій, милѣйшій, Роберъ-Флери пришелъ взглянуть на мою картину. Добрѣйшій, милѣйшій! Это уже конечно заставляетъ васъ предчувствовать, что онъ меня сегодня не разнесъ. Первыя слова были:

— Это премило выглядитъ.

Я тотчасъ же перебила его.

— Нѣтъ, нѣтъ, если вы говорите это, щадя меня, я не хочу этого. Этотъ ужасный Жуліанъ говоритъ, что меня постоянно щадятъ, что въ сущности я ничего не знаю, что...

— А вы поддаетесь ему: вѣдь онъ дразнитъ.

И добрѣйшій человѣкъ хохочетъ отъ всего сердца надъ моей наивностью.

Въ общемъ, вотъ что говоритъ онъ о моей картинѣ: она очень хороша. Нѣкоторыя мѣста безусловно хороши, **на столько, что я можетъ быть никогда не сдѣлаю ничего лучшаго.** (Я привожу его собственныя слова). Мальчуганъ справа и потомъ другой на первомъ планѣ, повернувшійся спиной, — безусловно хороши. Но фонъ долженъ быть сдѣланъ нѣсколько свѣтлѣе, особенно справа; отъ этого должны очень сильно выиграть самыя фигуры, къ которымъ я не должна больше прикасаться... Это работа на два часа...

Я должна была бы быть безъ ума отъ радости; но ничего подобнаго я не ощущаю, потому что я вѣдь не раздѣляю мнѣнія моего превосходнаго учителя. Я могу сдѣлать лучше. И

такъ, то, что я сдѣлала, нехорошо? Недостаточно... я вижу лучше, я должна была бы сдѣлать, какъ вижу.

Что-то скажетъ публика? Такая ли это вещь, чтобы быть замѣченной? Какъ знать! Онъ находитъ, что хорошо. Но всѣ эти **хорошо** — относительны, а такого относительнаго **хорошо** — я не желаю. Для другого это можетъ быть и хорошо; но для меня — не для всѣхъ... Сильно ли это? Онъ находитъ, что маленькій человѣчекъ, повернувшійся спиной, превосходно нарисованъ: такъ и чувствуешь его ножонки сквозь панталоны, говоритъ онъ. Ужъ не воображаетъ ли онъ, что это благодаря анатоміи.

Я просто **списала** то, что видѣла, ни о чемъ не думая. Впрочемъ, мнѣ кажется, что талантъ вообще безсознателенъ.

Суббота, 6 октября. Прочла романъ Тургенева въ одинъ присѣстъ, чтобы составить понятіе о впечатлѣніи иностранцевъ.

Это былъ великій писатель, очень тонкій умъ, глубокій аналистъ, истинный поэтъ, своего рода Бастьенъ-Лепажъ. Его пейзажи такъ же хороши, а потомъ эта манера описывать мельчайшія ощущенія, какъ это дѣлаетъ кистью Бастьенъ-Лепажъ.

Все, что я только встрѣчаю великаго, поэтическаго, прекраснаго, тонкаго, правдиваго — въ музыкѣ, въ литературѣ, во всемъ— все заставляетъ меня вновь и вновь возвращаться мысленно къ этому дивному художнику, къ этому поэту. Онъ беретъ сюжеты, въ глазахъ свѣтскихъ людей самые пустые, грубые, и извлекаетъ изъ нихъ чарующую поэзію.

Что можетъ быть обыкновеннѣе маленькой дѣвочки, стерегущей корову, или бабы, работающей на полѣ... Но никто не умѣлъ сдѣлать этого, какъ онъ. И онъ вполнѣ правъ: да, въ одномъ холстѣ можетъ заключаться триста страницъ. Но насъ, понимающихъ его, наберется можетъ быть всего какихъ-нибудь полтора десятка.

Тургеневъ тоже изображалъ крестьянъ — простого бѣднаго русскаго крестьянина, и съ какой силой, съ какой простотой и искренностью. Къ сожалѣнію, за границей эти вещи его не могутъ быть поняты, и извѣстность его основана скорѣе на произведеніяхъ, посвященныхъ изображенію русскаго общества.

Вторникъ, 9 октября. Портретъ Божидара кажется... хорошъ. Жуліанъ говоритъ, что онъ можетъ имѣть большой ус-

пѣхъ, что это очень оригинально, очень ново... Въ глазахъ всѣхъ — сходство очень велико, но я хотѣла бы видѣть еще нѣчто — въ маскѣ. Голова и тѣло очень правдивы, даже на мой взглядъ. Остается сдѣлать только руку.

Но въ половинѣ шестого я вдругъ улавливаю своеобразный эффектъ красноватаго вечерняго неба съ серпомъ восходящаго мѣсяца: именно, именно, именно то, что мнѣ нужно для моихъ **Святыхъ женъ**; въ одинъ моментъ я дѣлаю набросокъ. Въ другой разъ вѣдь не заставишь позировать такое небо... И теперь мнѣ ужасно хочется приняться за картину сейчасъ же: **теперь** я сдѣлала бы ее въ три недѣли. Нужно всегда браться за вещи въ благопріятный, психологически-благопріятный моментъ.

И такъ, у меня есть теперь небо. А для пейзажа и растеній я отправляюсь на югъ. Но когда же именно?.. Или еще подождать? Можетъ быть это лучше, потому что я хорошо сдѣлала, что ждала до сихъ поръ: всего какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я совсѣмъ погубила бы дѣло... И потомъ я хотѣла бы прежде сдѣлаться извѣстной и тогда уже съ извѣстнымъ именемъ послать картину; а то еще и вниманія не обратятъ. Съ кѣмъ посовѣтоваться? Кто будетъ искрененъ, кто сумѣетъ разобрать дѣло?.. Это опять будешь ты, мой единственный другъ, ты будешь по крайней мѣрѣ искренна и ты любишь меня. Да, я люблю себя, одна я!!!

Понедѣльникъ, 22 октября. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы моя чахотка оказалась плодомъ моего воображенія.

Было, кажется, такое время, когда чахотка была въ модѣ, и всякій старался казаться чахоточнымъ или дѣйствительно воображалъ себя больнымъ. О, если бы это оказалось однимъ только воображеніемъ! Я вѣдь хочу жить во что-бы то ни стало и несмотря ни на что; я не страдаю отъ любви, у меня нѣтъ никакой маніи, ничего такого. Я хотѣла бы быть знаменитой и пользоваться всѣмъ, что есть хорошаго на землѣ... вѣдь это такъ просто.

Воскресенье, 28 октября. Я собираюсь писать туманъ на берегахъ Сены — изъ лодки. Эта мысль оживляетъ меня.

Я вскакиваю въ часъ ночи, чтобы сказать, что я наконецъ собираюсь взяться за нѣчто опредѣленное. Страданія мои происходили именно отъ отсутствія опредѣленнаго желанія взяться за что-нибудь.

Точно какое-то пламя охватываетъ васъ, и все поднима

ется, поднимается; это то же, что видъ человѣка, предпочитаемаго вами всѣмъ другимъ, — впечатлѣніе чего-то горячаго, свѣтлаго. Я краснѣю отъ этого, сидя совершенно одна... Да, я хочу писать лѣсъ съ его огненной листвой — съ этими дивными октябрьскими тонами, — красными, золотыми, зелеными...

И однако — все-таки это еще не та картина, гдѣ я покажу себя. Только въ **Святыхъ женахъ** я должна буду проявить себя... а я не смѣю приняться за нихъ, положительно не смѣю... Ну, пойдемъ спать.

Четвергъ, 1 ноября. Отправляюсь работать въ Grande Jotte. Аллея древьевъ съ золотистыми тонами; холстъ средней величины. Къ счастью Божидаръ отправился со мной, потому что я и не подумала, что сегодня праздникъ, и придя туда, мы встрѣчаемъ тамъ ватагу лодочниковъ, такъ что Розаліи было бы недостаточно въ качествѣ porte-respect. Вообще, чтобы имѣть возможность сидѣть за работой на этомъ миломъ островкѣ, я одѣваюсь какъ старая нѣмка; два-три шерстяныхъ трико, чтобы обезобразить талію, пальто въ 27 франковъ и на головѣ большой черный вязаный платокъ. И подъ ногами грѣлки.

Понедѣльникъ, 5 ноября. Листья опали, и я не знаю, какъ кончить мою картину. Картина въ лодкѣ, все установлено, а я не знаю — продолжать ли ее... О, да, но скорѣе, скорѣе, скорѣе! Окончить въ пятнадцать дней и показать пораженному Роберъ-Флери и Жуліану.

Если бы я это сдѣлала, я бы ожила. Я страдаю отъ сознанія, что ничего не сдѣлала за это лѣто; это составляетъ для меня предметъ ужаснѣйшихъ угрызеній.

Я хотѣла бы точнѣе опредѣлить свое странное состояніе. Я чувствую себя ослабѣвшей; какое-то особенное спокойствіе. Я подозрѣваю, что люди, только что подвергавшіеся кровопусканію, испытываютъ что-нибудь подобное.

И такъ, я мирюсь на время со своей долей... до мая... А почему, спрашивается, въ маѣ можетъ что-нибудь измѣниться?.. Да какъ знать!.. И это наводитъ меня на мысль о томъ, что могло бы произойти хорошаго, замѣчательнаго; и мало-помалу, подъ вліяніемъ этихъ мыслей я успокаиваюсь.

И благодаря этому за обѣдомъ я болтаю съ моей семьей, болтаю самымъ милымъ образомъ, естественно, спокойно, ласково. Словомъ, я, наконецъ, успокоилась; и работа теперь

пойдетъ спокойно, и мнѣ кажется даже, что всѣ мои движенія будутъ спокойными, плавными, что я на весь міръ буду смотрѣть съ кроткимъ снисхожденіемъ.

Я спокойна, какъ будто бы я была сильна, а можетъ быть и дѣйствительно поэтому... И терпѣлива, какъ будто бы была увѣрена въ будущемъ. Кто знаетъ? Право, чувствую, какъ въ меня проникаетъ какое-то достоинство; я вѣрю въ себя. Я представляю изъ себя силу. Значитъ... что же? Вѣдь однако же не любовь? Нѣтъ. А между тѣмъ ничто не интересуетъ меня внѣ этого... Ну, и прекрасно, сударыня, чего же лучше; и занимайтесь себѣ своимъ искусствомъ.

Четвергъ, 8 ноября. Прочла я въ газетѣ, что вчера на открытіи промышленной выставки было большое стеченіе публики и наши Великіе Князья. Я должна была быть тамъ и пропустила день!

Нѣтъ, оставимъ борьбу, судьба мнѣ не благопріятствуетъ... Но все это заставляетъ меня только пѣть подъ аккомпаниментъ арфы. Вѣдь если бы я была вполнѣ счастлива, я бы не могла можетъ быть работать. Говорятъ, что у всякаго артиста всегда бываетъ какой-нибудь конекъ; мой конекъ — это всѣ мои неудачи и горести, вновь и вновь приводящія меня къ подножію искусства, составляющаго единственный смыслъ и двигатель моей жизни.

О, стать знаменитостью!

Когда я представляю себѣ въ воображеніи, что я знаменита, — это точно какая-то молнія, точно электрическій токъ; я невольно вскакиваю и принимаюсь ходить по комнатѣ.

Мнѣ скажутъ, что если бы меня выдали замужъ въ семнадцать лѣтъ, я была бы совершенно какъ всѣ другія. Величайшее заблужденіе. **Для того, чтобы меня могли выдать замужъ, какъ всякую другую, нужно было, чтобы я была совсѣмъ другая.**

Думаете вы, что я когда-нибудь любила? Я не думаю. Всѣ эти мимолетныя увлеченія можетъ быть и смахиваютъ на любовь, только это не должно быть названо любовью.

Продолжаю ощущать большую слабость. Точно ослабѣвшія струны на какомъ-нибудь инструментѣ. Почему? Жуліанъ говоритъ, что я имѣю видъ осенняго пейзажа, — покинутой аллеи, окутанной мглой грустно наступающей зимы...

Какъ разъ то, что я только что написала!

Онъ-таки иногда вѣрно попадаетъ въ цѣль, папенька Жуліанъ!

— Показывали вы свою картину великому человѣку?

— Скорѣе выскочила бы изъ пятаго этажа.

— Ну, такъ это доказываетъ, что вы чувствуете какіе-нибудь недостатки и что можете пойти дальше этого...

Весьма вѣрно.

Воскресенье, 11 ноября. Обѣдали сегодня въ Жуи. Мнѣ право кажется, что я люблю этихъ людей. Они интеллигентны и милы. Я нахожу почти удовольствіе въ свиданіи съ ними.

Быстрая перемѣна декорацій; все мнѣ улыбается, все кажется спокойнымъ и прекраснымъ. Я знаю, что хочу сдѣлать, и все идетъ, какъ по маслу.

Понедѣльникъ, 12 ноября. Друмонъ, участникъ *Liberté*, былъ у насъ сегодня. Онъ терпѣть не можетъ жанръ того характера, надъ которымъ я работаю, но расточаетъ мнѣ комплименты, съ изумленіемъ спрашивая меня въ то же время, какимъ образомъ я, окруженная роскошью и изяществомъ, могу любить безобразное. Онъ находитъ, что мои мальчики— безобразны.

— Почему бы вамъ не выбрать красивыхъ дѣтей? Это было бы премило.

— Я выбрала **выразительныхъ.** Да и гдѣ вы встрѣтите между уличными ребятишками какихъ-нибудь писаныхъ красавцевъ! Для этого нужно было бы отправиться въ Елисейскія поля, да и описывать тамъ себѣ несчастныхъ маленькихъ болванчиковъ, заверченныхъ въ ленты и окруженныхъ гувернантками!.. Только гдѣ же тутъ движеніе? Гдѣ естественность, свобода, непосредственность? Гдѣ настоящая выразительность? Въ хорошо воспитанныхъ дѣтяхъ проявляется уже рисовка.

И потомъ... словомъ, я права.

Суббота, 17 ноября. Жуи. Деревня заставляетъ съ особенной силой чувствовать красоту картинъ Бастьена-Лепака... Парижане не могутъ достаточно оцѣнить его, но если бы только они взглянули на деревенскую природу, такую величественную, простую, поэтическую...

Каждая травка, деревья, земля, взглядъ проходящихъ женщинъ, позы дѣтей, походка стариковъ, цвѣтъ ихъ одежды — все гармонируетъ съ пейзажемъ.

Жуи всегда заставляетъ меня браться за перо. Всякій

разъ я привожу оттуда исписанные листки. Когда же соберу я изъ нихъ цѣлую книгу?

Четвергъ 22 ноября. Всемірная Иллюстрація (русская) напечатала на первой страницѣ снимокъ съ моей картины «Жанъ и Жакъ». Это самый большой изъ иллюстрированныхъ русскихъ журналовъ, и я въ немъ размѣстилась какъ дома!.. Но это все не доставляетъ мнѣ особенной радости. Почему? Мнѣ это пріятно, но радости это мнѣ не доставляетъ. Да почему же?

Потому, что этого не **достаточно** для моего честолюбія. Вотъ если бы два года тому назадъ я получила почетный отзывъ, я бы того и гляди упала въ обморокъ! Если бы въ прошломъ году мнѣ дали медаль, я разревѣлась бы, уткнувшись носомъ въ жилетку Жуліана!.. Но теперь...

Событія — увы! логичны. Все связано, сцѣплено между собой, одно вытекаетъ изъ другого, все подготавливается мало-по-малу... А для того, чтобы радость чувствовалась очень сильно, она должна быть неожиданной, представлять изъ себя нѣчто въ родѣ сюрприза.

Впрочемъ, тутъ дѣло не въ самой медали, а въ сопровождающемъ ее успѣхѣ со стороны публики.

Среда, 28 ноября. Вчерашняя барышня, перелистывая мои альбомы, заставила меня наткнуться на старый набросокъ: убійство Цезаря. И это вновь захватило меня за душу... Я бросаюсь къ Плутарху и Светонію. Монтескье обожаетъ описаніе этого убійства у Плутарха. Да, это настоящій академикъ. Все у него разставлено въ порядкѣ, все краснорѣчиво, тогда какъ Светоній заставляетъ васъ содрогаться: это какой-со судейскій протоколъ, отъ котораго морозъ подираетъ по спинѣ... Какимъ удивительнымъ обаяніемъ обладаютъ великіе люди, если по прошествіи многихъ лѣтъ ихъ жизнь и ихъ смерть заставляютъ насъ трепетать и плакать. Я плакала о Гамбеттѣ. Каждый разъ, перечитывая исторію, я оплакиваю Наполеона, Александра, Цезаря. Но Александръ окончилъ жизнь дурно, тогда какъ Цезарь!..

Эту картину я напишу для себя — какъ выраженіе моихъ чувствъ, и для толпы, потому что это римляне, потому что здѣсь есть анатомія, кровь; потому что я женщина, а женщины еще не сдѣлали ничего классическаго въ большихъ размѣрахъ; я хочу пустить въ ходъ всѣ свои способности композиціи и рисунка... и это будетъ очень хорошо. Мнѣ досадно только

что дѣло происходитъ въ сенатѣ, а не на улицѣ. При такихъ условіяхъ работа будетъ представлять одной трудностью меньше, а мнѣ хотѣлось бы, чтобы онѣ были всѣ!..

Когда я сознаю, что приступаю къ вещамъ особенно труднымъ, я становлюсь вдругъ необыкновенно рѣшительна, необыкновенно хладнокровна; я какъ-то подбираюсь, сосредоточиваюсь и достигаю большаго, чѣмъ въ вещахъ, которыя по силамъ всякому. Не нужно ѣхать въ Римъ, чтобы писать картину; я начну ее. Однако, въ мартѣ и апрѣлѣ весна сообщаетъ такіе прелестные тона природѣ, и я хотѣла было отправиться писать деревья въ цвѣту въ Аржантель... Такъ много дѣла въ жизни, а жизнь такъ коротка! Я не знаю, успѣю ли я выполнить даже и то, что задумано... **Святыя жены, Большой барельефъ, Весна, Юлій Цезарь, Аріадна...** Голова идетъ кругомъ, хотѣлось бы все сдѣлать тотчасъ же... а между тѣмъ, все будетъ создаваться постепенно, въ свое время, съ замедленіями и охлажденіями и разочарованіями... Жизнь логична: все связано въ ней въ одну непрерывную цѣпь!..

Я чувствую въ себѣ такой подъемъ духа, такіе порывы къ великому, что ноги мои уже не касаются земли. Что меня постоянно преслѣдуетъ, такъ это боязнь, что я не успѣю выполнить всего задуманнаго. Это состояніе утомительное, хотя чувствуешь себя счастливой... Вѣдь я не проживу долго: знаете... дѣти слишкомъ умныя... И потомъ, мнѣ кажется, что свѣча разбита на четыре части и горитъ со всѣхъ концовъ...

Суббота, 1 декабря. Ужъ не вдалась ли я, право, въ обманъ. Кто вознаградитъ меня за мои лучшіе годы, потраченные... можетъ быть напрасно. Но на всѣ эти сомнѣнія вульгарная половина моего «я» отвѣчаетъ мнѣ, что ничего лучшаго мнѣ и не представлялось, что живи я, какъ другія, мнѣ пришлось бы слишкомъ много страдать... Тогда я не достигла бы того развитія, которое, ставя меня выше другихъ, такъ... затрудняетъ меня. Стендаль имѣлъ по крайней мѣрѣ двухъ-трехъ людей, способныхъ понимать его, а у меня... это просто ужасно: всѣ такъ плоски, и даже люди, которыхъ прежде находила умными, кажутся мнѣ теперь просто глупыми. Ужъ не выйдетъ ли изъ меня въ концѣ концовъ такъ называемая **непонятная личность?** Нѣтъ, но право... Мнѣ кажется, однако, что я имѣю полное основаніе быть удивленной, когда во мнѣ предполагаютъ вещи, на которыя я положительно неспособна и которыя не совмѣстны ни съ моимъ достоинствомъ, ни съ

моей тонкостью, ни, наконецъ, съ моей склонностью къ **изящному.**

Вотъ если бы кого-нибудь... кто вполнѣ понялъ бы меня, передъ кѣмъ я могла бы вся высказаться... Кто понялъ бы все, и въ рѣчахъ кого я узнала бы свои собственныя мысли!.. Такъ вѣдь это же была бы любовь, дитя мое! Можетъ быть. Но и не ходя такъ далеко — ну просто людей, которые трактовали бы о васъ мало-мальски интеллигентно, съ которыми можно было бы поболтать, и это ужъ было бы такъ пріятно. Но я никого такого не знаю. Жуліанъ былъ единственный, да вотъ и онъ теперь все больше и больше уползаетъ въ свою раковинку... И онъ даже просто несносенъ, когда онъ начинаетъ свои безконечныя шуточки, попадающія не въ глазъ, а въ бровь; особенно, когда дѣло зайдетъ объ искусствѣ: онъ не понимаетъ, что я вижу ясно и что я хочу добиться, онъ воображаетъ, что я полна только сама собой. Вообще... впрочемъ, моментами онъ все-таки является моимъ единственнымъ конфидентомъ.

Но для любви нужно безусловное сходство... «Родственная душа»... Мнѣ кажется, что этотъ образъ, которымъ можетъ быть слишкомъ злоупотребляли, очень вѣренъ. Но, гдѣже она, эта душа? Гдѣ нибудь такъ запрятана, что мнѣ не увидѣть и кончика ея уха!

Нужно, чтобы ни одно слово, ни одинъ взглядъ не шли въ разрѣзъ съ тѣмъ образомъ, который я себѣ составила. Я не хочу этимъ сказать, что я ищу какое-то немыслимое на землѣ совершенство, какое-нибудь существо, не имѣющее въ себѣ ничего человѣческаго. Но мнѣ нужно, чтобы самые его недостатки были интересны и не унижали его въ моихъ глазахъ. Чтобы онъ былъ воплощеніемъ мечты моей — не банальной мечты невозможнаго совершенства, но... чтобы все мнѣ въ немъ нравилось, чтобы я не могла немедленно усмотрѣть въ какомъ-нибудь уголкѣ души его нелѣпости, или пошлости, или ничтожества, или мелочности, или фальши, или корыстолюбія; одного изъ этихъ пятенъ—будь оно хоть самое маленькое — достаточно, чтобъ все погубить въ моихъ глазахъ.

Воскресенье, 2 декабря. Вообще сердце мое совершенно пусто, пусто, пусто... Чтобы сколько-нибудь занять себя, мнѣ нужны мечты, грезы... И однако, я испытала почти все, о чемъ Стендаль говоритъ по поводу истинной любви, которую онъ

называетъ любовью-страстью. Всѣ эти тысячи глупостей, мелькающихъ въ воображенiи, это ребячество, о которомъ онъ говоритъ... Такъ, напримѣръ, мнѣ приходилось съ радостью встрѣчаться съ скучнѣйшими людьми потому только, что они въ этотъ день видѣли этого человѣка...

Впрочемъ, я думаю, что всякiй человѣкъ одинаково — мужчина или женщина — вѣчно работающiй и занятый мечтами о славѣ, любитъ не такъ, какъ тѣ, кто этимъ только и занимается. Да вотъ и Бальзакъ, и Жюль (не Цезарь разумѣется) говорятъ то же самое; сумма энергiи — одна, если ее истратить направо, то налѣво отъ нея уже ничего не останется, или, раздѣливъ силу — получишь меньше и съ той и съ другой стороны.

«Если вы посылаете пять тысячъ человѣкъ на Рейнъ, они не могутъ въ то же время быть и подъ стѣнами Парижа».

Поэтому, весьма вѣроятно, что мои... нѣжныя чувства — ускользаютъ изъ моей жизни именно въ силу этой теорiи.

Понедѣльникъ, 3 декабря. Я интеллигентна, я считаю себя умной, проницательной... словомъ, приписываю себѣ всевозможныя умственныя достоинства, и притомъ я человѣкъ справедливый. Ну, согласитесь: почему бы при такихъ условiяхъ я не могла бы быть собственнымъ судьей себѣ? Это должно быть вполнѣ въ предѣлахъ возможнаго, если я дѣйствительно проницательна.

Представляю ли я изъ себя въ самомъ дѣлѣ нѣчто серьезное, буду ли я чѣмъ-нибудь дѣйствительно значительнымъ въ искусствѣ?.. **Что я сама о себѣ думаю?** О, это ужасные вопросы!.. Потому что, по сравненiю съ идеаломъ, котораго я хотѣла бы достигнуть, я плохого о себѣ мнѣнiя; но съ другой стороны... по сравненiю съ другими...

Нѣтъ, нельзя самому судить о себѣ; и потомъ если ужъ не приходится говорить о генiальности... да и потомъ я еще ничего такого не сдѣлала, почему можно было бы судить обо мнѣ даже мнѣ самой.

Я прихожу въ совершенное отчаянiе отъ всего, что я дѣлаю; каждый разъ, какъ только вещь окончена, я готова все начать сначала, я нахожу, что все это никуда не годится, потому что сравниваю я всегда съ тѣмъ, чѣмъ это должно было бы быть по моему мнѣнiю. Вообще, въ глубинѣ души я неважнаго мнѣнiя о себѣ, какъ о художницѣ; я прямо признаюсь въ этомъ (въ надеждѣ, что все-таки это ошибка)... Во-

первыхъ, если бы я считала себя геніемъ, я никогда ни на что не жаловалась бы... Но это слово геній — такъ ужасно огромно, что я смѣюсь, примѣняя его къ себѣ даже и въ отрицательномъ смыслѣ. Если бы я могла приписать его себѣ, я бы съума сошла... Однако... Да, вотъ какъ я выражусь: я не думаю, что я геніальна, но я надѣюсь, что люди вообразятъ меня геніемъ.

Понедѣльникъ, 10 декабря. Утромъ—скульптура. Послѣ полудня кончаю корсажъ и букетъ смѣющейся головки. Это — плутовка, полутанцовщица, полунатурщица, и смѣется она презабавно. Эта вещь — кончена. При газѣ — рисунокъ читающей женщины. Тоже кончено. Вотъ если бы такъ шли всѣ дни, это было бы славно.

Но десятки никому неизвѣстныхъ людей дѣлаютъ тоже что я, и не жалуются на удушье отъ избытка генія! Если ты, матушка, жалуешься, что геній твой душитъ тебя, такъ это просто-на-просто значитъ, что его вовсе и нѣтъ. Люди, дѣйствительно обладающіе геніемъ, имѣютъ и достаточно силъ, чтобы выносить его.

Слово **геній** обладаетъ тѣмъ же свойствомъ, что и слово **любовь**. Въ первый разъ едва рѣшаешься написать его, а какъ разъ написалъ, и пойдешь употреблять его каждый день по поводу каждаго пустяка. Впрочемъ, это же можно сказать и обо всемъ, что кажется съ перваго раза огромнымъ, страшнымъ, неприступнымъ; какъ разъ коснулся-таки его, и ну возиться съ нимъ, точно для того, чтобы вознаградить себя за долгую нерѣшительность! Это глубокомысленное наблюденіе, кажется, однако, не очень-то ясно! Ну, да вѣдь надо же такъ или иначе истратить ту порцію самой себя, которая предназначена на этотъ день. До семи часовъ я работала, но часть еще осталась, надо же излить ее хоть при помощи пера!

Я худѣю... О, Господи, будь милостивъ ко мнѣ!

Воскресенье, 23 декабря. Истинные художники не могутъ быть счастливы; во-первыхъ, они отлично знаютъ, что толпа не понимаетъ ихъ, они знаютъ, что работаютъ для какой-нибудь сотни людей, а всѣ остальные руководствуются въ своихъ сужденіяхъ своимъ сквернымъ вкусомъ или какимъ-нибудь **Фигаро**. Невѣжество въ вопросахъ искусства поистинѣ ужасающее во всѣхъ классахъ общества. Люди, разсуждающіе толково, придерживаются того, что они вычитали, или слышали отъ такъ называемыхъ знатоковъ.

Вообще... однако мнѣ кажется, что бываютъ дни, когда относишься ко всѣмъ этимъ мелочамъ какъ-то ужъ слишкомъ непосредственно. Бываютъ дни, когда нелѣпый разговоръ какъ-то особенно невыносимъ, когда весь этотъ вздоръ причиняетъ вамъ страданіе, когда, прослушавъ въ теченіе двухъ часовъ обмѣнъ нелѣпостей, не имѣющихъ даже достоинства веселости или свѣтскаго блеска, впадаешь въ настоящую тоску.

Замѣтьте при этомъ, что я вовсе не принадлежу къ тѣмъ избраннымъ душамъ, которыя плачутъ, будучи обязанными выслушивать салонныя банальности, обычные комплименты или разглагольствованія о погодѣ или итальянской оперѣ. Я не настолько глупа, чтобы требовать повсюду интересныхъ разговоровъ, и вся эта свѣтская банальность, иногда веселая, иногда безцвѣтная, оставляетъ меня спокойной; за то всѣ эти плоскости, всѣ эти глупости, этотъ недостатокъ... словомъ, въ концѣ концовъ, эта самая свѣтская банальность и недостатокъ... это просто смерть на медленномъ огнѣ.

Суббота, 29 декабря. Бываютъ дни черные, печальные, ужасные! Всѣ эти сплетни, все, что только люди способны говорить, воображать, выдумывать... Но вѣдь я же никогда не дѣлала ничего безнравственнаго! И подумать только!.. О, друзья мои, теряйте все, но заботьтесь о томъ, чтобы не давать повода ко всему этому.

Всѣ эти нелѣпыя тревоги дѣлаютъ меня глубоко несчастной. Если люди **смѣютъ** говорить глупости, то они уже въ своемъ родѣ правы, хотя бы это была самая подлая выдумка. И всѣ эти презрѣнныя мелкія нелѣпости, въ которыхъ меня совершенно невинно обвиняютъ и которыхъ нельзя изгладить... О, Боже мой! Бываютъ дни печальные, черные, ужасные... Меня осыпаютъ клеветой!

А я вѣдь никому ничего не сдѣлала, ни себѣ, ни другимъ. Клара и В. работаютъ себѣ, а я плачу съ перомъ въ рукѣ на другомъ концѣ библіотеки.

Бываютъ дни, когда точно разливаешь свѣтъ вокругъ себя; а въ другіе походишь на какой-то потухшій фонарь: я потухла!

Понедѣльникъ, 31 декабря. Канроберы обѣдали у принцессы Матильды, и Клара разсказала мнѣ, что Лефевръ говорилъ ей, что онъ знакомъ съ моимъ талантомъ, очень серьезнымъ, что я—личность довольно необыкновенная, но что я выѣзжаю въ свѣтъ по вечерамъ и что мной **руководитъ** (съ лука-

вымъ видомъ) знаменитый художникъ. Клара, глядя ему прямо въ глаза: — Какой знаменитый художникъ: Жуліанъ?.. Лефевръ: — Нѣтъ, Бастьенъ-Лепажъ. Клара: — Нѣтъ, вы совершенно ошибаетесь: она выѣзжаетъ очень рѣдко и цѣлыми днями работаетъ. А что до Бастьенъ-Лепажа, то она видитъ его въ салонѣ своей матери, и онъ даже никогда не бываетъ въ мастерской.

Что за прелесть эта дѣвушка! И она сказала чистую правду, потому что вѣдь вы уже знаете... о, Господи! что этотъ злодѣй Жюль ни въ чемъ не помогаетъ мнѣ, А Лефевръ-то кажется серьезно думалъ это!

Уже два часа. Новый годъ уже наступилъ, и ровно въ полночь, въ театрѣ, съ часами въ рукахъ, я произношу свое пожеланіе въ одномъ единственномъ словѣ — словѣ прекрасномъ, звучномъ, великолѣпномъ, опьянительномъ:

Слава!

1884.

Пятница, 4 января. Да, я чахоточная и болѣзнь подвигается.

Я больна, никто ничего объ этомъ не знаетъ, но у меня каждый вечеръ лихорадка, вообще плохо, и мнѣ скучно говорить объ этомъ.

Понедѣльникъ, 14 января. Мнѣ кажется, что я сама побывала въ Дарвиллерѣ. Эмиль Бастьенъ разсказалъ намъ все: проектъ картины, образъ жизни... онъ ничего не совершаетъ въ тайнѣ, онъ не запрещаетъ говорить о себѣ; онъ не... Если онъ не пригласилъ насъ посмотрѣть этюды изъ Канкарно, то только потому, что онъ никогда никого не приглашаетъ; онъ даже подумалъ бы, что слишкомъ самоувѣренно приглашать смотрѣть этюды, сдѣланные кое-какъ въ Канкарно, куда онъ ѣздилъ для отдыха; да, наконецъ, нашъ радушный пріемъ уничтожилъ всѣ эти церемоніи; онъ былъ бы въ восторгѣ, если бы мы пріѣхали и т. д. И даже для большихъ картинъ онъ никогда никого не приглашаетъ; онъ только проситъ своего покорнаго брата предупредить нѣкоторыхъ друзей...

Но вотъ что серьезнѣе: когда братъ говорилъ ему о моей картинѣ, онъ сказалъ: почему ты не предупредилъ меня объ этомъ въ Парижѣ, я бы посмотрѣлъ ее.

— Я ничего не сказалъ ему въ Парижѣ, потому что,

если бы онъ пришелъ, вы, по обыкновенію, все бы спрятали; онъ не знаетъ ничего изъ вашихъ вещей, кромѣ тѣхъ, что въ залѣ. Вы перевертываете ваши холсты. Да, наконецъ, знаете, онъ никогда бы больше не захотѣлъ смотрѣть на ваши вещи, если бы вы это сдѣлали?..

— Онъ захочетъ, если я хочу, если я попрошу его совѣтовъ.

— Онъ будетъ въ восторгѣ.

— Но къ сожалѣнію я не его ученица!..

— Да почему же! Онъ не желаетъ ничего лучшаго, онъ будетъ очень польщенъ, если вы будете совѣтоваться съ нимъ, и дастъ вамъ совѣты, безкорыстные, хорошіе совѣты. Онъ судитъ очень вѣрно, безъ предвзятой мысли... онъ былъ бы счастливъ имѣть интересную ученицу... Повѣрьте мнѣ, онъ былъ бы очень польщенъ и очень доволенъ.

Среда, 16 января. Архитекторъ сказалъ мнѣ, что между другими многочисленными проектами братъ его имѣлъ въ виду **Виѳлеемскихъ пастуховъ.**

Въ теченіе двухъ дней голова моя работала, и сегодня днемъ я имѣла передъ глазами совершенно живое представленіе. Да, Виѳлеемскіе пастухи чудный сюжетъ, а онъ съумѣетъ придать ему еще болѣе прелести. Да, я имѣла живое, образное представленіе, и впечатлѣніе мое таково, что его можно сравнить только съ впечатлѣніемъ самихъ пастуховъ: несказанный восторгъ, безграничный энтузіазмъ!

Ахъ, вы не можете себѣ представить этого! Это будетъ вечеръ, я увѣрена. Знаменитая звѣзда... чувствуете ли вы, сколько онъ вложитъ сюда таинственности, нѣжности, грандіозной простоты!

Можно себѣ вообразить это, зная его произведенія и установивъ мысленно таинственную, фантастическую связь между **Жанной д'Аркъ и Вечеромъ въ деревнѣ.** Нѣтъ, какъ вамъ это нравится: я прихожу въ восторгъ отъ картинъ, которыхъ еще не видала и которыхъ и на свѣтѣ то еще не существуетъ! Положимъ, въ глазахъ большинства я кажусь смѣшною; два или три мечтателя за одно со мной, да въ крайнемъ случаѣ я обошлась бы и безъ нихъ... И потомъ эффектъ **Пастуховъ** тотъ же самый, что въ **Святыхъ женахъ.** Нѣтъ, впрочемъ, только въ томъ отношеніи, что это вечеръ, потому что основныя чувства совершенно различны. Тамъ это будетъ нѣчто великое, сильное, нѣжное, лучезарное, таинствен-

ное, полное святого и кроткаго чувства, потрясающей, приводящей въ экстазъ таинственности.

У меня это тоже будетъ вечеръ, но ужасный, проникнутый чувствомъ смятенія изстрадавшейся любви. Что-то совершилось, и преобладающей нотой будетъ изумленіе, ужасъ.

Однако, я, кажется, съума сошла: осмѣливаюсь сравнивать себя съ геніальнымъ человѣкомъ; впрочемъ, я и не сравниваю: я только говорю, какимъ образомъ я понимаю картину, которую хотѣла бы написать...

Но какъ передать, какъ сообщить мою вѣру массѣ? Да и зачѣмъ? Развѣ масса когда-нибудь понимала возвышенное искусство? Однако, въ такомъ случаѣ какимъ же образомъ признаютъ геніемъ Милле?..

Жанна д'Аркъ не была понята во Франціи, но передъ ней преклоняются въ Америкѣ...

Жанна д'Аркъ это chef-d'oeuvre по выполненію и по чувству. Надо было слышать, что только говорили о ней въ Парижѣ. Это позоръ! Но неужели же надо окончательно признать, что только въ чужихъ странахъ можно добиться заслуженнаго успѣха? И дѣйствительно, развѣ можно сказать, что публика любила Милле, Руссо, Коро? Ихъ любили только тогда, когда они были въ модѣ.

Что особенно постыдно для нашей эпохи — это дурное обыкновеніе просвѣщенныхъ людей, которые дѣлаютъ видъ, что они не считаютъ это искусство ни серьезнымъ, ни возвышеннымъ и въ то же время кадятъ послѣдователямъ классическихъ мастеровъ!

Что же такое возвышенное искусство, если не то искусство, которое, изображая передъ нами тѣло, волосы, одежду, деревья съ полнѣйшей реальностью, доходящей почти до обмана чувствъ, передаетъ въ то же время душу, мысль, жизнь! Неужели **Жанна д'Аркъ** не есть произведеніе возвышеннаго искусства, потому что онъ представилъ ее намъ крестьянкой, а не съ бѣлыми ручками и не въ вооруженіи?

Его **Любовь въ деревнѣ** слабѣе **Жанны д'Аркъ,** этой исторической крестьянки... Мы всѣ изображаемъ тѣло, но намъ не хватаетъ чего-то **сверхъ этого**; нѣтъ въ насъ того божественнаго огня, которымъ онъ обладаетъ! И кто кромѣ него? Право никто! Въ глазахъ его портретовъ для меня отражается вся жизнь этихъ личностей; мнѣ кажется, будто я знакома съ

ними. Я пробовала вызвать въ себѣ это чувство, останавливаясь передъ другими холстами, и не могла.

То, чѣмъ онъ обладаетъ, этотъ несравненный художникъ, можно найти только въ религiозныхъ картинахъ итальянскихъ мастеровъ, которые писали и вѣрили!

Воспоминанiе о **Поклоненiи волхвовъ** Джеральдо-дель-Потти сохранилось въ моей душѣ, какъ какое-то чудное видѣнiе. Я не могу отдать себѣ отчета ни въ выполненiи, ни въ академическихъ достоинствахъ картины, но въ памяти моей остались, будто живые, образы взволнованныхъ, восхищенныхъ пастуховъ передъ Божественнымъ Младенцемъ и,—чтобы выразить все однимъ словомъ,—о прозаическая Францiя! — пастухи, Святая Дѣва, Младенецъ и я — всѣ мы были убѣждены, что это **дѣйствительно случилось.** Да! Заставьте публику повѣрить, что это дѣйствительно случилось: въ этомъ все и ничего другого не нужно. Людямъ, которые мнѣ скажутъ: «Но какимъ образомъ можете вы, вы — натуралистка, браться за древнiе сюжеты, которыхъ вы не видѣли?»... Я имъ отвѣчу относительно, напримѣръ, **Пастуховъ:** «Развѣ вамъ никогда не случалось остаться вечеромъ одному, въ деревнѣ, подъ совершенно яснымъ небомъ, и почувствовать себя взволнованнымъ, охваченнымъ какимъ-то таинственнымъ чувствомъ, стремленiемъ къ безконечному, почувствовать себя какъ бы въ ожиданiи какого-то великаго событiя, чего-то сверхъестественнаго и развѣ вы никогда не испытывали, что такое грезы, уносящiя въ какiе-то невѣдомые мiры?.. Если нѣтъ, вы никогда не поймете меня...

Все должно состоять въ той прелести, которую я съумѣю придать атмосферѣ; да, надо, чтобы чувствовался воздухъ, чувствовалось, что это вечеръ, тотъ часъ, когда поднимающiйся на небосклонѣ серпъ мѣсяца кажется еще очень блѣднымъ.

Бастьенъ долженъ былъ сдѣлать пятьдесятъ этюдовъ, чтобы уловить задуманный эффектъ: ну, что-жъ, я сдѣлаю ихъ сто для моихъ **Святыхъ женъ.**

Воскресенье, 20 января. Это грустно, но у меня нѣтъ подруги, я никого не люблю и меня никто не любитъ.

У меня нѣтъ подругъ потому (я отлично это понимаю), что невольно я слишкомъ ясно даю видѣть, «съ какой высоты я созерцаю толпу».

Никто не любитъ быть униженнымъ. Я могла бы утѣ-

шиться, думая, что личности истинно высокія никогда не были любимы. Ихъ окружаютъ, согрѣваются ихъ лучами, но въ душѣ ихъ проклинаютъ и, при первой возможности, злословятъ. Въ настоящее время рѣшается вопросъ о статуѣ Бальзака, и журналы печатаютъ воспоминанія и справки, собранныя у друзей великаго человѣка. Отъ отвращенія къ такимъ друзьямъ становится просто тошно. Вотъ кто всегда постарается разгласить всякую дурную черту, все смѣшное, все низкое.

Я предпочитаю враговъ, — имъ меньше вѣрятъ.

Суббота, 23 февраля. Я въ очень дурномъ расположеніи духа, взбѣшена. По всей вѣроятности это потому, что я скоро умру; вся моя жизнь съ самаго начала и со всѣми подробностями проходитъ предо мной; много глупыхъ вещей, которыя заставляютъ меня плакать; никогда не выѣзжала я такъ часто, какъ другія; три, четыре бала въ годъ; часто выѣзжать я могу вотъ эти два года, но теперь это уже не можетъ интересовать меня.

И великій артистъ сожалѣетъ объ этомъ? Честное слово, да... А теперь? Теперь другое: не балы, а собранія, гдѣ встрѣчается все, что думаетъ, пишетъ, рисуетъ, работаетъ, поетъ, все, что составляетъ жизнь разумныхъ существъ.

Наиболѣе философскіе и умные люди не пренебрегаютъ возможностью встрѣчаться разъ въ недѣлю или два раза въ мѣсяцъ съ людьми составляющими цвѣтъ парижской интеллигенціи... Я все это объясняю потому, что, мнѣ кажется, я умираю. Я всегда и во всемъ была несчастна! Цѣной работы я достигла связей въ настоящемъ свѣтѣ, но и это еще униженіе.

Человѣкъ слишкомъ несчастенъ, чтобы не надѣяться, что существуетъ Богъ, Который сжалится надъ нами; но что такое сдѣлала я, что такъ несчастна?

Можно вѣрить только въ одного Бога.. абстрактнаго, философскаго, великую тайну земли, неба всего. — **Панъ.**

Этого Бога созерцаютъ и представляютъ себѣ, глядя на звѣзды и думая о научныхъ вопросахъ, духовно, какъ Ренанъ... Но Богъ, который все знаетъ и у котораго можно всего просить... Я очень бы хотѣла вѣрить въ такого Бога.

Вторникъ, 11 марта. Идетъ дождь. Но не только это... мнѣ нездоровится... Все это такъ несправедливо. Небо слишкомъ жестоко ко мнѣ.

Я еще въ тѣхъ годахъ, когда можешь входить въ извѣстный экстазъ даже при мысли о смерти.

Мнѣ кажется, что никто не любитъ всего такъ, какъ я люблю: искусство, музыку, живопись, книги, свѣтъ, платья, роскошь, шумъ, тишину, смѣхъ, грусть, тоску, шутки, любовь, холодъ, солнце, всѣ времена года, всякую погоду спокойныя равнины Россіи и горы вокругъ Неаполя, снѣгъ зимою, дождь осенью, весну съ ея тревогой, спокойные лѣтніе дни и прекрасныя ночи съ сверкающими звѣздами... я все люблю до обожанія. Все представляется мнѣ со своихъ интересныхъ и прекрасныхъ сторонъ: я хотѣла бы все видѣть, все имѣть, все обнять, слиться со всѣмъ и умереть, если надо, черезъ два года, или въ 30 лѣтъ, умереть съ экстазомъ, чтобы извѣдать эту послѣднюю тайну, этотъ конецъ всего или божественное начало.

Эта всемірная любовь не есть чувство чахоточной: я всегда была такая, и я помню какъ разъ, десять лѣтъ тому назадъ, я писала (1874 г.), перечисливъ прелести различныхъ временъ года: «Напрасно захотѣла бы я выбрать: всѣ времена года хороши, всѣ возрасты — вся жизнь».

«Надо все!».

«Надо природу, передъ ней все ничтожно».

«Однимъ словомъ, все въ жизни мнѣ нравится, мнѣ все пріятно и, прося счастья, нахожу свою прелесть и въ несчастьи. Мое тѣло плачетъ, и кричитъ, но что-то, что выше меня, радуется жизни, несмотря ни на что!»

Я забыла сказать, что мои мальчишки называются: **Митингъ.**

Суббота, 15 марта. Погода чудная и, начиная съ понедѣльника или вторника, я буду работать въ деревнѣ. Я больше не хочу поклоняться Бастьенъ-Лепажу, я почти не знаю его, и потомъ это натура... замкнутая, и потомъ лучше работать надъ собственнымъ талантомъ, чѣмъ расходоваться на это поклоненіе.

Воскресенье, 16 марта. Картины отосланы.

Я вернулась въ половинѣ седьмого въ состояніи такого утомленія, что это было даже восхитительно... Вы не вѣрите, что это восхитительно, но для меня всякое цѣльное впечатлѣніе, доведенное до крайняго предѣла, даже ощущеніе боли, есть наслажденіе.

Когда я повредила себѣ палецъ, боль была такая острая въ продолженіе получаса, что я наслаждалась ею.

То же самое сегодняшняя усталость: тѣло не оказывающее ни малѣйшаго сопротивленія воздуху, еще ослабленное ванной и протянутое на постели; руки и ноги тяжелы, голова полна какими-то туманными, несвязными образами... я заснула, произнося время отъ времени слова, относящіяся къ проходящимъ въ головѣ мыслямъ.

Среда, 19 марта. Вчера была баллотировка въ члены кружка русскихъ артистовъ. Я была выбрана единогласно.

Клара видѣла одного господина, который видѣлъ Бастьенъ-Лепажа и который нашелъ, что онъ очень боленъ; на другой день этотъ господинъ встрѣтилъ доктора, который сказалъ: этотъ человѣкъ очень боленъ, но не думаю, что ревматизмомъ, онъ боленъ вотъ чѣмъ (похлопывая по желудку). Значитъ, онъ дѣйствительно боленъ?.. онъ уѣхалъ со своей матерью въ Блидэ, дня на три, на четыре.

Понедѣльникъ, 24 марта. Вотъ уже нѣсколько дней вокругъ меня точно туманъ какой-то... который отдѣляетъ меня отъ всего міра и заставляетъ чувствовать реальность моего внутренняго міра. Поэтому... Нѣтъ, все такъ печально, что нельзя даже жаловаться... это тяжелое одурѣніе... я только что перечла книгу, которой, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я мала восхищалась и которая очень хороша: это *Madame Bovary*.

Литературная форма, стиль... да... въ общемъ это только отдѣлка.

Но дѣло не въ томъ; среди тумана, меня окутывающаго, я вижу дѣйствительность еще яснѣе... дѣйствительность такую жестокую, такую горькую, что если стану писать про нее, то заплачу. Но я даже не смогла бы написать. И потомъ, къ чему? Къ чему все? Провести шесть лѣтъ, работая ежедневно по десяти часовъ, чтобы достигнуть чего? Начала таланта и смертельной болѣзни.

Сегодня я была у моего доктора и болтала такъ мило, что онъ мнѣ сказалъ: «Я вижу, вы всегда веселы».

Чтобы упорно надѣяться, что «слава» вознаградитъ меня за все, надо будетъ жить, а чтобы жить, надо будетъ **заботиться о себѣ...**

Вотъ видѣнія, вотъ ужасная **дѣйствительность.**

Никогда не вѣрятъ... пока... Я помню, я была еще со-

всѣмъ маленькая и путешествовала въ первый разъ по желѣзной дорогѣ въ обществѣ чужихъ; я размѣстилась, занявъ два мѣста разными вещами, когда вошли два пассажира. — Эти мѣста заняты, сказáла я съ апломбомъ. — Отлично, отвѣчалъ господинъ, я позову кондуктора.

Я думала, что это угроза, **какъ дома:** что это неправда и — ничѣмъ нельзя изобразить тотъ странный холодъ, который охватилъ меня, когда кондукторъ освободилъ мѣсто, и пасажиръ сѣлъ на него. Это было первое знакомство съ **дѣйствительностью.**

Давно уже я грожу сама себѣ болѣзнью, въ то же время не вѣря этому... Наконецъ!..

И мартовскій вѣтеръ, и небо сѣрое, тяжелое...

Вчера начала довольно большую картину въ старомъ саду въ Севрѣ: молодая дѣвушка сидитъ подъ цвѣтущей яблоней, дорожка уходитъ вдаль и всюду вѣтви фруктовыхъ деревьевъ въ цвѣту, и свѣжая трава, фіалки и маленкіе желтые цвѣточки. Женщина сидитъ и мечтаетъ съ закрытыми глазами; она положила голову на лѣвую руку, локоть которой опирается о колѣно.

Это должно быть очень просто и должно чувствоваться вѣяніе весны, заставляющее эту женщину мечтать.

Надо, чтобы между вѣтвями было солнце. Эта вещь въ два метра длины и немного болѣе вышиною.

Итакъ, я принята только съ № 3!

Отсюда глубокое и безнадежное уныніе; никто не виноватъ въ томъ, что у меня нѣтъ таланта... Да, это ясно показало мнѣ, что если бы я не надѣялась на мое искусство, я тотчасъ же умерла бы. И если эта надежда измѣнитъ, какъ сегодня... да, тогда останется только смерть безъ всякихъ фразъ.

Понедѣльникъ, 31 марта. Почти ничего не сдѣлано; моя картина будетъ плохо помѣщена, и я не получу медали.

Потомъ я сѣла въ очень теплую ванну и пробыла въ ней болѣе часу, послѣ чего у меня пошла кровь горломъ.

Это глупо, скажете вы; возможно, но у меня нѣтъ болѣе мудрости, я въ уныніи и наполовину сошла съума отъ всей этой борьбы со всѣмъ.

Наконецъ... что говорить, что дѣлать... если такъ будетъ продолжаться, меня хватитъ года на полтора, но если бы я была спокойна, я могла бы жить еще двадцать лѣтъ.

Да, трудно переварить этотъ № 3. Это страшный ударъ. Однако, я вижу ясно и **я вижу себя;** нѣтъ, нечего говорить... Мнѣ начинаетъ казаться, что будь моя картина очень хороша...

Ахъ! никогда, никогда, никогда я не была въ такомъ отчаяніи, какъ сегодня. Пока летишь внизъ, это еще не смерть, но дотронуться ногами до чернаго и вязкаго дна... сказать себѣ: это не изъ-за обстоятельствъ, не изъ-за семьи, не изъ-за общества, но изъ-за **недостатка таланта.** Ахъ! это слишкомъ ужасно, потому что никто не можетъ помочь: ни люди, ни Богъ. Я не вижу болѣе возможности работать: все кажется, кончено.

Вотъ вамъ цѣльное чувство. Да. Ну, такъ по твоей теоріи это должно быть наслажденіе. Поймана!

Мнѣ все равно; приму брому, это заставитъ меня спать, и потомъ, Богъ великъ, и у меня всегда бываетъ какое-нибудь маленькое утѣшеніе послѣ глубокихъ несчастій.

И сказать только, что мнѣ даже нельзя разсказать все это, помѣняться мыслями, утѣшиться, разсказавъ кому-нибудь... Ничего, никого, никого!..

Вы видите. Это конецъ. Это должно быть наслажденіе. Это было бы такъ, если бы были зрители моихъ несчастій...

Горести людей, сдѣлавшихся потомъ знаменитыми, разсказываются друзьями, потому что у нихъ есть друзья, люди, съ которыми они разговариваютъ. У меня ихъ нѣтъ. И если бы я жаловалась! Если бы я говорила: «Нѣтъ, я не буду больше рисовать!» Это ни для кого не будетъ потерей: у меня нѣтъ таланта.

Тогда-то все то, что надо затаить въ себѣ и до чего никому дѣла нѣтъ... Вотъ оно самое тяжелое мученіе, самое унизительное, потому что **знаешь, чувствуешь, вѣришь** самъ, что ты — ничто.

Если бы это состояніе продлилось, его нельзя было бы вынести.

Вторникъ, 1 апрѣля. Это состояніе продолжается, а такъ какъ надо найти какой-нибудь исходъ, то я прихожу къ слѣдующему: А вдругъ я ошибаюсь? Но отъ слезъ у меня болятъ глаза.

Мнѣ говорятъ: да вѣдь вы же знаете, что номеръ имѣетъ очень мало значенія.

Да, но мѣсто, гдѣ помѣщена картина!

Среда, 2 апрѣля. Была у Робера-Флери и съ очень веселымъ видомъ спросила: Ну, какъ же прошла моя картина?

— Да очень хорошо, потому что, когда дошла очередь до вашей картины, они сказали — не одинъ или двое, но вся группа — «**Послушайте, вѣдь это хорошо,** второй номеръ!»

— Не можетъ быть!

— Ну да, не думайте пожалуйста, что я говорю это для вашего удовольствія: такъ было на самомъ дѣлѣ. Тогда вотировали и если бы въ тотъ день президентомъ не былъ тупица, вы получили бы второй номеръ. Вашу картину признали хорошей и приняли ее симпатично.

— У меня третій номеръ.

— Да, но это благодаря особому роду несчастья, просто неудача какая-то: вы должны были бы получить второй номеръ.

— Но какіе недостатки они находятъ въ картинѣ?

— Никакихъ.

— Какъ никакихъ, значитъ — она недурна?

— Она хороша.

— Но въ такомъ случаѣ?

— Въ такомъ случаѣ это несчастье, и все тутъ; въ такомъ случаѣ, если вы найдете какого-нибудь члена комиссіи и попросите его, то вашу картину помѣстятъ на лучшемъ мѣстѣ, такъ какъ она хороша.

— А вы?

— Я членъ, спеціально назначенный наблюдать, чтобы соблюдались номера, но повѣрьте, если кто-нибудь изъ нашихъ попроситъ, я ничего не скажу противъ того.

Была потомъ у Жуліана, который слегка подсмѣивается надъ совѣтами Робера-Флери и говоритъ, что я могу быть почти спокойна и что онъ будетъ очень удивленъ, если моя картина не будетъ переставлена, и что... Въ концѣ концовъ Роберъ-Флери сказалъ мнѣ, что, по его мнѣнію, я заслуживаю второго номера и что нравственно я его имѣю. Нравственно!!! И что, наконецъ, это было бы только справедливо.

А! нѣтъ! просить изъ милости того, что мнѣ слѣдуетъ по справедливости, это слишкомъ!

Пятница, 4 апрѣля. Конечно выставка Бастьенъ-Лепажа блестяща, но выставлены почти все старыя вещи.

Ему тридцать пять лѣтъ. Рафаэль умеръ тридцати шести, сдѣлавъ больше. Но Рафаэль съ двѣнадцати лѣтъ былъ

окруженъ герцогинями и кардиналами, которые ласкали его и заставляли работать у великаго Перуджини. Рафаэль пятнадцати лѣтъ дѣлалъ такія копіи своего учителя, что ихъ было трудно отличить отъ оригинала, и съ пятнадцати же лѣтъ былъ причисленъ къ великимъ артистамъ. Затѣмъ, въ громадныхъ картинахъ, которыя поражаютъ насъ и временемъ, которое онѣ представляютъ, и своими качествами, въ этихъ картинахъ, вся черновая работа исполнена учениками, и во многихъ изъ этихъ картинъ Рафаэлю принадлежитъ только картонъ.

А Бастьенъ-Лепажъ, чтобы существовать въ Парижѣ, долженъ былъ первое время сортировать на почтѣ письма отъ трехъ до семи часовъ утра. Первую вещь онъ выставилъ, кажется, въ 1869 г.

Однимъ словомъ, у него не было ни герцогинь, ни кардиналовъ, ни Перуджини. Кажется, онъ пришелъ въ Парижъ лѣтъ пятнадцати, шестнадцати.

Но все-таки это лучше чѣмъ я; я всегда жила въ средѣ мало артистической, въ дѣтствѣ я взяла всего нѣсколько уроковъ, какъ всѣ дѣти; потомъ, уроковъ пятнадцать въ продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ, потомъ опять, все та же среда... Такимъ образомъ, выходитъ шесть лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ; но въ это же время я путешествовала и была сильно больна. Наконецъ... гдѣ же я?

Достигла ли я того, чего Бастьенъ-Лепажъ достигъ въ 1874 году? Этотъ вопросъ неумѣстенъ.

Если бы я сказала при другихъ; даже при художникахъ, все это про Бастьена, они сказали бы, что я сошла съума, одни съ убѣжденіемъ, другіе изъ принципа и не желая признать превосходство младшаго.

Суббота, 5 апрѣля. Вотъ мои проекты:

Сначала кончу картину въ Севрѣ. Затѣмъ снова примусь серьезно за статую, это по утрамъ, а послѣ завтрака — этюдъ нагой натуры, эскизъ уже сдѣланъ сегодня. Это продолжится до іюля. Въ іюлѣ я начну **Вечеръ**, картина будетъ представлять большую дорогу безъ деревьевъ; равнина, дорога, сливающаяся съ небомъ, закатъ солнца.

На дорогѣ телѣга, запряженная двумя волами... и наполненная сѣномъ, на которомъ лежитъ на животѣ старикъ, опершись подбородкомъ на руки. Профиль чернымъ силуэтомъ выдѣляется на закатѣ. Быковъ ведетъ мальчишка.

Это должно быть просто, величественно, поэтично, и т. д. и т. д.

Окончивъ это и двѣ или три изъ начатыхъ небольшихъ картинокъ, я ѣду въ Іерусалимъ, гдѣ проведу зиму ради моей картины и моего здоровья.

И въ будущемъ маѣ Бастьенъ признаетъ меня великой художницей.

Я разсказываю все это потому, что интересно видѣть, что дѣлается съ нашими проектами.

Суббота, 12 апрѣля. Жуліанъ пишетъ, что моя картина переставлена.

Среда, 30 апрѣля. Несчастье не такъ уже велико, такъ какъ *Gaulois* говоритъ обо мнѣ очень хорошо. **Обо мнѣ** отдѣльная замѣтка. Это большой шикъ, ибо Фуко, тотъ же Вольфъ въ *Gaulois* и *Gaulois* появляется съ отчетомъ о Салонѣ въ одинъ день съ **Фигаро** и, кажется, имѣетъ такое же значеніе.

Voltaire печатаетъ замѣтку въ томъ же родѣ и отзывается обо мнѣ какъ и *Gaulois*. Это главные органы.

Journal des Arts, который печатаетъ отчетъ «съ птичьяго полета», также называетъ меня. *Intransigeant* въ своей замѣткѣ отзывается обо мнѣ тоже хорошо. Другіе журналы тоже мало-по-малу дадутъ свои отзывы. Только **Фигаро**, *Gaulois* и дѣлаютъ это въ первое же утро выставки.

Довольна ли я? Это вопросъ простой. Ни слишкомъ довольна, ни слишкомъ недовольна...

Довольна какъ разъ на столько, что не прихожу въ отчаяніе, вотъ и все.

Я вернулась изъ Салона. Мы поѣхали туда только въ полдень, а вернулись только въ 5 часовъ, за часъ до окончанія. У меня мигрень.

Мы долго сидѣли на скамейкѣ, передъ картиной.

На нее смотрятъ много. Мнѣ было смѣшно, когда я думала, что всѣ эти люди никакъ бы не подумали, что создатель этой картины молодая, элегантная дѣвушка, которая сидитъ тутъ же, показывая свои маленькія и хорошо обутыя ножки.

А! это гораздо лучше, чѣмъ въ прошломъ году.

Что же это, успѣхъ? въ **настоящемъ, серьезномъ** смыслѣ разумѣется? Честное слово, почти что такъ.

Бастьенъ-Лепажъ выставилъ только свою маленькую прошлогоднюю картину: **Кузницу.**

Онъ все еще не настолько здоровъ, чтобы работать. Бѣдный архитекторъ очень печаленъ и говоритъ, что готовъ утопиться.

Я тоже печальна и мнѣ кажется, что, несмотря на мою живопись, на мою скульптуру, на мою музыку, мою литературу, несмотря на все это, мнѣ кажется, что я скучаю.

Суббота, 3 мая. Въ половинѣ двѣнадцатаго является Эмиль Бастьенъ-Лепажъ, я выхожу къ нему очень удивленная! У него цѣлый запасъ любезностей для меня. Я имѣю **настоящій большой успѣхъ.**

— Не въ отношеніи къ вамъ и вашимъ товарищамъ по мастерской, но относительно всѣхъ. Я видѣлъ вчера Олендорфа, который сказалъ мнѣ, что если бы эта картина была написана французомъ, то она была бы куплена государствомъ. — «О, да, этотъ г. М. Башкирцевъ, очень способный человѣкъ». (Картина подписана М. Башкирцевъ). Тогда я сказалъ ему, что вы молодая дѣвушка и прибавилъ «хорошенькая». «Нѣтъ»!!. онъ не могъ придти въ себя отъ удивленія. И всѣ говорятъ мнѣ о большомъ успѣхѣ. Ахъ!! я начинаю этому понемногу вѣрить. Потому что изъ боязни повѣрить слишкомъ много, я позволяю себѣ чувствовать небольшое удовлетвореніе съ такими предосторожностями, о которыхъ вы не имѣете даже представленія.

Я послѣдняя повѣрю, что въ меня вѣрятъ. Но кажется, что картина хороша.

— Настоящій и большой артистическій успѣхъ, говоритъ Эмиль Бастьенъ. Значитъ, какъ Жюль Бастьенъ въ 1874 или 1875 гг.? О! Создатель! Я еще не захлебнулась отъ радости, потому что я едва вѣрю этому.

Я должна была бы **захлебываться** отъ радости. Этотъ превосходный другъ просилъ меня подписать полномочіе для Шарля Бодъ, гравера, интимнаго друга его брата.

Этотъ Бодъ имѣетъ фотографію съ моей картины для *Monde Illustré*; это хорошо.

Онъ мнѣ сказалъ также, что Фріанъ (у котораго есть талантъ) **пришелъ въ восторгъ** отъ моей картины.

Люди, которыхъ я не знаю, говорятъ обо мнѣ, интересуются мною, судятъ меня. Какое счастье!!. Просто не вѣрится этому, хотя передъ этимъ я такъ желала и ждала этого.

Я хорошо сдѣлала, подождавъ давать полномочіе на снятіе фотографіи съ моей картины. У меня просили этого письменно, не знаю кто, еще третьяго дня. Мнѣ пріятнѣе позволить это Боду, кого Бастьенъ зоветъ Шарло и кому онъ пишетъ письма по восьми страницъ.

Сошла въ гостиную мамы принять поздравленія отъ всѣхъ этихъ дураковъ, которые думаютъ, что я занимаюсь живописью, какъ принято въ свѣтѣ, и которые расточаютъ тѣ же комплименты Алисѣ и другимъ дурочкамъ.

Такъ-то!

Мнѣ кажется, **мой успѣхъ** всѣхъ живѣе чувствуетъ Розалія. Она съума сходитъ отъ радости, говоритъ со мною, какъ старая кормилица, и разсказываетъ подробности направо и налѣво. Для нея нѣчто совершилось, произошло важное событіе.

Понедѣльникъ, 5 мая. Умереть, это слово легко сказать, написать, но думать, **вѣрить,** что скоро умрешь! А развѣ я **вѣрю** этому? Нѣтъ, но я **боюсь** этого.

Не къ чему скрывать: у меня чахотка. Правое легкое сильно поражено и лѣвое начинаетъ портиться понемногу уже въ продолженіе цѣлаго года. Обѣ стороны задѣты. При другомъ тѣлосложеніи я была бы почти худа. Конечно я полнѣе, чѣмъ большинство молодыхъ дѣвушекъ, но я не то, что было прежде. Однимъ словомъ, **я заражена** безвозвратно. Но, несчастное созданіе, заботься же о себѣ! Да, я забочусь и притомъ основательно. Я прижгла себѣ грудь съ обѣихъ сторонъ и мнѣ нельзя будетъ декольтироваться въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. И мнѣ придется время отъ времени повторять эти прижиганія, чтобы быть въ состояніи **спать.** О выздоровленіи не можетъ быть и рѣчи. Все написанное имѣетъ видъ преувеличенія; но нѣтъ, это только правда. Да и кромѣ мушекъ, столько есть разныхъ разностей! Я все исполняю. Тресковый жиръ, мышьякъ, козье молоко. Мнѣ купили козу.

Я могу протянуть, но все-таки я погибшій человѣкъ.

Я слишкомъ много волновалась и мучилась. Я умираю вслѣдствіе этого, это логично, но ужасно. Въ жизни такъ много интереснаго! Одно чтеніе чего стоитъ! Мнѣ принесли всего Зола, всего Ренана, нѣсколько томовъ Тэна; мнѣ лучше нравится **Революція** Тэна, чѣмъ Мишлэ; Мишлэ туманенъ и буржуазенъ, несмотря на его поклоненіе высокому.

А живопись! Вотъ когда хотѣлось бы вѣрить въ добраго Бога, который является и все устраиваетъ.

Вторникъ, 6 мая. Литература заставляетъ меня терять голову. Я читаю Зола цѣликомъ. Это гигантъ.

Милые французы, вотъ еще одинъ, котораго вы не хотите понять!

Среда, 7 мая. Получила отъ Дюссельдорфа просьбу отгравировать и отпечатать мою картину, а также и другія мои картины, если я найду это удобнымъ. Забавно.

Со времени открытія Салона не было ни одного журнала, который бы не говорилъ о моей картинѣ; да, но все-таки это еще не то! Сегодня утромъ *Etincelle* пишетъ статейку **Свѣтскія женщины-живописцы.**

Это чудесно! — Я слѣдую тотчасъ же за Кларой, и обо мнѣ столько же строкъ, какъ о ней! — Я Грезъ, я блондинка съ рѣшительнымъ лбомъ, какъ у существа, которое будетъ чѣмъ-нибудь, у меня глубокіе глаза! Я очень элегантна, у меня талантъ и я **хорошій** реалистъ, въ родѣ Бастьенъ-Лепажа. Такъ! Это еще не все, — у меня притягательная улыбка и грація ребенка!!! И я не въ восторгѣ? — Ну, такъ знайте-же: нисколько!

Пятница, 9 мая. Я читаю и обожаю Зола! Его критическіе статьи и этюды превосходны: я влюблена въ нихъ до безумія. Можно все сдѣлать, чтобы понравиться такому человѣку! И вы считаете меня способной къ любви, какъ всѣхъ другихъ. О, Господи!

Бастьена-Лепажа я любила, какъ люблю Зола, котораго я никогда не видѣла, которому 44 года, у котораго есть жена и брюшко. Спрашиваю васъ, неужели не смѣшны до безобразія эти свѣтскіе люди, за которыхъ выходятъ замужъ? Что бы я стала говорить съ подобнымъ господиномъ въ теченіе цѣлаго дня?

Эмиль Бастьенъ обѣдалъ у насъ и сказалъ, что въ четвергъ придетъ ко мнѣ съ довольно извѣстнымъ любителемъ, г. Г.

У него есть картины Делакруа, Коро, Бастьена-Лепажа; онъ умѣетъ распознавать будущихъ великихъ художниковъ.

— Какъ вы это находите?

— Это очень хорошо, вы знаете художника? Что, онъ молодъ?.. и т. д. и т. д.

Этотъ Г. слѣдитъ за мною съ прошлаго года, замѣтивъ мою пастель и мою теперешнюю картину...

Словомъ, они придутъ въ четвергъ... Онъ хочетъ купить у меня что-нибудь.

Понедѣльникъ, 12 мая. Послѣ холодовъ наступили вдругъ жаркіе дни: уже три дня 28, 29 градусовъ.

Жара изводитъ меня. Я кончаю этюдъ дѣвочки въ саду, въ надеждѣ на визитъ любителя.

По всѣмъ признакамъ у Бастьена-Лепажа ракъ въ желудкѣ. Такъ онъ значитъ погибъ? Можетъ быть, это еще ошибка. Бѣдняга не можетъ спать. Это нелѣпо! А его дворникъ, вѣроятно, пользуется отличнымъ здоровьемъ. Это нелѣпо!

Четвергъ, 15 мая. Въ 10 часовъ утра явился Эмиль Бастьенъ вмѣстѣ съ г. Г.

Не странно ли это? Мнѣ это кажется невѣроятнымъ. Я — артистъ и у меня есть талантъ. И это серьезно. И вотъ человѣкъ, какъ г. Г., приходитъ ко мнѣ, интересуется моими работами; возможно ли это?

Суббота, 17 мая. Я вернулась изъ Булонскаго лѣса и застала Багницкаго, который сказалъ мнѣ, что у художника Боголюбова говорили о Салонѣ; и что кто-то сказалъ, что моя картина **похожа** на картины Бастьенъ-Лепажа.

Въ общемъ, мнѣ лестны всѣ эти толки о моей картинѣ. Мнѣ завидуютъ, обо мнѣ сплетничаютъ, я что-то изъ себя представляю. Позвольте же мнѣ порисоваться немножко, если мнѣ этого хочется.

Но нѣтъ, говорю вамъ: развѣ это не ужасно и развѣ можно не огорчаться? Шесть лѣтъ, шесть лучшихъ лѣтъ моей жизни я работаю, какъ каторжникъ; не вижу никого, ничѣмъ не пользуюсь въ жизни! Черезъ шесть лѣтъ я создаю хорошую вещь и еще смѣютъ говорить, что мнѣ помогали! Награда за такіе труды обращается въ ужасную клевету!!!

Я говорю это, сидя на медвѣжьей шкурѣ, опустивъ руки, говорю искренно и въ то же время рисуюсь. Мама понимаетъ меня буквально, и отъ этого я прихожу въ отчаяніе.

Вотъ вамъ мама. Предположите, что почетную медаль дали X... Конечно, я кричу, что это недостойно, позорно, я возмущена, я въ ярости и т. д. Мама: «да нѣтъ-же, нѣтъ, не волнуйся такъ. Господи, да она не получила награды! Это неправда! А если ей ее и дали, то только нарочно: всѣ знаютъ,

что ты придешь въ бѣшенство. Это сдѣлано нарочно, а ты даешь провести себя, какъ дурочка! Полно же!»

Это не преувеличено, это только преждевременно: дайте только X. получить почетную медаль, и вы увидите, что она скажетъ все это.

Другой примѣръ. Жалкій романъ Y***, который теперь въ модѣ, выдерживаетъ нѣсколько изданій. Разумѣется, я негодую: такъ вотъ пища большинства, вотъ что любитъ толпа! *O tempora! O mores!* Я готова побиться объ закладъ, что мама начнетъ ту же тираду, какъ въ предыдущемъ случаѣ! Это случалось уже не разъ. Она боится, что я сломаюсь, что я умру отъ малѣйшаго толчка, и въ своей наивности хочетъ предохранить меня такими средствами, отъ которыхъ у меня можетъ сдѣлаться горячка.

Приходитъ X., Y или Z; и говоритъ: — знаете, балъ у Ларошфуко былъ великолѣпенъ.

Я дѣлаюсь мрачной.

Мама это видитъ и черезъ пять минутъ разсказываетъ, при мнѣ что-нибудь, что должно разочаровать меня относительно этого бала; еще хорошо, если она не начнетъ увѣрять меня, что бала совсѣмъ не было.

Постоянно ребяческія выдумки и уловки, а я бѣшусь, что могутъ считать меня такой легковѣрной.

Вторникъ, 20 мая. Въ десять часовъ была въ Салонѣ съ Г. Онъ говоритъ, что моя картина такъ хороша, что мнѣ навѣрно помогали.

Это ужасно!

Онъ осмѣливается также сказать, что Бастьенъ никогда не умѣлъ сдѣлать картины, что онъ пишетъ портреты, что его картины — тѣ же портреты, что онъ не можетъ писать нагого тѣла.

Оттуда мы направились къ Роберу-Флери. Я съ волненіемъ разсказываю ему, что меня обвиняютъ въ томъ, что я не сама написала мою картину.

Онъ объ этомъ не слышалъ; онъ говоритъ, что въ jury объ этомъ не было и рѣчи и что если бы подняли объ этомъ вопросъ, онъ бы заступился. Онъ думаетъ, что мы гораздо болѣе взволнованы, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, и мы уводимъ его завтракать къ намъ, чтобы онъ успокоилъ и утѣшилъ насъ. — Какъ можно такъ волноваться изъ-за всего? Такую грязь можно отшвыривать ногами.

— Я бы желалъ, чтобы при мнѣ сказали такую вещь въ jury, восклицалъ онъ, — я бы тогда показалъ имъ! Если бы кто-нибудь осмѣлился сказать, это, я бы уничтожилъ его тутъ же, на мѣстѣ!

— О, благодарю васъ.

— Нѣтъ, здѣсь дѣло совсѣмъ не въ дружбѣ, тутъ дѣло въ истинѣ, которая мнѣ извѣстна лучше, чѣмъ кому-либо.

Онъ еще повторяетъ намъ эти вещи, говоритъ, что я имѣю шансы получить медаль, ибо никогда нельзя знать заранѣе; кажется, у меня даже много шансовъ на это.

Суббота, 24 мая. Жарко, и я устала, *France Illustrée* проситъ позволенія воспроизвести мою картину. О томъ же проситъ какой-то Лекардъ. Я подписываю и подписываю: воспроизводите!

Думаю, что медали достанутся картинамъ, которыя хуже моей! Это очевидно. О! я совершенно спокойна: настоящій талантъ выбьется во что-бы то ни стало: но это будетъ запаздываніемъ и это скучно. Я предпочитаю не разсчитывать на это. Отзывъ мнѣ обѣщали навѣрно; медаль еще сомнительна, но это будетъ несправедливо!

Вторникъ, 27 мая. Кончено. Я ничего не получила. Но это ужасно досадно; я надѣялась до сегодняшняго утра. И если бы вы знали, за какія вещи назначены медали!!!

Но почему это не приводитъ меня въ отчаяніе? Я очень удивляюсь. Если моя картина хороша, почему я не получаю награды?

Скажутъ, что это каверзы...

Все равно, если это хорошо, какъ же случилось, что картина не получила награды? Я не хочу прикидываться благородною наивностью, которая не подозрѣваетъ, что существуютъ интриги; но мнѣ кажется, что за хорошую вещь...

Такъ значитъ это вещь плохая? Нѣтъ.

У меня есть глаза даже для самой себя... и потомъ отзывы другихъ! А сорокъ журналовъ!

Четвергъ, 29 мая. Благодаря лихорадкѣ, продолжавшейся всю ночь, я нахожусь сегодня въ состояніи какого-то бѣшенаго раздраженія, въ состояніи, отъ котораго хоть съ ума сойти. Все это, разумѣется, не изъ-за медали, а изъ-за безсонной ночи.

Къ чему влачить это жалкое существованіе? Смерть дастъ

по крайней мѣрѣ возможность узнать, что такое представляетъ изъ себя эта пресловутая «будущая жизнь».

Пятница, 30 мая. Я нахожу, что съ моей стороны очень глупо не заняться единственной вещью, стоющей того, единственной вещью, дающей счастье, заставляющей забывать всѣ горести — любовью; да, любовью — само собой разумѣется.

Два любящихъ существа представляются другъ другу абсолютно совершенными въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, особенно въ нравственномъ. Человѣкъ, любящій васъ, дѣлается справедливъ, добръ, великодушенъ и готовъ съ полнѣйшей простотой совершать самые геройскіе подвиги.

Двумъ любящимъ существамъ вся вселенная представляется чѣмъ-то чудеснымъ и совершеннымъ, словомъ тѣмъ, чѣмъ представляли ее себѣ такіе философы, какъ Аристотель и я! Вотъ въ чемъ, по моему, заключается великая притягательная сила любви.

При родственныхъ отношеніяхъ, въ дружбѣ, въ свѣтѣ — вездѣ проглядываетъ такъ или иначе какой-нибудь уголокъ свойственной людямъ грязи: тамъ промелькнетъ своекорыстіе, тамъ глупость, тамъ зависть, низость, несправедливость, подлость. Да и потомъ лучшій другъ имѣетъ свои, никому не доступныя мысли, и, какъ говоритъ Мопассанъ, человѣкъ всегда **одинъ,** потому что онъ не можетъ проникнуть въ сокровенныя мысли своего лучшаго друга, стоящаго прямо противъ него, глядящаго ему въ глаза и изливающаго передъ нимъ свою душу.

Ну, а любовь совершаетъ чудо сліянія двухъ душъ... Правда, любовь открываетъ просторъ иллюзіямъ; но что за бѣда. **То, что представляется существующимъ, существуетъ!** Это ужъ я вамъ говорю! Любовь даетъ возможность представить себѣ міръ такимъ, какимъ бы онъ долженъ былъ быть...

Суббота, 31 мая. В. приходитъ сообщить мнѣ, что мнѣ не дали медали за то, что я надѣлала столько шуму изъ-за прошлогодняго «отзыва» и громогласно называла jury — идіотскимъ. Это правда, что я такъ говорила.

Моя живопись можетъ быть недостаточно широка и свободна, но вѣдь иначе — **Митингъ** былъ бы настоящимъ chef-d'oeuvr'омъ. А развѣ для какой-нибудь маленькой третьей медали нужны chef-d'oeuvr'ы? Гравюра Бода появилась вмѣстѣ съ замѣткой, въ которой говорится, что публика

возмущается тѣмъ, что меня обошли медалью. Моя живопись суха? Но вѣдь это же говорятъ и про Бастьена.

Воскресенье, 1 іюня. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я ничего не дѣлаю. Со вчерашняго утра читаю Сюлли Прюдома. У меня подъ рукой два тома; и онъ мнѣ очень нравится.

Мнѣ очень мало дѣла до самыхъ стиховъ; мнѣ до нихъ есть дѣло только тогда, когда они плохи и затрудняютъ самое чтеніе: значеніе для меня имѣетъ только выражаемая ими идея. Угодно имъ риѳмовать — пусть себѣ риѳмуютъ. Только чтобы это не било въ глаза... И такъ, тонкія идеи Сюлли Прюдома безконечно мнѣ нравятся. Есть у него одна сторона — очень возвышенная, почти отвлеченная, очень тонкая, очень сильная, вполнѣ совпадающая съ моимъ образомъ чувствъ.

Я только что прочла, то лежа на диванѣ, то прохаживаясь по балкону, предисловіе и самую книгу Лукреція: *De natura rerum*. Тѣ, кто знаютъ эту вещь, поймутъ меня.

Для того, чтобы понять все, требуется большое напряженіе ума. Эта вещь должна читаться съ трудомъ даже тѣмъ, кто привыкъ возиться съ такого рода предметами. Я все поняла, моментами оно ускользало, но я возвращалась и заставляла себя усвоить. Я должна очень уважать Сюлли-Прюдома за то, что онъ написалъ вещь, дающуюся мнѣ съ такимъ трудомъ. Онъ владѣетъ и распоряжается всѣми этими идеями, какъ я распоряжаюсь моими красками. Онъ значитъ тоже долженъ былъ-бы имѣть благоговѣйное уваженіе ко мнѣ, создающей **посредствомъ какихъ-то грязныхъ красокъ** — какъ говоритъ антипатичный Теофиль Готье — лица, отражающія человѣческія чувствованія, картины, передающія природу, деревья, воздухъ, даль. Самъ-то онъ, конечно, считаетъ себя въ тысячу разъ выше какого-нибудь художника, хотя его раскапыванье механизма человѣческой мысли въ сущности совершенно безполезно. Что въ самомъ дѣлѣ даетъ онъ себѣ и другимъ этимъ способомъ?

Какимъ образомъ работаетъ умъ, давая имена всѣмъ этимъ внутреннимъ движеніямъ, быстрымъ до неуловимости... Я, бѣдная невѣжда, думаю, что вся эта философія никого ничему не научитъ; это изысканіе — занятіе утонченное и трудное, но только къ чему оно? Развѣ благодаря умѣнью давать имена всѣмъ этимъ отвлеченнымъ чудеснымъ вещамъ создаются геніи, оставляющіе прекрасныя книги, или замѣчательные люди, мыслящіе во главѣ вселенной?

Если бы я получила разумное воспитаніе, изъ меня вышло бы нѣчто очень замѣчательное. Я всему училась сама, я сама составила планъ моихъ занятій съ учителями лицея въ Ниццѣ — отчасти благодаря какой-то интуиціи, отчасти благодаря тому, что я вычитала изъ книгъ. Я хотѣла знать такую-то и такую-то вещь. Потомъ я научилась читать по-гречески и по-латыни, прочла французскихъ и англійскихъ классиковъ, да современныхъ писателей — вотъ все. Но это какой-то хаосъ, какъ я ни стараюсь упорядочить все это изъ любви къ гармоніи во всемъ.

Четвергъ, 5 іюня. Пратеръ умеръ. Онъ выросъ со мной вмѣстѣ, мнѣ купили его въ 1870 г. въ Вѣнѣ; ему было всего три недѣли, и онъ постоянно забивался за сундуки, въ бумагу отъ покупокъ, которыя мы дѣлали.

Онъ былъ преданной, вѣрной собакой; онъ плакалъ, когда я выходила и цѣлыми часами поджидалъ меня, сидя на окошкѣ. А потомъ, въ Римѣ, я самымъ глупѣйшимъ образомъ увлеклась другой собакой, и Пратеръ перешелъ къ мамѣ, не переставая ревновать меня, со своей желтой львиной шерстью и чудесными глазами. Когда я только подумаю теперь о моемъ безсердечіи!..

О, я очень мила со всѣми моими нѣжными чувствами! О, подлый характеръ, я плачу надъ этими строками и не могу удержаться отъ мысли, что слѣды моихъ слезъ на бумагѣ послужатъ доказательствомъ доброты моего сердца въ глазахъ моихъ читателей...

Воскресенье, 8 іюня. На вечерѣ въ посольствѣ я была настолько хороша, на сколько только способна. Платье производило очаровательнѣйшій эффектъ. И лицо расцвѣло, какъ бывало въ Ниццѣ или въ Римѣ. Люди, видящіе меня ежедневно, рты разинули отъ удивленія.

Мы пріѣхали довольно поздно. Я чувствовала себя очень спокойно и очень хорошо... Довольно много знакомыхъ. Madame А., которую я встрѣчала у Г... и которая мнѣ не кланялась, раскланивается со мной любезнѣйшимъ образомъ. Я была подъ руку съ Г., который представляетъ мнѣ Менабреа, итальянскаго министра. Мы разговариваемъ объ искусствѣ. Потомъ Лессепсъ разсказываетъ мнѣ длиннѣйшую исторію о ребятахъ и кормилицахъ и о дѣйствіяхъ на Суэзскомъ каналѣ. Мы проболтали съ нимъ довольно долго.

Потомъ я говорила съ бывшими тамъ художниками; они всѣ пожелали мнѣ представиться, очень мною заинтересованные. Но я была такъ красива и такъ хорошо одѣта, что они вынесутъ убѣжденіе въ томъ, что я не очень-то самостоятельно пишу свои картины. Тамъ были Шереметьевъ, Леманъ, пожилой человѣкъ, очень симпатичный, значительный талантъ и, наконецъ, Эдельфельдъ — тоже не безъ таланта. Вообще все шло очень хорошо. Вы видите, что главное — быть красивой. Это даетъ все остальное.

Вторникъ, 10 іюня. Боже мой, до чего это интересно... улица!.. Всѣ эти человѣческія физіономіи, всѣ эти индивидуальныя особенности, эти незнакомыя души, въ которыя мысленно погружаешься...

Вызвать къ жизни всѣхъ ихъ или, вѣрнѣе, схватить жизнь каждаго изъ нихъ! Дѣлаютъ же художники какой-нибудь «бой римскихъ гладіаторовъ», которыхъ и въ глаза не видали — съ парижскими натурщиками. Почему бы не написать «борцовъ Парижа» съ французской чернью. Черезъ пять, шесть вѣковъ это сдѣлается «античнымъ», и глупцы того времени воздадутъ этому произведенію должное почтеніе.

Была въ Севрѣ, но скоро возвратилась. Натурщица моя совсѣмъ не подходитъ для деревенской дѣвушки, и я опять возьму нашу судомойку. Съ этой Армандиной дѣло не пойдетъ на ладъ: очень ужъ отдаетъ отъ нея балетомъ. И это я-то, претендующая на изображеніе нравственнаго міра человѣка, чуть было не написала маленькую потаскушку въ крестьянскомъ платьѣ... Нѣтъ мнѣ нужно настоящую здоровенную дивчину, которая не то дремлетъ, не то мечтаетъ на жаркомъ воздухѣ и которой завладѣетъ первый встрѣчный парень.

Но эта Армандина — вотъ идеальная глупость! Я стараюсь заставить ее разговаривать. Когда глупость не сердитъ, она забавляетъ. Слушаешь себѣ съ благосклонной любознательностью и наблюдаешь нравы! Всѣ эти наблюденія я дополняю моей интуиціей, которую, если позволите, я назову по-истинѣ замѣчательной.

Пятница, 20 іюня. Архитекторъ пишетъ мнѣ изъ Алжира. Мое письмо оканчивалось тремя нашими портретами, каждый съ медалью на шеѣ. Жюль съ почетной медалью; я— съ первой медалью, архитекторъ — со второй. Я послала ему, между прочимъ, фотографическій снимокъ съ **Митинга.** Онъ говоритъ, что показывалъ его брату, который былъ очень

радъ составить себѣ понятіе о картинѣ, про которую ему столько наговорили; онъ находитъ, что она очень хороша, и воскликнулъ даже:

— Какъ это глупо, что они не дали ей медали. Я нахожу, что эта картина безусловно удачна! — Онъ хотѣлъ бы самъ написать мнѣ, но это невозможно, онъ слишкомъ страдаетъ. Но несмотря на это, онъ рѣшилъ выѣхать сюда, считая съ сегодняшняго дня черезъ восемь дней. Онъ проситъ архитектора передать мнѣ его дружескія пожеланія и поблагодарить меня за вышивку.

Годъ тому назадъ я была бы на седьмомъ небѣ отъ радости. Онъ хотѣлъ бы написать мнѣ! Но я радуюсь только... заднимъ числомъ, потому что теперь это для меня почти все равно.

Въ концѣ его письма — тоже моя голова съ почетной медалью за 1886 годъ.

Онъ будетъ тронутъ той деликатной манерой, которой я стараюсь въ моемъ письмѣ утѣшить его брата; письмо начиналось серьезно, потомъ шли «слова ободренія», и все это заканчивалось шутками, наиболѣе привычной для меня манерой разговаривать.

Среда, 25 іюня. Перечтите мои тетради 1875, 1876 и 1877 гг. На что я тамъ только ни жалуюсь; это постоянное стремленіе къ чему-то... неопредѣленному. Я сидѣла каждый вечеръ, разбитая и обезсиленная этимъ постояннымъ исканіемъ, **что дѣлать,** со своей яростью и отчаяніемъ. Поѣхать въ Италію? Остаться въ Парижѣ? Выйти замужъ? Взяться за живопись? Что сдѣлать съ собой? Уѣзжая въ Италію, я не была бы уже въ Парижѣ, а это была жажда — быть заразъ повсюду!! Сколько во всемъ этомъ было силы!!!

Будь я мужчиной, я покоряла бы Европу. Въ моей роли молодой дѣвушки я расходовалась только на безумныя словоизліянія и эксцентрическія выходки...

Бываютъ дни, когда наивно считаешь себя способной ко всему. «Если бы хватало времени, я была бы скульпторомъ, писательницей, музыкантшей»...

Какой-то внутренній огонь пожираетъ васъ. А смерть ждетъ въ концѣ концовъ, неизбѣжная смерть, — все равно, буду ли я горѣть своими неисполнимыми желаніями или нѣтъ.

Но если я ничто, если мнѣ суждено быть ничѣмъ, почему

эти мечты о славѣ съ тѣхъ поръ, какъ я сознаю себя? И что означаютъ эти вдохновенные порывы къ великому, къ величію, представлявшемуся мнѣ когда-то въ формѣ богатствъ и титуловъ? Почему — съ тѣхъ поръ, какъ я была способна связать двѣ мысли, съ четырехъ лѣтъ, живетъ во мнѣ эта потребность въ чемъ-то великомъ, славномъ... смутномъ, но огромномъ?.. Чѣмъ я только ни перебывала въ моемъ дѣтскомъ воображеніи!.. Сначала я была танцовщицей — знаменитой танцовщицей Петипа, обожаемой Петербургомъ. Каждый вечеръ я надѣвала открытое платье, убирала цвѣтами голову и съ серьезнѣйшимъ видомъ танцовала въ залѣ, при стеченіи всей нашей семьи. Потомъ я была первой пѣвицей въ мірѣ. Я пѣла, аккомпанируя себѣ на арфѣ, и меня уносили съ тріумфомъ... не знаю кто и куда. Потомъ я электризовала массы силой моего слова... Императоръ женился на мнѣ, чтобы удержаться на тронѣ, я жила въ непосредственномъ общеніи съ моимъ народомъ, я произносила передъ нимъ рѣчи, выясняя ему свою политику, и народъ былъ тронутъ мною до слезъ... Словомъ, во всемъ, во всѣхъ направленіяхъ, во всѣхъ чувствахъ и человѣческихъ удовлетвореніяхъ я искала чего-то неправдоподобно-великаго... И если это не можетъ осуществиться, лучше ужъ умереть...

Пятница, 27 іюня. Мы собирались ѣхать кататься въ Булонскій лѣсъ, когда архитекторъ подошелъ къ коляскѣ: они пріѣхали сегодня утромъ, и онъ пришелъ сказать, что Жюлю немного лучше, хотя онъ еще не можетъ выходить. Ему бы такъ хотѣлось разсказать мнѣ объ успѣхѣ моей картины у всѣхъ, кому онъ показывалъ въ Алжирѣ фотографическій снимокъ съ нея.

— Въ такомъ случаѣ, мы навѣстимъ его завтра, — говоритъ мама.

— Вы не можете доставить ему большаго удовольствія. Онъ говоритъ, что ваша картина... впрочемъ нѣтъ, онъ самъ вамъ скажетъ, это будетъ лучше.

Суббота, 28 іюня. И такъ, мы отправляемся въ улицу Лежандръ.

Онъ встаетъ, чтобы принять насъ, и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ; онъ показался мнѣ какъ бы сконфуженнымъ своей перемѣной. Очень измѣнился, о, очень измѣнился! Но онъ боленъ не желудкомъ, я не докторъ, но это видно

по лицу. Я нашла его настолько измѣнившимся, что только и проговорила:

— Ну, вотъ вы и пріѣхали.

Въ немъ нѣтъ ничего отталкивающаго. Онъ былъ тотчасъ же такъ милъ, такъ дружелюбно, такъ благосклонно говорилъ о моей живописи, постоянно повторяя, чтобы я не заботилась о медаляхъ и довольствовалась успѣхомъ.

Я смѣшу его, говоря ему, что болѣзнь пошла ему впрокъ, потому что онъ начинаетъ теперь толстѣть. Архитекторъ казался въ восторгѣ, видя своего больного такимъ веселымъ и милымъ... И, ободрившись, я становлюсь болтлива. Онъ посадилъ меня у своихъ ногъ, на длинномъ стулѣ... Бѣдныя похудѣвшія ноги!.. Глаза, увеличившіеся и страшно ясные, спутанные волосы...

Но онъ очень интересенъ, и такъ какъ онъ просилъ меня объ этомъ, я пойду еще разъ.

Архитекторъ, провожавшій насъ до низу, также просилъ меня объ этомъ. «Это доставляетъ такое большое удовольствіе Жюлю, онъ такъ радъ васъ видѣть; онъ говоритъ, что у васъ большой талантъ, ей-Богу...»

Я такъ подчеркиваю его хорошій пріемъ, потому что я очень довольна этимъ.

Но это, какъ бы материнское чувство — очень спокойное, очень нѣжное, и я горжусь имъ какъ силой.

Понедѣльникъ, 30 іюня. Мнѣ стоило такихъ усилій удержаться, чтобы не прорвать моего холста ударомъ ножа. Ни одинъ уголокъ не вышелъ такъ, какъ бы мнѣ этого хотѣлось. Остается еще сдѣлать руку! А когда рука будетъ сдѣлана, придется еще столько передѣлывать!!! Этакое проклятіе.

И три мѣсяца, три мѣсяца.

Нѣтъ!!!

Я забавлялась, составляя корзинку земляники, какихъ обыкновенно нигдѣ не увидишь. Я набрала сама, съ длинными стеблями, настоящія вѣточки, и вмѣстѣ съ зелеными, изъ любви къ краскамъ... и потомъ листьевъ... Словомъ чудеснѣйшая земляника, собранная руками художницы со всевозможной изысканностью и кокетствомъ, какъ когда дѣлаешь вещь совершенно непривычную... И потомъ еще цѣлая вѣтка красной смородины.

Я ѣхала такъ по улицамъ Севра и въ конкѣ, старательно поддерживая корзинку на воздухѣ, чтобы вѣтеръ обвѣвалъ

ее, и не побекли бы отъ жары ягоды, изъ коихъ не было ни одной съ пятномъ или царапиной. Розалія смѣялась; если бы кто-нибудь изъ домашнихъ увидѣлъ васъ, барышня!

Возможно ли!..

Но это онъ своей живописью заслуживаетъ моего вниманія, а не своей особой. Но его живопись заслуживаетъ всевозможнаго вниманія!.. Такъ значитъ, это его картина будетъ ѣсть землянику?..

Вторникъ, 1 іюля. Опять этотъ ужасный Севръ!

Но я возвращаюсь рано — къ пяти часамъ. Картина почти кончена.

Но смертельная тоска мучитъ меня; ничто не идетъ у меня на ладъ.

До сихъ поръ послѣ дней самой ужасной тоски, всегда находилось что-нибудь, вновь призывавшее меня къ жизни. О, Господи, зачѣмъ Ты допускаешь меня разсуждать! Мнѣ такъ хотѣлось бы вѣрить безусловно. Я и вѣрю и не вѣрю. Когда я размышляю, я не могу вѣрить.

Но въ минуты горя или радости — первая мысль моя обращена къ Богу.

Четвергъ, 3 іюля. Сегодня въ семь часовъ утра я была у Потена. Онъ осмотрѣлъ меня довольно небрежно и посылаетъ въ *Eaux-Bonnes*. Посмотримъ еще. Но я прочла письмо, которое онъ посылалъ своему товарищу на водахъ; я его преспокойно распечатала. Онъ пишетъ, что верхушка праваго легкаго попорчена, и что я самая безалаберная и безпечная больная въ мірѣ.

Потомъ, такъ какъ еще не было восьми часовъ, я отправляюсь къ маленькому доктору въ улицу Лишенье. Онъ показался мнѣ серьезнымъ малымъ, потому что мое состояніе вызываетъ въ немъ замѣтное непріятное удивленіе, и онъ очень настаиваетъ, чтобы я пошла къ царю-науки — какому-то тамъ Бушару Гранше. Онъ говоритъ, что теперь это осложненіе моей хронической болѣзни... Вообще, онъ во что-бы то ни стало хочетъ тащить меня къ этому Гранше.

Пойду.

Чахотка! Скажите на милость!

Это, да и все остальное, да и вообще все... не Богъ вѣсть какъ забавно!

И ничего хорошаго, ничего, что могло бы меня утѣшить хоть немножко.

Парижъ, 4 іюля. Она здѣсь, въ мастерской, моя Севрская картина. Можно назвать ее **Апрѣль.** Это безразлично; только этотъ апрѣль кажется мнѣ изъ рукъ вонъ плохимъ!!!

Фонъ ярко-зеленый и въ то же время какой-то грязноватый.

Женщина совсѣмъ не то, что мнѣ хотѣлось сдѣлать, совсѣмъ не то.

Я ее намазала такъ себѣ, но это вовсе не то чувство, которое я хотѣла выразить, вовсе не то. Три мѣсяца канули въ воду!

Суббота, 4 іюля. У меня хорошенькое платье изъ сѣрой холстинки, съ корсажемъ въ родѣ рабочей блузы, безъ всякаго украшенія, кромѣ кружева на воротникѣ и рукавахъ; идеальная шляпа съ большимъ кокетливымъ кружевнымъ бантомъ въ старинномъ вкусѣ. Все это такъ идетъ ко мнѣ, что я почувствовала большое желаніе отправиться въ улицу Лежандръ... Только очень ужъ часто... Ну, такъ что-жъ! Нужно ходить по просту, по товарищески, въ качествѣ его почитательницы! онъ вѣдь такъ боленъ.

И такъ мы отправляемся туда. Мать его въ восторгѣ, похлопываетъ меня по плечу, хвалитъ мои волосы... Великому художнику немного лучше. Онъ ѣстъ передъ нами свой бульонъ и яйцо; мать его суетится, сама приноситъ то или другое, чтобы не входилъ слуга; она сама прислуживаетъ ему. Онъ находитъ все это въ порядкѣ вещей и принимаетъ наши услуги вполнѣ хладнокровно, ничему не удивляясь. Говоря о томъ, какъ онъ выглядитъ, кто-то сказалъ, что онъ долженъ былъ бы подстричь волосы, а мама разсказываетъ, что она стригла волосы своему сыну, когда онъ былъ еще мальчикомъ, и своему отцу во время его болѣзни.

— Хотите я васъ подстригу, у меня рука легкая!

Всѣ смѣются, но онъ тотчасъ же соглашается; мать его приноситъ накидку, мама приступаетъ къ дѣлу, и выходитъ изъ него съ честью. Я тоже хотѣла стригнуть одинъ разокъ, но это чудище говоритъ, что я выкину какую-нибудь глупость, и я льщу ему, сравнивая его съ Самсономъ, остриженнымъ Далилой! Это моя слѣдующая картина.

Онъ усмѣхается.

Братъ его предлагаетъ также подрѣзать бороду и приступаетъ къ этому съ благоговѣніемъ, медленно съ нѣсколько дрожащими руками.

Это мѣняетъ его лицо, и онъ не кажется больше такимъ больнымъ и измѣнившимся, мать издаетъ радостные крики:

Я опять вижу его, моего мальчика, мое милое дитя!

Что за славная женщина! Такая простая, добрая, преисполненная обожанія къ своему великому сыну... Такіе славные люди.

Понедѣльникъ, 14 іюля. Я начала курсъ лѣченія, которое должно возстановить меня. И я вполнѣ спокойна. И даже живопись пошла лучше.

Общественная скамья на Boulevard des Batignoles, или даже на avenue Wagram — всматривались ли вы въ нее, съ окружающемъ ее пейзажемъ и проходящими мимо людьми?! Чего только ни заключаетъ въ себѣ эта скамья, — какого романа, какой драмы!.. Неудачникъ, одной рукой облокотившійся о спинку скамьи, другую опустившій на колѣни, со взглядомъ, безцѣльно скользящимъ по поверхности предметовъ. Женщина и ребенокъ у нея на колѣняхъ. На первомъ планѣ женщина изъ простонародья. Приказчикъ изъ бакалейной лавки, присѣвшій, чтобы прочесть грошевую газетку. Задремавшій рабочій. Философъ или разочарованный, задумчиво курящій папироску... Быть можетъ, я вижу ужъ много, однако — всмотритесь хорошенько около пяти или шести часовъ вечера...

Вотъ оно! Вотъ оно! Мнѣ кажется, что я нашла; да, да. Быть можетъ, я не успѣю выполнить этой картины, но умъ мой успокоился. И я готова прыгнуть на одной ножкѣ.

Бываютъ, право, такія различныя минуты: иногда я рѣшительно ничего не вижу въ жизни, а потомъ съ новой силой вспыхиваетъ любовь ко всему окружающему.

Это какъ бы нахлынувшая волна...

А между тѣмъ не произошло ничего, чему можно было бы радоваться.

А! Ну, такъ вотъ же: буду находить веселыя прекрасныя стороны въ самой моей смерти; я была создана для счастья, но...

Pourquoi dans ton oeuvre céléste
Tant d'éléments si peu d'accord?..

Вторникъ, 15 іюня. Итакъ, я возвращаюсь къ своему прежнему проекту, который захватываетъ меня цѣликомъ каждый разъ, когда я вижу весь этотъ людъ на общественныхъ скамьяхъ. Всегда надо лучше брать для картины такія

сцены или фигуры, которыя не двигаются. Я само собой разумѣется, не ратую противъ воспроизведенія движенія въ искусствѣ, но только сцены бурныя не даютъ иллюзіи и истиннаго наслажденія для публики утонченной. Эти руки, поднятыя для удара и недвигающіяся, эти ноги, бѣгущія и оставшіяся на томъ же мѣстѣ, всегда производятъ какое-то тягостное впечатлѣніе, хотя это можетъ быть и безотчетно. Бываютъ однако положенія, очень оживленныя, въ которыхъ можно предположить **неподвижность** на нѣсколько секундъ —этого уже достаточно... И въ такихъ случаяхъ всегда лучше брать моментъ, слѣдующій за сильнымъ движеніемъ, чѣмъ предшествующій ему. Такъ, напр. Жанна д'Аркъ Бастьенъ-Лепажа: она услышала голоса, она бросилась куда-то впередъ, опрокинувъ свою прялку, и вдругъ остановилась, прислонясь спиной къ дереву... Но взгляните на сцены, гдѣ поднятыя руки какъ бы должны **дѣйствовать** — это можетъ быть очень сильно, но только никогда не дастъ полнаго удовлетворенія.

Или вотъ напр... **Раздача знаменъ императоромъ въ Версалѣ.** Всѣ бросаются, руки у всѣхъ подняты — однако это очень хорошо, потому что эти руки **ожидали;** и это васъ захватываетъ, трогаетъ, волненіе этихъ людей сообщается и вамъ, вы раздѣляете ихъ нетерпѣніе. Стремительность и движеніе тутъ поразительны, и именно потому, что **можно представить себѣ** моментъ остановки, когда всѣ они **замерли,** моментъ, когда вы можете **спокойно созерцать** эту сцену, какъ нѣчто **дѣйствительно существующее,** а не простую картину.

Но ничто не можетъ сравниться съ величіемъ сюжетовъ, изображающихъ покой — одинаково какъ въ живописи, такъ и въ скульптурѣ.

Человѣкъ посредственнаго дарованія можетъ еще сдѣлать что нибудь съ драматическимъ сюжетомъ, но онъ ничего не подѣлаетъ съ сюжетомъ, изображающимъ покой.

Посмотрите на **Моисея** Микель-Анджело Онъ **неподвиженъ, но онъ живетъ. Его Мыслитель** не двигается, не говоритъ, но только потому, что еще не хочетъ говорить; это совершенно живой человѣкъ, погрузившійся въ свои мысли.

Pas-mèche Бастьенъ-Лепажа смотритъ на васъ и слушаетъ, и того гляди — заговоритъ, до того онъ живой. Въ его **Сѣнокосѣ** — человѣкъ, лежащій на спинѣ, съ лицомъ, закрытымъ шляпой, спитъ, но онъ живетъ. Сидящая и мечтающая

женщина не движется, и все-таки чувствуешь, что она живая. Только сюжетъ, изображающій покой, можетъ дать полное удовлетвореніе; онъ даетъ время вникнуть, углубиться въ него, прозрѣть въ немъ его жизнь.

Невѣжды воображаютъ, что это **легче** сдѣлать.

Скажите на милость!

«Я когда-нибудь умру отъ негодованія передъ безконечностью человѣческой глупости», какъ говоритъ Флоберъ. Вѣдь вотъ уже тридцать лѣтъ, что въ Россіи пишутъ дивныя вещи. Читая **Войну и миръ** Толстого, я была до того поражена, что воскликнула: да вѣдь это второй Зола!

Теперь, правда, они посвящаютъ, наконецъ, нашему Толстому этюдъ въ *Revue des deux mondes*, и мое русское сердце прыгаетъ отъ радости. Этотъ этюдъ принадлежитъ Вогюэ, который былъ секретаремъ при русскомъ посольствѣ и, изучивъ литературу и нравы, посвятилъ уже нѣсколько этюдовъ моей великой прекрасной родинѣ. А ты, негодная! Ты живешь во Франціи и предпочитаешь быть иностранкой! Если ты такъ любишь свою прекрасную, великую, чудесную Россію, поѣзжай туда и работай тамъ. Но я работаю также во славу моей родины... если у меня со временемъ разовьется такой талантъ, какъ у Толстого.

Но если бы у меня не было моей живописи, **я бы поѣхала**! Честное слово, я бы поѣхала. Но моя работа поглощаетъ всѣ мои способности, и все остальное является только интермедіей, только забавой.

Понедѣльникъ, 21 іюня. Я гуляла болѣе четырехъ часовъ, отыскивая уголокъ, который могъ бы послужить фономъ для моей картины. Это улица или даже одинъ изъ внѣшнихъ бульваровъ; надо еще выбрать... Очевидно, что общественная скамья внѣшняго бульвара носитъ совершенно другой характеръ, чѣмъ скамья на Елисейскихъ поляхъ, гдѣ садятся только консіержи, грумы, кормилицы съ дѣтьми, да еще какіе-нибудь хлыщи. Скамья внѣшняго бульвара представляетъ больше матеріала для изученія: тамъ больше души, больше драматизма!.. И какая поэзія въ одномъ этомъ неудачникѣ, присѣвшемъ на краю скамейки: въ немъ дѣйствительно видишь **человѣка...** Это достойно Шекспира...

И вотъ меня уже охватила безумная тревога передъ открытымъ мною сокровищемъ: если оно ускользнетъ отъ меня,

если я не смогу этого выполнить, если мнѣ не хватитъ времени, если... Послушайте, если у меня нѣтъ таланта, небо просто издѣвается надо мной, потому что оно заставляетъ меня переживать всѣ муки генія!..

Пятница, 1 августа. Когда я буду угощать васъ чувствительными фразами, не поддавайтесь слишкомъ большому впечатлѣнію. Изъ двухъ моихъ я, стремящихся къ жизни, одно говоритъ другому: — «А ну-ка, испытай что-нибудь...» И это другое я, готовое расчувствоваться, всегда подавлено первымъ я, «я» — зрителемъ, вѣчно стоящимъ на своемъ наблюдательномъ посту и стерегущимъ другого.

Неужели это всегда такъ будетъ?.. Какъ же любовь-то? Да знаете, мнѣ кажется, что это невозможно, когда вѣчно видишь человѣческую природу подъ микроскопомъ. Другіе — настоящіе счастливцы; они видятъ все какъ разъ настолько, насколько нужно.

А я... если угодно, я даже не живописецъ, не скульпторъ, не музыкантъ, не женщина, не подруга: **все** обращается для меня въ предметъ наблюденія, размышленія, анализа. Взглядъ, образъ, звукъ, радость, горе — все это немедленно изслѣдуется, взвѣшивается, провѣряется, классифицируется, отмѣчается, и когда я сказала или записала, я удовлетворена.

Суббота, 9 августа. Моя картина уже набросана красками. Но часто силы оставляютъ меня.

Я должна бросать кисти и лежа отдыхать; а когда я поднимаюсь, голова у меня такъ кружится, что на нѣсколько секундъ я ровно ничего не вижу... И до такой степени, что въ пять часовъ я должна была бросить мой холстъ и отправиться въ лѣсъ, погулять въ его пустынныхъ аллеяхъ.

Понедѣльникъ, 11 августа. Я вышла изъ дому въ пять часовъ утра, чтобы набросать эскизъ, но на улицахъ уже былъ народъ, и я съ бѣшенствомъ должна была вернуться. Ихъ собралось до двадцати человѣкъ вокругъ кареты!

Вторникъ, 12 августа. Вообще, друзья мои, все это означаетъ, что я больна. Я сдерживаюсь и борюсь; но сегодня утромъ, мнѣ казалось, я была на одинъ мигъ отъ того, чтобы сложить руки, лечь и ни за что больше не приниматься... но тутъ же почувствовала, что силы понемногу возвращаются и пошла отыскивать аксессуары для своей картины. Моя слабость и мои постоянныя занятія какъ бы удаляютъ меня отъ реальнаго міра; но никогда еще я не понимала его съ такой

ясностью, съ какой-то особенной отчетливостью, невозможной при обыкновенныхъ условіяхъ.

Все представляется такъ подробно, все кажется такъ прозрачно, что сердце почему-то сжимается грустью...

И я, круглая невѣжда и въ сущности слишкомъ еще молодая, разбираю нескладныя фразы величайшихъ писателей и глупыя измышленія знаменитѣйшихъ поэтовъ... А что касается газетъ и журналовъ, — я просто не могу прочесть трехъ строкъ, не возмущаясь до глубины души. И не только изъ-за этого кухоннаго языка, но изъ-за идей ихъ... ни слова правды! все условлено или оплачено!

Нигдѣ — ни доброжелательства, ни искренности.

А когда видишь всѣми уважаемыхъ, **почтенныхъ** людей, которые, въ интересахъ своей партіи, лгутъ напропалую или говорятъ вздоръ, которому сами не могутъ вѣрить! Глаза бы не глядѣли!...

Мы возвратились къ обѣду отъ Бастьена, который все еще лежитъ, но лицо его спокойно и глаза прояснились. У него сѣрые глаза, чарующая красота которыхъ недоступна, разумѣется, для обыкновенныхъ людей. Понимаете ли вы меня? — Глаза, видѣвшіе **Жанну д'Аркъ.** Мы съ нимъ говорили о ней. Онъ жалуется на то, что не былъ понятъ. А я говорю ему, что онъ былъ понятъ всѣми, кто только что-нибудь изъ себя представляетъ, и что о его **Жаннѣ д'Аркъ** — думаютъ такія вещи, которыя невозможно высказать ему въ глаза.

Суббота, 16 августа. Сегодня первый день, что я по настоящему работала на извозчикѣ, и я такъ разбита этой работой, что должна была взять душъ и т. п. Но какъ славно себя чувствуешь! Архитекторъ устанавливалъ сегодня мой холстъ. Брату получше. Онъ былъ сегодня въ Булонскомъ лѣсу. Его спустили и подняли на лѣстницу въ креслѣ.

Итакъ, онъ, значитъ, ускользаетъ отъ насъ, если ему лучше... Невозможно же въ самомъ дѣлѣ бывать у человѣка, который уже выходитъ. Не слѣдуетъ однако преувеличивать. Онъ былъ въ лѣсу, снесенный въ креслѣ, а потомъ долженъ былъ лечь... Это еще не значитъ, что онъ выходитъ.

Вторникъ, 19 августа. Я до того измучена, что едва въ силахъ надѣть холстинковое платье безъ корсета, чтобы выйти и пойти къ Бастьену. Его мать встрѣчаетъ насъ упреками. Три дня! Цѣлые три дня не приходили! Это ужасъ, что такое.

А при входѣ въ комнату Эмиль повторяетъ: «Какъ? Значитъ конецъ нашей дружбѣ!..»

— Что же это? Вы меня совсѣмъ покинули! — говорилъ онъ самъ. — Это нехорошо съ вашей стороны!

Мое тщеславіе требовало бы, чтобы я повторила здѣсь всѣ его любезные упреки и увѣренія, что ни въ какомъ, ни въ какомъ случаѣ ему не можетъ показаться, что мы приходимъ слишкомъ часто.

Пятница, 22 августа. Все кончено. Онъ приговоренъ. Бодъ сказалъ это мамѣ.

Бодъ его большой другъ; онъ ему написалъ большое письмо изъ Алжира. То, которое я читала.

Такъ кончено! Возможно ли?

Но я еще не могу отдать себѣ отчета, какое впечатлѣніе производитъ на меня это ужасное извѣстіе. Это совсѣмъ новое чувство: видѣть человѣка, приговореннаго къ смерти.

Вторникъ, 26 августа. Всѣ смутныя мысли, кружившіяся и наполнявшія мой мозгъ, остановились и сосредоточились на этой черной точкѣ. Вѣдь это въ первый разъ представлялся случай... это нѣчто совсѣмъ новое: человѣкъ... человѣкъ, великій художникъ и... какъ вы уже знаете...

Приговоренный къ смерти...

И это серьезно.

И я заранѣе буду думать каждый день, что онъ умираетъ? Это ужасно.

Я какъ-то вся подобралась, втянувъ голову между плечами, и жду удара.

Не было ли такъ и всю мою жизнь?.. Когда долженъ придти ударъ, я жду его стойко и твердо. Потомъ уже я обсуждаю его и возмущаюсь и начинаю живо ощущать его, — когда все уже кончено.

Не могу двухъ словъ связать вмѣстѣ... Но не думайте, что я въ отчаяніи, я только пришиблена и невольно спрашиваю себя, что же это такое будетъ?

Суббота, 30 августа, Дѣло пошло не на шутку. Я ничего не дѣлаю... Съ тѣхъ поръ, какъ я кончила мою Севрскую картину, я ничего не сдѣлала, кромѣ какихъ-то двухъ жалкихъ экрановъ.

Я сплю цѣлыми часами средь бѣла дня... Я, правда, хорошо сдѣлала свой маленькій этюдъ, да вѣдь это что-жъ, — курамъ на смѣхъ!

Картина уже установлена, все готово, только меня не достаетъ.

А если бы я сказала все!.. Такое ужасное опасеніе...

На дворѣ сентябрь, скверное время уже не далеко.

Малѣйшая простуда можетъ свалить меня съ ногъ на два мѣсяца; потомъ еще выздоровленіе... А картина-то!.. Всѣмъ пожертвовать и въ результатѣ...

О, вотъ когда хотѣлось бы вѣрить въ Бога и молиться...

Да, это боязнь заболѣть; въ томъ состояніи, въ которомъ я теперь нахожусь, какой-нибудь плевритъ въ шесть недѣль покончитъ со мной.

Такъ вотъ какъ я покончу...

Я буду работать надъ картиной... несмотря ни на что, какъ бы холодно ни было... Все равно, не за работой, такъ на какой-нибудь прогулкѣ: тѣ, которые не занимаются живописью, тоже вѣдь умираютъ...

Такъ вотъ онъ, конецъ всѣхъ этихъ треволненій! Столько стремленій, столько желаній, столько проектовъ, столько... чтобы умереть въ 24 года на порогѣ всего!..

И вѣдь я предвидѣла это: Богъ не могъ дать мнѣ — безъ особеннаго, несправедливаго пристрастія ко мнѣ — все необходимое для моей жизни, и потому пошлетъ мнѣ смерть.

Среда, 2 сентября. Я дѣлаю рисунокъ для **Фигаро,** но съ часовымъ перерывомъ. Ужасная лихорадка. Я больше не могу. Я еще никогда не была такъ больна; но такъ какъ я никому не говорю объ этомъ, я выхожу и работаю. Къ чему говорить? Я больна. И того довольно! Развѣ это поможетъ, если я буду болтать объ этомъ! Но выходить?.. Это такая болѣзнь, которая позволяетъ выходить въ минуты, когда чувствуешь себя нѣсколько лучше.

Четвергъ, 11 сентября. Я начала во вторникъ этюдъ голенькаго ребенка; это пригодится для какого-нибудь сюжета, если только удастся.

Вчера приходилъ архитекторъ. Братъ его спрашиваетъ, почему мы такъ давно не были. Мы отправляемся въ Булонскій лѣсъ уже довольно поздно, къ тому времени, когда онъ дѣлаетъ свою обычную прогулку. Я прихожу, усаживаюсь на его обычное мѣсто. Можно себѣ представить удивленіе всѣхъ трехъ ихъ, когда они насъ тамъ находятъ. Онъ протягиваетъ мнѣ обѣ руки, а на возвратномъ пути онъ ѣдетъ въ нашей каретѣ, а тетя — съ его матерью.

Суббота, 13 сентября. Мы друзья, онъ насъ любитъ, онъ меня уважаетъ, онъ меня любитъ, я интересую его. Онъ сказалъ вчера, что напрасно я мучусь, что я должна была бы... считать себя очень счастливой... Ни одна женщина, говоритъ онъ, не имѣла еще такого успѣха, да еще въ такое короткое время работы...

— Васъ знаютъ. Такъ и говорятъ: m-lle Башкирцева, — и всѣ знаютъ васъ. Настоящій успѣхъ! Да вѣдь вамъ—этого мало: подавай вамъ два **Салона** въ годъ. Достигнуть, достигнуть какъ можно скорѣе... Впрочемъ это естественно — при честолюбіи. Я самъ прошелъ черезъ это и т. п.

А сегодня онъ говоритъ:

— Меня видятъ съ вами въ одномъ экипажѣ! Хорошо еще, что я боленъ, а то сказали бы, что я дѣлаю ваши картины.

— Да и такъ ужъ говорили! — прибавилъ архитекторъ.

— Да не въ печати, по крайней мѣрѣ...

— Этого еще не доставало!

Среда, 17 сентября. Рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы я не мучилась воспоминаніемъ о моемъ отцѣ. Я должна была поѣхать и ухаживать за нимъ до самаго конца. Онъ ничего не сказалъ, но это потому, что онъ—въ родѣ меня,—но онъ долженъ былъ жестоко чувствовать мое отсутствіе. Какъ могла я!.. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ Бастьенъ-Лапажъ тутъ, и мы такъ часто бываемъ у него, балуя и ублажая его на всѣ лады... Какъ это было дурно... Мама — это совсѣмъ другое дѣло, — она не жила съ нимъ очень долго, и сошлась опять только какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ; но я — дочь!

И Богъ накажетъ меня за это... А между тѣмъ — Господи! если поглубже всмотрѣться въ дѣло... мы ничѣмъ не обязаны нашимъ родителямъ, если они не окружаютъ насъ своими заботами послѣ нашего появленія на свѣтъ.

И тѣмъ не менѣе... Но мнѣ некогда какъ слѣдуетъ обсудить этотъ вопросъ. Не только Бастьенъ-Лепажъ вызываетъ во мнѣ угрызеніе... У меня есть совѣсть, и эта совѣсть упрекаетъ меня за мой поступокъ.

Я ровно ничего не знаю... и все-таки я молюсь — вопреки разуму:

Si le ciel est dèsert; n'offensons personne;
Si quelqu'un nous entend, qu'il nous prenne en pitié.

Четвергъ. 18 сентября. Я видѣла Жуліана. Мнѣ его не хватало. Но мы уже такъ давно не видались, что намъ почти не о чемъ говорить. Онъ находитъ, что я имѣю видъ человѣка, достигшаго своего, успокоеннаго, живущаго только для искусства, — остальное не стоитъ вниманія.

У Бастьена-Лепажа собралась вся его семья: мать и дочери. Онѣ останутся до самаго конца; но онѣ, повидимому, самыя обыкновенныя болтушки.

Это чудовище Бастьенъ-Лепажъ заботится обо мнѣ; онъ хочетъ, чтобы я въ одинъ мѣсяцъ вылѣчилась отъ моего кашля; онъ застегиваетъ мнѣ мою кофточку и безпокоится, хорошо ли я укутана.

Одинъ разъ, когда онъ легъ, и всѣ собравшіеся около него сѣли, по обыкновенію, слѣва отъ него, а я сѣла справа, онъ повернулся ко всѣмъ спиной, устроился поудобнѣе, и принялся тихонько говорить со мной объ искусствѣ.

Да, конечно, онъ ко мнѣ расположенъ, и даже есть нѣкоторый оттѣнокъ эгоизма въ его расположеніи. Когда я ему сказала, что съ завтрашняго дня примусь за работу, онъ отвѣтилъ:

О, нѣтъ еще! Не покидайте меня.

Пятница, 19 сентября. Ему хуже. Мы не знали, что дѣлать — уйти или остаться — передъ этимъ человѣкомъ, кричавшимъ отъ боли, потомъ улыбавшимся намъ. Уйти — значитъ показать ему, что онъ плохъ, а остаться — какъ на какомъ-нибудь зрѣлищѣ, — въ то время, какъ онъ корчился отъ боли...

Я ужасна, я говорю объ этомъ такъ неделикатно, мнѣ кажется, что можно было бы найти выраженія болѣе... т. е. менѣе... Бѣдный!

1 октября. Такая усталость и такая тоска!

Къ чему писать?

Бастьенъ-Лепажу со дня на день — хуже.

Я не могу работать.

Картина моя не будетъ кончена...

Вотъ, вотъ, вотъ...

Онъ уходитъ отъ насъ и очень страдаетъ. Когда находишься тамъ, какъ будто отрываешься отъ земли; онъ паритъ уже гдѣ-то выше насъ. Бываютъ дни, когда и я чувствую себя такъ. Видишь людей, они говорятъ съ тобой, отвѣчаешь имъ, но уже не чувствуешь себя на землѣ — какое-то спокойное,

уже не мучительное равнодушіе, какъ будто грезы въ опіумѣ... Такъ онъ умираетъ. Я иду туда только по привычкѣ. Это только тѣнь его. Я тоже на половину только тѣнь. Къ чему же? Онъ не чувствуетъ особенно моего присутствія; я не нужна ему; я не обладаю даромъ оживлять глаза его. Ему пріятно видѣть меня — вотъ и все. Да, онъ умираетъ, и мнѣ это все равно. Точно что-то ускользаетъ мало-по-малу.

Впрочемъ — все кончено. Все кончено. Въ 1885 г.—меня похоронятъ.

Четвергъ, 9 октября. Вы видите — я ничего не дѣлаю. У меня все время лихорадка. Оба мои доктора ничего не стоятъ. Я позвала Потена и опять отдалась въ его лапы. Онъ меня вылѣчилъ одинъ разъ. Онъ добръ, внимателенъ, честенъ. Но кажется, что моя худоба и все остальное зависитъ не отъ груди; это совершенно случайная, схваченная мною штука, о которой я не говорила, надѣясь, что и такъ пройдетъ, и заботясь только о легкихъ, которыя не въ худшемъ состояніи, чѣмъ прежде. Но къ чему докучать вамъ всѣми моими недугами! Дѣло въ томъ, что я не могу ничего дѣлать!.. Ничего! Вчера я начала одѣваться, чтобы поѣхать въ лѣсъ, и два раза готова была отказаться отъ этого—такая слабость. Но все-таки я туда добралась. M-me Бастьенъ-Лепажъ уѣхала въ Дамвиллерсъ, на виноградный сборъ, но хотя около него и остались другія дамы, онъ все-таки радъ намъ.

Воскресенье, 12 октября. Я уже не могла выйти.

Я совсѣмъ больна, хотя и не лежу.

О, Боже мой, Боже мой! А моя картина, моя картина, моя картина!

Жуліанъ пришелъ навѣстить меня. Такъ, значитъ, уже говорятъ, что я больна?

Увы! какъ скрыть это? И какъ пойти къ Бастьенъ-Лепажу.

Четвергъ, 16 октября. У меня ежедневно ужасныя истощающія лихорадки. Я провожу цѣлые дни въ залѣ, переходя съ кресла на диванъ.

Дина читаетъ мнѣ романъ.

Я болѣе совсѣмъ не могу выходить, но бѣдный Бастьенъ-Лепажъ выходитъ. Его приносятъ сюда, онъ устраивается въ креслѣ, вытянувъ ноги на подушкахъ. Я — совсѣмъ подлѣ, въ другомъ креслѣ, и такъ время проходитъ до шести часовъ. Я укутана массой кружевъ, плюша. Все это бѣлое,

только разныхъ оттѣнковъ. У Бастьенъ-Лепажа глаза расширяются отъ удовольствія.

— О, если бы я могъ писать!

А я!

Кончена картина этого года.

Суббота, 18 октября. Бастьенъ-Лепажъ приходитъ почти ежедневно. Мать его возвратилась, и пришли всѣ втроемъ.

Потенъ приходилъ вчера. Мнѣ не лучше.

Воскресенье, 19 октября. За обѣдомъ у насъ были Тони и Жуліанъ.

Понедѣльникъ, 20 октября. Несмотря на прекрасную погоду Бастьенъ-Лепажъ вмѣсто того, чтобы отправиться въ лѣсъ приходитъ ко мнѣ. Онъ почти не можетъ ходить, братъ поддерживаетъ его подъ руки, почти несетъ его.

Одинъ разъ въ креслѣ ему сдѣлалось дурно... А разные бездѣльники преспокойно здравствуютъ... Эмиль — превосходный братъ. Онъ сноситъ и втаскиваетъ Жюля на своихъ плечахъ въ ихъ третій этажъ. Дина оказываетъ мнѣ такую же преданность.—Вотъ уже два дня какъ постель моя въ большой гостиной, но она разгорожена ширмами, табуретами, роялемъ, такъ что совсѣмъ незамѣтно... Мнѣ слишкомъ трудно подниматься по лѣстницѣ...

. . . .

. . . . , , ,

(На этомъ кончается дневникъ. — Марія Башкирцева умерла одиннадцать дней спустя, 31 октября 1884 года).

Конецъ.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССІЯ

